

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., О. А. Козадеров, д-р хим. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С.А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Сирота А.А., д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А.Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; О. Н. Чарыкова, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык).

Адрес редакции,
издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Андрианова Д. В.</i> О РАЗВИТИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА ТРЕПЕТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОПОЛНЕНИЙ К «БОЛЬШОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ РУССКОГО ЯЗЫКА»).....	5
<i>Бакунцев А. В., Морозов С. Н.</i> СБОРНИК КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ И. А. БУНИНА 1911–1953 ГГ. КАК НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ ЧАСТЬ 2. СТРУКТУРА И ТЕКСТОЛОГИЯ.....	8
<i>Бердникова О. А.</i> «ПУЛЯ, ИМ ОТЛИТАЯ, ОТЫЩЕТ ГРУДЬ МОЮ...» К 100-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ Н. С. ГУМИЛЕВА (1886–1921)..	13
<i>Воротникова А. Э.</i> ФЕНОМЕН ТЕЛЕСНОСТИ В РОМАНЕ А. КОЗЛОВОЙ «F20».....	18
<i>Динь Тхи Хонг Тхам.</i> НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ С ФОРМАНТОМ -СЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	23
<i>Дьякова Т. А.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ АРХАИЗМОВ-НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО.....	25
<i>Заварницына Н. М.</i> «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО: ДИАЛОГ С Н. ГОГОЛЕМ.....	28
<i>Калашникова А. Л., Юнг Д. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ЦИКЛЕ И. А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ».....	32
<i>Колесникова Е. И.</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СПЕЦИФИКИ СЕМАНТИКИ СЛОВА «РАБОТА».....	36
<i>Колобов В. В.</i> ПРОЦЕСС СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ В ДНЕВНИКАХ И РАБОЧИХ ТЕТРАДЯХ А. Т. ТВАРДОВСКОГО И А. В. ЖИГУЛИНА.....	39
<i>Лесных Н. В., Тернова Т. А.</i> АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ ТЕКСТОСТРОЕНИЯ В ПЬЕСЕ М. УГАРОВА «ПРАВОПИСАНИЕ ПО ГРОТУ».....	44
<i>Любарский Р. В.</i> ТРАГИЧНОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ ГЕРОЕВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ПЕСНЕ «ГИНДЕНБУРГ» ГРУППЫ «ИЗУМРУДНЫЙ ГОРОД».....	48
<i>Нагина К. А., Коротаева Н. В.</i> ФИГУРА Л. Н. ТОЛСТОГО В РЕЦЕПЦИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО: ТОЛСТОЙ ПРОТИВ ДОСТОЕВСКОГО.....	53
<i>Рыбачева Л. В.</i> ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ.....	57
<i>Селезнева К. О.</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «ОБРАЗОВАНИЕ».....	60
<i>Соу Умар.</i> ГЕРОИНИ А. П. ЧЕХОВА 1900-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОИСКОВ «РУБЕЖА ВЕКОВ».....	63
<i>Старостенко Т. Е.</i> ТЕКСТ КАК ДИАЛОГ.....	66
<i>Стернина М. А.</i> ВЫЯВЛЕНИЕ СТЕПЕНИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ СЕМАНТИКИ В РАМКАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО МЕТОДА АНАЛИЗА ЯЗЫКА (ОБЗОР ОСНОВНЫХ МЕТОДИК).....	72
<i>Стрельникова Е. С.</i> «ЛИЛИЧКА! ВМЕСТО ПИСЬМА» В. МАЯКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ АВТОРСКОЙ МИФОЛОГИИ.....	76
<i>Сузрюкова Е. Л.</i> ОБРАЗ МАТЕРИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА.....	79

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Ба Харон Абдулрахман Хассан, Хорольский В. В.</i> ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗИРОВАННЫЙ ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ В ЙЕМЕНЕ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В АРАБОЯЗЫЧНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	84
<i>Базикян С. А.</i> КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИАПРОЕКТОВ О КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ COLTA.RU)	88
<i>Баканов Р. П., Сабирова Л. Р.</i> ИНТЕРВЬЮ В СИСТЕМЕ ЖАНРОВ СМИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: ТВОРЧЕСКО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ.....	92
<i>Бик-Булатов А. Ш.</i> СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЫПУСКНИКОВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «БРАТЧИНА» (1859 Г.) И ОТЗЫВ НА НЕГО Н. А. ДОБРОЛЮБОВА	96
<i>Гладышева С. Н. С.</i> ГУМИЛЕВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ	100
<i>Го Лицзюнь.</i> ОБРАЗ КИТАЯ В РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНО ОРИЕНТИРОВАННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	104
<i>Данг Тхи Тхан.</i> ПОДГОТОВКА ВЬЕТНАМСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	109
<i>Землянский А. В.</i> ИНФОДЕМИЯ: ГЕНЕЗИС И МОРФОЛОГИЯ ЯВЛЕНИЯ.....	111
<i>Игнатова И. Б., Зубаркина Е. С.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА В ПРОСТРАНСТВЕ НОВЫХ МЕДИА.....	115
<i>Кодола Н. В.</i> ВОЖАТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНЕЦ» В 60-Е ГОДЫ XX ВЕКА.....	118
<i>Колесниченко А. В., Люкайтис Д. В., Эшкинина У. Ю.</i> ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА РЕДАКЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ РОССИЙСКИХ СМИ.....	123
<i>Красовская Е. В.</i> БЕЛОРУССКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ: ОТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ 1990-Х — К ПОИСКУ НОВОЙ ФИНАНСОВОЙ МОДЕЛИ В 2020-Х.....	129
<i>Маркина Ю. В.</i> КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГЕМ И ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОЛОГЕМ В МАССМЕДИА.....	133
<i>Мельник Н. Д.</i> ЖУРНАЛ «ВЕСЫ» (1904–1909) КАК ГЛАВНЫЙ ОПОТ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА	138
<i>Миронова М. А.</i> ДИЗАЙН САЙТОВ ВЕДУЩИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ	142
<i>Мухина О. С.</i> СТРИМ КАК НОВЫЙ ЖАНР СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	146
<i>Назайкин А. Н.</i> РЕКЛАМА ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТЕ.....	148
<i>Пронина Е. Е., Стока К. Б.</i> КВАЗИЭТИКА НЕОГУМАНИЗМА: ТЕХНОЛОГИЯ СМУТЫ	152
<i>Семенова М. Г., Алексеев П. Э.</i> СПЕЦИФИКА ОВЕРЛЕЯ КАК ИНСТРУМЕНТА РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА СТРИМИНГОВОЙ ПЛАТФОРМЕ TWITCH.....	158
<i>Стрыгина О. А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА СЕТЕВЫХ СМИ.....	161
<i>Цуканова М. И.</i> ВОРОНЕЖСКОЕ РАДИО ДЛЯ ДЕТЕЙ: РАЗВИТИЕ ДЕТСКОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В СЕРЕДИНЕ XX СТОЛЕТИЯ	164
<i>ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ</i>	167

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2021. № 4. October – December

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Andrianova D. V.</i> ABOUT THE DEVELOPMENT OF MEANINGS OF THE WORD THRILL (BASED ON MATERIALS FROM THE SUPPLEMENTS TO THE "BIG ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE")	5
<i>Bakuntsev A. V., Morozov S. N.</i> THE COLLECTION OF CRITICISM AND JOURNALISM BY I. A. BUNIN 1911–1953 AS A SCIENTIFIC PROJECT. PART 2. STRUCTURE AND TEXTOLOGY.....	8
<i>Berdnikova O. A.</i> "PULYA, IM OTLITAYA, OTYSHCHET GRUD' MOYU..." TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE DEATH OF N. S. GUMILYOV (1886–1921).....	13
<i>Vorotnikova A. E.</i> THE PHENOMENON OF PHYSICALITY IN THE NOVEL "F20" BY A. KOZLOVA	18
<i>DinThi Huong Tham.</i> RUSSIAN VERBS WITH THE FORMANT -XIA IN THE MIRROR OF THE VIETNAMESE LANGUAGE	23
<i>Diakova T.A.</i> FUNCTIONING OF LEXICAL ARCHAISMS-NAMES OF PERSONS IN WORKS MIKHAIL MATUSOVSKY.....	25
<i>Zavarnitsina N. M.</i> "LITTLE MAN" IN THE ART WORLD OF S. D. KRZHIZHANOVSKY: DIALOGUE WITH N. GOGOL.....	28
<i>Kalashnikova A. L., Yung D. A.</i> FEATURES OF THE ARTISTIC SPACE IN I. A. BUNIN'S CYCLE "DARK ALLEYS"	32
<i>Kolesnikova E. I.</i> KOLESNIKOVA E. I. PSYCHOLINGUISTIC DESCRIPTION OF GENDER SPECIFIC SEMANTICS OF THE WORD "WORK"	36
<i>Kolobov V. V.</i> THE PROCESS OF SINYAVSKY AND DANIEL IN THE DIARIES AND WORKBOOKS OF A. T. TVARDOVSKY AND A. V. ZHIGULIN.....	39
<i>Lesnykh N. V., Ternova T.A.</i> THE AUTHOR'S STRATEGY OF TEXT-BUILDING IN M. UGAROV'S PLAY "PRAVOPISANIYE PO GROTU"	44
<i>Lubarsky R. V.</i> THE TRAGIC ATTITUDE OF THE HEROES IN THE CONTEXT OF HISTORICAL EVENTS IN THE SONG "HINDENBURG" BY THE GROUP "EMERALD CITY"	48
<i>Nagina K. A., Korataeva N. V.</i> THE IMAGE OF L. N. TOLSTOY IN THE RECEPTION OF D. S. MEREZHKOVSKY: TOLSTOY VS. DOSTOEVSKY.....	53
<i>Rybacheva L. V.</i> THE EXPRESSIVE AND STYLISTIC POTENTIAL OF INSERTION CONSTRUCTIONS IN MODERN PUBLICISM.....	57
<i>Selezneva K. O.</i> SELEZNEVA K.O. PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH OF THE LEXEME "EDUCATION"	60
<i>Sow Oumar.</i> THE HEROINES OF A. P. CHEKHOV OF THE 1900S IN THE CONTEXT OF THE ARTISTIC SEARCH FOR THE «TURN OF THE CENTURY».....	63
<i>Starostenko T. Y.</i> TEXT AS DIALOGUE	66
<i>Sternina M. A.</i> IDENTIFICATION OF THE DEGREE OF NATIONAL PECULIARITY OF SEMANTICS IN THE FRAMEWORK OF THE COMPARATIVE-PARAMETRIC METHOD OF LANGUAGE ANALYSIS.....	72
<i>Strelnikova E. S.</i> "LILICHKA! INSTEAD OF A LETTER" BY V. MAYAKOVSKY IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF AN INDIVIDUAL AUTHOR'S MYTHOLOGY	76
<i>Suzryukova E. L.</i> THE IMAGE OF THE MOTHER IN THE WORKS OF V. A. NIKIFOROV-VOLGIN	79

JOURNALISM

<i>Ba Haron Abdulrahman Hassan, Khorolsky V. V.</i> INTERNATIONALIZED ARMED CONFLICT IN YEMEN AS AN OBJECT OF INFORMATION WARS IN THE ARABIC MEDIA SPHERE.....	84
<i>Bazikyan S. A.</i> COMMUNICATIVE ANALYSIS OF MEDIA PROJECTS ABOUT CULTURE (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN ONLINE PUBLICATIONS COLTA.RU)	88
<i>Bakanov R. P., Sabirova L. R.</i> INTERVIEWS IN THE MEDIA GENRES SYSTEM OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN: CREATIVE AND PROFESSIONAL DEFORMATION	92
<i>Bik-Bulatov A. Sh.</i> MISCELLANY «BRATCHINA» (1859) BY KAZANS' UNIVERSITY GRADUATES AND N. A. DOBROLYUBOV'S RESPONSE TO THIS COLLECTION	96
<i>Gladysheva S.N.</i> N. S. GUMILEV IN THE JOURNALISM OF THE FIRST WAVE EMIGRANTS.....	100
<i>Guo Lijun.</i> THE IMAGE OF CHINA IN THE RUSSIAN CULTURE-ORIENTED MEDIA DISCOURSE	104
<i>Dang Thi Than.</i> TRAINING OF VIETNAMESE JOURNALISTS IN THE DIGITAL AGE	109
<i>Zemlyanskiy A. V.</i> INFODEMIC: GENESIS AND MORPHOLOGY OF THE PHENOMENON	111
<i>Ignatova I. B., Zubarkina E. S.</i> TRANSFORMATION OF JOURNALISTIC TEXT IN THE SPACE OF NEW MEDIA.....	115
<i>Kodola N. V.</i> LEADERSHIP MOVEMENT ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER «LENINETS» IN THE 60S OF THE TWENTIETH CENTURY	118
<i>Kolesnichenko A. V., Lyukaitis D. V., Eshkinina U. Yu.</i> THE IMPACT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC ON THE EDITORIAL MANAGEMENT OF RUSSIAN MEDIA	123
<i>Krasovskaya E. V.</i> BELARUSIAN REGIONAL NEWSPAPERS: FROM THE TYPOLOGICAL DIVERSITY OF THE 1990S – TO SEARCH FOR A NEW FINANCIAL MODEL IN THE 2020S	129
<i>Markina Y. V.</i> CONSTRUCTION OF LINGUISTIC IDEOLOGEMES AND POLITICAL MYTHOLOGEMES IN MASS MEDIA.....	133
<i>Melnik N. D.</i> THE MAGAZINE VESY (1904–1909) AS THE MAIN STRONGHOLD OF RUSSIAN SYMBOLISM	138
<i>Mironova M. A.</i> DESIGN OF LEADING WEBSITES FOREIGN NEWS AGENCIES.....	142
<i>Mukhina O. S.</i> STREAM AS A NEW GENRE OF MODERN JOURNALISM.....	146
<i>Nazaykin A. N.</i> ADVERTISING OF E-TEXTS ON THE INTERNET	148
<i>Pronina E. E., Stoka K. B.</i> THE ETHICS OF NEOHUMANISM AND THE PRACTICE OF SELF-DEFENCE	152
<i>Semenova M. G., Alekseev P. E.</i> THE SPECIFICS OF THE OVERLAY AS A TOOL FOR ADVERTISING COMMUNICATION ON THE TWITCH STREAMING PLATFORM	158
<i>Strygina O. A.</i> CURRENT ISSUES OF LANGUAGE TRANSFORMATION ONLINE MEDIA	161
<i>Tsukanova M. I.</i> VORONEZH RADIO FOR CHILDREN: DEVELOPMENT OF CHILDREN'S RADIO BROADCASTING IN THE MIDDLE OF THE XX CENTURY	164
SUBMISSION GUIDELINES.....	167

О РАЗВИТИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА ТРЕПЕТ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДОПОЛНЕНИЙ К «БОЛЬШОМУ
АКАДЕМИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ РУССКОГО ЯЗЫКА»)

Д. В. Андрианова

Институт лингвистических исследований Российской академии наук

Поступила в редакцию 20 сентября 2021 г.

Аннотация: в статье последовательно рассматривается логика развития современных словарных значений слова *трепет* от обозначения физически воспринимаемого явления внешнего мира через номинацию подобного состояния, охватывающего человеческое тело, к абстрактному определению сложного эмоционального состояния человека. *Трепет* как 'смятенное взволнованное состояние' и *трепет* как 'страх, боязнь' рассматриваются в статье в свете исследований по лингвокультурологии, в которых раскрывается дуальность природы страха в христианской культуре. Отголоски этого явления находим в системе значений слова *трепет*.

Ключевые слова: *трепет, страх, страх Божий, лингвокультурология, этимология, семантика, лексикология.*

Summary: the article consistently examines the logic of the development of modern dictionary meanings of the word *awe* from the designation of a physically perceived phenomenon of the external world through the nomination of such a state, covering the human body, to an abstract definition of a complex emotional state of a person. *Awe* as a 'troubled agitated state' and *awe* as 'fear, dread' are considered in the article in the light of research in cultural linguistics, which reveals the duality of the nature of fear in Christian culture. We find echoes of this phenomenon in the system of meanings of the word *awe*.

Keywords: *awe, fear, fear of God, cultural linguistics, etymology, semantics, lexicology.*

*Страх и трепет окутали существование современного человека.
В. В. Колесов. «Русская ментальность в языке и тексте»*

Как известно, «номинанты эмоций» обычно по своему происхождению являются «производными от слов, изначально обозначающих, как правило, реальные, физически воспринимаемые объекты внешнего мира» [1, URL]. Хрестоматийным примером такого рода является этимология слова *стыд*, изначально имевшего значение 'холод', называющее физическое ощущение человека, лишенного одежды. Однако помимо физического дискомфорта эта ситуация связана также с ощущением «нравственного смущения, которое также стало обозначаться словом *студъ/стыдъ*. Таким образом, слово из области физических ощущений перешло в более абстрактную сферу ощущений нравственно-этического порядка» [2, 31].

Подобным образом слово *трепет* как эмоциональное переживание восходит, по мнению лингвистов, к *трепета* — «осина, у которой каждый листок трепещет» [3, 99]. Интересную семантическую параллель находим в «Словаре русских народных говоров» на слово *трепетинья* — «береста, которая

оторвалась от ствола и трепещет на ветру, издавая звуки. Смол., 1891» [4, т. 45, с. 43]. Как и в случае с осинным листом, береста обычно трепещет в воздухе, на ветру. Характерно, что этот элемент семантики находит свое отражение в современной узуальной особенности слова *трепетать*, этимология которого для современного носителя не очевидна. Речь идет о том, что глагол *трепетать* в большинстве случаев в первом словарном значении «колебаться, колыхаться, подрагивать» [БАС]¹ используется в контексте, предполагающем трепет именно в воздухе, на ветру. Чаще всего трепещет листва, флаги, развешенное на веревке белье, волосы и под.: *Занавески трепетали от ветра и усиливали мелькание света.* К. Паустовский, *Искусство видеть мир*². *Ветер выл в проводах и гнал мусор, пакеты полиэтилено-*

¹ Здесь и далее формулировки значений, если не указано дополнительно, даются по тексту рабочей версии БАС-3, который в настоящее время готовится к переизданию.

² Иллюстрирующие значения цитаты приводятся по НКРЯ.

вые трепетали на верблюжьих колючках. А. Иличевский, Спуск.

Значение слова *трепет* как физически ощущаемое «легкое дрожание, мелкая дрожь» [БАС], колебания, содрогания разного рода, в том числе колебания звуков и света метонимически переносятся на тело человека или животного. *Рука ее [девушки] без цели бродила по столу, и я заметил в ней легкий трепет.* М. Лермонтов, Тамань. Этот вектор развития значения находит свое продолжение в сочетании *трепет сердца (сердечный трепет)*, где прямое значение коррелирует с переносным: «усиленное биение, замирание (сердца), напряженная пульсация крови, вызванные волнением; смятенное, взволнованное состояние» [БАС]. Таким образом, сочетание *трепет сердца* одновременно обозначает физическое ощущение, испытываемое человеком, и испытываемые при этом эмоции. То есть эмоция определяется через проявление телесного (подобное наблюдение находим также в статье О. Н. Кондратьевой [5, URL] и др.). *Что ж сердце юноши трепещет? Какой заботой он томим?* А. Пушкин, Цыганы. *В маленькой комнате, полной книг, сидело существо, один взгляд на которое заставил трепетать мое сердце.* Е. Чижова, Лавра. Следует обратить внимание на то, что сердцебиение и «смятенное, взволнованное состояние» [БАС] могут быть вызваны чрезвычайно широким кругом эмоций: радость, восторг, страх, ужас, благоговение или комбинацией сразу нескольких состояний. Причину синкретизма в номинации следует искать, как представляется, в диахронической плоскости, причем ключом к пониманию семантической диффузности слова *трепет* в современном языке будет его синоним — *страх*.

Правомерность этой аналогии подтверждается, по нашему мнению, библеизмом [6, 554] и традиционной тавтологической формулой древнерусских письменных памятников, имеющей книжное происхождение [7, 277] — *со страхом и трепетом*. Объединение этих близких по значению слов в устойчивое сочетание отчасти связано с тем, что «слово страх стало символом, поскольку в авторитетных текстах именно с его помощью переводили множество греческих слов со сходным значением» [8, 332]. При этом «современное понятие страха [в древнерусском языке] выражалось четырьмя словами, представлявшими ступени градации его проявления: изумление, страх, ужас, трепет» [9, 20].

Для конкретизации семантики синкреты *страх* необходимо было выражать ее через парное именование: *страхъ и ужась, страхъ и боязнь, страхъ и трепеть* [см. 10, 142–143]. Вместе с тем можно выделить две основные, различные по содержанию и происхождению формы страха: «страха боязни, имеющего отрицательное по преимуществу воздействие на человеческую душу, парализующего активность, в том числе нравственную» [11, URL] и Страха Божия, ко-

торый представляет собой «благоговейный трепет перед величием Бога, основанный на вере в истину Его бытия. Это не парализующий страх, но творческая сила, позволяющая человеку обрести власть над низшими устремлениями» [11, URL]. Так, страх Божий в своем наивысшем проявлении становится Любовью и Радостью. Страх как боязнь, напротив, согласно христианскому пониманию, зиждется на недостаточно сильной вере, тщеславии и гордыне, то есть практически равноценен греху и считается «бесовским» страхом [11, URL].

Таким образом, слово *страх* в древнерусской письменной традиции имеет два совершенно противоположных по своему аксиологическому заряду значения.

Как представляется, эта дуальность древнерусского понятия страха в современном русском языке в определенной степени сохранилась в системе семантических значений слова *трепет*, в то время как *страх*, согласно толкованию современных словарей, сохраняет отголоски значения страха Божия лишь отчасти, только в просторечии в форме предикатива (Страх III предик. 4. простореч. «Употребляется при выражении изумления от чего-л., восхищения или ужаса в отношении кого-л., чего-л. многочисленного или очень большого, сильного» [12, URL]).

Переносное значение слова *трепет* определяется как «сильная боязнь, страх» [БАС]: *Если батюшка был не в духе ... он краснел в лице, метал ужасные взгляды, топтал ногами и рвал все, что ему попадалось под руку. Когда поднималась такая буря, .. все в доме проникались трепетом и старались.. спрятаться.* Н. Лесков, Детские годы. В отличие от страха, *трепет* в этом значении у кого-л. обычно бывает вызван каким-л. человеком, что подтверждается устойчивыми сочетаниями: **наводить (нагонять, вызывать) трепет** (*Победа, которую она [Мавруша] одержала над властной барыней, наводившей трепет на все окружающее, далеко не удовлетворила ее.* М. Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина); **держат в [страхе и] трепете** (— *Да это же настоящая эсэсовка [о секретарше]! Держала в трепете всю фирму.* М. Серова, Опасная связь); **трепет перед кем- или чем-л.** (*Рысков помнил его [отца]: сладенькая улыбочка, испуганные моргающие глазки ... трепет перед казначеем, перед бухгалтером, перед ревизором, перед всяким громко и уверенно говорящим человеком!..* М. Арцыбашев, У последней черты).

По мере снижения интенсивности страха перед кем-л., *трепет* начинает коррелировать с робостью и часто обосновывающим эту робость уважительным, почтительным отношением к кому- или чему-л. (*Трепета перед своей первой учительницей у меня не было.* З. Синявская, Пазлы). Уважение и почтение, которые сопутствуют трепету, интенсифицируясь, приводят к развитию у слова *трепет* значения «восхищение, благоговение» [БАС]: *Дома у него [отца] есть вещи ...*

обыкновенные ... но и их имена произносятся с трепетом: *папина кровать, папин шкаф, папины штаны*. А. Макаренко, Книга для родителей. Это значение характерно для устойчивого сочетания: **трепет перед кем- или чем-л.** (*Втайне восторгаясь Толстым, Василий Иванович до ужаса боялся, что это его почтение, этот трепет перед могучим талантом кем-то может быть истолкован житейским раболепием слабого перед сильным*. Б. Васильев, Были и небыли).

Наконец, пик развития вектора этого значения приходится на устойчивые сочетания *священный трепет* и *религиозный трепет*, которые приближаются по смыслу и аксиологическому значению к понятию страха Божия: *Мы чувствовали, что там [на исповеди] присутствовало что-то таинственное и великое, и нас охватывал религиозный трепет*. Л. Чарская, Записки институтки. *В нашей семье к книгам относились с почтением, граничащим со священным трепетом*. Ю. Андреева, Многоточие сборки. Отметим, что *трепет* в этом значении употребляется в высоком стиле, что подтверждает мысль о функциональной близости современного понятия *трепет* и средневекового страха Божия.

В заключение отметим, что развитие логики значений слова *трепет* проясняется благодаря данным этимологии, диалектологии и лингвокультурологии. Проведенное исследование показывает, что логика развития семантики слова *трепет* соответствует известной лингвистам модели, по которой «слова, обозначающие разного рода ощущения и чувства человека ... явились результатом развитая их семантики от конкретного к абстрактному» [2, 51]. Слово *трепет* входит в поле базового эмоционального концепта *страх* и через него получает свой аксиологический заряд и стилистическую окраску. Дуальность христианского восприятия страха определяет широкий охват ощущений и эмоций, описываемых словом *трепет*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красавский Н. А. Этимологическая характеристика членов синонимического ряда «страх» / Н. А. Красавский // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». — 2011. — № 4 (14). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20276582_41603219.pdf (Дата обращения: 15.09.2021).

Институт лингвистических исследований РАН
Андрянова Д. В., кандидат филологических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербург
E-mail: yakonukdar@yandex.ru

2. Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии / Ю. В. Откупщиков. СПб.: Авалон, 2005. — 352.

3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — В 4 т. — Т. 4 (Т-ящур) / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачёва. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — 864 с.

4. Словарь русских народных говоров. Вып. 45 (Транбовать — тыча). / Под ред. Ф. П. Сороколетова. — СПб.: Наука, 2012. — 334 с.

5. Кондратьева О. Н. Специфика концепта страх в древнерусской культуре / О. Н. Кондратьева // Концептосфера и языковая картина мира. Серия «Филологический сборник». Вып. 9. Кемерово, 2006. С. 91–98. URL: <https://zavantag.com/docs/427/index-2015923.html?page=6> (Дата обращения: 15.09.2021).

6. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.

7. Творогов О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» / О. В. Творогов // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). М.; Л., 1962. — Т. 18. — С. 277–284.

8. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 624 с.

9. Клименко Л. П. К вопросу системной организации лексики в старославянском языке X — XI вв. / Клименко Л. П. // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. — Смоленск, 2001. — Ч. 2. — С. 16–23.

10. Андриянова Д. В. Устойчивые парные сочетания в чешском и русском языке (лингвистический анализ): дис. ... к. филологических наук / Д. В. Андриянова. — СПб. "Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2013. — 335 с.

11. Пустовойт Ю. В. От страха Божия до боязни: семантический диапазон «страха» в памятниках древнерусской письменности // // Культурологический журнал. — 2017. — № 3 — <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-straha-bozhiya-do-boyazni-semanticheskij-diapazon-straha-v-pamyatnikah-drevnerusskoy-pismennosti/viewer> (Дата обращения 07.09.2021).

12. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. — В 3 томах. Т. 3. М.: АСТ-Астрель, 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (Дата обращения: 20.09.2021).

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
Andrianova D. V., Candidate of Philology, Researcher
E-mail: yakonukdar@yandex.ru

**СБОРНИК КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ И. А. БУНИНА
1911–1953 ГГ. КАК НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ¹
ЧАСТЬ 2. СТРУКТУРА И ТЕКСТОЛОГИЯ**

А. В. Бакунцев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

С. Н. Морозов

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук

Поступила в редакцию 17 сентября 2021 г.

Аннотация: статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Emigrantica продолжается: памяти Олега Анатольевича Коростелева» (Москва, 22–23 марта 2021 г.). В статье описывается процесс подготовки к изданию сборника критических и публицистических произведений И. А. Бунина, посвященных литературе и революции и относящихся к 1911–1953 гг. Сборник должен стать результатом трехлетнего исследовательского проекта, реализуемого авторами статьи по гранту РФФИ. В статье обосновывается актуальность и новизна сборника, рассказывается о его составе, структуре, принципах отбора материала и трудностях текстологического характера, с которыми столкнулись в своей работе исследователи. Первая часть статьи опубликована в № 3 «Вестника ВГУ» за 2021 г.

Ключевые слова: И. А. Бунин, сборник, критика, публицистика, условно-нехудожественные произведения, научный проект.

Abstract: the article is based on the report read by the authors at the International Scientific Conference “Emigrantica continues: in Memory of Oleg Anatolyevich Korostelev” (Moscow, March 22–23, 2021). The article describes the process of preparing for the publication of a collection of critical and journalistic works by Russian writer Ivan Bunin devoted to the Literature and the Revolution and related to 1911–1953. The collection should be the result of a three-year research project implemented by the authors of the article under the Russian Foundation for Basic Research’s grant. The article substantiates the relevance and novelty of the collection, describes its composition, structure, principles of material selection and difficulties of a textology that researchers have encountered in their work. The first part of the article was published in No. 3 of the “Bulletin of the Voronezh State University” for 2021.

Keywords: Ivan Bunin, collection, criticism, journalism, conditional non-fiction works, scientific project.

(Окончание. Начало в № 3.)

СТРУКТУРА СБОРНИКА

При разработке структуры сборника «И. А. Бунин. О литературе и революции. Статьи, заметки, рецензии, речи, ответы на вопросы анкет. 1911–1953 гг.» проще всего было бы последовать примеру предшественников и расположить условно-нехудожественные произведения Бунина в сборнике в хронологическом порядке, без распределения по жанрам. Именно так до сих пор чаще всего поступали составители изданий, включавших критико-публицистическое наследие писателя. Однако наша научная группа решила пойти иным путем, отдав предпочтение жан-

рово-хронологическому принципу расположения материала. Этот принцип обычно применяется в собраниях сочинений, т.е. с точки зрения книгоиздательской практики он вполне традиционен. Однако при подготовке сборников он используется крайне редко и поэтому в случае с книгой «И. А. Бунин. О литературе и революции» может быть признан новаторским. Благодаря ему книга получает возможность выделиться среди прочих, схожих по тематике изданий не только своим составом и характером подготовки текстов, но и архитектурной.

Вместе с тем мы вполне отдаем себе отчет в том, что применение жанрово-хронологического принципа в сравнительно небольшой по объему (до 40–50 а.л.) книге имеет свои «подводные камни», обусловленные в том числе исключительным жанровым своеобразием всего бунинского условно-нехудожественного творчества и, в частности, большинства отобранных нами текстов. И все же преимущества

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00289).

именно такого подхода при построении книги (например, удобство в пользовании ею, в поиске необходимых произведений), на наш взгляд, более чем очевидны.

Предполагается, что композиция сборника будет следующей: титульный лист с выходными данными; вступительная статья; автобиографические материалы; статьи и заметки; рецензии; речи; ответы на вопросы анкет; письма в редакции; предисловия; комментарий, включающий текстологическую преамбулу к нему и археографические либо библиографические описания каждого текста; именной указатель; указатель периодических и непериодических изданий; содержание. Впрочем, обсуждение структуры сборника продолжается, и не исключено, что последовательность бунинских произведений будет изменена — как и заголовочный комплекс. Научной группой рассматриваются разные варианты заглавия, в том числе представляющие собой цитаты из разных критико-публицистических (в том числе стихотворных, хотя они в сборник не войдут) произведений Бунина за 1911–1953 гг., например: «И боль, и стыд, и радость...» («20 декабря 1918 года», 1918); «Страшные контрасты» (1918); «Все же надо говорить...» («Не могу говорить», 1919); «Вот что чувствую и думаю лично я и в данный момент...» («Заметки», 1919); «Июния и Китеж» (1925); «Свобода мысли и совести» («Нобелевские дни», 1936). Подзаголовок может стать таким: «Критика и публицистика 1911–1953 гг.». В любом случае обновленный заголовочный комплекс должен будет в полной мере отражать «двунаправленную» тематику сборника: литература и революция.

О произведениях как таковых в первой части данной статьи было сказано достаточно. Отметим только, что внутри каждой категории они располагаются в хронологическом порядке, без разделения на опубликованные и не опубликованные при жизни Бунина.

Вступительная статья пишется в историко-литературном и текстологическом ключе. В ней дается общая характеристика бунинского условно-нехудожественного наследия; отмечается его жанровое своеобразие; отмечается роль критики, журналистики и публицистики в творческой судьбе Бунина; перечисляются периодические и непериодические издания, в которых Бунин печатался как автор условно-нехудожественных произведений — в частности, как критик, публицист, мемуарист; особое внимание уделяется прижизненной рецепции бунинского критико-публицистического наследия; излагается история его опубликования при жизни и после смерти писателя — как за рубежом, так и на родине; обосновывается решение выпустить сборник «И. А. Бунин. О литературе и революции»; обозначается его тематика; рассказывается о принципах отбора материала, установления хронологических рамок, форми-

рования корпуса книги; выражается благодарность лицам и учреждениям, которые помогли научной группе при подготовке сборника.

В текстологической преамбуле к разделу «Комментарии» в целом характеризуются источники текстов произведений, включенных в сборник, и обозначаются принципы текстологической работы с ними; перечисляются архивы, в которых хранятся автографы бунинских, оставшихся не обнародованными при жизни писателя критико-публицистических произведений о литературе и революции; перечисляются также периодические и непериодические издания, в которых имели место первые прижизненные публикации текстов аналогичной тематики, не имеющих автографов; указываются научные издания, в которых произведения, представленные в нашем сборнике, были опубликованы ранее.

Научному комментарию в каждом случае предпосылается исчерпывающее археографическое или библиографическое описание источников текста соответствующего произведения. Сам комментарий строится в виде комплекса затекстовых примечаний, в которых связь с основным текстом осуществляется при помощи порядкового номера страницы с повтором поясняемого текста перед примечанием (см.: [1, 534–535]). В научном комментарии используется широкий пласт разнообразных материалов, носящих исторический, историко-литературный, историко-биографический, литературно-критический характер и включающих воспоминания и печатные либо письменные (в том числе зафиксированные в эпистолярных) отзывы современников, справочно-энциклопедическую, исследовательскую литературу и т.д. Особое внимание уделяется цитатам, которые Бунин приводит в своих текстах. Исследователи не раз указывали на специфичность бунинского цитирования, больше напоминающего *конспектирование* источников, с которыми он работал; в комментарии эти источники представлены в аутентичном виде.

Именной указатель и указатель периодических и непериодических изданий включают все имена собственные и заглавия газет, журналов, книг, упомянутые в сборнике. Обсуждается вопрос о применении внутренних ссылок в отношении авторских книжных изданий, например: «Страна возможностей необычайных» см. Клягин А. П.

Скорее всего, сборник будет проиллюстрирован. В качестве иллюстраций предполагается использовать фотоматериалы из фондов РАЛ, РГБ, РГАЛИ, ИМЛИ РАН и из открытых интернет-ресурсов.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ: ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ

С точки зрения текстологии, бунинское литературное наследие — явление совершенно исключительное. Как справедливо отмечают современные

Буниноведы, в большинстве случаев к нему неприемлемы традиционные текстологические методы издания классической литературы. Обусловлено это ключевой особенностью бунинского художественного мышления и творческого процесса, которую Е. Р. Пономарев определяет следующим образом: «Бунин многократно исправляет и радикально переделывает ранее написанные тексты, создавая новые редакции <...>, в том числе — так никогда и не опубликованные. Переделывает, не останавливаясь, до самых последних лет жизни. Понятие “завершенного текста” для него не существует: он перечитывает уже изданные тексты, а перечитывая, не может не править, ибо нет предела совершенству. Точнее, в авторском сознании Бунина постоянно сталкиваются две тенденции. С одной стороны, писатель стремится создать последний, совершенный текст своего произведения, максимально улучшив предыдущую редакцию. С другой стороны, едва создав последний вариант текста и начертав на нем “Исправлено мною для будущих изданий”, Бунин стремится улучшить и его. Таким образом, любой бунинский текст следует представлять не как сложившееся целое, а как нечто складывающееся и текучее — как процесс, а не результат» [2, 8].

При всей спорности заключительного тезиса, нельзя не признать, что в целом наш коллега очень точно выразил суть главной проблемы, стоящей сегодня перед текстологами. бунинское неустанное стремление к совершенству привело к тому, что у большинства прозаических и стихотворных произведений писателя возникло по несколько версий, среди которых выбрать так называемый основной текст чаще всего крайне трудно, а то и невозможно — в том числе в силу несогласованности авторской правки (целый ряд произведений Бунин редактировал параллельно — по двум-трем источникам, не заботясь о единообразии вносимых исправлений). Для решения этой проблемы требовались специальные текстологические принципы и методы, которыми можно было бы руководствоваться при подготовке любого научного издания бунинских текстов — от Полного собрания сочинений писателя до книг, подобных нашей. Сравнительно недавно такие принципы и методы были наконец разработаны — отдельно для поэзии и прозы (см.: [3; 4]).

Поскольку сборник «И. А. Бунин. О литературе и революции» состоит из прозаических текстов, к ним должна применяться соответствующая текстологическая методика — в частности, ее общее положение: «в качестве основного текста выбирается последняя авторская публикация прозаических произведений, не опубликованные автором ранние и поздние произведения печатаются по сохранившимся автографам» [4, 74]. Но на практике это положение приходится корректировать, учитывая специфику отобранного для сборника материала. Специфика

эта заключается в том, что автографы 196 из 200 бунинских критико-публицистических произведений о литературе и революции не сохранились; тексты произведений известны только по печатным источникам (публикациям в периодике и книжных изданиях), доверять которым надо с оглядкой из-за высокой вероятности разного рода искажений — как случайных, вызванных ошибками при наборе или верстке, так и намеренных, ставших следствием самовольного (в том числе редакторского) вмешательства в авторский текст.

В этом смысле очень показательна история опубликования статьи «Еще об итогах» (1922) и речи «Миссия русской эмиграции».

Как видно из бунинской дневниковой записи от 15/28 января 1922 г., текст статьи «Еще об итогах», напечатанной в газете «Утро» (Нью-Йорк), был искажен редактором этого издания А. Я. Гутманом: «Гутман мое “Еще об итогах” сократил и местами извратил. Пишу “революция” — он прибавляет “коммунистическая”. О Горьком все выкинул» [5]. Поскольку автограф статьи отсутствует, мы воспроизводим ее в сборнике по этой — единственной прижизненной — публикации в газете «Утро», но в научном комментарии отмечаем, что статья была обнародована с искажениями.

Текст «Миссии русской эмиграции» при опубликовании в «Руле» также был искажен, но уже по вине типографских работников. Дефектность этого текста, который до сих пор считается каноническим и много лет служит основой для всех позднейших перепечаток речи, удалось выявить благодаря сохранившейся в бунинской коллекции РАЛ газетной вырезке с авторской правкой². Из этой правки видно, что искажения возникли именно при наборе — из-за пропуска слов в нескольких предложениях. Вот одно из них (полужирным шрифтом выделен выпущенный наборщиками и затем восстановленный Буниным от руки на полях вырезки фрагмент текста): «И по какой причине участвовала в революции и во всех ее зверствах Сибирь с ее допотопным обилием **природных богатств и отсутствием крепостных уз?**» (цит. по: [6, 291]).

Тем не менее в нашем сборнике текст «Миссии русской эмиграции» приводится не по вырезке,

² Возможно, внося правку в уже опубликованный текст, Бунин как истинно взыскательный художник просто оставался верным своей нетерпимости ко всякого рода промахам и оплошностям. Но не исключено также, что он готовил текст своей речи для новой публикации — например, в составе сборника речей, прозвучавших на вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г. (такой сборник анонсировался в эмигрантской прессе, но так и не был издан), или в Собрании сочинений издательства «Петрополис», — а потом почему-то отказался от этого намерения.

а по публикации в «Руле», поскольку выправленный Буниным текст речи остался «только фактом самосознания автора, но так и не стал фактом истории литературы» [4, 75]. Зато в комментарии бунинская правка отражена исчерпывающе — так же как прижизненные перепечатки «Миссии русской эмиграции» в журнале «Эмигрант» (Ревель, 1924), газете «Россия и славянство» (Париж, 1933), сборнике «День русской культуры» (Харбин, 1934). Ни одна из перечисленных републикаций не может быть использована в качестве основного текста (несмотря на то, что они появились после публикации в «Руле»), поскольку степень их авторизованности / участия автора в их создании неизвестна.

Таким образом, на примере одного из ключевых условно-нехудожественных произведений Бунина мы в очередной раз убеждаемся в невозможности педантично следовать принципам классической (равно как и сугубо «бунинской») текстологии — в частности, беспрекословно выполнять авторскую волю, пренебрегая «историческим принципом, согласно которому произведения того или иного автора появлялись и прочитывались в конкретном историческом и литературном контексте, получали те или иные отклики современников, становились фактами литературного процесса определенного времени» [4, 77].

Случай, текстологически противоположный только что рассмотренным, связан с фрагментом № 2 «Из «Великого дурмана»» (1919). Этот фрагмент впервые был напечатан в газете «Южное слово» (Одесса), а затем повторно увидел свет в сборнике «Скорбь земли русской (другой вариант заглавия: Скорбь земли родной)» (Нью-Йорк, 1920), но уже в искаженном виде — со множеством дефектов технического характера, в числе которых — словесные пропуски, опечатки, несоблюдение авторской пунктуации, перестановки строк в цитируемых Буниным стихотворных строфах.

В дальнейшем текст указанного фрагмента неизменно републиковался по дефектной нью-йоркской перепечатке, и во всех этих републикациях можно видеть, например, следующее: заключенный в угловые скобки длинный пробел с отточием во втором абзаце и в подстрочной сноске примечание: «Пропуск строки в подлиннике». Однако на самом деле в подлиннике никакого пропуска строки нет, и аутентичный текст выглядит так (полужирным шрифтом выделены те его части, которые «выпали» при верстке сборника «Скорбь земли русской»): «Первого мая текущего года, в Москве, в так называемой “советской” России, достигшей к этому времени **зени-та своей славы, вышла книга, эту славу как бы венчающая**, — первый номер “Коммунистического интернационала”. На обложке красуется, конечно, обычный лубок — самым площадным образом наляпанный земной шар, весь опутанный железными цепями, и фигура яростно замахнувшегося на эти

цепи молотом рабочего, конечно, голого, конечно, только в кожаном переднике, конечно, с геркулесовскими мускулами, — а в тексте можно прочесть, **между прочим, во-первых**, потрясающее по своему бесстыдству заявление Горького “пролетариату всего мира”, что Россия “творит ныне великое, планетарное дело”, а во-вторых, такие душу раздирающие своей грубостью строки<...>» [7; см. также: 8].

Факт дефектности нью-йоркской перепечатки был установлен благодаря обращению к первоисточнику — т.е. к публикации в «Южном слове» (полный комплект этой газеты, как и многих других периодических изданий, выходивших в Одессе в годы Гражданской войны, находится в бывшем спецхране Одесской национальной научной библиотеки). В сборнике «И. А. Бунин. О литературе и революции» текст фрагмента № 2 воспроизводится именно по ней — впервые после 1919 г.

Как можно понять из сказанного, текстологические проблемы, с которыми нам приходится иметь дело, решаются сравнительно легко, и в этом смысле текстология критики и публицистики Бунина, несомненно, значительно более проста, чем текстология его же поэзии и прозы.

Например, обычная для бунинского художественного наследия множественность версий одного и того же произведения мало свойственна критике и публицистике писателя (прижизненные перепечатки и варианты воспоминаний об А. П. Чехове, А. И. Куприне, Л. Н. Толстом, М. Горьком и других не в счет); в большинстве случаев выбор основного текста осуществляется безальтернативно. Условно-нехудожественных произведений, существующих в двух и более *равнозначных* (!) версиях текста, из которых надо именно *выбирать* основной текст, — единицы. Среди таковых можно назвать, к примеру, статью «О писательских обязанностях» (1921), напечатанную с интервалом в 2,5 месяца в газетах «Сегодня» (Рига) и «Огни» (Прага), и мемуарный очерк «Джером Джером» (1927), появившийся сначала в «Сегодня», затем, спустя 2 года, — в «Последних новостях» и наконец в 1950 г. вошедший в книгу «Воспоминания». Тексты обоих произведений перед повторным (вторым по счету) опубликованием были отредактированы автором, в результате чего возникли их новые варианты, которые и представлены в нашем сборнике³: с одной стороны, это вполне отвечает базовому текстологическому принципу Буниноведения; с другой стороны, в обозримом будущем в ИМЛИ РАН планируется выход книги, содержащей все бунинские публикации в газете «Сегодня» (подробнее об этой книге см.: [9]). Тем не менее первые публикации названных произведений упоминаются

³ Как было сказано в первой части данной статьи, мы не берем в наш сборник варианты текстов, включенные в книгу «Воспоминания».

в научном комментарии.

Проблемы, о которых до сих пор шла речь, носят в целом традиционный характер. Между тем при работе с критико-публицистическим наследием Бунина мы столкнулись и с не совсем традиционной текстологической проблемой. Суть ее в том, что Бунин — критик и публицист имел привычку использовать *одни и те же* более или менее крупные фрагменты собственных текстов, включая созданные им же устойчивые комплексы реминисценций, в *разных* критико-публицистических произведениях.

Примеры подобного самоцитирования бессчетны. Отметим лишь некоторые. Так, текст заметки «В этот день» (1919) почти целиком воспроизведен Буниным в одном из очерков публицистического цикла «Записная книжка» (1921), опубликованном в «Огнях». В другом очерке из того же цикла, напечатанном в «Руле» (1921), частично использован текст фрагмента № 1 «Из «Великого дурмана»». Фрагменты лекции «Великий дурман» Бунин использовал и в других своих условно-нехудожественных произведениях (например, в статьях «Самогонка и шампанское» (1921), «Страна неограниченных возможностей» (1921), «О писательских обязанностях»), а также в «Окаянных днях». Схожим образом из текста в текст «кочевали», например, комплексы библейско-талмудических реминисценций (см.: [10]). Все это мы так или иначе учитываем в ходе работы над научным комментарием.

С датировкой и атрибуцией критико-публицистического наследия Бунина никаких трудностей не возникает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа над сборником «И. А. Бунин. О литературе и революции» еще не закончена, но уже сейчас можно сказать, что она дала нам бесценный опыт, который пригодится при подготовке первого научного Полного собрания сочинений писателя. В рамках проекта выявлен и собран огромный массив бунинских условно-нехудожественных текстов, большая их часть до конца 2021 г. пройдет полный цикл допечатной подготовки. Таким образом, к началу работы над

Полным собранием сочинений в распоряжении Буниноведов будет немалый научно-исследовательский задел. Вместе с тем задолго до выхода соответствующих томов бунинского Собрания общественность получит превосходную, во многом злободневную и поучительную книгу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мильчин А. Э. Справочник издателя и автора: Редакция, оформление издания / А. Э. Мильчин, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. 800 с.
2. Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода: Монография / Е. Р. Пономарев. — М.: Литфакт, 2019. 340 с. (Академический Бунин; вып. 2).
3. Двинятина Т. М. Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: Дис. ... д-ра филол. Наук / Т. М. Двинятина. — СПб., 2015. — 437 с.
4. Двинятина Т. М., Проза И. А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса) / Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 68–79.
5. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110: И. А. Бунин: Новые материалы и исследования: В 4 кн. Кн. 2. (в печати).
6. Бакунцев А. В. Речь И. А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) / А. В. Бакунцев // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2013 / отв. ред. Н. Ф. Гриценко. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014. С. 268–337.
7. Бунин Ив. Из «Великого дурмана» // Южное слово. Одесса, 1919. 24 нояб. (7 дек.). № 82. С. 2.
8. И. А. Бунин. «Из «Великого дурмана»». Фрагмент № 2: восстановленный текст / публ. А. В. Бакунцева // Южное сияние. Одесса, 2011. № 1. С. 178–182.
9. Бакунцев А. В. Сборник «И. А. Бунин на страницах газеты «Сегодня» (1920–1939)». Подготовка к изданию / А. В. Бакунцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 2. С. 103–114.
10. Бакунцев А. Иудаистские реминисценции в публицистике И. А. Бунина // «Свой» vs «чужой» в культуре эмиграции / А. Бакунцев // Сб. ст. / под ред. А. А. Данилевского, С. Н. Доценко. М.: Флинта; Наука, 2018. С. 134–143.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Бакунцев А. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики редактирования
E-mail: auctor@list.ru

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук

Морозов С. Н., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья
E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University
Bakuntsev A. V., Ph.D. in Philology, Associate Professor, Chair of Theory and Method of Editing
E-mail: auctor@list.ru

A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

Morozov S. N., Ph.D. in Philology, Senior Research Worker, Department of Russian Modern Literature and Russian Diaspora's Literature
E-mail: morozov.sn@yandex.ru

«ПУЛЯ, ИМ ОТЛИТАЯ, ОТЫЩЕТ ГРУДЬ МОЮ...» К 100-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ Н. С. ГУМИЛЕВА (1886–1921)

О. А. Бердникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 августа 2021 г.

Аннотация: в статье, посвященной столетию гибели Н. Гумилева, рассмотрен путь его героя к смерти как метасюжет творчества поэта в контексте основной парадигмы русской классической традиции «смерть поэта». Учитывается влияние артистизма как типа творческого поведения поэта Серебряного века русской культуры. Прослежена духовная эволюция Николая Гумилева от раннего периода до итогового сборника «Огненный столп».

Ключевые слова: Гумилев, классическая традиция, смерть поэта, Серебряный век, метасюжет творчества.

Abstract: in an article dedicated to the centenary of the death of N. Gumilyov, the path of his hero to death is considered as a metaplot of the poet's work and in the context of the main paradigm of the Russian classical tradition "the death of a poet". The influence of artistry as a type of creative behavior of the poet of the Silver Age of Russian culture is taken into account. The spiritual evolution of Nikolai Gumilyov is traced from the early period to the final collection «Ognenny stolp».

Keywords: Gumilev, classical tradition, death of a poet, Silver Age, metaplot of creativity.

«Прошло сто лет...» — эти пушкинские строки часто вспоминались в последнее десятилетие XX и первое десятилетие XXI веков: отмечались столетние юбилеи исторических и культурных событий, повлиявших на XX век как особую историческую и литературную эпоху.

2021 год в этом отношении особенный: сто лет назад, в 1921 году, ушли из жизни два русских поэта, два лидера поэтических течений — символизма и акмеизма, во многом определивших своеобразие культуры своего времени — Александр Блок и Николай Гумилев.

В тогдашней России, потрясенной революционными катаклизмами, их уход многими был воспринят как завершение русской литературы и самой России в ее традиционном понимании. Максимилиан Волошин напишет стихотворение «На дне преисподней» (1922), посвященное их памяти, в котором выскажет своего рода предначертание их посмертной судьбы.

В нем есть странное и, на первый взгляд, противоречащее русской поэтической традиции, возвысившей поэта до статуса пророка, утверждение:

Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот [1, 243].

Однако слово «темен» здесь, скорее, синонимично значению «трагичен». Осмысливая путь поэта в не-

разрывном — в прямом смысле смертном — единстве с судьбой Руси-России, и сам Волошин готов разделить трагический жребий своих погибших собратьев:

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба! [1, 243].

Между тем объединение А. Блока и Н. Гумилева в одном поэтическом контексте еще совсем недавно, в период Серебряного века, многих бы удивило. Слишком часто и они сами, и окружающие их собратья по поэтическим течениям подчеркивали различия эстетических позиций, в какой-то степени, было и соперничество, по крайней мере, со стороны Гумилева. Но Волошин не случайно объединил их — не столько единым годом смерти, сколько единым годом гибели: одного «доконал» голод, другого — классовая злоба. Однако финал этого стихотворения содержит Пасхальный мотив воскрешения страны и ее поэта как возможность преодоления трагизма русской судьбы.

М. Волошин осмысливает судьбы двух погибших русских поэтов рубежа XIX–XX в русле классической парадигмы «смерть поэта», которая была заявлена М. Ю. Лермонтовым в одноименном стихотворении 1837 года. Через четыре года та же трагическая участь «вписала» самого Лермонтова в эту поэтическую парадигму, причем свою гибель поэт удивительно точно предсказал в одном из последних стихотворений «Завещание»: «Скажи ей, что навывлет в грудь я пулей ранен был...» [2, 99].

Неоднократно отмечено многими исследователями и визионерское знание Николая Гумилева о своем жизненном конце, вплоть до мельчайших деталей. Он знал, что будет убит пулей рабочего (стихотворение «Рабочий»), умрет «в какой-нибудь дикой щели/Утонувшей в густом плюще» (стихотворение «Я и вы» [3, 273]), падет от рук «палача» (мотив отрубленной головы в стихотворении «Заблудившийся трамвай»).

Ученый Русского Зарубежья В. В. Вейдле так оценил смерть поэта, расстрелянного за предполагаемые, но не доказанные связи с подпольной монархической организацией: «В лице Гумилева революция убила ненужную ей поэзию» [4, 112]. Однако политическое содержание его гибели во все не объясняет ту «заороженность смертью», которая особенно сближала его, по утверждению Н. А. Струве, с М. Ю. Лермонтовым: «Гумилев близок Лермонтову и в своей постоянной молитвенной обращенности к Богу... Любовь к творению и твари предполагала любовь и к Творцу..., но она сопровождалась и глубокой неудовлетворенностью собой и миром, что заставляло Гумилева (как, впрочем, и Лермонтова) желать смерти, тянуться к ней, идти ей навстречу» [5, 100–101].

Путь навстречу смерти — самый заметный «вектор» поэтического мира Н. Гумилева, в котором на первый план выходит «трепетное противоборство жизнелюба и смертоискателя» (Н. Струве) [6].

В ранних поэтических сборниках доминирует восприятие жизни как источника исключительно земных удовольствий. Чуткий и тонкий Ю. Айхенвальд характеризует Гумилева как «поэта подвига, художника хра брости, певца бесстрашия, мужчину по преимуществу» [7, 480]. Его лирический герой — влюбленный, воин, «стрелок», «мореплаватель», то есть мужчина, по характеристике самого поэта, «красивый, могучий и полный здоровья» [8, 201].

При этом герой Гумилева — неизменно и «великий артист», примеривающий на себя маски то свирепого гунна, то покорителя женщин, то «простого индийца», задремавшего «в священный вечер у ручья», то еще неискушенного Адама. Артистизм — основной принцип его авторского поведения, что, конечно, обусловлено и общими тенденциями Серебряного века. Ф. Степун основную причину актуализации артистизма как типа творческого поведения видит в воссоздании в этот период в русской жизни «античной праздности — высшей формы божественной жизни» [9, 374].

Вот почему и путь навстречу смерти начинался в ранних стихотворениях как своего рода игра в смерть.

Так, стихотворение «Путешествие в Китай» (1910), включенное в сборник «Жемчуга», посвящено художнику-авангардисту Сергею Судейкину, и посвящение сразу переводит географическое стран-

ствие лирического героя в эстетическую плоскость. «Мы» предстает здесь, как и в знаменитом ахматовском тексте, как обобщенный образ элитарного общества «бражников» и «блудниц», то есть некий художнический круг тоскующих и томящихся людей, решивших «пытать бытие». Отплытие в Китай есть путешествие в культурном пространстве, в котором капитаном просят быть опытного «в пьяном деле», «вечно румяного мэтра Рабле», а праздник на символическом корабле описан как античные дионисийские действия:

Грузный, как бочка вин токайских,
Мудрость свою прикрыв плащом,
Ты будешь пугалом дев китайских,
Бедра обвив золотым плющом.

.....
Будь капитаном. Просим! Просим!
Вместо весла вручаем жердь...
Только в Китае мы якорь бросим,
Хоть на пути и встретим смерть! [3, 129].

Смерть в пути, которой заканчивается стихотворение, становится столь же условным, почти шутовским событием, что и все путешествие, и призвано, как в театральном представлении, больше удивить читателя, (не случайно звучит театральное возглас «просим, просим»), поразить его неожиданностью развязки.

Для Гумилева ранних сборников характерна мечтательность и погруженность в свои «игры» как некую сновидческую реальность, столь характерную для многих стихотворений. Творческий сон или видение, в котором герой вспоминает в себе своего предка и как бы проживает его судьбу, отражает артистическую способность поэта актуализировать прапамять. Особая творческая память позволяет человеку в мире Гумилева проживать много «жизней» и переживать много «смертей». По оценке М. Бахтина, мотив «памяти сильных, примитивных предков, попытка в своей душе прослышать их голоса занимает в поэзии Гумилева видное место» [10, 359].

В судьбе предков Гумилева привлекает цельность личности, умение полностью отдаваться жизни, страсти, войне и — достойно принять смерть. Полнее всего эта концепция развернута в стихотворении «Сонет» (1912), входящем в переломный для творческого сознания поэта сборник «Чужое небо»:

СОНЕТ
Я, верно, болен: на сердце туман,
Мне скучно все — и люди, и рассказы.
Мне снятся королевские алмазы
И весь в крови широкий ятаган.

Мне чудится (и это не обман),
Мой предок был татарин косоглазый,
Свирепый гунн... Я веяньем заразы,
Через века дошедшей, обуян.

Молчу, томлюсь, и отступают стены:
Вот океан весь в клочьях белой пены,
Закатным солнцем залитый гранит

И город с голубыми куполами,
С цветущими жасминными садами,
Мы дрались там... Ах да! Я был убит [3, 175].

В сонете Гумилева, согласно сонетной композиции, содержание терцетов противоположно содержанию катренов. Действительно, в катренах нарисована сильная личность победителя и завоевателя, но удел такого героя в мире поэта всегда один — «я был убит». Более того, «веянье заразы» осознано здесь не просто как свирепость и дикость нрава, но и как язычество. Вот почему в городе с «голубыми куполами», то есть в христианской стране, гибель язычника-завоевателя — татарина или гунна — неизбежна. Вместе с тем здесь снова заметна театрализация лирического сюжета, игровые формы присутствия лирического героя. Не случайно Гумилев мечтал носить «значок великого артиста» и достаточно долго был движим желанием «будить повсюду обожанье» («Персидская миниатюра»).

Но в стихотворениях «Чужого неба» все чаще заметна серьезная интонация, а смерть становится способом преодоления пространства и времени и восхождение к Богу. В этом отношении чрезвычайно значимо стихотворение «Вечное» (1912), в котором лирический герой думает именно о своем пути в «жизнь вечную»:

ВЕЧНОЕ
Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот:

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Все, что дразнило, улова.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим усладам
И ясно милостив к вине,

Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли,—
Положит посох, обернется
И скажет просто: «Мы пришли» [3, 172].

В этом глубоком богословском стихотворении земная жизнь христианина осмыслена как «слепое блуждание души». Но вместе с тем это путь, направляемый Господом и ведущий в конечном итоге к «Субботе из Суббот», то есть дню прощания с земным бытием, но и кануну Воскресения и обетования жизни вечной. Здесь Путником поэта является сам Господь, наказывающий и милующий человека. Впервые образ Христа как пастыря появляется в «Жемчугах» в стихотворении «Христос» (1910), однако там люди следуют за Ним, идущим «путем жемчужным», в ожидании «светлого рая», «Дома Нежного Отца», «чудес». Христос назван «искателем небес», то есть Он далек от «ненужного и земного», чем заняты люди. В «Вечном» Спутник лирического героя снисходит до земного, учит «древней мудрости земли», воспринимается как простой и близкий Учитель. Однако здесь смерть как мыслимая проекция в будущее кажется далекой перспективой.

В период Первой мировой войны, в которой Н. Гумилев принимал активное участие, впервые заявлен образ смерти «под пулями» как реальное событие «жизни настоящей» и «жизни современной».

В стихотворениях новой книги поэта «Колчан» (1916) конфликт «жажды чувственной» и «жажды духовной» приобретает статус метасюжета всей зрелой поэзии Гумилева, а его герой становится уже «странником духа» [11]. В испытаниях войной обнажилась, ранее скрытая за масками «сноба, африканского охотника, русского Теофила Готье», та «очень русская беспокойная душа», которую разглядел в Гумилеве хорошо знавший его Георгий Иванов [12, 553].

Стихотворения «Наступление» (1914) и «Смерть» (1915) можно рассмотреть как своеобразную военную диалогическую поэму о судьбе человека на войне. Интересно, что они и написаны в одном стихотворном регистре, особым «гумилевским типом» «русского трехударного дольника»:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четыре дня наступали,
Мы не ели четыре дня [3, 241].

Война в изображении Гумилева приобретает не только реальный, но и метафизический смысл, возвышая каждого ее участника до воина Христова, которого «в это страшный и светлый час» «Господне Слово» питает «лучше хлеба». Включенность в общее «святое и светлое дело войны» делает его «носителем мысли великой», которой освящается каждый человек, сражающийся «за веру, царя и Отечество», поэтому «золотое сердце России» начинает биться в каждой груди. В «Наступлении» лирический герой приобретает приметы эпического героя, представляющего народ, а потому и не могущего умереть: «Я, носитель мысли великой, / Не могу, не могу умереть».

В стихотворении «Смерть», напротив, изображена гибель человека как неизбежный и достойный удел воина. Гумилев дает как бы параллельное изображение прихода души на небо и погребального обряда на земле. Смерть воина освящена на небесах, куда попадает его душа, которую «Белоснежные кони ринут / В ослепительную высоту», но и на земле, где «не хуже / Та же смерть — ясна и проста». С духовной, православной тоски зрения, так и происходит с человеком, душа которого уже на небесах готовится к «старинной бранной потехе» — так называет поэт «воздушные мытарства», а с телом еще прощаются на земле чтением Псалтири и военными почестями:

Здесь товарищ над павшим тужит
И целует его в уста.

Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом.
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом [3, 242].

Описанный здесь обряд достойной смерти на поле битвы воина и «мужчины по преимуществу» особенно значим в аспекте визионерского знания Гумилева о своем жизненном конце.

В итоговом сборнике «Огненный столп» (1917–1921) — «книге шедевров» — Гумилев в главном предстает уже как «подлинно христианский поэт, обращенный к сущности, — а потому и учитель жизни, свидетельство свое закрепивший мученической кончиной» [5, 101], что особенно ярко проявилось в «Заблудившемся трамвае» (1919) и его поэтическом завещании «Мои читатели».

Лирический герой «Заблудившегося трамвая» возвращается в отеческое лоно Петербурга с его знаковыми историческими и религиозными символами — «Всадника длань в железной перчатке / И два копыта его коня» и «Верной твердынею православья / Врезан Исакий в вышине». Столь же значимо и возвращение в отечественную культурную традицию: как бы ни старались биографы найти реальную Машеньку в жизни самого поэта, для читателей вполне узнаваемым является артистически воссозданный пушкинский контекст культуры, несущий аллюзию к «Капитанской дочке»:

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренной косой
Шел представляться Императрице
И не увиделся вновь с тобой [3, 353].

При этом крайне важным является обретение чувства долга и верности в сфере любви: эротическая тема — самая драматичная в творчестве Гумилева, вполне в соответствии с духом Серебряного века заявлявшего, что его «душа осаждена / Безумно-страстными грехами». В «Заблудившемся трамвае» звучит совсем иное:

И все ж навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить! [3, 353]

Теперь его мужественная готовность к смерти обусловлена пониманием того, что истинная свобода, к которой всегда стремился герой его поэзии, — «только оттуда бьющий свет», где «Люди и тени стоят у входа / В зоологический сад планет». Поэтому так пронзительны здесь «молебны» о здравии Машеньки и ... «панихида» по самому себе.

В наставлении-завещании «Мои читатели» обращает на себя внимание фактор адресации: не «кому» — читателям, а «кто» — читатели. Гумилев стремился избежать открыто учительного пафоса, он выбирает интонацию доверительного обращения к читателю как личности, равной поэту в жизненном, эстетическом и духовном опыте. Отсюда читатель становится не только объектом, но и деятельным субъектом, что проявляется в формах выражения лирического сознания: «учу» не «вас», а «их». Исповедальные интонации этого стихотворения направлены не только на себя, но и на другого, что приводит к сочетанию жанров исповеди и проповеди.

К 1921 году у Гумилева уже есть тот духовный опыт, который позволяет ему не только учить читателей, как «не бояться и делать, что надо» в жизни, но и как умирать, как говорить с Богом:

А когда придет их последний час,
Ровный красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокою, милую жизнь,
Всю родную, странную землю
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда [3, 365].

В своих последних стихотворениях Н. Гумилев словно реализует наказ Бога пушкинскому пророку: «И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей». Гумилевский поэт действительно «обошел моря и земли» как в «жизни настоящей», так и «жизни» культуры, и пришел к осознанию необходимости служить людям. Этим и объясняется смена заглавия его последнего — итогового — поэтического сборника. «Огненный столп» — это символ Божьего Огня как Света, освещающего заблудившемуся в ночи человеку и блуждающему в «ночном» периоде истории народу путь. Это и те, обозначенные в заглавиях его стихов светоносные, вечные образы искусства, которые поэт завещает своим читателям: «Слово», «Шестое чувство», «Персидская миниатюра», «Душа и тело», «Память». «Молитва мастеров».

«Всем настоящим эти годы во благо» [13, 434], — так парадоксально определила Марина Цветаева

значение революции 1917 года для русского поэта того времени. Она имела в виду, прежде всего, Максимилиана Волошина, которого именно революционные потрясения сделали подлинным поэтом великой русской смуты XX века. Но это суждение в высшей степени справедливо и для самой Цветаевой, и для Николая Гумилева. В личных страданиях и состраданиях трагической судьбе России в них также состоялось рождение русского поэта с тем томлением «духовной жаждой», которое преобразует его в пророка, призванного к жертвенному служению искусству и людям, чьи сердца он должен «жечь».

Путь к смерти, заставшей человека Николая Гумилева «на половине странствия земного» (так он предполагал назвать один из последних сборников), позволил понять поэта Николая Гумилева «на глубине духа». «Проблематика духа» — главная в русской литературе, а в «Царстве Духа <... > нет времени, и в этом смысле русская литература не имеет хронологии» [14, 156]. Расстрел Гумилева, так не совпавший с его собственным представлением о достойной смерти, вовсе не отменяет того высокого смысла, который утвердился в русской поэзии в образе смерти поэта. И горькие слова Лермонтова «Погиб поэт! — невольник чести — / Пал, оклеветанный молвой» точно характеризуют и смерть русского поэта, погибшего спустя почти сто лет после Пушкина.

«Смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений» [5, 101], — это во многом парадоксальное суждение Н. А. Струве стало емким определением сложившейся в русской поэтической традиции парадигмы «смерти поэта» как провиденциальной темы его творчества, более того, не как завершения, а своего рода продолжения его духовно-творческой биографии.

Воронежский государственный университет

Бердникова О. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: olberd@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин Максимилиан. Избранные стихотворения / Максимилиан Волошин. — М.: Советская Россия, 1988. — 384 с.
2. Лермонтов М. Собр. соч.: В 4 томах / М. Лермонтов. — М.: Художественная литература, 1964. — Т. 1.
3. Гумилев Николай. Стихотворения и поэмы / Николай Гумилев. — М.: Современник, 1989. — 461 с.
4. Вейдле Вл. Петербургская поэтика / Вл. Вейдле // Вопросы литературы. — 1990. — № 7. — С. 108–127.
5. Струве Н. А. Православие и культура / Н. А. Струве. — М.: Христианское издательство, 1992. — 337 с.
6. См.: Бердникова О. А. «Жизнелюб и смертоискатель»: мотивы смерти в поэзии Н. С. Гумилева / О. А. Бердникова // Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе. Серия «Материалы к словарю сюжетов русской литературы». Выпуск 10. — Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2012. — С. 164–171.
7. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. — М.: Республика, 1994.
8. Гумилев Н. С. Собрание сочинений: В 3 томах / Н. С. Гумилев. — М.: Художественная литература, 1991. — Т. 1.
9. Степун Ф. Вячеслав Иванов / Ф. Степун // Лидия Иванова. Воспоминания. Книга об отце. — М.: Феникс, 1992. — С. 373–389.
10. Бахтин М. М. Собр. соч.: В семи томах / М. М. Бахтин. — М.: Русские словари, 2000. — Т. 2.
11. Зобнин Ю. Николай Гумилев — поэт Православия: монография / Ю. Зобнин. — СПб.: издательство СПбГУП, 2000. — 384 с.
12. Иванов Георгий. О Гумилеве / Георгий Иванов. Собр. соч.: В 3-х томах. — М.: Согласие, 1994. С. 540–556.
13. Цветаева М. И. Поэты с историей и поэты без истории / М. И. Цветаева. Соч.: В 2 т. — М.: Художественная литература, 1995. — Т. 2. — С. 430–443.
14. Бицилли П. М. Избранные труды по филологии / П. М. Бицилли. — М.: Наследие, 1996. — 707 с.

Voronezh State University

Berdnikova O. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian literature XX–XXI centuries, theory of literature and Humanities

E-mail: olberd@mail.ru

ФЕНОМЕН ТЕЛЕСНОСТИ В РОМАНЕ А. КОЗЛОВОЙ «F20»

А. Э. Воротникова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 23 июля 2021 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию многомерного, полисемантического феномена телесности и его функций в романе А. Козловой «F20», представляющем историю взросления и поиска своего Я больной шизофренией девочкой-подростком. Образ психической патологии оказывается сопряженным с телесностью и ее значимыми составляющими — гендером и сексуальностью, которые раскрываются в произведении в природном, социокультурном, дискурсивно-семиотическом, онтологическом аспектах. В статье демонстрируется критический потенциал опредмеченных, деперсонализированных телесных образов, порожденных бездуховным потребительским обществом. Категория телесности выполняет сюжетообразующую функцию, задает ценностную иерархию смыслов, служит идейным резонатором с социокультурной средой, с физической и воображаемой потусторонней реальностью, формирует романную концепцию в целом.

Ключевые слова: телесность, тело, шизофрения, гендер, сексуальность, (само)отчуждение, стилистический слом, метафора.

Abstract: the article is devoted to the study of the multidimensional, polysemantic phenomenon of physicality and its functions in the novel by A. Kozlova «F20», which represents the story of growing up and finding her Self by a schizophrenic teenage girl. The image of mental pathology turns out to be associated with physicality and its significant components — gender and sexuality, which are revealed in the work in natural, socio-cultural, discursive-semiotic, ontological aspects. The article demonstrates the critical potential of the objectified, depersonalized body images generated by a spiritless consumer society. The category of corporeality performs a plot-forming function, sets a value hierarchy of meanings, serves as an ideological resonator with the socio-cultural environment, with physical and imaginary otherworldly reality, forms the novel concept as a whole.

Keywords: physicality, body, schizophrenia, gender, sexuality, (self)alienation, break in style, metaphor.

Научнообразное название романа Анны Козловой «F20» (2016), где F20 — код классификации шизофрении по МКБ, настраивает читателя на знакомство с историей психического заболевания. Действительно, в этом произведении можно найти тщательно выписанные симптомы, причины, этапы развития, способы и средства лечения шизофрении. Однако авторский замысел, очевидно, выходит за рамки представления клинической картины болезни, тем более что достоверность ее с медицинской точки зрения сомнительна [1]. Шизофрения в художественном творении Козловой — это прежде всего метафорический образ, запечатлевающий мучительный процесс взросления и поиска себя главной героиней-рассказчицей Юлей, взбунтовавшейся против фальши, безлюбья и бессмыслицы «нормального» мира взрослых. Образ шизофрении как всеохватной болезни, поразившей и внутреннее существование одинокого подростка, и внешний мир, оказывается тесно связанным с телесностью и сексуальностью, которые являются не только «делом природы», но и в не меньшей степени социально-культурными конструктами и дискурсивными феноменами. В постмодернистской фи-

лософии чувственность и мысль интерпретируются как сопряженные категории, сознание наделяется модусом телесности [2, 28].

Образы телесности в «F20» многообразны: это тела молодые и старые; мужские и женские; больные и здоровые; эстетически привлекательные и отталкивающие; спортивные и детренированные; совокупляющиеся и асексуальные; реальные, существующие объективно в материальной действительности, и галлюцинаторные, порожденные шизофреническим воображением; человеческие и животные; живые и мертвые; анатомические — как объект медицинского исследования и воздействия — и не подвергающиеся таковым, и другие. Пространство произведения буквально «отелеснивается». Тело задает иерархию смыслов, выполняет функцию идейного резонатора с физической реальностью, социальной средой и аксиологической сферой бытия.

Сквозь призму телесности подаются и оцениваются едва ли не все события и задеиствованные в них лица. Телесность оказывается судьбоносной: родители Юли встречаются в травмпункте, где мать работает медсестрой и куда отец обращается из-за поврежденной ноги. Телесность связывает и разлучает Юлю и Марека, выступая орудием мести (изме-

на главной героини своему возлюбленному). Проблемные отношения тела и сознания определяют сущность шизофрении, которой страдают Юля и ее младшая сестра Анютка. То есть телесность выступает важнейшей сюжетобразующей категорией в романе Козловой.

Доминирует она и на вербальном уровне произведения, содержащего многократные повторы слова «тело» (не менее 18 раз), обозначения разных его частей, указания на его состояния и реакции, психические и физиологические. Однако если говорить о воспроизведении в романном тексте особенностей шизофренического речепорождения: бессвязность высказываний, соскальзывания, ответы «мимо», неверное использование интонационных моделей, синтаксическая упрощенность, нарушение семантических связей, непонимание образного языка [3], — то они здесь отсутствуют. Речь главной героини отличается высокой степенью осмысленности, ей не чужда яркая образность, которая проявляется в употреблении объяснимых с рациональной точки зрения и при этом неизбитых метафор, оригинальных сравнений, эпитетов. То есть на уровне выражения это речь, не отмеченная стигмой патологии. Шизофрения не поражает языковую материю романного текста, но неизменно присутствует на его сюжетном и проблемно-тематическом уровнях как объект художественного осмысления.

Язык романа примечателен в ином отношении — своим смешением стилей: медицинской терминологии (названия лекарств, врачебного диагноза), просторечий, сленга, обценной лексики, вульгаризмов и одновременно образного, достигающего порой поэтических высот языка. Стилистический слом часто создает иронический эффект: обыденное или возвышенное обнаруживают свою смешную и убогую сущность. Но иногда в романе происходит и обратное: в недостойное и низкое неожиданно врывается прочувствованная лирическая струя. Так, скабрезно-сниженное описание отношений Юли с Костиком заслоняется на краткий миг поэтическим образом утренней комнаты, а затем опять берет верх.

Стилевые особенности романного повествования служат передаче внутреннего раскола героини (опять же не в шизофреническом смысле) — метаний ее неприкаянной души, интуитивно тянущейся к красоте и любви, но обреченной на непонимание и одиночество. Резкость Юлиного подросткового сленга, непристойность используемых ею дисфемизмов есть средство самозащиты и в то же время вызов несовершенному миру, эпатажная форма протеста против его фальшивой нормальности.

За внешними грубостью и цинизмом скрывается тонкая и ранимая натура, наделенная способностью к художественному восприятию действительности и собственного Я. Не случайно образы телесности часто подвергаются в Юлином дис-

курсе метафоризации. Так, свою страсть к Мареку она описывает, прибегая к фрейдистскому мифопоэтическому образу Эроса-Танатоса, который докажет свою концептуальную мощь в дальнейшем сюжетном развитии: «...я умирала и рассыпалась костями по классу, чтобы ближе к обеду собрать себя, отнести домой» [4].

Телесность представлена в «F20» в двух ракурсах: изнутри — как опыт познания собственной физиологической природы и извне — с позиций стороннего наблюдателя. И в том, и в другом случае модусом телесного бытия является отчуждение. Именно в опредмеченном существовании романских персонажей, которые в массе своей видятся главной героине лишенными личностного начала, следует искать истоки гипертрофированной телесности в изображении мира и человека.

В самом начале повествования Юля причиной шизофрении и связанных с ней всех последующих несчастий в своей жизни и жизни младшей сестры Анютки называет сломанные замки «в чемоданчиках с генами» [4]. Однако по ходу развития действия становится очевидной несостоятельность подобного объяснения: патология девочек формируется всем укладом их существования в семье и обществе, пораженных недугом бездуховности, который также находит свое выражение в образах телесности.

Пошлое и стереотипное представление домашнего тирана — Юлиного отца — о «нормальной» семье, переданное в романе опосредованно — сквозь оптику жестко-иронического разоблачительного взгляда подростка, вполне соответствует утвердившимся в обществе массового потребления воззрениям на гендерное распределение ролей и на природное предназначение женщины: «Он хотел нормальную жену, нормальную женщину... Крепкую, с сиськами, чтобы хорошо готовила и занималась детьми» [4].

Телесно-биологический аспект доминирует в изображении практически всех женщин в романе. Даже на сохранившейся от советских времен мозаике в стиле соцреализма главная героиня различает «женщин, детей, рабочих» [4], по-детски прозорливо угадывая неизбежность проблемы сексизма в российском патриархатном обществе.

Лишенные личностной самобытности образы матери Юли, «шлюх из модного журнала» [4], любовниц отца и одной из них — случайно встреченной героиней в фитнес-клубе обладательницы «круглого литого зада» [4] — множатся, дублируют друг друга, создавая обобщенное представление о женственности как опредмеченной, деперсонализированной телесности, не обремененной сложными мыслями и глубокими чувствами, то есть самосознанием. Однако не только мужское, но и женское существование вписано в представление Юли в единую парадигму телесности, за которой скрывается духовная одномерность.

Если для большинства телесность есть главное содержание существования — в смысле удовлетворения примитивных физиологических потребностей, то телесность Юли — это объект мыслительного анализа, изматывающей рефлексии, которые эту телесность в какой-то степени и упраздняют, переводя ее в ранг дискурсивного феномена. В этом смысле роман Козловой можно было бы назвать исповедью тела.

Конфликт девочки с самой собой и с миром представлен сквозь призму отношений ее с собственным телом. Юля воспринимает свое тело как не принадлежащее ей. То, что романная атмосфера густо настояна на физиологических образах, объясняется самой сущностью описываемой патологии: «Раскол Я шизофреника находит свое выражение в нарушении чувства телесности» [5, 118]. В традициях российской неонатралистической литературы в «F20» воссозданы этапы деперсонализации героини — распад ее тела на «сознание и мясо» [4] и последующие усилия по их воссоединению: «Вернувшись в комнату, я увидела себя, лежащую на кровати. На несколько секунд у меня перехватило дыхание. Я поняла, что мне надо любой ценой вернуться в себя, но это плохо получалось. Я легла на свое тело сверху, я попыталась раскрыть себе рот, чтобы влезть в него, я прыгала на себя, как это делали герои мультфильмов, но все было бесполезно. Из стен шел какой-то гул, за стенами явно был кто-то, кто видел мои попытки. Если я не вернусь в свое тело, что же будет? — думала я в отчаянии. <...> но я вдруг оказалась внутри себя. И вздохнула» [4].

Одним из способов преодоления самоотчуждения выступает селфхаринг — нанесение себе увечий. Боль оказывается способом избавления от страдающей ипостаси своего Я и возврата к себе — еще живому существу, не утратившему связи с внешним миром. «Я обернула бритву носовым платком и вонзила в ступню. Провела вдоль, потом вынула, снова вонзила — и сделала крестик. Из крестика в ванную закапала кровь. На своей ступне я вырезала бритвой Müde. Слово было таким красивым, что на несколько минут я забыла про Сергея, про то, что не сплю, могу не вернуться в тело, про школу, деревья, прохожих, про всю свою сраную жизнь» [4]. «Lust, Tier, Tod, Wahnsinn, Unschuld» [4] («похоть, животное, смерть, сумасшествие, невинность») — врезанные в плоть слова из немецкого языка, привлекающего героиню своей четкостью и ясностью, то есть свойствами, служащими противовесом хаосу и мути ее собственного существования.

Слова Юля в основном вырезает на ступнях, что тоже не случайно. Образ ног(и) постоянно фигурирует в романе как метафорический аналог устойчивости и стабильности существования, нехватку которых остро ощущает героиня. Повествование пестрит эпизодами со сломанными, покалеченными, страда-

ющими от варикозного расширения вен ногами или, напротив, натренированными сильными конечностями довольных жизнью женщин и мужчин, бетонными ногами советских людей на мозаичном панно.

Тело в романе уподобляется чистой доске, листу бумаги, позже, когда Юля наносит поверх шрамов новые слова, — палимпсесту, на котором вырезаны письма-знаки, схватывающие самую суть внутренней проблемы героини. Тело запечатлевает хронику жизни-болезни. В духе фрейдистского психоанализа душевное страдание, получившее вербальное выражение, нейтрализуется.

Отсюда и значимость образа рта в истории Юли: именно через него она осуществляет возврат в собственное тело. Образ рта многофункционален и в культурной традиции, и в романе: он выполняет главные физиологические функции — употребления пищи, отчасти дыхания, то есть поддержания связи с материальным внешним миром, но имеет и не менее важное культурное назначение как источник речи и коммуникации. Невозможность голосового самовыражения подменяется в романе телесной грамматикой болевых симптомов, имеющей аналоги в феминистской литературе и философии. В частности, французка Эллен Сиксу адресует женщинам призыв «писать своим телом» [6, 811]. Но если феминистки наделяют женскую телесность революционным творческим потенциалом, то в «F20» такое отелесненное бытие является скорее трагической неизбежностью в жизни подростка-шизофреника, оставленного один на один со своими трудностями. В российской женской литературе тело практически всегда оказывается источником страдания и безрадостного самопознания [7], и «F20» в этом смысле не исключение.

Страдает от варикозного расширения вен Юлина мать, лихорадочно занимающаяся фитнесом с целью вернуть себе утраченное здоровье и красоту, а с ними и бросившего ее мужа. Страдает от собственной опостылевшей девственности семидесятичетырехлетняя Милена Львовна, умирающая от венерической инфекции после все-таки состоявшейся (не без помощи волонтера Юли) близости с вахтером. Алкоголизмом страдает Елена Борисовна — мать отчима главной героини, а ее бабушку беспокоят нервы и бессонница.

Важный аспект интерпретации плотского начала в «F20» — его связь с сексуальностью. В романе подчеркивается зависимость протекания психического заболевания от женской физиологии — явление, многократно освещавшееся в специальных исследованиях, начиная со времен Й. Брейера и З. Фрейда [8]. Однако отнюдь не психоаналитический и/или психиатрический аспект доминирует во взгляде автора на подростково-шизофреническое помешательство героини на сексе. Первые отношения Юли со студентом Костином, являющиеся своего рода попыткой

эскапизма, носят исключительно механистический характер, а сам он воспринимается героиней как существо, у которого «вообще нет личности» [4]. Сравнение любовного акта со спортивной греблей, занятиями на тренажере, а женского тела с древесным стволом встраивается в длинный ряд аналогичных спортивно-природных ассоциаций, популярных в феминистской литературе с ее антипатриархатным посылом [9, 16].

Автоматизация полового акта, в котором женщина играет исключительно объектную роль, заставляет героиню переключить внимание с собственного тела на пространство, в котором оно находится: «...этот потолок с застывшими каплями лака, эти обитые вагонкой стены... Перо, наполовину вылезшее из подушки. Дыхание. Запах дезодоранта, облупленный красный лак на ногтях моих ног. <...> Стены и потолок столкнулись, запрыгали, постельное белье двигалось, то надуваясь складками, то разглаживаясь. Капля лака текла по воздуху, все ниже и ниже» [4]. В хемингуэвской манере, напоминающей кинематографическую монтажную технику, автор не ограничивается прямым описанием внутреннего состояния протагонистки, но фокусирует ее сознание на подробностях вещного мира, воссоздавая через восприятие отдельных деталей окружающей обстановки целостную картину происходящего.

Аналогичным образом представлены чувства Юли в момент расставания с Марекком, при этом наблюдаемая ею тонущая бутылка становится символом разрыва отношений: «Я ничего на это не ответила, и он ушел. Я стояла у парапета и смотрела, как из черной воды то высывается, то снова исчезает горлышко винной бутылки» [4].

В приведенных выше отрывках, типичных для романного повествования в целом, состояние героини передается опосредованно — через описание объекта, на который направлен ее взгляд. Образ глаз, взгляд выполняет смыслообразующую функцию и в других психологически нагруженных сценах общения героев. Так, отношения с матерью Юля характеризует через передачу особенностей ее взгляда. Мать боится визуального контакта с дочерью, поскольку чувствует свою вину перед ней.

Если близость Юли с Костиком является бегством от бессмыслицы бытия, то любовь к Марекку — приближением к бытийному смыслу. Тело становится на краткий миг источником инобытия, ценностно наполненного, жизнеутверждающего. Однако внешнее давление со стороны родителей, редуцирующих личности своих детей до физиологических объектов (страх нежелательной беременности), разрушительная для любви рефлексия героини над природой своего чувства в его физической и духовной ипостасях, наконец, взаимное непонимание подростков решают исход их отношений: они заканчиваются самоубийством Марекка и обострением Юлиной болезни.

Примечательно, что в отличие от распространенного в женской литературе осуждения мужчины и сочувственного взгляда на женщину, в романе Козловой к представителям обоих полов приложена одна оценочная мера. «Общий кризис человеческой идентичности» [10] наступает и тех, и других.

В конце повествования жалким и потерянными выглядит внешне удачливый, физически сильный, накачанный отец Юли — владелец фитнес-клуба, со слезами рассказывающий дочери о своей несчастной жизни. Телесность не только выступает источником прозрения истинного положения вещей, но и затемняет его, способствует созданию фальшивого образа реальности. Не исключено, что главная героиня, сосредоточенная на доскональной передаче телесных реакций окружающих ее людей, фиксирующая с дотошностью механического регистратора их взгляды, жесты, движения, тональность голоса, все-таки не сумела в силу своего юношеского максимализма верно прочесть «телесный текст», разворачивающийся перед ней. Телесный опыт оказывается в этом смысле горьким опытом миропознания и самопознания, необходимым, однако, для обретения своего Я. Последнее так или иначе происходит в финале произведения, где героиня, ведомая по ночному кладбищу галлюцинаторной фигурой ребенка, постигает мистические тайны бытия и, пережив катарсис, возрождается к новой жизни.

Примечательно, что в мифопоэтической сцене нисхождения к мертвым телесность обретает новое измерение — метафизическое и символическое: героиня получает сверхчувственное мистическое тело, преодолевающее физические и физиологические законы мироздания, получающее сверхспособность проникновения сквозь напластования земли «к ее огромному сердцу» [4]. Персонифицированный образ земли наделяется антропоморфными телесными характеристиками, благодаря чему происходит слияние человека и мира, субъекта и объекта, Я и Другого, живых и мертвых в духе первобытного мифологического синкретизма, позволяющего Юле преодолеть бытийное (само)отчуждение.

Немалую лепту в выздоровление протагонистки вносит Марек. Он предстает в романе обладателем «зеленого скользящего взгляда» [4], то есть является своего рода змеем-искусителем, не столько соблазняющим героиню, которая и без того знакома с секретами плотской любви, сколько приобщающего ее, сам того не ведая, к скрытому смыслу существования. Ведь именно через переживание любви к Марекку и его последующей смерти Юля постигает в своих галлюцинаторных фантазиях «милость, которая не делает различий, у которой нет важного и неважного, нет смерти и нет жизни» [4]. Через это обретенное мистическое знание героиня преодолевает психическую болезнь и уже в реальности возвращается к своему Я в единстве его сознания и телесности.

Таким образом, телесность в «F20» — это многомерный, полисемантический феномен — природный, социальный, культурный, дискурсивно-семиотический и онтологический, — задающий целостную романную концепцию. В сфере телесности осуществляется критика обыденных представлений о мире и месте в нем человека, осмысление и переосмысление ценностных категорий бытия и открытие своего Я. В конечном счете «F20» — роман не о теле, а о душе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьменков А. Полет над гнездом Аннушки / А. Кузьменков // Урал. — № 2. — 2017. — Режим доступа: <http://uraljournal.ru/work-2017-2-1745> (Дата обращения: 04.09.2021).
2. Огурцов А. П. Тело / А. П. Огурцов // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина и др. — М.: Мысль, 2001. — Т. 4. — С. 25–28.
3. Карякина М. В. Нарушения речи у больных шизофренией / М. В. Карякина, М. Ю. Сидорова, А. Б. Шмуклер // Социальная и клиническая психиатрия. — 2017. — Т. 27. — № 4. — С. 93–100.
4. Козлова А. F20 / А. Козлова. — Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=579814&p=1> (Дата обращения: 04.09.2021).
5. Великанова Л. В. Телесность и роль Другого в онтологии шизофрении / Л. В. Великанова // Современная онтология IX: сознание и бессознательное. Сборник докладов международной научной конференции / Под ред. П. М. Кольчева, К. В. Лосева. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2019. — С. 116–123.
6. Сиксу Э. Хохот Медузы / Э. Сиксу // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. — Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. — С. 799–821.
7. Фатеева Н. А. Женский текст как «история болезни» (На материале современной женской русской прозы) / Н. А. Фатеева // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика. — Литагент «Новое издательство», 2006. — Режим доступа: <https://knigism.online/secondreader/78849> (Дата обращения: 04.09.2021).
8. Фрейд З. Истерия. История женского безумия / З. Фрейд, Й. Брейер, Э. Кречмер. — М.: Алгоритм, 2021. — 650 с.
9. Воротникова А. Э. «Мысль семейная» в романах «Пианистка» Э. Елинек и «Время ночь» Л. Петрушевской / А. Э. Воротникова // Русская и немецкая литература — взаимодействие культур: материалы осенней научной школы-конференции ВГПУ. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2018. — С. 12–21.
10. Нохейль Р. Мечты и кошмары: О телесном и сексуальном в постсоветской женской прозе / Р. Нохейль // Преображение. — 1996. — №4. — С. 54–61. — Режим доступа: https://a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_4_1996_b.htm (Дата обращения: 04.09.2021).

Воронежский государственный педагогический университет

Воротникова А. Э., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей

E-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru

*Voronezh State Pedagogical University
Vorotnikova A. E., Doctor of Philology (PhD), professor of the Department of French Language and Foreign Languages for Non-linguistic Specialities
E-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru*

НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ С ФОРМАНТОМ -СЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Динь Тхи Хонг Тхам

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 августа 2021 г.

Аннотация: в статье выявляются специфические характеристики глаголов с постфиксом -ся, которые в результате исторических процессов утратили связь с производящей основой и с точки зрения синхронной деривации являются непроизводными.

Ключевые слова: непроизводный глагол, формант -ся, возвратный глагол, отложительные глаголы.

Abstract: *bilingual dictionaries play an important role in the study of the formation of economic vocabulary. A growing interest in the study of Russian language and the development of economic relations between Russia and Vietnam, emphasized the need to create a Russian-Vietnamese dictionary of current economic vocabulary.*

Keywords: *economic vocabulary, dictionary, language and media.*

Среди глаголов с формантом -ся в современном русском языке особую группу составляют так называемые непроизводные глаголы. Это глагольные лексемы типа *бояться, казаться*, которые с позиций синхронного словообразования не имеют производящей основы.

Данные глаголы давно привлекали внимание лингвистов. В научной литературе глаголы с постфиксом -ся, не имеющие производящей базы, называются глаголами *reflexiva tantum*.

В некоторых грамматиках они рассматриваются в классе отложительных глаголов и трактуются как собственно отложительные. В Русской корпусной грамматике отложительными называются «возвратные глаголы, для которых не существует (по крайней мере, на синхронном уровне) парного им невозвратного глагола» [<http://rusgram.ru/index>].

В современном русском языке собственно отложительные глаголы не сопоставимы ни с глаголами, ни с именами. Объяснение этому факту, как правило, связывают с утратой с течением времени производящих невозвратных основ. С. П. Обнорский в работе «Очерки по морфологии русского глагола» писал: «При забвении или утрате невозвратной и не осложненной префиксом формы глагола в языке могут сохраниться именно производные их, в частности только в одной возвратной форме. Так должны объясняться имеющиеся в языке глаголы, не осложненные префиксом и известные в одной возвратной форме. Ср.: бояться, дивоваться, скупиться, смеяться, касаться, красоваться и под.» [2, 59].

Сравнение с языковыми данными XVIII–XIX вв. доказывает, что ранее некоторые из глаголов *reflexiva tantum* имели глагольные производящие корреляты (например, *наслаждаться, насладить, соглашать, соглашать* и др.). У В. А. Богородицкого находим сведения от-

носителю производящей формы для глагола *каяться*: «Для глагола *каяться* действительная форма *каять* известна из памятников древнерусского языка в значении «бранить», «порицать» по XIII в., в более специальном значении «исповедовать» еще в памятниках XVI в., а в поговорках и до сих пор в обоих значениях, напр.: «Старого не бьют, мертвого не кают» [цит. По: 3, 37].

Глаголы *reflexiva tantum* образуют в русском языке достаточно многочисленную группу, единицы которой широко представлены в современных медиа-текстах следующими лексическими классами:

1) глаголами эмоция / проявления эмоций (*гордиться, надеяться, улыбнуться, смеяться, издеваться, нравиться* и др.);

2) глаголами поведения: *толпиться, отчаяться, суесться, притвориться, лениться, проснуться, каяться, маяться, опасаться* и др.;

3) глаголами, обозначающими явления природы: *смеркаться* и др.;

4) единицами, обозначающими физиологические состояния человека: *нездоровиться* и др.;

5) модальными: *удаться, намереваться, оказать, стараться, понадобиться* и др. Ср. примеры употребления: «Путин улыбнулся и поблагодарил Никанора» [Газета.ру, 01.09.2021];

«Они толпятся у входа в единственный аэропорт афганской столицы» [Газета.ру, 16.08.2021];

«Надо заметить, что дело было вечером, в декабре смеркается рано, а Гостиный двор в ту пору внутри не освещался и не отапливался — не столько из экономии, сколько из соображений пожарной безопасности» [Газета.ру, 21.10.2018];

«Безусловно, ему сейчас нездоровится, такова ситуация, но мы должны выйти из нее более сильными» [Газета.ру, 25.06.2020];

«Уточняется, что члены группировки намеревались уехать из России и вступить в ряды одной

из международных террористических организаций» [Газета.ru, 08.09.2021].

Н. А. Янко-Триницкая высказывает ценное замечание относительно несопоставимых возвратных глаголов: «Причина возникновения таких несопоставимых возвратных глаголов, омонимов к сопоставимым глаголам, лежит в том, что возвратный глагол, как и любое другое производное слово, стремится выражать свое значение целиком всем словом, а не через сопоставление с производящим глаголом и значением частицы -ся, а это неминуемо ведет к развитию новых значений в слове, к ослаблению и зачастую к полной утрате непосредственной сопоставимости. В ряде случаев новое, переносное значение явно связано с основным значением возвратного глагола и не создает омонима, а умножает количество значений того же слова, причем многозначный возвратный глагол в прямом значении сопоставляется с производящим невозвратным глаголом, а в переносном значении может и не сопоставляться» [3, 39].

В соответствии с представленной в работах С. Л. Лукиной и Т. М. Ломовой классификацией глаголов *reflexiva tantum* с учетом их акциональной семантики можно выделить несколько групп [1]:

1) глаголы, обозначающие эволютивные действия — *бояться, годиться, опасаться, ручаться*, например:

«Если вы поищите хорошенько, я **ручаюсь**, что вы заметите пророчества обо всех событиях» [Газета.ru, 20.02.2020];

2) глаголы, обозначающие результативно-процессные действия — *заикнуться, очнуться*, например:

«Я **очнулась** на полу и поползла в кресло, чтобы сгруппироваться, и ждала момента падения куска самолета, чтобы отпружинить ногами от пола» [Газета.ru, 24.08.2021];

3) глаголы со значением процессно-результативных действий — *забыться, притворяться, зарекается, улыбаться, случиться, соглашаться* и др., например:

«Не надо **зарекается** относительно того, что никогда не признают Крым» [Газета.ru, 26.02.2021];

«Мы не можем **притворяться**, как будто афганский вопрос нас не касается, поскольку мы участвовали в этой миссии, разделяя ее цели и задачи» [Газета.ru, 01.09.2021].

Анализ функционирующих в современном массмедийном дискурсе глаголов группы *reflexiva tantum* показал, что выражаемые ими значения практически не формируются аффиксом -ся. Ср.: «В несопоставимых возвратных глаголах нельзя выделить ту сто-

рону значения, которая создается именно частицей -ся. Самые значения несопоставимых возвратных глаголов не связываются для нас с неперменным наличием в них частицы -ся, с неперменной возвратностью» [3, 41].

Некоторые исследователи обнаруживают связь между непроизводными глаголами с постфиксом -ся (глаголы *reflexiva tantum*) и невозвратными глаголами с другим корнем. Подобные единицы вступают между собой в синонимические отношения, например:

бояться — *труситься, пресмыкаться* — *раболепствовать, скитаться* — *странствовать, случиться* — *произойти, смеяться* — *хохотать* и т.п.

Данные примеры отражают близость непроизводных глаголов с постфиксом -ся именно с этими единицами, а не с глагольными лексемами.

Следует заметить, что не только в несопоставимых возвратных глаголах, но и в глаголах, обладающих различным характером сопоставимости, частица -ся ничего не говорит нам о значении того или иного глагола, если мы рассматриваем такой глагол вне сопоставления с соответствующим невозвратным. Здесь также сходные лексические значения могут выражаться и невозвратными глаголами, например:

влюбиться — *полюбить, литься* — *течь, нажиться* — *разбогатеть, нестись* — *бежать, поднаться* — *встать, приблизиться* — *подойти, печалиться* — *грустить, радоваться* — *ликовать, ссориться* — *враждовать, торопиться* — *спешить* и даже: *объестся* — *переесть*.

Только некоторые разряды прямо сопоставимых возвратных глаголов, как, например, глаголы страдательного значения, совсем не могут иметь невозвратных синонимов.

Таким образом, группа непроизводных глаголов с формантом -ся в современном русском языке характеризуется рядом специфических черт, отличающих её единицы от других глагольных образований с аналогичным формантом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукина С. Л. Русские глаголы Reflexiva Tantum: основные характеристики и особенности их перевода на английский язык / С. Л. Лукина, Т. М. Ломова // Известия ВГПУ. — 2019. — № 1. — С. 204–208.
2. Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола / С. П. Обнорский. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. — 252 с.
3. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. — Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — 247 с.

Воронежский государственный университет
День Тхи Хонг Тхам, аспирант филологического факультета
E-mail: ochar@inbox.ru

Voronezh State University
DinThi Huong Tham, Postgraduate Student of philological faculty
E-mail: ochar@inbox.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ АРХАИЗМОВ-НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

Т. А. Дьякова

*Луганская государственная академия культуры и искусств
имени М. Матусовского*

Поступила в редакцию 11 апреля 2021 г.

Аннотация: цель работы – проанализировать особенности функционирования лексических архаизмов в произведениях Михаила Матусовского. Объектом исследования стали лексические архаизмы, предметом – функционально-стилистические особенности их использования. Материалом исследования послужили поэтические и прозаические произведения писателя. Сделаны выводы о функциях архаизмов (воссоздание исторического колорита, реалистическое изображение окружающей обстановки, патетическое звучание текста).

Ключевые слова: архаизм, наименования лиц, словарь, исторический колорит, текст, патетическое звучание, реалистическое изображение.

Abstract: the purpose of this work is to analyze the features of functioning of lexical archaisms in the works of Mikhail Matusovsky. The object of the research is lexical archaisms, the subject is the functional and stylistic features of their use. The material for the study was the writer's poetic and prose works. Conclusions are drawn about the functions of archaisms (recreation of historical color, realistic image of the environment, pathetic sound of the text).

Keywords: archaism, names of persons, vocabulary, historical flavor, text, pathetic sound, realistic image.

Лексические средства поэтических и прозаических произведений представлены различными по принадлежности к активному / пассивному фонду единицами. Среди лексем пассивного фонда особое место занимают устаревшие слова. Исследованием различных аспектов функционирования устаревшей лексики занимались А. Бабкин, З. Белянская, О. Булахова, Е. Груздева, Л. Зубова, Н. Кононова, Л. Молдованова, Л. Нефедьева, Н. Шестакова, Д. Шмелев и др. ученые. Интерес лингвистов к проблеме использования устаревших слов не угасает. Среди работ последнего времени считаем нужным назвать исследования Л. Алпеевой «Художественные функции архаизмов и историзмов в произведениях В. Шукшина» [1], Т. Аркадьевой, Л. Кольцовой и Т. Кудрявцевой «Проблемы описания историзмов и архаизмов в современной лексикографии» [2], Кадим М., Имад К. «Устаревшая лексика в произведениях А. П. Чехова» [3], Т. Коростелевой «Архаизмы как тропеическое средство в современном русском литературном языке: лингвопрагматический аспект» [4], Фам М. «Наименования одежды в прозе И. А. Бунина в историко-лингвистическом аспекте: лингвопрагматический аспект» [5]. Особый интерес для исследования архаизмов представляют словари устаревшей лексики, среди которых, на наш взгляд, наиболее удачными являются работы Н. Баско и И. Андреевой [6],

Л. Беловинского [7], Л. Глинкиной [8], В. Сомова [9]. Как видим, изучение архаической лексики является востребованным направлением лингвистических исследований.

Устаревшую лексику принято делить на две основные группы: историзмы и архаизмы. Анализ научной литературы показывает, что российские лингвисты (Ю. Караулов, Л. Крысин, Д. Розенталь, Н. Шанский и др.) выделяют такие типы архаизмов: 1) лексические; 2) семантические; 3) фонетические; 4) акцентные; 5) морфологические. Лексическими архаизмами, вслед за Ю. Карауловым, Л. Крысиным и др. учеными, будем считать лексические единицы, которые уцелели целиком, как целостный звуковой комплекс. В работе как синонимы используем понятия «архаизм», «архаическое слово», «архаическая лексема».

Архаические лексические единицы — один из пластов использованной М. Матусовским лексики, которая остается вне лингвистических исследований. Для настоящей работы архаизмы из произведений писателя выделены методом сплошной выборки. Рассматриваемый массив лексики является частью материала для составления словаря языка писателя.

Среди архаических лексических единиц из произведений М. Матусовского считаем возможным вычленив несколько тематических групп. Среди них: наименования лиц (*барышня, инока, каталь*), названия сооружений и их частей (*палаты, сени*), абстрактные понятия (*баталия, мздоимство, пре-*

любодеяние), характеристики предметов, явлений (*велеречивый, вражий, окаянный*), номинация предметов быта (*котомка, ларец*). Учитывая формат работы, рассмотрим фрагмент тематической группы «наименования лиц», в которой можно выделить несколько подгрупп, в частности наименования лиц по профессии и наименования лиц по социальному статусу, положению.

Наименования лиц по профессии

Антрепренер — *доревол., театр.* ‘лицо, стоящее во главе частного театрального предприятия, содержатель частного театра, цирка или труппы актеров’ [10, т. 1, 158]. В художественном тексте лексема использована для воссоздания исторического колорита эпохи: *...громное раздолье для кутежа <...>, — все, что может способствовать к очищению карманов подгулявших коммерсантов (даже, говорят, приезжал хор, состоящий из гражданок Трансвааля — «бурок», настоящих или нет — известно только антрепренеру)* [11, 368].

Каталь — *устар.* ‘рабочий, занимающийся перевозкой грузов на тачке’ [12, 269]. Архаизм применяется для создания характеристики персонажа, воссоздания исторического колорита изображаемой среды: *Пятнадцатилетним подростком познакомился Иван с причалами дореволюционного Осташкова... До капитана было ему далеко — пришлось начинать с простого, но не с самого легкого: с труда каталья, грузчика* [11, 391].

Паяц — *устар.* ‘клоун в цирке, в балагане’ [13]. В стихотворении архаизм употребляется для придания тексту патетического звучания, стилистической приподнятости речи лирического героя: *Клоуны, раз вы живете на свете, / Много можно понять и простить. // Что ж вас все меньше и меньше, паяцы, / С лицами белыми, как полотно, / Может быть, мы разучились смеяться, / Или самим вам не так уж смешно?!* [14, 315].

Тюремщик — *разг. устар.* ‘надсмотрщик, надзиратель в тюрьме’ [13]. В художественном тексте архаическая лексема используется для воссоздания реализма исторической обстановки, изображения представителя определенной социальной группы: *Но на старых, крашенных, и потому лучше сохранившихся, досках можно было прочесть целую повесть о человеке неукротимого характера, которого должны были побавиться даже тюремщики* [11, 297].

Углекоп — *устар.* ‘рабочий, вручную добывавший уголь; шахтер’ [13]. В приводимом далее контексте рассматриваемое архаическое слово употребляется как семантический синоним слова *шахтер*, применяется для придания торжественности поэтическому тексту: *В морозную глухую ночь / По первым снежным тропам / Они собрались, чтоб помочь / Французским углекопам...* [15, 179].

Наименования лиц по социальному статусу, положению

Барышня — *устар.* ‘девушка из барской семьи или вообще из интеллигентной среды’ [12, 37]. В художественном тексте архаизм употребляется для воссоздания колорита эпохи, реалистического изображения окружающей обстановки, социальной группы: *Барышни* [гуляя вечером по городской улице. — Т. Д.] *теснились отдельно, делая вид, что им все на свете безразлично, и одуряющее пахли духами «Белая ночь», рисовой пудрой, кремом для сухой кожи и палеными волосами...* [11, 134].

Девича — *устар.* ‘то же, что девушка’ [13]. В художественном тексте архаическая лексема используется для воссоздания колорита эпохи, реалистического изображения окружающей обстановки, представителя определенной социально-возрастной группы: *Не то чтобы Василиса была жеманной девичей, на которую могла произвести впечатление такая пустяковая история, но с этого вечера какая-то кошка пробегает между ними...* [11, 127].

Женка — *устар.* ‘то же, что женщина’ [10, т. 4, 78]. В приводимом далее контексте рассматриваемое явление архаизмом, употреблено для реалистического изображения окружающей обстановки, воссоздания временного колорита: *И за ситцевой занавеской храпит с мужской силой крепостная женка Мавра Григорьева, с коей хозяин после кончины своей благоверной спит изредка, по мере надобности* [11, 445].

Инока — *устар.* ‘то же, что монахиня’ [10, т. 5, 365]. В приводимом далее контексте рассматриваемый архаизм использован для воссоздания исторического колорита, создания стилистической приподнятости текста: *Там, кладя до земли поклоны, / В ледяную ложась кровать, / Будто заживо погребенной / Век ей инокой вековать* [11, 337].

Наперсница — *устар.* ‘женск. к наперсник: друг и доверенное лицо, которому поверяют сокровенные мысли и тайны’ [13]. В приводимом далее контексте рассматриваемая архаическая лексема применена для реалистического изображения окружающей обстановки, характеристики определенной категории людей: *Так самая хорошенькая девочка в классе бессознательно для контраста выбирает себе на наперсницы невзрачную и веснушчатую подружку* [11, 41].

Старец — *устар.* ‘пожилой монах, отшельник’ [13]. В стихотворении архаизм использован для воссоздания исторического колорита, создания стилистической приподнятости: *Всю жизнь постом спасающие души, / Святые старцы в пыльных клобуках. / В глубоких ямах оспенных кликуши / С иконкой богоматери в руках* [14, 340].

Черница — *устар.* ‘женск. к чернец’ [13]. В поэтическом тексте архаическое слово употребляется для: 1) воссоздания исторического колорита: *Бабка черница шептала на воду, / Пить ей давала целебный настой, / Делала мази из масла и меду — / Все ж оставалась царица пустой* [14, 342]; 2) создания стилистической приподнятости: *И спешит она в ке-*

лье скрыться, / В думу вечно погружена, / Не черница и не царица – / Евдокия Лопухина [14, 339].

В художественных произведениях М. Матусовского архаические слова выполняют различные функции: служат для воссоздания исторического колорита, реалистического изображения окружающей обстановки, определенной социальной группы; придают торжественность поэтическому тексту, стилистическую приподнятость речи лирического героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпеева Л. С. Художественные функции архаизмов и историзмов в произведениях В. Шукшина / Л. С. Алпеева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2019. — № 7 (июль). — С. 180–188. DOI 10.24411/2304-120X-2019-15022. — Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2019/195022.htm>
2. Аркадьева Т. Г. Проблемы описания историзмов и архаизмов в современной лексикографии / Т. Г. Аркадьева, Л. М. Кольцова, Т. Ю. Кудрявцева и др. // Вест. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 3. — С. 14–20.
3. Кадим М. М. Устаревшая лексика в произведениях А. П. Чехова / М. М. Кадим, К. Ш. Имад // Сб. ст. по матер. III междунар. заочн. научно-практ. конф. «Научный форум: филология, искусствоведение и культурология». — М.: Общество с ограниченной ответственностью «Международный центр науки и образования», 2017. — С. 85–93.
4. Коростелева Т. В. Архаизмы как тропическое средство в современном русском литературном языке: лингвопрагматический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т. В. Коростелева. — Волгоград, 2015. — 21 с.
5. Фам М. Ф. Наименования одежды в прозе И. А. Бунина в историко-лингвистическом аспекте: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ф. Фам. — Воронеж, 2019. — 22 с.
6. Баско Н. В. Словарь устаревшей лексики к произведениям русской классики / Н. В. Баско, И. В. Андреева. — М.: АСТ-Пресс, 2019. — 448 с.
7. Беловинский Л. В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII-начало XX в. / Л. В. Беловинский. — М.: Эксмо, 2007. — 784 с.
8. Глинкина Л. А. Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка / Л. А. Глинкина. — М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2008. — 432 с.
9. Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов / В. П. Сомов. — М.: Астрель; АСТ, 2002. — 605 с.
10. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / ред. В. И. Чернышов. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
11. Матусовский М. Семейный альбом / М. Матусовский // Матусовский Михаил. Проза (С. Литературная гордость Луганщины). — Луганск: Виртуальная реальность, 2011. — С. 7–550.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 с.
13. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
14. Матусовский М. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Стихотворения, поэмы, песни / М. Матусовский. — М.: Худ. лит., 1982. — 639 с.
15. Матусовский М. Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе / М. Матусовский. — М.: Репаблица, 2011. — 304 с.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского

Дьякова Т. А., кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации

E-mail: diako122@rambler.ru

«M. Matusovsky State Culture and Art Academy of Lugansk»
Diakova T. A., Cand. Sc. Philology, Docent, Doctoral Candidate
of the Department of Linguistics and Intercultural Communication
E-mail: diako122@rambler.ru

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО: ДИАЛОГ С Н. ГОГОЛЕМ

Н. М. Заварницына

Самарский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 11 апреля 2021 г.

Аннотация: в настоящей статье рассматривается образ «маленького человека» в новеллах С. Д. Кржижановского, выявляются особенности художественного мира его произведений. Автор обращается к экзистенциальным основам творчества писателя. Целью статьи является исследование концепции «маленького человека» Кржижановского в контексте сопоставительного анализа элементов его произведений и текстов Н. Гоголя.

Ключевые слова: «маленький человек», экзистенциальность, «прозванный» гений, гоголевская традиция, литературный текст, одиночество и отчужденность, фантасмагория, человек и вещь.

Abstract: this article examines the image of the "little man" in the novels of S. D. Krzhizhanovsky, reveals the features of the artistic world of his works. The author addresses the existential foundations of the writer's creativity. The purpose of the article is to study the concept of Krzyzanowski's "little man" in the context of a comparative analysis of elements of his works and N. Gogol's texts.

Keywords: "little man", existentiality, "missed" "genius, Gogol's tradition, literary text, loneliness and alienation, phantasmagoria, man and thing.

Имя Сигизмунда Доминиковича Кржижановского (1887–1950) недостаточно хорошо известно современному читателю и исследователю. В силу идеологических причин его творческое наследие стало доступным для отечественных литературоведов только в последние десятилетия XX века. В конце 1980-х — начале 1990-х годов были переизданы сборники произведений писателя. Поэтому исследовательский интерес к различным аспектам творчества С. Кржижановского появился лишь на рубеже XX–XXI веков. Любопытной видится концепция «маленького человека» в мировоззрении писателя, занявшая особое место в художественном мире «прозванного» гения эпохи.

Образ «маленького человека» традиционен в литературе — он создан гениями А. С. Пушкина («Станционный смотритель», «Медный всадник»), Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Бедные люди» и др.), А. П. Чехова («Смерть чиновника», «Дама с собачкой» и др.), Ф. Кафки («Превращение», «Процесс» и др.). Особое звучание тема «маленького человека» получила в творчестве Н. В. Гоголя — в хрестоматийной повести «Шинель». Само понятие «маленький человек», сформированное В. Г. Белинским, прочно вошло в контекст русской классической литературы, и с середины XIX века «маленький человек» становится излюбленным образом многих писателей. «Маленький человек» и сегодня пробуждает чувство искреннего сострадания к людям — обделённым, обиженным, «униженным и оскорбленным» судьбой, обществом.

«Маленький человек» Кржижановского прочно ассоциирован с гоголевским и кафкианским — он замкнут в мире собственных комплексов и страхов, события жизни и судьба персонажа predetermined; герой доведен до отчаяния — и не способен к действию. При этом это особый социально-психологический тип, человек, ощущающий свое бессилие и ничтожность. Порой он способен на слабый протест. К бунту «маленького человека» всегда ведет жизненная катастрофа, но исход протеста — безумие, смерть. Герои Н. В. Гоголя сходят с ума или погибают в неравной борьбе с жестокой действительностью.

Человек и нечеловеческие условия его общественного бытия — главный конфликт, лежащий в основе петербургских повестей. При первом прочтении (не берем во внимание прием «айсберга» и неоднозначность авторской иронии) пафос Н. Гоголя сводится к выражению негодования против трагической неукорененности героя в жизни, против бесчеловечности среды, общества. Сходные философские идеи и традиции в создании образа «маленького» человека мы находим в творчестве С. Д. Кржижановского.

Для мироощущения С. Д. Кржижановского принципиально значимыми были мотивы одиночества и отчужденности. Автор умело оперирует словом, развивая эти мотивы в своем творчестве: текст превращается в некую интеллектуально-театральную игру с читателем, перерастающую в неотделимый от «театра жизни» интеллектуальный театр, где бытие подчинено сознанию. В пореволюционную эпоху человек остро ощущает враждебность мира, недостижимость гармонии ни в реальности, ни за ее

пределами. Трагическое авторское сознание обнаруживает черты принципиальной неразрешенности.

Гротесковые образы и ситуации смыслово сопряжены с возникшим позже с «театром абсурда». У многих героев писателя отмечается ощущение неукорененности в жизни, потери «почвы» под ногами, «подвешенности» между жизнью и смертью, небытием («Квадратурин», «Смерть эльфа», «В зрачке»). Человек больше не венец творения, мир враждебен ему, а гармония не достижима ни в реальности, ни за ее пределами, так как само существование упорядоченного вечного начала ставится под сомнение. Отечественные литературоведы в качестве предшественников писателя в разработке многих тем называют Э. По, Э. Т. А. Гофмана, Дж. Свифта, Вольтера, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. В. Гоголя.

Художественный мир Кржижановского пронизан философией, ориентированной на гуманистический идеал, который — как в художественной реальности, так и во внехудожественной — не достижим.

По мнению В. Г. Перельмутера, в творчестве Кржижановского «фантастически преломляется богатая противоречиями и парадоксами жизнь первого революционного десятилетия; сатирическая гиперболлизация изображения доходит до гротеска» [6, 19]. Поэтому, в частности, говоря о современной Москве, автор осмысливает, воспринимает ее как некую нереальную действительность, как особое искаженное зеркальное сценическое пространство: «Город, из которого я еще не выслан <...> — это не город вещей, а город из отражений... все их вещи — тени моих теней» [Цит. по: 11]. Писатель создает особую модель мира — мира зеркальных сущностей, где всё, скорее, воспринимается как фикция — своеобразное ощущение призрачности, зыбкости бытия.

Образ Москвы Кржижановского создает устойчивую ассоциацию с Петербургом Н. В. Гоголя. Петербург поражал Гоголя глубокими общественными противоречиями, трагическими социальными катастрофами. По Гоголю, Петербург — город, где человеческие отношения искажены, торжествует пошлость, а таланты гибнут. Это город, где, «кроме фонаря, все дышит обманом». Именно в этом страшном, безумном городе нет жителя бедному Акакию Акакиевичу. Герои Гоголя сходят с ума или погибают в неравной борьбе с жестокой действительностью.

Человек и нечеловеческие условия его существования — главный конфликт, лежащий как в основе петербургских повестей Гоголя, так и в основе многих произведений С. Кржижановского.

Кржижановский наследует традиции Гоголя в создании образа «маленького человека». В этом смысле интересна новелла «Квадратурин» (1926). Герой произведения — некий Сутулин (говорящая фамилия — сутулость — художественный «признак» маленького человека; сутулость интерпретируется как сосредоточение на внутреннем мире, как сим-

вол одиночества, а также прочитывается и в аспекте давления сверху).

У Сутулина, живущего в небольшой комнатке, есть заветная мечта — расширить свое жилище. Незнакомец приносит ему «средство для рращения комнат». В прилагаемой инструкции разъясняется: «Разведя квадратуриновую эссенцию в пропорции чайная ложка на стакан воды, смочив получившимся раствором кусок ваты или просто чистую тряпочку, смазывают ею внутренние стены комнаты, предназначенные к разрушиванию. Состав не оставляет никаких пятен, не портит обои и даже способствует — попутно — выведению клопов» [8, 451]. Сутулин обмазал жидкостью свое жилище, следуя инструкции. Комната начинает расти. Сначала героя это радует, потом пугает, поскольку рост не прекращается.

Изначально восьмиметровая комната Сутулина вызывает в памяти похожую более «на шкаф или на сундук» каморку Родиона Раскольников [5, 62]. Ассоциация усиливается за счет высоты стен: «Это была крошечная клетушка <...> до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и всё казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок» [5, 126]; «Не раздеваясь, Сутулин присел на табурет и оглядывал свой просторный и вместе с тем давящий сверху гробовидный жильевой короб, стараясь понять причину неожиданного эффекта. Тут он вспомнил, — ведь потолок остался несмазанным: эссенции не хватило. Жилкороб расползлся только вбок и вдоль, ни на дюйм не подымаясь кверху» [8, 455]. Дополнительным штрихом оказывается и цветное совпадение: «желтенькие» обои в комнате Раскольникова и занавеска «канареечно-желтого цвета», купленная Сутулиным.

Финал новеллы прописан почти по-гоголевски: комната, разросшись до размеров бесконечности, поглощает, убивает своего жильца. «Он знал, что там, за спиной, расползшееся черными углами мертвое оквадратурированное пространство. Знал и не оглядывался. <...> Он шел — шаг к шагу, шаг к шагу — с пальцами, протянутыми вперед, и не находил ничего: ни узла, ни крючьев, ни даже стен. “Дойду же наконец. Должен же дойти”. Тело облипло холодом и потом. Ноги странно выгибались. Человек присел на корточки, ладонями в доски пола: “Не надо было возвращаться. А так — одному, как стоишь, начисто”. И вдруг ударило: “Жду тут, а она растет, жду, а она...”» [8, 460].

Квартирный вопрос, столь остро стоявший именно в начале 1920-х гг., сопряжен в новелле с темой одиночества, потерянности человека в мире. Через язык «вещей» — как у Гоголя, через игру с пространством писатель раскрывает ничтожность человека, трагическую неспособность его противостоять окружающему миру. (У Гоголя-реалиста прямое противостояние «человек-общество», у Кржижановского — то же противостояние, но через метафоры

и символы). Пугающую изменчивость пространства, его агрессию по отношению к субъекту отмечает и Е. Е. Бирюкова: «Автор, играя масштабами, показывает духовное восхождение героя к подлинной сущности мира через уменьшение, физическое самоумаление. Персонажи рассмотренных рассказов открывают собственную ничтожность, “страдательность” и неумолимое в экзистенциальной глухоте бытие» [1, 19]. Здесь возникает диалог с тезисом И. Канта о непознаваемости мира — через демонстрацию чуждого, непонятого пространства, которое неподвластно сознанию героя и которое его, в конце концов, поглощает. Несомненно, подобные мотивы перекликаются с биографией Кржижановского, он сам долгое время обитал в подобной «квадратурке» в шесть квадратных метров, сочиняя и надиктовывая машинистке свои новеллы [См.: 2, 9, 10]. Таким образом, тема маленького человека у Кржижановского, как и у Кафки, — экзистенциальной природы.

Герой в новелле будто оказывается заживо погребенным в «коробке» комнаты. При этом Кржижановский, как и Гоголь, доводит происходящее до парадокса, пробует дойти до предела в движении мысли, точнее, в реализации мечты героя — увеличить комнату.

В «Квадратурине», как и в некоторых других произведениях писателя, уравнивается человек и вещь; человек наделяется свойствами объекта действия, а вещь — субъекта — так же, как у Гоголя. Концептуально человек у Кржижановского — объект воздействия; персонаж пассивен или его действия бесплодны, поэтому фабульно-сюжетные ситуации у Кржижановского, как правило, неразрешимы. Активность сохраняют только фантастические персонажи; человек же бессилён перед лицом вторжения inferнальных сил.

Герой Кржижановского — Сутулин — типичный «маленький» человек — одинокий, неуверенный, лишенный надежной опоры, поглощенный в конце-концов пугающим своей неизвестностью пространством. Тема «маленького» человека у Кржижановского сопряжена с темами одиночества и дисгармоничности мира и находит преломление в ряде других произведений, в частности, в новелле «Автобиография трупа», где угадываются гоголевские приемы и средства создания образа героя.

В «Автобиографии трупа», по мнению В. В. Горошниковой, воспроизведена экзистенциальная онтология Кржижановского, где черты бытия проступают через противостояния жизни и смерти [Подробнее см.: 4]. «Революция <...> это не междоусобие красных с белыми, зеленых с красными, не поход Востока против Запада, класса против класса, а просто борьба за планету Жизни со Смертью. Или — или» [7, 535].

Автор предлагает вниманию читателя игру со временем, прибегая к излюбленному приему рассказа в рассказе. В центре новеллы находится

письмо в будущее, исповедь человека, спланировавшего и осуществившего самоубийство. Автобиография адресуется следующему постояльцу комнаты, в которой жил «труп». «Труп» «проигрывает» адресату собственную жизнь, преследуя специфическую цель: «мне издавна мечталось после всех неудачных опытов со своим “я” попробовать вселиться хотя бы в чужое. Если Вы сколько-нибудь живы, мне это уже удалось» [7, 541]. То, как точно угадывает главный герой личность получателя своей автобиографии («Вы — провинциал, ведь такие комнаты выгоднее сдавать приезжим, не знающим местных обстоятельств и газетной хроники; конечно, Вы приехали “завоевать Москву”; в Вас достаточно энергии, желания “строиться”, “пробить себе дорогу”, короче, в Вас есть то особое уменье, которого никогда не было во мне: уменье быть живым»), подчеркивает актуальную для писателя идею сосуществования различных временных пластов: «точно расчисленное будущее мыслится как некая осуществленность, то есть почти как прошлое» [7, 511].

Герой Кржижановского в очередной раз оказывается в экзистенциальном тупике, он наделен «катастрофическим» мироощущением, когда бытие грозит обернуться небытием, а жизнь заменяется пребыванием в пространстве смерти. Бесспорно, произведения С. Кржижановского имеют другую философскую и политическую направленность, нежели произведения Гоголя, но экзистенции героев-«маленьких» людей имеют одну природу. Художественные цели писателей разнятся, но в центре внимания остается Человек, его судьба и мироощущение в равнодушном и жестоком мире. Созданные писателями образы «маленьких» людей разные. Желания и мечты Акакия Акакиевича до крайности мелкие и убогие. Герой Кржижановского ближе к герою Ф. Кафки, он гораздо глубже Башмачкина, его душевная организация очень тонка. Однако он так же, как и Башмачкин, не способен противостоять жестокости общества и мира в целом, но персонаж Кржижановского идет на крайнюю меру — самоубийство (может быть, это попытка протеста, хотя это вопрос спорен; у Гоголя тоже только мертвый Акакий Акакиевич способен на бунт и месть).

Произведения С. Кржижановского, как уже отмечалось, во многом автобиографичны, писатель передает глубоко личные рефлексии на события пореволюционной эпохи — отсюда и несколько иной герой: акцент, в отличие от Гоголя, автор делает на остротности и одиночестве «трупа». «Труп» признается, что дошел до предела одиночества, когда остался не только без других, но и без себя. Он считает, что давно исчез. Однажды в канун смены властей во время очередного пересмотра вороха старых и новых удостоверений личности герой обнаруживает пропажу личности: «Удостоверений — кипа. Личность

затерялась. Ни экземпляра. Сначала мысль: так, случайный просмотр. Но и после вторичной тщательной проверки — бумажонка за бумажонкой — всего исштемпелеванного хлама личность так и не была обнаружена. Я ждал этого: чем чаще меня удоставляла, тем недостовернее становился я самому себе <...> Чем чаще разрезжающиеся ремингтоновские строчки уверяли меня номером, росчерками подписей и оттиском печати, что я действительно такой-то, тем подозрительнее становился я к своей «действительности», тем острее чувствовал в себе и такого и этакое. <...> От штемпеля до штемпеля чувство себя никло: «я» и «я» — полу-«я», еле «я», чуть-чуть «я» — стаяло» [7, 511].

Из воспоминаний путешественника, посетившего Россию в начале XVI в., он узнает, что название страны в переводе с арамейского означает «разбрызганная по каплям». Это символизирует бесконечное одиночество — в душах многих-многих людей — это болезнь целого века: «Именно среди нас, из поколения последышей, возникает философия «о чужом я»: не мое «я» мыслится чужим и чужеродным, непревратимым в «ты». Люди-брызги не знают ни русла, ни течения. Для них меж «я» и «мы» — ямы. В ямы и свалились одно за другим поколения социальных оторвышей. Остается зарыть. И забыть» [7, 527]. Слушая разговоры на улицах, герой понимает, что «истечение души» — не у него одного.

«Разбрызганная по каплям» страна — страна, утратившая «целостность»: связи с прошлым, единый «центр» (в идеологическом и религиозном плане). Так С. Кржижановский подходит к теме дисгармоничности мира.

Гоголь был одним из первых, кто открыто и громко заговорил о трагедии «маленького человека», уважение к которому зависело не от его душевных качеств, не от образованности и ума, а от его положения в обществе. Так «затаптывается» человеческая личность. Она теряет достоинство, ведь человек не только других оценивает по внешним признакам, но и себя. Важно то, что Гоголь пытается наказать обидчиков Башмачкина, Кржижановский же «убивает» своего героя, не видя выхода для «трупа», потому его новелла, как и многие другие, оставляют у читателя чувство беспредельной тоски и безысходности. Но может быть именно здесь и проходит грань между гениальностью Николая Васильевича

Гоголя и талантом Сигизмунда Доминиковича Кржижановского, ведь по-настоящему великий писатель не только создает образ и задает вопросы, но и намечает ответы на них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова Е. Е. Поэтика хронологического парадокса в русской прозе 1920–1930-х годов: П. Романов и С. Кржижановский: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Бирюкова. — Самара, 2006. — 20 с.
2. Бовшек А. Глазами друга (материалы к биографии С. Д. Кржижановского) / А. Бовшек. — Режим доступа: http://az.lib.ru/k/krzhizhanowskij_s_d/text_0320.shtml
3. Гоголь Н. В. Петербургские повести [Текст] / Н. В. Гоголь. — М.: Сов. Россия, 1984. — 84 с.
4. Горошников В. В. Экзистенциальная проблематика прозы Сигизмунда Кржижановского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Горошников. — Ярославль, 2005. — 19 с.
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом / Ф. М. Достоевский. — М.: Просвещение, 1982. — 480 с.
6. Кржижановский С. Д. Воспоминания о будущем: избр. из неизданного / С. Д. Кржижановский; сост., вступ. ст. и примеч. В. Г. Перельмутера. — М.: Моск. рабочий, 1989. — 463 с.
7. Кржижановский С. Д. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Чужая тема / С. Д. Кржижановский. — СПб.: Симпозиум, 2001. — 688 с.
8. Кржижановский С. Д. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Клуб убийц букв. Возвращение Мюнхгаузена. Материалы к биографии Горгиса Катафалаки. Воспоминания о будущем. Чем люди мертвы / С. Д. Кржижановский. — СПб.: Симпозиум, 2001. — 704 с.
9. Молева Н. Легенда о Сигизмунде Первом / Н. Молева. — Режим доступа: http://az.lib.ru/k/krzhizhanowskij_s_d/text_0320.shtml
10. Перельмутер В. Г. Когда не хватает воздуха // С. Кржижановский. Возвращение Мюнхгаузена. — М.: Худож. лит., 1990. — С. 3–18.
11. Фуфлыгин А. «Не вовремя» Сигизмунда Кржижановского / А. Фуфлыгин. — Режим доступа: <http://www.belousenkolib.narod.ru>
12. Цивьян Т. В. «Состязание певцов» С. Кржижановского: словесная версия звукового пейзажа / Т. В. Цивьян // Проблемы поэтики языка и литературы: материалы межвуз. науч. конф., 22–24 мая 1996 г.: Памяти Я. И. Гина. — Петрозаводск: Изд-во Карел. гос. пед. ун-та, 1996. — 159 с.

*Самарский государственный институт культуры
Заварницына Н. М., кандидат филологических наук, декан театрального факультета, доцент кафедры философии и филологии, доцент
E-mail: zavar@smrgaki.ru*

*Samara state Institute of culture
Zavaritsina N. M., Candidate of philological Sciences, Dean of the theatre faculty, associate Professor of philosophy and Philology
E-mail: zavar@smrgaki.ru*

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ЦИКЛЕ И. А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»

А. Л. Калашникова, Д. А. Юнг

Кемеровский государственный университет

Поступила в редакцию 10 мая 2020 г.

Аннотация: в статье рассматривается специфика художественного пространства цикла И. А. Бунина «Темные аллеи», в котором наиболее значимыми категориями становятся «дом» и «дорога». Мотив дороги в цикле соединяет целый ряд топосов (сад, лес, пустыня, кладбище, река и др.) в результате чего формируется семиотическая пространственная модель, каждый элемент которой обладает устойчивым символическим значением в художественной структуре цикла. Образ дома в «Темных аллеях» связан с традициями идиллии и противоположен пространству дороги. Образы персонажей рассказов цикла закрепляются за указанными пространственными сферами и приобретают соответствующие типологические характеристики.

Ключевые слова: И. А. Бунин, «Темные аллеи», художественное пространство, мотив дороги, образ дома в литературе.

Abstract: the article considers the specifics of the artistic space of the cycle of I. A. Bunin "Dark Alleys," in which the "house" and "road" become the most significant categories. The road motif in the cycle connects a whole system of topos (garden, forest, desert, cemetery, river, etc.) as a result of which a semiotic spatial model is formed, each element of which has a stable symbolic meaning in the artistic structure of the cycle. The image of the house in the "Dark Alleys" is associated with the tradition of idyll and is opposite to the space of the road. Images of characters in the stories of the cycle are assigned to these spatial spheres and acquire appropriate typological characteristics.

Keywords: I. A. Bunin, "Dark Alleys," art space, road motif, image of a house in literature.

Пространственная организация цикла И. А. Бунина «Темные аллеи» является важным аспектом при рассмотрении его поэтики. Наиболее значимыми пространственными образами в цикле становятся «дорога» и «дом». Встречаясь в каждом из рассказов «Темных аллей», они выполняют циклообразующую функцию, а также выступают как базовые элементы художественной аксиологии: будучи противопоставленными в смысловом отношении локусами, «дорога» и «дом» соотносятся с судьбой героев рассказов цикла и раскрывают диалектическую сущность любви, счастья, смерти и памяти.

Мотивы дороги и дома непосредственным образом связаны с так называемыми «вечными» темами мировой культуры, которые восходят к архетипическим образам и сюжетам. Как указывает М. М. Бахтин, «редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги» [1, 248]. Дорога воплощает метафорический смысл человеческой истории и жизни как пути исканий, который ведёт или не ведёт к храму, возвращает или не возвращает к дому, рождает новое знание; это путь, который проходит человек, стремясь к постижению смысла собственной жизни и сущности бытия. Мотив дороги в цикле «Темные аллеи» становится предметом

размышления многих отечественных исследователей. Так, И. В. Щербицкая подчёркивает его особую, прочную связь с главными героями: «По дороге герои едут к своему счастью («Антигона», «Таня», «Натали»), в дороге же испытывают самые счастливые минуты жизни и расстаются навсегда («Генрих», «Визитные карточки», «Кавказ»)» [2, 255]. Также данный вопрос освещался в работах М. С. Штерн, останавливающейся на символике пространства, как одной из репрезентативных форм выражения авторского сознания [3], Н. В. Пращерук выдвигает тезис о «пространственности» всей прозы И. А. Бунина, а самого писателя исследователь относит к категории авторов, которые мыслят не временем, а пространством, подобно Дж. Джойсу, У. Фолкнеру, М. Прусту [4, 34].

Образ дома, который в литературе рубежа XIX–XX веков представлен, как правило, в виде дворянской усадьбы, также отмечен пристальным вниманием литературоведов. Существует целый ряд фундаментальных исследований, осмысляющих уникальный бытийный статус усадьбы в русской литературной традиции, среди которых следует назвать работы Ю. М. Лотмана [5], О. С. Евангуловой [6], О. А. Богдановой [7] и др. Говоря о значении дома в русской культуре, Ю. М. Лотман отмечает следующее: «История проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а «са-

мостоянье» человека превращает его в историческую личность» [5, 758].

В современном литературоведении не существует однозначного определения функций усадьбы и, шире, дома, в художественном произведении, что обусловлено многоаспектностью темы, однако ряд исследователей выделяет основные уровни семантики этого образа. Наиболее полный перечень значений образа дома в русской литературной традиции приводит В. С. Непомнящий: «Дом — жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом — очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, «медленные труды». Дом — традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом, «родное пепелище» — основа «самостоянья», человечности человека, «залог величия его», осмысленности и не-одиночества существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [8, 398]. Таким образом, дом в художественном произведении выступает в роли универсального бытийного символа, фундамента человеческой жизни.

Говоря о соотношении указанных мотивов в бунинском цикле, следует отметить, что акцент на пространственном компоненте поставлен в самом заглавии «Темных аллей» («аллея» от фр. «aller» — ходить [9, 674]). Кроме того, мотив пути выполняет в цикле сюжетообразующую функцию: завязка или развязка действия большинства рассказов связана с пространственным перемещением героев. Следует также отметить, что темнота становится устойчивой характеристикой аллеи как символа жизненного пути: герои цикла идут темными путями, жизни их аллегорически уподобляются скитаниям во мраке. Пространство аллей воплощает собой само бытие, космос, где теряются объективные границы между зримой, физической реальностью и реальностью метафизической. Человек в художественном мире И. А. Бунина является одновременно земным существом и частью огромного мира Вселенной. О космическом мироощущении И. А. Бунина говорит и О. В. Сливницкая, подчёркивая, что современная космогония, прямое отношение к которой имеет творчество писателя, лишена «противопоставления Земли и Космоса, ибо во Вселенной нет пустоты: все пронизано многообразными связями» [10, 213]. Поэтому именно в пространстве «темных аллей» герои по-настоящему живут: влюбляются и расстаются. При этом часто время, проведённое в аллее вместе, осмысливается как «лучшее» в жизни героев (например, в рассказе «Качели»).

Не менее важным образом в пространственной структуре «Темных аллей» является улица как одна из форм воплощения дороги. Сама по себе ситуация «в дороге» становится катализатором рефлексии героев рассказов цикла о наиболее значимых, по-

воротных моментах своей судьбы. Онтологический статус обычной прогулки героев рассказов нередко подчеркивается появлением астральных мотивов. Чаще всего в роли «путеводных» светил выступают месяц и звезда: «спокойные звёзды в расчистившемся небе» в «Стёпе», «первая звезда и молодой месяц» в «Качелях», «большой месяц» и «зелёная звезда, лучистая, как та, прежняя, но немая, неподвижная» в «Позднем часе». Примечательно, что в последнем рассказе данные мотивы соотносятся с образами рассказчика и его возлюбленной по принципу параллелизма: «Я шёл — большой месяц тоже шёл», во время ночного свидания в саду «высоко и безгрешно сияет над двором месяц». Возлюбленная рассказчика сопоставляется со звездой: она такая же «бесстрастная» и вместе с тем «беззвучно говорившая», а в финале рассказа, уже после смерти героини — «немая, неподвижная». Таким образом, очевидно, что лучи света, озаряющие темноту аллей, соотносятся с чувством любви, выполняющим функцию путеводной звезды, не дающей героям пропасть и потерять надежду.

Пространство дороги в «Темных аллеях» нередко пересекается с другими локусами, обретающими символическое значение в художественной структуре цикла: сад, лес, пустыня, кладбище, река и др.

Символика пути органично связывается в «Темных аллеях» с темой смерти и памяти. В ряде рассказов возникает локус кладбища, который выполняет в цикле функцию порогового пространства, ведущего в другой мир и связанного с тематикой вечной жизни, последнего прибежища. Например, в «Позднем часе» дорога приводит героя к кладбищу, где какая-то неведомая сила заставляет его сойти с пути и остановиться, испытав при этом практически физиологическое ощущение смерти («сердце рванулось и замерло»; «сердце в груди так и осталось стоять»). Символична также поездка на кладбище накануне ухода в монастырь героини «Чистого понедельника».

Локус сада, который в цикле нередко становится местом свиданий, обнаруживает свое прототипическое значение, отсылая к легендарному библейскому прошлому, поскольку сад представляет собой огражденное, умиротворенное место, где влюбленные пребывают в блаженном состоянии, подобно первым людям. На это в «Позднем часе» указывает и «безгрешно» сияющий над двором месяц, и белое платье героини как знак невинности и чистоты, и мысли о «будущей жизни» не на земле, которые посещают рассказчика. Как отмечает О. А. Бердникова, «человек в лирике Бунина выступает в «роли» Адама, сохранившего творческую способность возвращать «потерянный рай» [11, 295]. По-видимому, то же самое можно сказать и о прозе Бунина, в которой переживание первоначального безгрешного состояния связано с зарождением любовного чувства, на котором

еще не лежит отпечаток расставания. Мысленно обращаясь к прошедшему счастью, герой испытывает подлинную тоску по раю.

Образ пустыни в рассказах «Темных аллея», с одной стороны, предстает как сакральное место, приближенное к Богу, с другой — как пространство, чуждое для героев рассказов, которые являются носителями иного культурного сознания (например, в рассказе «Весной в Иудее»). В этом ракурсе мир пустыни противопоставлен степи, которая, по замечанию О. А. Бердниковой, «представляет собой пространство, давно освоенное и родное для героев» [12, 18]. В мире «Темных аллея» степь действительно предстает как элемент «русской», родной природы: «Все было немо и просторно, спокойно и печально — печалью русской степной ночи» («Поздний час»), «никогда еще не жил дачником, без всякого дела, в усадьбе, столь не похожей на наши степные усадьбы» («Муза»).

Локус леса оказывается для героев цикла местом испытания, что в целом соответствует архаическим представлениям о лесе как об инициальном пространстве [13, 40]. В мире леса персонажи оказываются во власти иррациональных сил, лишаясь возможности распоряжаться своей судьбой. Так, в рассказе «Волки» на героя и его возлюбленную нападают дикие звери, а после вспыхивает пожар, лошади пытаются убежать из леса, но «тележка, со стуком и треском, мотаясь, бьётся по взметам». Возникший пожар является не только проявлением стихийного, хаотического начала, но также ассоциативно связан с чувствами влюблённых. Поэтому, несмотря на случившееся, лес оказался местом, в котором герои испытали счастье, сохранившееся в их памяти. Шрам, оставшийся у героини, «похожий на тонкую постоянную улыбку», — свидетельство тому.

Каждый из указанных топосов, восходящих к культурным и мифологическим универсалиям, дополняет семантику дорожных мотивов цикла, придавая любому описанию пути в рассказах обобщенно-философский смысл, который не приводит тем не менее к отвлечению от конкретики жизненных реалий судьбы персонажей.

Пространству дороги в бунинском цикле оказывается полностью противоположен мир дома, который изображается как место чистое, спокойное, упорядоченное. Первый рассказ цикла задаёт ассоциативную связь домашнего мира и женского образа. Не случайно героиня «Темных аллея» Надежда сразу же вспоминает своего бывшего возлюбленного, ведь образ дома является аккумулятором семейных, традиционных ценностей, в то время как герой, связанный с миром дороги, с большим трудом узнает свою юношескую любовь. Совершая выбор в пользу дороги и покидая возлюбленную, герой лишается возможности обретения дома. Подлинная любовь сменяется в его жизни иллюзорной: «никогда я не был счастлив

в жизни, не думай, пожалуйста», «все это тоже самая обыкновенная пошлая история».

Нельзя не отметить связь домашнего пространства в «Темных аллея» с традициями идиллии [14]: дом всегда находится в провинции, в российской глубинке, это маленькое, ограниченное пространство, в котором имеет место «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма» [1, 375]. Значимым элементом мира дома являются образы еды, которые в рассказах Бунина возникают как непосредственные атрибуты застолья, так и посредством одорического кода: «из-за печной заслонки сладко пахло щами — «разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом» («Темные аллея»); «чай», «разные варенья» («Дурочка»); «горячая, как огонь, налимя уха, кровавый ростбиф, молодой картофель, посыпанный укропом» («Антигона»).

Трагическая природа любовного чувства в «Темных аллея» противостоит гармоническому устройству идиллического мира, поэтому отъезд героя из дома воспринимается как точка отсчёта разрушения его целостности: «усадьба и деревня казались безнадежно бедны и грубы», «под навес крыльца уже нанесло целый сугроб»; «растущий шум вокруг дома, всё больше тонувшего в снегах», «и дом и вся усадьба опустели, умерли» («Таня»).

Очевидным является тот факт, что дом и дорога находятся в тесной связи друг с другом. Это прослеживается не только при описании пейзажа в рассказах, но, прежде всего, на уровне отношений между главными героями, которые самоопределяются в пространстве дома и дороги. Возможность типологической характеристики героев посредством анализа художественного пространства отмечает Ю. М. Лотман: «Поскольку, как мы отмечали, художественное пространство становится формальной системой для построения различных, в том числе и этических, моделей, возникает возможность моральной характеристики литературных персонажей через соответствующий им тип художественного пространства, которое выступает уже как своеобразная двуплановая локально-этическая метафора» [15, 251]. В художественном мире «Темных аллея», следуя пространственному принципу категоризации, можно выделить два типа героев: герой-путник и «домашний» герой.

Герою дороги у Бунина, как правило, становится мужчина, хотя иногда дорожные характеристики закрепляются и за женским образом (яркий пример тому — героиня рассказа «Муза»). Герой-путник, постоянно перемещающийся с места на место, привносит разрушение в упорядоченный домашний мир, отчего позже, через много лет, страдает сам. Подобные персонажи обнаруживают родственность типу «лишнего человека» в русской литературе, в которой неприкаянность, «бездомность», невозможность обретения счастья соединяются с повышенной рефлексивностью.

Противопоставлен герою-путнику тип героя «домашнего» мира. Как правило, эта функция закреплена за женским персонажем. Героиню рассказов «Темных аллеи», связанную с домом, отличают такие качества, как чистота, детскость, духовность, она способна упорядочить окружающее пространство. Однако сама по себе приверженность миру дома не является гарантией обретения счастья в рассказах цикла.

Оба типа персонажей пытаются обрести чувство наполненности, завершенности, счастья, которое становится возможным только в ситуации соединения противоположных миров дома и дороги. Вместе с тем в цикле сближение героев, принадлежащих оппозиционным пространственным сферам, становится возможным лишь на короткий промежуток времени — эта закономерность лежит в основе трагического смысла любви и человеческой жизни в художественной концепции И. А. Бунина. Но в то же время кратковременность счастья не отменяет его бесконечный поиск, обретающий в цикле значение сюжетного инварианта: в каждом из рассказов герои вновь и вновь стремятся к гармонии в любви. Таким образом, мир «Темных аллеи» превращается для персонажей в онтологическое пространство «вечного возвращения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 234–407.
2. Щербичкая И. В. Символизм пространства в цикле И. А. Бунина «Темные аллеи» / И. В. Щербичкая // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2007. — Т. 22. — № 53. — С. 255–260.
3. Штерн М. С. В поисках утраченной гармонии (проза И. А. Бунина 1930–1940-х гг.) / М. С. Штерн. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. — 240 с.
4. Пращерук Н. В. Феноменология И. А. Бунина: авторское сознание и его пространственная структура: автореф. дис. ... доктора филол. наук / Н. В. Пращерук. — Екатеринбург,

бург, 1999. — 34 с.

5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство, 1994. — 194 с.

6. Евангулова О. С. Художественная «вселенная» русской усадьбы / О. С. Евангулова. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 303 с.

7. Богданова О. А. Окно в рай? Культурная семиотика усадьбы и дачи в русской литературе рубежа XIX–XX вв. / О. А. Богданова // Артикульт. — 2018. — № 3 (31). — С. 79–84.

8. Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. / В. С. Непомнящий. — М.: Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Екатерины, 2001. — 400 с.

9. Ларош П. Французско-русский. Русско-французский словарь. / П. Ларош, Е. Маевская — М.: ЛадКом, 2013. — 674 с.

10. Сливичкая О. В. Космическое мироощущение Бунина / О. В. Сливичкая. — М.: Международный центр Рерихов, 2009. — Т. 2. — 213 с.

11. Бердникова О. А. Возвращение в «потерянный рай» (некоторые аспекты художественной антропологии И. А. Бунина) / О. А. Бердникова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2008. — № 5 (61). — С. 289–295.

12. Бердникова О. А. Пространство степи и степные образы в рассказах Ивана Бунина: от «Кастрюка» к «Темир-Аксак-хану» / О. А. Бердникова // Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья (к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина): материалы всероссийской научной конференции. — Елец: Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, 2020. — С. 14–23.

13. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — М.: Лабиринт, 2000. — 336 с.

14. Лебедева Т. А. Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И. А. Бунина 1920–1953 гг.: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Т. А. Лебедева. — Череповец, 2002. — 18 с.

15. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М.: Просвещение, 1988. — С. 251–292.

*Кемеровский государственный университет
Калашникова А. Л., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и русской литературы XX века
E-mail: anna.kalashnikova.42@gmail.com*

*Юнг Д. А., магистрант института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций
E-mail: dashaschulzik@mail.ru*

*Kemerovo State University
Kalashnikova A. L., Associate professor of department of
journalism and Russian literature of the 20th century, Candidate
of Philology
E-mail: anna.kalashnikova.42@gmail.com*

*Yung D. A., Master's student at the Institute of Philology,
Foreign Languages and Media Communications
E-mail: dashaschulzik@mail.ru*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СПЕЦИФИКИ СЕМАНТИКИ СЛОВА «РАБОТА»

Е. И. Колесникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 апреля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются формы проявления гендерной специфики семантики слова, выявляемые при сопоставительно-семантическом описании значения.

Ключевые слова: семантика, гендер, сопоставление, семантическая дифференциация.

Abstract: the paper considers the forms of manifestation of gender specificity of word semantics, identified by comparative-semantic description of the meaning.

Keywords: semantics, gender, comparison, semantic differentiation.

Описание семантики одного и того же слова может иметь заметные различия в толковых словарях, разных типах словарей, так как разные методы описания значения лексических единиц дают несоответствующие результаты.

Значение, которое выявлено в ходе психолингвистических экспериментов, обычно оказывается объемнее и глубже, чем дефиниция в традиционном толковом словаре. Психолингвистические значения слов находят свое отражение в психолингвистическом толковом словаре, словарную статью которого мы приводим в данной работе. Полный пример сопоставительного описания психолингвистических значений представлен в психолингвистическом толковом словаре [1, 4–8].

РАБОТА

Ассоциативные поля

100 и

Женщины

РАБОТА 100: любимая 10, не волк 8, трудная 7, в радость 6, достала 6, креатив 6, интересная 5, кормит 5, необходима 5, отдых 5, сложная 4, школа 4, заработок 3, труд 3, усталость 3, учеба 3, деньги 2, заботы 2, интерес 2, новая 2, упорство 2, веселая, засосала, ищу, нужна, в поиске, утро, хорошая — 1.

Мужчины

РАБОТА 100: не волк 19, деньги 14, зарплата 7, профессия 7, дела 6, на дому 6, труд 5, в удовольствие 4, заработок 4, монтажники 4, дом 3, мастера 3, удовольствие 3, каторга 2, любимая 2, ненавижу 2, необходима 2, нужна 2, отдых 2, сварщик 2, ху*та — 1.

Сопоставительное описание психолингвистических значений

Женщины 100	Мужчины 100
<p>1. Трудное, любимое, интересное занятие, которое приносит деньги, радость, необходимо, но надоедает (Служба как источник заработка) бывает трудная 0,11, любимая 0,10, интересная 0,07, сложная 0,04, новая 0,02, веселая 0,01, хорошая 0,01; приносит деньги 0,10, приносит радость 0,06, надоедает 0,06, необходима 0,06, в школе 0,04, на ней трудятся 0,03, после нее устают 0,03, доставляет хлопоты 0,02, поглощает 0,01, начинается утром 0,01</p> <p>Противоположно: отдых 0,05</p> <p>СИЯ 0,83 Устроиться на работу.</p> <p>2. Тяжелое, любимое, интересное, креативное занятие, которое приносит радость, необходимо, но надоедает Занятие 0,03, бывает тяжелое 0,11, любимое 0,10, интересное 0,07, креативное 0,06, новое 0,02, веселое 0,01, хорошее 0,01; приносит радость 0,06, надоедает 0,06, необходимо 0,06, в школе 0,04, учеба 0,03, требует упорства 0,02, поглощает 0,01</p>	<p>1. Служба по профессии, которая приносит деньги и удовольствие, осуществляется на дому (Служба как источник заработка) приносит деньги 0,25, приносит удовольствие 0,07; по профессии 0,07, на дому 0,06; на ней трудятся 0,05, необходима 0,04, мучит 0,02; монтажником 0,04, мастером 0,03, сварщиком 0,02; бывает домашняя 0,03, любимая 0,02, ненавистная 0,02</p> <p>Противоположно: отдых 0,02</p> <p>СИЯ 0,74 Устроиться на работу.</p> <p>2. Занятия на дому, которые приносят удовольствие</p> <p>Занятия 0,11, приносят удовольствие 0,07; на дому 0,06; необходимы 0,04; мастера 0,03; бывают домашние 0,03, любимые 0,02</p>

<p>СИЯ 0,69 <i>Научная работа.</i></p> <p>3. Креативное изделие, которое вызывает интерес, сложно выполняется (Изделие), вызывает интерес 0,07, креативное 0,06, сложно выполняется 0,04</p> <p>СИЯ 0,17 <i>Выставка работ известного художника.</i></p> <p>-</p> <p>СИЯ 0</p> <p>Фразы: не волк 0,08 («Работа не волк, в лес не убежит»), в поиске 0,01, ищу 0,01 Не интерпретируется: 0 Неактуально: 0</p>	<p>СИЯ 0,36 <i>Физическая работа.</i></p> <p>-</p> <p>СИЯ 0</p> <p>3. Бесплезное занятие Бесплезность 0,01</p> <p>СИЯ 0,01 <i>Всю жизнь одна работа — жить некогда.</i></p> <p>Фразы: не волк 0,19 («Работа не волк, в лес не убежит») Не интерпретируется: 0 Неактуально: 0</p>
---	---

Лексема РАБОТА в мужском и женском языковом сознании совпадает по значениям:

1. Трудное, любимое, интересное занятие, которое приносит деньги, радость, необходимо, но надоедает / Служба по профессии, которая приносит деньги и удовольствие, осуществляется на дому.
2. Тяжелое, любимое, интересное, креативное занятие, которое приносит радость, необходимо, но надоедает / Занятия на дому, которые приносят удовольствие.

Выявляется эндемичное женское значение: *креативное изделие, которое вызывает интерес, сложно выполняется.*

Выявляется эндемичное мужское значение: *бесплезное занятие.*

Семная специфика

Таким образом, у лексемы РАБОТА есть два совпадающих в женском и мужском языковом сознании значения:

3. Трудное, любимое, интересное занятие, которое приносит деньги, радость, необходимо, но надоедает / Служба по профессии, которая приносит деньги и удовольствие, осуществляется на дому.
4. Тяжелое, любимое, интересное, креативное занятие, которое приносит радость, необходимо, но надоедает / Занятия на дому, которые приносят удовольствие.

Соотношение совпадающих значений по гендерной яркости

Значение *Трудное, любимое, интересное занятие, которое приносит деньги, радость, необходимо, но надоедает / Служба по профессии, которая приносит деньги и удовольствие, осуществляется на дому* в сознании женщин ярче соответствующего значения в сознании мужчин (0,83 против 0,74).

Совокупная яркость значения *Тяжелое, любимое, интересное, креативное занятие, которое приносит радость, необходимо, но надоедает / Занятия на дому,*

которые приносят удовольствие значительно выше у женщин (0,69 против 0,36).

Эндемичное женское значение *Креативное изделие, которое вызывает интерес, сложно выполняется* имеет заметную яркость в смысловой структуре слова (СИЯ 0,17).

Эндемичное мужское значение *Бесплезное занятие* имеет невысокую яркость в смысловой структуре слова (СИЯ 0,01).

Таким образом, наблюдается гендерная асимметрия значений по яркости. По шкале существенности гендерных различий уровень различий оценивается как **высокий**.

Семная специфика

В гендерных значениях *Трудное, любимое, интересное занятие, которое приносит деньги, радость, необходимо, но надоедает / Служба по профессии, которая приносит деньги и удовольствие, осуществляется на дому* интегральные семы бывает любимая, необходима, противоположно: отдых ярче в сознании женщин. Сема *бывает любимая* представлена существенно (в 5 раз) ярче (СИЯ 0,10 против 0,02, на 8 пунктов). Интегральные семы *приносит деньги, на ней трудятся* ярче в сознании мужчин. Сема *приносит деньги* представлена существенно (в 2,5 раза) ярче (СИЯ 0,25 против 0,10, на 15 пунктов). Совпадающих по яркости сем нет.

Интегральные семы имеют совокупную яркость — 0,72, что в сопоставлении с совокупной яркостью дифференциальных сем (0,85) свидетельствует о преобладании различий в содержании гендерных значений.

В гендерных значениях *Тяжелое, любимое, интересное, креативное занятие, которое приносит радость, необходимо, но надоедает / Занятия на дому, которые приносят удовольствие* интегральные семы *бывает любимая, необходима* ярче в сознании женщин. Интегральная сема *занятие* ярче в сознании мужчин. Совпадающих по яркости сем нет.

При этом наиболее яркими дифференциальными семантиками в женском языковом сознании являются *бывает трудная, интересная, приносит радость, надоедает, креативное*. В мужском языковом сознании — *по профессии, приносит удовольствие, на дому*.

Анализируя полученные нами в ходе эксперимента результаты, мы приходим к выводу, что гендерная

дифференциация семантики слова РАБОТА в современном языковом сознании достаточно ярко выражена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психолингвистический толковый словарь русского языка. — Вып. 10/1. Гендерные значения (с комментариями) / Науч. ред. И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — Воронеж: РИТМ, 2019. — С. 4–8.

Воронежский государственный университет

Колесникова Е. И., аспирант филологического факультета

E-mail: kolesnickova.kat@yandex.ru

Voronezh State University

Kolesnikova E. I., Postgraduate Student of philological faculty

E-mail: kolesnickova.kat@yandex.ru

ПРОЦЕСС СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ В ДНЕВНИКАХ И РАБОЧИХ ТЕТРАДЯХ А. Т. ТВАРДОВСКОГО И А. В. ЖИГУЛИНА

В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 октября 2021 г.

Аннотация: в статье анализируются дневниковые записи А. Т. Твардовского и А. В. Жигулина об одном из знаковых событий общественной жизни эпохи оттепели — судебном процессе по делу новомирского критика А. Синявского (1925–1997) и писателя Ю. Даниэля (1925–1988), обвиненных в клевете на советский строй.

Ключевые слова: Синявский, Даниэль, Твардовский, Жигулин, оттепель, история отечественной журналистики и литературы.

Abstract: the article analyzes the diary entries of A. T. Tvardovsky and A. V. Zhigulin about one of the landmark events of public life of the «thaw» era — the trial of the Novomir critic A. Sinyavsky (1925–1997) and the writer Yu. Daniel (1925–1988), accused of slandering the Soviet system.

Keywords: Sinyavsky, Daniel, Tvardovsky, Zhigulin, «thaw», history of Russian journalism and literature.

В феврале 2021 г. исполнилось ровно 55 лет с момента вынесения Верховным судом РСФСР беспрецедентного приговора по уголовному делу новомирского критика Андрея Синявского (псевдоним Абрам Терц) и писателя Юлия Даниэля (псевдоним Николай Аржак), обвиненных в написании и передаче для напечатания на Западе художественных и публицистических произведений, «порочащих советский государственный и общественный строй». В частности, в вину Даниэлю вменили создание повестей «Говорит Москва» и «Искушение», рассказов «Руки» и «Человек из МИНАПа». «Преступление» Синявского заключалось в написании повестей «Суд идет» и «Любимов», а также статьи «Что такое социалистический реализм» [более подробно см. 1 и 2].

Открытый судебный процесс, проходивший с 10 по 14 февраля 1966 г. в здании Московского областного суда, фактически положил начало второму периоду диссидентского движения в СССР и самоотверженным попыткам демократически настроенной интеллигенции оказать влияние на власть.

В последнем слове Синявский, приговоренный к 7 годам лишения свободы по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда), и Даниэль, осужденный на 5 лет лагерей по той же статье, виновными себя не признали [2, 474–487].

Частично мы затронули данную тему в ряде предыдущих статей, в частности в статье, посвященной творческим и личным отношениям А. В. Жигулина и Б. Ш. Окуджавы [3, 105–109]. Сегодня мы продолжаем эту тему, опираясь на дневниковые записи А. Т. Твардовского [4] и А. В. Жигулина [5].

Сразу отметим: дневники и рабочие тетради А. В. Жигулина, поступившие в 2013 г. в соответствии с волей вдовы писателя И. В. Жигулиной вместе с другими материалами домашнего архива на постоянное хранение в Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина, в отличие от аналогичных произведений А. Т. Твардовского, пока не опубликованы и ссылки на цитаты приводятся по рукописному тексту.

Судя по дневниковым записям, А. В. Жигулин с фигурантами уголовного дела лично знаком не был. А. Т. Твардовский мог встречаться с А. Д. Синявским в редакции «Нового мира». В редакционной статье «По случаю юбилея» Твардовский назвал его имя среди ведущих критиков журнала [6]. В «Новомирском дневнике» А. Т. Твардовского имя А. Д. Синявского упоминается более 50 раз, Ю. М. Даниэля — более 20 раз.

Дневниковые записи А. Т. Твардовского и А. В. Жигулина о «деле Синявского и Даниэля» добавляют новые штрихи в палитру красок одной из самых ярких и драматических страниц истории отечественной журналистики и литературы второй половины XX века.

Из «Рабочих тетрадей» А. Т. Твардовского: «15.IX. <1965>.

<...> Из Цензуры позвонили: снимайте статью Синявского — он арестован. Кондратович звонил Меньшутину (Меньшутин Андрей Николаевич (1923–1982) — коллега Синявского по ИМЛИ, его друг и соавтор. — В. К.): «Обыск был?» — «Был». — Все ясно. Потом уже непроверенные сведения: распространение антисоветской зарубежной литературы...» [4, т. 1, 388].

Из дневника А. В. Жигулина:

«12 февраля 1966 года, суббота.

<...> Работаю, пишу сразу три стихотворения. Читаю «Нов<ый> мир». Слушаю радио. Очень коротко говорят о процессе над А. Синявским и Ю. Даниэлем. Говорят (не по радио, а вообще), что Синявский очень одаренный человек, настоящий ученый. Буквально все знавшие его люди в один голос говорят о нем только хорошее...

Процесс считается открытым, только вряд ли на него пройти...» [Дн. № 94. С. 34–35].

На следующий день после оглашения приговора, осмысливая произошедшее, А. Т. Твардовский пишет: «15.И.66. П[ахра]. 6 ч. утра.

Семь и пять лет со строгим режимом. Накануне еще требование прокурора казалось нарочито завышенным, все ждали еще чего-то. <...> Нет, это не эмоциональный всплеск, не безоглядное раздражение против этих двух мазуриков, — это сознательная акция: припугнуть, шугануть, «подтянуть», подкрутить гайку [4, т. 1, 425–426].

Нарочито называя А. Синявского и Ю. Даниэля разными уничижительными именами, Твардовский словно пытался пустить непрошенных читателей своего дневника по ложному следу; на самом деле он явно сочувствовал опальным литераторам, переживал за их судьбы, а заодно и за судьбу журнала, за свою судьбу как редактора, ибо понимал: конец оттепели совсем близок.

Из «Рабочих тетрадей» А. Т. Твардовского:

«16.И.66. П[ахра]

Вчерашний день в редакции — от верстки Ч. Айтматова отвлек Игорь Виноградов, подробно и четко рассказавший по своим записям о последних речах подсудимых. Оба опять-таки, признавая заслуживающими наказания свои «действия» в смысле использования зарубежной трибуны, решительно (С[инявский] с безнадежностью и отчаянием, Д[аниэль] более твердо) отрицали инкриминируемый их сочинениям антисоветский смысл. Говорили о том, что суд не слышит их объяснений, не опровергает их, лишь повторяя на разные голоса одни и те же цитаты, выхваченные из контекста, несмотря на то, что они, подсудимые, уже 10 и 20 раз объясняли, что криминальные слова и выражения принадлежат персонажам, а не авторской речи, и т.д.

<...> Еще в субботу женам подсудимых было сказано, чтобы они озаботились приготовлением теплых вещей (хотя, казалось бы, суд еще не вынес приговора). 7 и 5 лет «в колониях строгого режима» предстояли в тех краях, где главное — теплые вещи. Конечно, это гуманно, что есть возможность хоть передать эти вещи, чего в былые времена не могло быть.

Да что говорить: сколько людей в те былые времена сочли бы за счастье, если бы у них была возможность быть услышанными кем-либо, кроме членов

«троек», если бы они могли видеть своих жен, знать, что они их видят и слышат.

Что говорить! Но не будем переоценивать и эту «гласность» — суд не испытывал ни малейшего воздействия этой «гласности» на ход дела (разве что поддержку своей неправоты и незаконности со стороны тех же «общественных обвинителей») и шел, не отклоняясь, к завершению постановления, к заранее известному приговору, на который не могло ничто повлиять» [4, т. 1, 427–428].

Именно в те дни, когда в Москве шел процесс по делу А. Синявского и Ю. Даниэля, А. В. Жигулин написал знаменитое стихотворение «Правда».

Кто додумался правду
На части делить
И от имени правды
Неправду творить?

Это тело живое –
Не сладкий пирог,
Чтобы резать и брать
Подходящий кусок.

Только полная правда
Жива и права.
А неполная правда –
Пустые слова.

Власть изо всех сил пыталась одержать верх в важной идеологической битве: процесс подробно, но однобоко освещался на страницах «Литературной газеты» и «Известий», фрагментарно транслировался по Всесоюзному радио, обсуждался на партийных и творческих собраниях Союза писателей, — но в конечном итоге с треском проиграла...

Общественно-политическую и литературную обстановку тех дней наглядно демонстрируют записи в дневнике А. В. Жигулина:

«3 марта 1966 года, четверг.

<...> Вчера днем был в ЦДЛ на встрече с Предс<едателем> Верх<овного> суда РСФСР Л. Смирновым. Он очень интересно и подробно рассказывал о деле Синявского и Даниэля. <...> Только Михалков немного странно заключил эту встречу. Обращался к залу в таком тоне, словно перед ним сплошные клеветники и злоумышленники» [Дн. № 94. С. 55].

Секретарь правления Союза писателей СССР и первый секретарь правления Московской организации Союза писателей РСФСР С. В. Михалков, известный своей лояльностью любым властям, был одним из наиболее рьяных гонителей Синявского и Даниэля. Фрагмент из его выступления на XIX конференции Московской городской организации КПСС: «Советский суд осудил двух политических клеветников и двурушников... Как ни странно, нашлись среди наших литераторов добровольные адвокаты, выступившие на защиту пособников враждебного нам ла-

геря... Справедливости ради следует отметить, что если не считать трех-четырёх известных писательских имен, большинство подписавших эти письма ничем не прославили нашу литературу... Уместно напомнить этим литераторам, что такое гуманизм в понимании Максима Горького. Великий сын великого народа считал, что подлинный гуманизм — это воинствующий гуманизм непримиримой борьбы против лицемерия и фальши тех, кто заботится о спасении старого мира» [7].

«20 марта 1966 года, воскресенье.

<...> Вчера были с Ирой (*Жигулина Ирина Викторовна — жена и помощник А. В. Жигулина. — В. К.*) в ЦДЛ. <...> Возник невеселый разговор о предстоящих идеологических переменах. Приближается XXIII съезд, а с ним реабилитация Сталина. Правда, слова этого стараются избегать (никакой, мол, реабилитации не будет, просто следует, дескать, отдать должное заслугам Сталина, восстановить историческую справедливость), но чем эта «историческая справедливость» обернется, можно себе представить. Зажмут литературу в прочные тиски. «Да, были ошибки и т.п., но не стоит заострять на них внимание, надо смотреть в будущее». Вот главный тезис. Говорят, что Твардовский, Капица и многие другие видные представители интеллигенции написали письмо XXIII съезду против реабилитации Сталина. Это, конечно, глас вопиющего в пустыне, но все-таки приятно — люди стали смелее, честнее. Я тоже подписал бы это письмо.

Говорили немного и о процессе Синявского и Даниэля. <...> Есть люди (Евтушенко, Аксенов, В. Корнилов, Солженицын), написавшие протест по поводу процесса. Но здесь, конечно, вопрос сложнее, тоньше...

О реабилитации Сталина люди в большинстве говорят довольно спокойно, как об очередной сенсации. Мало кого это затрагивает всерьез. Для меня же этот акт может вылиться в совершенно конкретную, материальную форму. Могут зарубить книгу. (*Речь идет о рукописи книги А. В. Жигулина «Полярные цветы», которая готовилась к печати в издательстве «Советский писатель». — В. К.*) Это очень огорчает и волнует» [Дн. № 94. С. 73–75].

«23 марта 1966 года, среда.

<...> В ЦДЛ много кулуарных разговоров о письмах деятелей культуры и науки Брежневу, историков — Суслову. Это все по поводу реабилитации Сталина. Брежнев будто бы написал на письме резолюцию: «Разумно», и Суслов будто бы согласился с молодыми историками, полемизировавшими со статьей Жукова и других в «Правде». В общем, наступила «эпоха писем». Я подписал письмо большой группы писателей на имя президиума Верховного Совета СССР с просьбой освободить А. Синявского и Ю. Даниэля на поруки. В письме, в частности, говорится, что Синявский и Даниэль люди талантливые, что надо дать им возможность творчески работать и загладить вину. Что ж, это было бы очень гуманно» [Дн. № 94. С. 80–81].

В ответ на решение Верховного суда РСФСР группа московских писателей (К. И. Чуковский, В. Т. Шаламов, Л. А. Аннинский, П. Г. Антокольский, Б. А. Ахмадулина, В. Н. Войнович, Ю. О. Домбровский, Е. Я. Дорош, В. А. Каверин, Ю. М. Нагибин, Б. Ш. Окуджава, Н. В. Панченко, Д. С. Самойлов, В. Б. Шкловский, И. Г. Эренбург и др.) обратилась с письмом в адрес Президиума Верховного Совета СССР, Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума XXIII съезда КПСС, проходившего с 29 марта по 8 апреля 1966 г. в Кремле, с просьбой разрешить им взять на поруки осужденных литераторов А. Синявского и Ю. Даниэля. После долгих проволочек оно было опубликовано в «Литературной газете» и зарубежном русском журнале «Посев» [8].

Ответ подписали секретари Правления Союза писателей СССР К. А. Федин, Н. С. Тихонов, К. М. Симонов, К. В. Воронков, В. А. Смирнов, Л. С. Соболев, С. В. Михалков, А. А. Сурков.

По свидетельству А. И. Кондратовича, в ту пору заместителя главного редактора журнала «Новый мир», Твардовский категорически отказался подписать письмо Секретариата Правления СП СССР, несмотря на настойчивые уговоры приехавшего в редакцию «Нового мира» К. В. Воронкова [9].

В те дни многих удивила реакция на это письмо М. А. Шолохова, канонизированного классика советской литературы, который в своем выступлении на партийном съезде выразил сожаление о «слишком мягком» приговоре.

В дневнике А. В. Жигулина сохранилась вырезка из «Литературной газеты» с текстом речи М. А. Шолохова. Фрагменты из его выступления:

«...Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев. (*Бурные аплодисменты.*)

Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а руководствуясь «революционным правосознанием» (*аплодисменты*), ох, не ту бы меру наказания получили бы эти оборотни! (*аплодисменты*). А тут, видите ли, еще рассуждают о суровости приговора! Мне еще хотелось бы сказать и буржуазным защитникам пасквилянтов: не беспокойтесь за сохранность у нас критики. Критику мы поддерживаем и развиваем, она остро звучит и на нынешнем нашем съезде. Но клевета — не критика, а грязь из лужи — не краски из палитры художника! (*Продолжительные аплодисменты*)» [10].

По этому поводу А. В. Жигулин, стараясь соблюсти нормы политеса, пишет:

«2 апреля 1966 года, суббота.

С трибуны съезда прозвучал ответ и на некоторые другие письма писателей. В частности, на письмо с просьбой освободить Синявского и Даниэля на поруки. Это письмо и я подписал. Да... пристыдил нас Михаил Александрович... И главное: «вдвойне». А я не вижу причин для стыда. Ведь просить выдать на поруки — вовсе не значит защищать. Наоборот, в письме ясно было сказано, что Синявский и Даниэль виноваты. Разве это стыдно просить о снисхождении, о смягчении участи осужденных? Ведь даже убийц порою милуют. Так что в вопросе о взятии на поруки Шолохов загнул» [Дн. № 94. С. 86–88].

Под давлением партийных и литературных чиновников Жигулин был вынужден отказать от подписи под письмом в защиту Синявского и Даниэля, о чем сожалел всю дальнейшую жизнь.

С одним из партийных деятелей — инструктором отдела культуры ЦК КПСС Л. И. Лавлинским Жигулин находился в приятельских отношениях.

В архиве А. В. Жигулина сохранился черновик письма в ЦК КПСС: «Прошу считать недействительной мою подпись под письмом группы писателей о взятии на поруки Синявского и Даниэля. Ознакомившись с материалами XXIII съезда КПСС, еще раз взвесив свой поступок, я понял, что не имел никакого морального права подписывать подобный документ.

Член КПСС, член Союза писателей СССР
Анатолий Жигулин.

6 мая 1966 года» [Дн. № 95. С. 77].

О развитии драматической ситуации, связанной с «письмом 62-х», свидетельствуют дальнейшие записи в дневнике А. В. Жигулина:

«11 мая 1966 года, среда.

<...> Пришла телеграмма от Тельпугова (*Тельпугов Виктор Петрович (1917–1999) — парторг Московского горкома КПСС в Московской писательской организации СП РСФСР.— В. К.*). Потом вклею ее сюда. Это, видимо, связано с письмом о Даниэле и Синявском. Видно, хотят, чтобы я выступил нынче на партсобрании. Терзают до конца. Зря я влез в эту пошлую историю. Сейчас еду на собрание. Выступать не буду. Или выступлю не так, как они хотят. Скажу, что письмо о взятии на поруки было правильным. А я отказался потому, что просто я слабый, измученный страхом человек. Подписал письмо — плохо. Отказался — еще хуже... И вообще — нельзя писателей судить и сажать в тюрьму. Это плохо, пошло...» [Дн. № 96. С. 3–4].

«25 мая 1966 года, среда.

<...> В 16.00 было партбюро. Было сносно, но пошловато. Б. Окуджава говорил о мотивах, по которым он подписал письмо, хорошо. Я сказал, что присоединяюсь к Булату. Мотивы те же, с тою лишь разницей, что я сам сидел пять лет в лагере, знаю, как это плохо. Литература — особая сфера деятельности человека, и тут нельзя рубить с плеча, карать жестоко. Ведь и в 49-м году (я так сказал) меня, например, арестовали, в частности, за стихи. Но оказалось, что в них

не было состава преступления» [Дн. № 96. С. 59–60].
«2 июня 1966 года, четверг.

Вечер. Вчера получил весьма суровое письмо-выписку из постановления секретариата правления Моск<овского> отд<еления> СП... Постановление на тему уже избитую — о письме 63-х писателей в защиту Синявского и Даниэля. Гм... Я думал, что дело уже утихло, но — увы! — волны еще расходятся кругами, как от камня, брошенного в реку» [Дн. № 96. С. 73–74].

«3 января 1967 года, вторник.

<...> Утром... поехал в ЦК. Лавлинский встретил меня дружелюбно. <...> Говорили немного о литературе. Лавлинский прямо сказал мне, что сейчас строго запрещено даже всякое упоминание о культуре, лагерях и тому подобном. Тема, дескать, стала модной и т.д.

Я сказал, что это вовсе не мода, а совершенно естественный, закономерный процесс выхода, отражения в литературе многолетней народной боли, трагедии.

— Может быть, не спорю, — ответил Леонард. — Но надо этот процесс регулировать.

...Да. Побеседовал я, стало быть, с одним из регулировщиков советской литературы и поехал домой» [Дн. № 99. С. 14–16].

Считается, что именно после трех центральных событий — судебного процесса по делу А. Синявского и Ю. Даниэля, подавления Пражской весны и разгона редакции «Нового мира» А. Т. Твардовского — оттепель в стране закончилась и началась новая историческая эпоха.

Эпоха железного занавеса и застоя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля / Сост. А. Гинзбург. — Франкфурт-на-Майне, 1967. — 411 с.
2. Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля: сб. ст. / сост. Е. М. Великанова. — М.: Книга, 1989. — 528 с.
3. Колобов В. В. А. В. Жигулин и Б. Ш. Окуджава: творческие и биографические связи (по материалам дневника писателя) / В. В. Колобов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. — 2021. — № 1. — С. 105–109.
4. Твардовский А. Т. Новомирский дневник. В 2 т. / А. Т. Твардовский // Т. 1: 1961–1966. М., 2009; Т. 2: 1967–1970. — М., 2009.
5. Жигулин А. В. Дневники и рабочие тетради (1954–2000) / А. В. Жигулин // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.
6. Твардовский А. По случаю юбилея / А. Твардовский // Новый мир. — 1965. — № 1. — С. 3–18.
7. Лит. газета. — 1966. — 7 марта.
8. Письмо 62 литераторов Москвы в защиту Даниэля и Синявского // Посев. — 1966. — № 45. — 4 нояб.; Лит. газета. — 1966. — 19 нояб.

9. Кондратович А. И. Новомирский дневник, 1967–1970 / А. И. Кондратович. — М.: Собрание, 2011. — 950 с.

10. Речь товарища Шолохова М. А. // Лит. газета. — 1966. — 2 апр.

Воронежский государственный университет

*Колобов В. В., доктор филологических наук, доцент
кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru*

Voronezh State University

*Kolobov V. V., Doctor of Philology, Associate Professor of the
Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: kolobov2015@yandex.ru*

АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ ТЕКСТОСТРОЕНИЯ В ПЬЕСЕ М. УГАРОВА «ПРАВОПИСАНИЕ ПО ГРОТУ»

Н. В. Лесных, Т. А. Тернова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 ноября 2021 г.

Аннотация: на материале заголовочно-финального комплекса пьесы М. Угарова «Правописание по Гроту» в статье выявляется авторская стратегия драматурга. Она состоит в состоит в игре с историко-культурным контекстом, демонстрации смерти субъекта, победы дискурса над событием, нарративизации сюжета.

Ключевые слова: современная драматургия, постмодернизм, М. Угаров, «Правописание по Гроту».

Abstract: The article identifies the author's strategy of text design by the example of the play «Pravopisaniye po Grotu» by M. Ugarov. The upshot is that, the author's strategy of text design consists in the literary game with historical and cultural contexts, the demonstration of «death of the subject», the discourse dominates the plot event, the narrativization of the plot.

Keywords: modern drama, postmodernism, M. Ugarov, «Pravopisaniye po Grotu».

Многими исследователями подчеркивается, что в драматургии рубежа XX–XXI вв. происходит активизация авторского сознания (черта, не являющаяся родовой характеристикой драмы). В работах О. В. Журчевой и ряда других ученых отмечено, что драма XX века «мобилизовала арсенал средств, с помощью которых в рамках пьесы выявляется собственно авторское «Я» [4]. В. Л. Шуников выделяет процесс нарративизации как «один из векторов трансформации поэтики отечественной драмы» [14, 67], состоящий в усилении повествовательных элементов, превращении паратекста в основной текст: «ремарка становится концептуально значимым элементом текста», происходит «включение иных композиционных форм речи» (сны, эпистолярный жанр и т.п.) в основной текст драмы, возрастает речевая активность героев (ключевая особенность субъектной организации эпического произведения, по М. Бахтину) [14, 70]. «Автор функционально приближается к эпическому нарратору» [14, 67]. Событием, организующим драматическое действие, становится само движение авторской мысли, рассуждения, его мировосприятие. Показательная черта новой драмы — «бесфабульность»: «персонажи оперируют некими культурными, социальными, историко-политическими кодами», а сам автор «своей личностью заполняет и насыщает текст для сцены» [3, 68].

Современные театральные эксперименты возникают на стыке субъективного — авторской творческой воли — и объективного — языка и культуры, в рамках которой творится текст. Автор нередко превращается в создателя нарратива, избирающего для себя определенную смысловую и стилистическую стратегию.

Одним из показательных примеров реализации тенденций развития современной драматургии являются пьесы М. Ю. Угарова и, в частности, «Правописание по Гроту» (1991), которая станет предметом нашего исследования.

Специфика авторской модели текстостроения в пьесе заключается в том, что М. Угаров совмещает два отрицающих друг друга принципа: стилизацию и бриколаж. Традиционно стилизация рассматривается как такой тип интертекстуальности, в основе которого лежат деривационные (иерархические) отношения, и строится по принципу палимпсеста, создавая «ощущение двуслойности времени, в котором настоящее есть лишь реставрированное и ожившее прошлое» [15]. То есть многослойный палимпсест (устроенный как «модель человеческого мозга») призван обеспечить «работу по накоплению текстовых отложений» [9, 167], апеллируя к обобщающей способности памяти. Однако палимпсест, служащий вторичной утилизации старых (культурных) форм, взрывается в пьесе динамикой бриколажа, маркируя разрыв с традицией (перекодируя ее в пустую форму значимости). Принцип бриколажа, переводящий текст в горизонтальное измерение, приводит к нивелировке иерархии, реализуя постмодернистский принцип «нонселекции», и отражает «выпад» новодраматической эстетики против авторитарного слова.

Принципиальная фрагментарность, разорванность текста М. Угарова обеспечивает реализацию приема «ноль-позиции», задающего такой угол эстетической (и этической) проекции, что мозаика, сложенная из литературных осколков рубежа XIX — XX веков, обесмысливается, «прототекст изживает сам себя» [12, 14], а внимание концентрируется на самой процедуре (де)реконструкции и описании «ге-

неративного процесса» (И. П. Смирнов), ведущего к созданию произведения.

На такой метод восприятия пьесы настраивает и способ авторского присутствия в тексте. Показательны в этой логике паратекстуальные элементы пьесы, поскольку паратекст является прямым способом выражения авторского сознания в драме. Внешние границы текста определяются заголовочно-финальным комплексом, который, в свою очередь, включает заглавие, подзаголовки, перечень действующих лиц пьесы, послесловие и т. д.

Заголовок — полифункциональный компонент художественного произведения: он формирует читательское восприятие и «устанавливает границы интерпретации произведения» [8, 101], обладает внутренней взаимозависимостью с источником, откуда он был извлечен, служит одним из способов выражения авторской точки зрения («единственное слово, которое осмысливается только непосредственно автором» [8, 101]), обнаруживает «наиболее прочную и прямую связанность со смысловым целым произведения» [8, 101].

Сам характер заглавия пьесы — «Правописание по Гроту» — репрезентирует диалогическую художественную природу произведения. Через отсылку к значимому для русской культуры имени текст подключается к определенному историко-культурному контексту. С именем Я. К. Грота связывают начало истории русской орфографии, его работы («Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (1873), «Русское правописание» (1885)) считаются первым теоретически обоснованным сводом орфографических правил. Он выполнил культурную функцию по приведению русского письма к максимальному единообразию. Правописание «по Гроту» с небольшими изменениями сохранялось до орфографической реформы 1918 года. История русской орфографии связывается не только с историей языка, но является и частью истории культуры. Язык в таком контексте воспринимается как культурная, а не социальная практика, которая участвует в формировании культурного поля.

Не случайна актуализация в заглавии пьесы самой темы языка и речи, поскольку одной из эстетических задач, стоящей перед движением «новая драма», оказалось обновление языка (преимущественно за счёт документальной техники *verbatim* и «языка улицы»). Это намерение совпадает с ключевым тезисом постмодернизма — «мир доступен нам исключительно в опосредованной языком форме» [6]. Драматурги активно вводят в обиход реальные речевые конструкции (подчеркивая их социальную природу), которые, являясь элементами невыдуманной правды жизни, демонстрируют широкие возможности устного языка. Это мы видим и в самой «не литературной грамматической конструкции» — «по Гроту». Таким образом, заглавие, да и сам текст пьесы

М. Угарова «Правописание по Гроту» проблематизируют соотношение письменного (нормативного) и устного языков — две неэквивалентные семиотические системы.

С помощью использования ненормативной и не-литературной лексики как речевых характеристик персонажей автор деконструирует культурный (нормативный) язык. Речь, формирующая образы персонажей, содержит, в частности, диалектно-просторечные слова: глагол «сверзить» (арх. сиб.) в значении «сбросить, скинуть, столкнуть или свалить с вышины» [2, 146]; «помститься» в значении померещилось («помстить» (кому) — «отомстить» [2, 275]. Примером стилистической аномальности может служить употребление устаревшего варианта предлога со значением указания причины «через» вместо «из-за» («Через вскрик ль прусака... ты свалилась...»), а также грамматическая ошибка, повторенная дважды разными персонажами (Леонид и Ювеналий. «Нет ли у нас в доме яблочков? Так, знаешь, яблочков захотелось...» [11, 69, 88]) — склонение существительного множественного числа среднего рода по модели мужского.

Наиболее богата такими примерами речь главного героя — Ювеналия. Ему же принадлежит ряд реплик, содержащих рефлексию по восприятию текста с точки зрения субъекта чтения: «Таблица слов на ять — это страшно, страшно скучно. Но таблицу слов на ять нужно выучить наизусть, потому что без этого никакого правописания не будет!» [11, 86]. «В общем-то скучность — это и есть сигнал к тому, что здесь что-то страшное заключено внутри. Если я вижу в книге скучное место, я так вот и впиваюсь туда глазами. Я теперь ни за что не пропущу, как в детстве. Страшная важность заключена там, за точкой скучных слов!..» [11, 87]. Эта реплика, отражая динамику героя, момент взросления, является смысловым ядром пьесы, поскольку совпадает с основной авторской интенцией — выпадом против развлекательности массовой культуры. В этом и состоит установка Угарова как идеолога «новой драмы».

Рефлексия героя с точки зрения воспроизводящего текст сознания: «Мамочка, я ничего не могу выговорить... У меня все распадается в разные стороны, мамочка!..» [11, 65] — фиксирует редукцию языка, распад связей между объектами и словами, разрушение слова как основного носителя смысла. Эта ситуация расщепления слова (текста), маркирующая раздробленность мира и утрату целостности героем, может быть описана при помощи постмодернистского понятия «фрагментирование субъекта» [5] (утрата субъектом «идентичности»). Происходит смерть субъекта как центра, вокруг которого строилось познание, культура, жизнь. Ювеналий, как субъект речи, ощущает в себе неспособность выполнения функции транслятора некоторых языковых конструктов, выпадет из системы знаковой реальности.

Нарушение «нормы» — аграмматичность речи — в силу своей неправильности — находится в сильной позиции, маркируя перенос основной смысловой тяжести текста пьесы на саму речь (дискурс).

Подзаголовок — «пьеса в трех частях» — отражает современную жанровую ситуацию, в которой наиболее адекватными жанровыми характеристиками оказываются «пьеса» и «текст». Авторское жанровое определение выступает в нескольких функциях: коммуникативной, будучи способом установления контакта с читателем / зрителем, и культуротворчески-текстостроительной, как способ вписать свой творческий опыт в ряд современных тенденций в искусстве в целом. Сам текст драмы не случайно оказывается фрагментированным, являясь, по сути, чисто дискурсивной практикой. Такая пьеса не может иметь завершения, поскольку дискурс неостановим: финал пьесы не открыт, а оборван.

Ремарки в «Правописании по Гроту» многофункциональны. Они включены в художественную структуру как «обширный авторский повествовательный текст» [3]. В виде ремарки выстроена экспозиция пьесы, вводящая читателя в сюжетную ситуацию: «... Потолки были так высоки — в два света, — что решено было построить антресоли. Еще до самого построения антресоли эти много раз были расчерчены и в уме, и в воздухе, и по стенам, вид сверху, вид снизу, прямо и в разрезе... Видимо, тут и закралась та ошибка, о которой речь пойдет впереди. Еще в умственном начертании закралась она и ждала своего часа» [11, 57].

Ремарка демонстрирует подчеркнута театрализованную установку на игру с читателем. Не случайна деталь — «потолки в два света», визуализирующая идею интертекстуальной, двуслойной природы художественного мира. Второй свет в архитектуре — прием, используемый в помещениях с отсутствующими потолочными перекрытиями на одном или нескольких этажах. Такая конструкция создает ощущение большого пространства, легкого и воздушного, и используется в общественных пространствах (театрах, кинотеатрах, вокзалах).

Лестница в художественных текстах нередко выступает как экстремальное пространство (например, у Ф. М. Достоевского). Так и у Угарова оно наполнено звуками: «скрип оставался неизменным, ужасным и неестественным» [11, 57], хлопали двери, шуршал шелк платья. В ремарках содержится элемент авторской рефлексии, который создает еще одну точку зрения на текст, демонстрируя его принадлежность к двум полям: театральному и литературному, полю действия и его интерпретации: «Так в старых и глупых романах бывают такие специальные, ненатуральные скрипучие лестницы...» [11, 86]. Изображенное пространство принципиально парадоксально, содержит «ошибку», которая отмечена в ремарке: «дом как мир лишился опоры, симметрии, устойчивости» [1,

45]. Показательно в тексте использование глаголов движения вниз: поехать с лестницы, свалиться, покатиться, сесть, сверзиться (упасть вниз) и мотива потери равновесия (Глобус — Бабушка — Любочка — Ювеналий — Мамочка), который может быть прочитан как эквивалент утраты смысла. Герой рассматривается в знаковой реальности, теряет свою целостность, устойчивость и определенность — наступает «смерть субъекта».

В «двуслойной» пьесе М. Угарова принципиально несовпадение сюжетного (сценического) и хронологического (фабульного) времени. Так, в тексте присутствуют указания на «пороговые темпоральности», которые наиболее характерны для обществ, находящихся в состоянии кризиса, сопровождающего исторические перемены [7, 25]. Они определяют сюжет пьесы, на уровне которого ведется разговор о конце эпохи, в которой «все хорошо», ее смыслов и языка.

Хронологически «действие происходит в конце XIX века в маленьком городе». Непрерывности временной протяженности в пьесе нет («прошло три года», «прошло два года»), что не характерно для драмы. «Эмблемным признаком нарративизации становится переход от настоящего грамматического времени к повествовательному прошедшему» [14, 70].

Композиция пьесы «Правописание по Гроту» также аномативна: деконструирована ее классическая схема: «завязка — развитие действия — кульминация — развязка». В пьесе дублируются одни те же детали образа, выстроена «система композиционных повторов» [13, 276].

Трехчастная структура текста разбивается крупными ремарочными вставками, например: «Грохнул хор цикад и сверчков. Дружно, разом грянул, будто дело было в густом и диковинном саду. Под каждым кусточком гремели кузнечики, кобылки и богомолы. И все божьи стрекозки... Все обнялись и очаровались. Рассмеялись легко и свободно. Удивлялись своей недавней угрюмости» [11, 83]. Эта идиллическая зарисовка эмоционально контрастна основному корпусу текста, призвана подчеркнуть принципиальную недостижимость «органической сопричастности бытию как целому» [10, 49]. «Радостная растроганность мирным, устойчивым и гармоничным сложением жизни, где находят себе место спокойное семейное бытие и счастливая любовь, единение человека с природой, его живой, творческий труд» [13, 114] — это нереальный, запредельный, идеальный мир, который предполагается во времени до основных событий пьесы, в которой герои умирают, издеваются друг над другом, уничтожают себя и мир вокруг себя.

Архитектоническая форма идиллического завершения — хронотоп «родного дома» — также деконструируется, вступая в противоречие с констатацией безысходности смерти: «Леонид... и раздавил ногою подскочившего к нему кузнечика. И еще од-

ного раздавил. Увидел третьего, рассмеялся и в пляс пошел» [11, 98]. Перед нами предстает пишущий герой Ювеналий, мечтающий об уходе в мифологический мир (совмещение двух реальностей): «Надеть валеночки с калошами на них, вязаную телогрейку с гусиными лапками, шинель и пятигорский башлык, обвязаться шарфом крест-накрест, как я тебя всегда учила... надеть валеночки и т. д... Обстукать, обколоть, подрубить лед!» После ремарки «Занавес» следует вставка, указывающая на изменение текстовой стратегии, на уход сюжета в поле текста: «Из письма, присланного Ювеналием к Любочке спустя еще два года» [11, 98]. Мысль о смерти также перемещается в пространство текста, следствием чего становится смерть слова: «... Смысл и значение буквы «ять» страшно утрачено, правописание через нее шатко. Ее и держат-то лишь в память о древнерусском!.. Можно было бы разобрать эту путаницу и установить особое правило или же остаться при одной букве «е». Только буква эта очень перегружена, она и нынче уже произносится на шесть ладов» [11, 98]. Не случайна в приведенной цитате временная перспектива убывания.

Таким образом, заголовочно-финальный комплекс пьесы обнажает авторскую стратегию М. Угарова, которая состоит в игре с историко-культурным контекстом, демонстрации смерти субъекта, победы дискурса над событием, нарративизации сюжета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громова М. И. Русская драматургия конца XX — начала XXI века: учеб. пособие / М. И. Громова. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 368 с.: ил.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. / В. И. Даль. — Т. 3, Т. 4. — СПб.: Диамант, 2002.
3. Журчева О. В. Авторские стратегии в новейшей драматургии / О. В. Журчева // Литература и театр: материалы междунар. научно-практич. конфер. — Самара: Самарский университет, 2006. — С. 60–70.
4. Журчева О. В. Формы выражения авторского сознания в «новой драме» рубежа XIX — XX веков / О. В. Журчева

// Культура и текст. — 2006. — № 1. — С. 38–51. — Режим доступа: [<https://cyberleninka.ru/article/n/formy-vyrazheniya-avtorskogo-soznaniya-v-novoy-drame-rubezha-hh-hh-vekov/viewer>] (дата обращения: 12.11. 2021).

5. Ильин А. Н. Субъект в пространстве философии постмодернизма. — Субъект в пространстве философии постмодернизма // Знание. Понимание. Умение: электрон. журн. — 2010. — № 1. Философия. Политология. — Режим доступа: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/] (дата обращения: 12.11. 2021).

6. Курицын В. Русский литературный постмодернизм / В. Курицын. — Режим доступа: [<http://old.guelman.ru/slava/postmod/>] (дата обращения: 12.11. 2021).

7. Матич О. Fin de siècle: Барокко и модернизм (промежуточность, опространствливание времени, визуальность) / О. Матич. — Новое литературное обозрение, Москва, 2018. — N1 (149). — С. 24–48.

8. Подковырин Ю. В. Заглавие / Ю. В. Подковырин // Новый филологический вестник. — 2011. — № 2(17). — С. 101–110.

9. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 240 с.

10. Тюпа В. И. Художественный дискурс: (введение в теорию литературы) / В. И. Тюпа. — Тверь: Твер. Гос. ун-т, 2002. — 80 с.

11. Угаров М. Ю. Облом off: Пьесы. Повесть / М. Ю. Угаров. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 416 с.: ил.

12. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. — М.: КомКнига, 2007. — 280 с.

13. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студ. высш. учеб. Заведений / В. Е. Хализев. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2009. — 432 с.

14. Шуников В. Л. Нарративизация новейшей российской драмы / В. Л. Шуников // Вестник РГГУ. — № 7 (69). — 2011. — С. 67–74.

15. Ямпольский М. Различие, или По ту сторону предметности (Эстетика Гейне в теории Тынянова) / М. Ямпольский // НЛО. — 2006. — № 80. — С. 30–53. — Режим доступа: [<http://magazines.russ.ru/nlo/2006/80/ia3.html>] (дата обращения: 12.11. 2021).

*Воронежский государственный университет
Лесных Н. В., аспирант кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук.
E-mail: natasha-les@mail.ru*

*Тернова Т. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук.
E-mail: ternova@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
Lesnykh N. V., Postgraduate student of the Department
of Russian Literature of the XX and XXI Centuries, Theory of
Literature and the Humanities.
E-mail: natasha-les@mail.ru*

*Ternova T. A., Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Russian Literature of the XX and
XXI Centuries, Theory of Literature and the Humanities.
E-mail: ternova@phil.vsu.ru*

ТРАГИЧНОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ ГЕРОЕВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ПЕСНЕ «ГИНДЕНБУРГ» ГРУППЫ «ИЗУМРУДНЫЙ ГОРОД»

Р. В. Любарский

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Поступила в редакцию 10 мая 2020 г.

Аннотация: *творчество современных рок-поэтов представляет собой изображение своего особого замкнутого мира и ограничение контактов с миром внешним. Однако в произведении группы «Изумрудный город» «Гинденбург» показано воздействие элементов внешнего мира (исторических событий) на миропонимание героев. Отражение трагичного мироощущения героев в контексте исторических событий в русской рок-поэзии является одной из самых актуальных проблем в современной литературе. В статье показано влияние истории крушения дирижабля «Гинденбург» на восприятие картины мира персонажами песни группы «Изумрудный город» «Гинденбург». Рассмотрена сущность трагичного мироощущения героев во взаимосвязи с основными событиями Второй мировой войны, отраженными в песне «Гинденбург». Сделан вывод о наличии трагичного ощущения хрупкости повседневного мира, приближающейся катастрофы на фоне исторических событий Второй мировой войны в сознании героев песни.*

Ключевые слова: *Изумрудный город, Гинденбург, рок-поэзия, фолк-рок, Вторая мировая война, трагичное мироощущение, исторические события.*

Abstract: *the work of modern rock poets is an image of their own special closed world and the restriction of contacts with the outside world. However, the work of the group «Emerald City» «Hindenburg» shows the impact of elements of the external world (historical events) on the worldview of the characters. The reflection of the tragic worldview of the heroes in the context of historical events in Russian rock poetry is one of the most pressing problems in modern literature. The article shows the influence of the story of the crash of the airship «Hindenburg» on the perception of the world picture by the characters of the song «Emerald City» «Hindenburg». The essence of the tragic worldview of the heroes is considered in connection with the main events of the Second world war, reflected in the song «Hindenburg». It is concluded that there is a tragic sense of the fragility of the everyday world, the approaching catastrophe against the background of the historical events of the Second world war in the minds of the heroes of the song.*

Keywords: *Emerald City, Hindenburg, rock poetry, folk rock, World war II, tragic worldview, historical events. The Tragic Attitude of the Heroes in the Context of Historical Events in the Song “Hindenburg” by the Group “Emerald City”*

В классической статье «Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция» Илья Кормильцев и Ольга Сурова выделяют как особенность рок-поэтической субкультуры «сотворение своего, особого, замкнутого мира. Стремление максимально ограничить контакты с миром внешним» [1, 10]. При этом, анализируя творчество русских бардов и группы «Машина времени», «Воскресение», И. Кормильцев и О. Сурова приходят к выводу о том, что одной из общих черт данных поэтических миров является «абстрактность лирического героя — это некий философствующий, страдающий и горько разочарованный интеллигент, ощущающий себя лишним человеком» [1, 6]. Данная черта дает возможность современным рок-поэтам изображать лирического героя, сущность которого заключается в трагическом постижении тех или иных жизненных ценностей.

Однако при введении автором элементов внешнего мира в рок-пространство современной песни происходит их трагическое переосмысление в сознании лирического героя.

В творчестве группы «Изумрудный город» элементы внешнего мира проявляются в качестве исторических событий, на фоне которых проявляется трагичное ощущение хрупкости повседневного мира персонажей песни. Группа «Изумрудный город» (Москва) создана в 2008 году Александром Тобенгаузом и Михаилом Жарковым. С 2010 года группа ведёт активную концертную деятельность, выступая в различных московских клубах. «Изумрудный город» является представителем таких направлений, как фолк-рок и «хеви-метал». За годы концертной деятельности группа выпустила альбомы: «В самом начале» (2014), «Встать на крыло» (2016), «Мир не прервется» (2019). Песня «Гинденбург» входит в альбом «Мир не прервется» (2019), в основу которого входят

песни, основанные на тех или иных исторических событиях. К примеру, песни рок-оперы «Жанна», а именно: «Жанна — Пролог», «Жанна — Детство», «Жанна — Орлеан», «Жанна — Казнь», «Жанна — Эпилог» связаны с жизнью и судьбой национальной героини Франции, командующей французскими войсками в Столетней войне, «орлеанской девы» Жанны д'Арк. Автором музыки и слов песен «Изумрудного города» является Сергей Цибульский.

Песня «Гинденбург» начинается с обозначения места, над которым проносится что-то, находящееся в небе:

Над Нью-Йорком просвет, но прогноз обещает грозу,

Сквозь помехи доносится послеполуденный джаз,
Авеню и клаксоны Манхэттена — где-то внизу,
Эмпайр Стейт и причальная мачта — на уровне глаз [2].

В «Заметке о песне, произнесённой на концерте-презентации альбома “Мир не превратится”» С. Цибульский отмечает, что данное произведение связано с крушением дирижабля «Гинденбург». При этом С. Цибульский упоминает город Нью-Йорк, над которым пролетал дирижабль, что перекликается с содержанием песни: «6 мая 1937 года на авиабазе Лейк-Хёрст под Нью-Йорком потерпел крушение дирижабль Гинденбург» [3]. В связи с этим в центре внимания песни — дирижабль «Гинденбург», пролетающий над авеню боро Нью-Йорка Манхеттен, недалеко от небоскреба «Эмпайр Стейт Билдинг», который из-за собственной высоты кажется пассажирам воздушного судна «причальной мачтой» на «уровне глаз». Н. Ионина и М. Кубеев в книге «Сто великих катастроф» пишут о том, что «в Нью-Йорк “Гинденбург” прибыл шестого мая. Серебристая сигара снизилась и проплыла мимо небоскребов. Дирижабль настолько близко подошел к “Эмпайр Стейт Билдинг”, что пассажиры могли разглядеть в его окнах фотографов, снимающих пролетающий мимо гигант. Внизу на Бродвее и прилегающих улицах собирались толпы людей, которые, задрав головы, смотрели вверх. И, несмотря на всю ненависть к нацистскому режиму и к фюреру, люди радовались, улыбались и приветствовали чудо немецкой техники» [4, 67]. Дирижабль «Гинденбург» являлся детищем нацистской Германии, который должен был совершить трансатлантический рейс в США, тем самым показать превосходство Германии над данной страной, а также над всей Европой. Н. Ионина и М. Кубеев пишут: «Германское чудо должно удивить Новый Свет, — писали все немецкие газеты. — воздушный гигант покорила Европу, покорила и Америку. Небо принадлежит нам!» [4, 67]. Однако сама возможность трансатлантического рейса между Германией и США являлась следствием межвоенного мира между данными государствами. С. Цибульский отмечает, что «дирижабль символизирует межвоенный мир. Межвоенный мир — он

был такой же, как дирижабль: он большой, красивый, многообещающий, но вспомните, какая была заявлена у Лиги Наций цель: предотвратить все будущие войны человечества. Получилось? Не очень» [3]. Крушение дирижабля символизирует неустойчивость мира, сохраняемого определенное время между Германией, США и странами Европы, которая впоследствии переросла во Вторую мировую войну. Лирический герой песни «Гинденбург» ощущает хрупкость сложившегося миропорядка, а также его грядущее разрушение. Через два с половиной года после крушения «Гинденбурга», 1 сентября 1939 года, начнется Вторая мировая война, в которой погибнет 70 миллионов человек.

Однако в произведении демонстрируется повседневное состояние окружающей героя действительности, которую он наблюдает с дирижабля и в которой отражается спокойная, мирная жизнь. Неслучайно над городом Нью-Йорком появляется пробивающийся сквозь тучи луч солнца, олицетворяющий положительное состояние природы, связанное с благоприятным исходом. Несмотря на грядущую трагедию, в сознании лирического героя сохраняется вера в возможность преодоления того или иного препятствия на пути к чему-либо. Именно поэтому, невзирая на помехи, персонаж, помимо созерцания просвета, также слышит послеполуденный джаз. Но приближающееся бедствие врывается в сознание лирического героя на фоне привычной мирной жизни, попутно воплощающейся в «авеню и клаксонах Манхэттена». Несмотря на присутствующую вокруг благоприятную атмосферу, герой, согласно прогнозу, ожидает грозу. Данное природное явление отождествляется с опасностью, которую оно представляет. Таким образом, грядущий трагизм Второй мировой войны ассоциируется с грозой, которая в скором времени разразится и затмит собой положительные моменты окружающего персонажа мира, не оставив от них следа. В связи с этим в последующей строфе песни возникают образы, которые соотносятся с войной.

В песне находим:

Миллионы солдат ещё живы и учатся мстить,
Пахнет маслом чугун в казематах валов Мажино,
Горизонт над Атлантикой сжат в золотистую нить,

Рядом с пляжем в подвалах Нормандии зреет вино [2].

Упоминание «валов Мажино» связано с трагическим предчувствием персонажем произведения событий войны, к которым относятся данные объекты. Г. А. Космач, В. С. Кошелев, М. А. Краснова пишут: «В соответствии с планом “Гельб” 10 мая 1940 г. началось генеральное наступление германских войск через Люксембург, Бельгию, в обход “линии Мажино”. <...> Вскоре вермахт без боя занял Париж» [5, 153]. Обход «линии Мажино» привел к поражению французских и английских войск, а также к взятию сила-

ми нацистской Германии Парижа. Наличие в песне «Нормандии» также связано с историческими событиями Второй мировой войны, принесшими негативные последствия для европейского миропорядка. В связи с разгромом французских и английских войск, «22 июня 1940 г. на станции Ретонд в Компьенском лесу, в том же вагоне, где было заключено перемирие с Германией в 1918 г., немцы продиктовали Франции условия нового перемирия. Германия оккупировала всю Северную и Западную Францию, отрезав ее от Атлантического побережья» [5, 154]. При этом Нормандия, находящаяся на северо-западе Франции, также оказалась под властью фашистской Германии. На основе этого в сознании лирического героя возникают образы солдат, которые все еще живы и готовятся отомстить захватчикам за незаконную оккупацию территории и массовую гибель людей.

«Валы Мажино», «мщение солдат» и «пляжи Нормандии» — элементы повествования, не только имеющие отношение к возникающему ощущению героем разрушения сложившегося миропорядка, но и содержащие в себе отрицательную коннотацию в связи с ходом войны. Однако скорая весть о гибели устойчивой картины мира возникает на фоне воссоздания явлений, которые содержат в себе положительный оттенок. Следовательно, в подвалах Нормандии «зреет вино», горизонт над Атлантическим океаном, над которым пролетал дирижабль, озарен солнцем, а в казематах Мажино пахнет маслом чугуна. Данные аспекты изображения внешнего мира маскируют приближение трагедии мирового значения и масштаба. При этом лирический герой пытается таким образом отгородиться от последующего трагического исхода, отождествляемого с войной, переключая свой разум на те положительные моменты, которые могли быть в местах будущих военных действий. При этом Нормандия, «валы Мажино» и Атлантика невольно возникают в мыслях персонажа песни и символизируют крушение приносящего радость пацифистского уклада жизни.

В следующем куплете вышеперечисленные события воспринимаются как личная трагедия:

Обещай мне, что мир не прервётся и ты будешь ждать;

Обещай мне не видеть во сне, как горит водород;

Обещай мне, что Гамбург и Ковентри будут стоять

И что век дирижаблей наступит буквально вот-вот [2].

Главный герой искренне, чувствуя скорое приближение войны, все еще пытается заставить адресата своего послания переубедить его в этом. Он уверен в неизбежности данного кровопролитного столкновения, но пытается с помощью самообмана убедить себя в мирном развитии событий. Неслучайно он просит своего собеседника пообещать ему, «что мир не прервётся». Однако персонаж, к которому обращается лирический герой, скорее всего, находился

на борту дирижабля «Гинденбург» и выжил, либо был в непосредственной близости от него. И крушение воздушного судна отразилось в сознании персонажа как трагичное воспоминание. Поэтому он во сне видит горящий водород, непосредственно связанный с дирижаблем. Н. Ионина и М. Кубеев пишут: «Долгое время, согласно официальной версии, причиной трагедии считали воспламенение водорода. Если бы вместо водорода дирижабль был заполнен гелием, то такой катастрофы бы не случилось. Но гелий немцы не могли использовать, так как он производился только в Штатах, а закупать его там немцы опять-таки не могли из политических и финансовых соображений» [4, 67]. Однако взрыв водорода внутри дирижабля привел к массовым жертвам. И данный факт усиливает трагизм в сознании второго героя песни. В книге «Сто великих катастроф» находим: «Из 97 пассажиров и членов команды спаслось 62 человека — почти две трети» [4, 67].

Однако мир, который не должен «прерваться», имеет историческую основу. А именно: «Результатом Локарно стало также вступление Германии в Лигу Наций в 1926 г. и предоставление ей места постоянного члена в Совете Лиги. <...> В 1925–1927 гг. в Лиге Наций между европейскими державами происходили переговоры по разоружению. В 1927 г. министр иностранных дел Франции А. Бриан предложил госсекретарю США Ф. Келлогу заключить договор об отказе от войны как средства национальной политики. В августе 1928 г. в Париже состоялось подписание пакта Бриана — Келлога» [5, 29]. Мир между США, странами Европы и Германией действительно существовал и действовал вплоть до выхода нацистской Германии из Лиги Наций. Несмотря на желание главного героя «не прерывать мир», его не покидает предчувствие скорейшего окончания перемирия, а также стабильности мирной ситуации между европейскими державами. Данная историческая ситуация воспринимается персонажем как трагедия личного характера. С. Цибульский сравнивает крах мирного сосуществования нацистской Германии и других стран с крушением «Гинденбурга» на основе их «взрывоопасности». Автор пишет: «Вот и этот мир был основан на взрывоопасных, как водород, соглашениях Версальско-Вашингтонской системы. Для того чтобы воспламенить этот мир, хватило одной искры. Этой искрой был приход нацистов к власти [3]. Несмотря на пакт Бриана — Келлога, соглашения Версальско-Вашингтонской системы, принятые после окончания Первой мировой войны, не являлись гарантом мирного сосуществования европейских государств. И данные соглашения послужили одной из причин ощущения постоянно приближающегося конфликта, выраженного в виде войны, со стороны лирического героя песни «Гинденбург». Г. А. Космач, В. С. Кошелев, М. А. Краснова свидетельствуют о том, что «комплекс мирных договоров, подписан-

ных в 1919–1923 гг., и новое соотношение сил в мире получили название Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Основным ее недостатком и противоречием стало несправедливое переустройство послевоенного мира и грабительские, тяжелые условия мирных договоров для побежденных стран. Версальский мир содержал зародыш новых войн и конфликтов, прежде всего в Европе. Его условия осуждало подавляющее большинство населения побежденных стран, особенно Германии» [5, 13].

Надежда на лучший исход также связана с упоминанием городов Гамбурга и Ковентри, которые останутся «стоять». Но она вступает в конфликт с реальной историей и исчезает в связи с тем, что на самом деле Гамбург и Ковентри подверглись разрушению в ходе военных бомбардировок, что привело также к массовой гибели людей. Так, Ковентри оказался английским городом, «растерзанным в клочья» фашистским авианалетом. Дмитрий Окунев пишет: «За 11 часов самолеты люфтваффе сбросили на Ковентри 394 тонны фугасных и 56 тонн зажигательных бомб, а также 127 мин ВМ-1000. Из-за плотной застройки направленные на промышленные объекты бомбы падали на центр города. В результате сгорели 4330 домов. Повреждения получили около 60 тыс. зданий. Погибли 554 человека, еще 865 были ранены. Система ПВО смогла сбить лишь один бомбардировщик» [6]. Подобная судьба не миновала и немецкий город Гамбург. В 1942 году Военный кабинет министров Великобритании и командование ВВС приняли решение разрушить с воздуха все немецкие города с населением свыше 100 тысяч человек, в том числе и Гамбург. Данная операция получила название «Гоморра». С. Шпигель пишет: «Операция “Гоморра”, начавшаяся в ночь с 24 на 25 июля, продолжалась до третьего августа 1943 года и состояла из шести мощных бомбардировок. Потери среди жителей города были колоссальными. Только по официальным данным погибло: всего жителей — 42 тысяч, детей — 8 тысяч, женщин — 21 тысяча, мужчин — 13 тысяч, около 10 тысяч детей остались сиротами. Было разрушено 580 заводов, 2632 предприятия частного бизнеса (магазины, рестораны, пивоварни и т.п.), 379 офисных зданий, 24 больницы, 277 школ и 257 правительственных зданий и штабов нацистской партии, уничтожено более половины жилых домов» [7].

Надежда на мир, который должен остаться существовать, является внутренним протестом героя против разрушительных военных действий. Причем данный протест подкреплен его отношением с другим персонажем, с которым он надеется увидеться. Невозможность существования нормальных отношений между персонажами воплощается в качестве нежелания воспринимать присутствующие исторические события как непосредственный факт и превращается в их неизбежное отрицание. Следовательно, помимо «прервавшегося мира», ли-

рический герой не способен воспринимать трагическую бомбардировку Гамбурга и Ковентри и надеется на то, что они «будут стоять». Прервавшийся в связи с крушением «Гинденбурга» век дирижаблей также не дает покоя персонажу песни. Данное несуществующее событие лирический герой пытается сознательно приблизить особым образом, о чем говорит лексема «вот-вот». Тем самым он подчеркивает важный для себя аспект привычного ему уклада жизни, связанного с определенными перспективами ее развития, противоположными милитаристскому осмыслению миропорядка.

Вместе с тем в сознании лирического героя всплывают картины мирной жизни, которые сменяются надвигающейся опасностью. В песне находим:

Обещай мне резвиться с детьми и подкармливать птиц,

Обещай мне цветущих садов восхитительный фон.

Там, на западе — фронт грозовых облаков и зарниц.

Обещай, что он завтра не вырастет в Западный фронт [2].

В данной строфе от мысленной попытки ухода от сложившихся исторических событий автор песни подводит нас к изображению прекрасных картин природы, служащих антигезой разрушению и гибели людей в военный период. Цибульский передает желаемое его героем мироустройство посредством включения в песню детей, птиц и цветущих садов. Автор передает идеальную для каждого человека, в том числе и субъекта произведения, реальность, в которой он сможет воплотить любые стремления и желания, в частности, «подкармливать птиц» или «резвиться с детьми». Однако и в этом куплете радостная жизнь не вечна, так как описанная идиллия прерывается. Желание мирной жизни сменяется у лирического героя ощущением надвигающейся беды, которая отождествляется с «фронтом грозовых облаков». При этом бедственное положение усиливается упоминанием Западного фронта, который представляет собой объединение армий СССР, участвовавших в боевых действиях против фашистской Германии.

Песня «Гинденбург» является отражением переживаний лирического героя, связанных с грядущей мировой катастрофой, и осмысливается во взаимодействии с другими песнями из альбома «Мир не прервется». Данный альбом — первая попытка группы «Изумрудный город» соотнести внутренний мир героев с историческими событиями. Исторические события при этом являются бедствием и проявляются как внешние раздражители эмоционального благополучия людей. Так, в песне «Октябрь» показано осмысление автором исторических событий, показанных в обратной хронологии, и соотносящихся с ними переживаний. В своей статье С. Цибульский отмечает: «Ну а дальше что? Перед глазами умирающего старичка-дома-ДК, покорно принявшего поджига-

телей, замыкание или мимо запущенный фейерверк за наконец начавшуюся войну, проносится всё, чему он был свидетелем. История России в XX веке, рассказанная в обратном порядке — с акцентом на беспомощность простых людей перед её жерновами» [8]. Песня названа в честь сгоревшего кинотеатра «Октябрь», который наблюдает в обратном порядке исторические события, свидетелем которых он был. При этом Сергей Цибульский, расшифровывая строки произведения: «Ночной дежурный в четвёртом блоке не удержался на грани ада» [2], передает трагические судьбы людей в сложившейся исторической обстановке. Автор пишет: «Это Чернобыльская катастрофа, 1986 год: жители прекрасного нового города Припяти, украшенной к майским праздникам, садятся в автобусы, взяв с собой только “одежду, ключи, документы, продукты”, думая, что уезжают на два дня. Ликвидаторы аварии самоотверженно борются с огнём, незаметно для себя получая смертельную дозу радиации» [8]. Помимо этого, в тексте рок-оперы «Жанна» передается специфика переживания исторической личности Жанны Д'Арк жизненных невзгод, непосредственно связанных с ней. В одной из пяти песен рок-оперы «Орлеан» Жанна трагически осмысляет гибель каждого члена ее отряда на фоне исторически сложившейся Орлеанской битвы. В произведении находим:

И поныне длится бой под Орлеаном,
Стискивают пальцы рукоять меча.
С каждым новобранцем умирает Жанна,
С каждой новобрачной плачет по ночам [2].

Тем самым значительная часть произведений альбома «Мир не прервется» направлена на изображение персонажей в суровых исторических реалиях, что отражается в их сознании как трагическое ощущение катастрофы. Песня «Гинденбург», давшая название альбому, занимает в нем одно из ключевых мест.

Таким образом, трагическое мироощущение героев песни «Гинденбург» связано с предчувствием раз-

рушения привычного мирного уклада жизни на фоне исторических событий Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кормильцев И. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция / И. Кормильцев, О. Сурова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов. — Тверь: Тверской государственный университет, 1998. — С. 5–33.

2. Тексты песен, аккорды — альбом «МИР НЕ ПРЕРВЕТСЯ» (2019). Режим доступа: https://vk.com/topic-1636225_39890167. — Загл. с экрана (дата обращения: 01.01.21)

3. Гинденбург — первая жертва. Заметка о песне от скрипача Сергея Цибульского, произнесённая на концерте-презентации альбома «Мир не прервется». Режим доступа: https://vk.com/@izumrud_gorod-gindenburg-pervaya-zhertva. — Загл. с экрана (дата обращения: 01.01.21)

4. Ионина Н. Сто великих катастроф / Н. Ионина, М. Кубеев. — М.: Вече, 2001. — 491 с.

5. Космач Г. А. Всемирная история Новейшего времени: 1918–1945 гг.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Г. А. Космач, В. С. Кошелев, М. А. Краснова; под ред. Г. А. Космача. — Минск: Нар. асвета, 2012. — 214 с.

6. «Обширное море огня»: как нацисты бомбили Ковентри. 80 лет назад нацисты произвели бомбардировку Ковентри. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/14_a_13360891.shtml. — Загл. с экрана (дата обращения: 01.01.21)

7. Операция «Гоморра» — бомбардировка Гамбурга в 1943 году. Режим доступа: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2018/9/235/9210/operacija-gomorra-bombardirovka-gamburga-v-1943-godu?lang=ru>. — Загл. с экрана (дата обращения: 01.01.21)

8. Песня «Октябрь». О чем она? Рассказывает автор песни, скрипач группы Сергей Цибульский. Режим доступа: https://vk.com/@izumrud_gorod-pesnya-oktyabr-o-chem-ona. — Загл. с экрана (дата обращения: 10.02.21)

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

*Любарский Р. В., аспирант БГУ имени И. Г. Петровского
E-mail: ludmila12a@rambler.ru, телефон: 89192910142*

*Bryansk State University named after I. G. Petrovsky
Lubarsky R. V., postgraduate student of the BSU named after I. G. Petrovsky
E-mail: ludmila12a@rambler.ru*

ФИГУРА Л. Н. ТОЛСТОГО В РЕЦЕПЦИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО: ТОЛСТОЙ ПРОТИВ ДОСТОЕВСКОГО

К. А. Нагина, Н. В. Коратаева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 июля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается книга Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский». Предмет исследования — концептуальный подход автора книги к фигуре и биографии Л. Н. Толстого, принципы и способы изображения жизненного пути великого писателя, с которым Мережковский был лично знаком. Сопоставление бытийных ценностей и жизненных путей Л. Толстого и Ф. Достоевского, включение фигуры Л. Толстого во всемирно-исторический контекст, отождествление Л. Толстого с его героями являются теми особенностями, которые отличают концепцию Мережковского в раскрытии биографии писателя.

Ключевые слова: Л. Толстой, биография, Д. Мережковский, «Л. Толстой и Достоевский».

Abstract: the article discusses the book by D. S. Merezhkovsky "L. Tolstoy and Dostoevsky". The subject of the research is the conceptual approach of the author of the book to the figure and biography of L. N. Tolstoy, the principles and methods of depicting the life of the great writer, with whom Merezhkovsky was personally acquainted. Comparison of life values and life paths of L. Tolstoy and F. Dostoevsky, inclusion of the figure of L. Tolstoy in the world-historical context, identification of L. Tolstoy with his heroes are the features that distinguish Merezhkovsky's concept in the disclosure of the writer's biography.

Keywords: L. Tolstoy, biography, D. Merezhkovsky, "L. Tolstoy and Dostoevsky".

Книга Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» в строгом смысле слова не относится к биографиям, но является тем произведением, которое не может обойти своим вниманием исследователь, занимающийся биографическими описаниями жизни Льва Толстого. Впервые она была опубликована в 1900 году, когда еще до смерти Толстого оставалось целое десятилетие, а после смерти Достоевского уже прошло почти двадцать лет. Так, жизнь одного героя книги уже была завершена и сама воспринималась как захватывающая воображение почти художественная история, вполне сопоставимая с остросюжетными книгами самого Достоевского, а в жизни второго героя начиналось последнее десятилетие, которое будет ознанено новыми шедеврами и венчающим жизненный путь уходом из Ясной Поляны. Обратиться к книге Мережковского в рамках изучения биографии Толстого позволяет и тот факт, что первая часть книги озаглавлена «Жизнь Л. Толстого и Достоевского».

Некоторые биографы Л. Н. Толстого настолько корректны, что намеренно скрываются в тени фигуры героя, стараясь осветить его личность и жизненный путь как можно более объективно. Это можно сказать о П. И. Бирюкове, авторе академической биографии писателя, который во всем следует за своим героем, любезно предоставившим ему и собствен-

ный взгляд на этапы своего жизненного пути. Иногда в глаза бросается несопоставимость масштабов личностей героя биографии и ее автора, попросту не способного перенестись в то измерение, в котором пребывает великий человек. Подобное мы можем наблюдать в биографии Толстого, написанной А. Сейрон. В случае Мережковского ситуация особая. Здесь автор подходит к своему герою-современнику с особой меркой. Он в должной мере осознает его величие, однако встраивает его в ту систему оценок, которая отвечает его собственным религиозно-философским построениям. Местами возникает ощущение, что автор выступает на равных со своим героем.

Это утверждение требует обращения к фигуре Мережковского — писателя, литературного критика, переводчика, историка, религиозного философа, общественного деятеля конца 19 — начала 20 веков. По словам Г. Адамовича, «человек он был удивительный, совершенно не похожий на других людей, внутренне обособленный, странный до крайности, — чем, конечно, и было вызвано его одиночество», «до старости он пронес, может быть, сберег от «декадентства», которое оттого-то и пришлось ему по вкусу, — брезгливость к оплотнению, к «ожирению» души, инстинктивную враждебность к грубоватой житейской беззаботности, острый слух ко всему тому, что расплывчато, в ницшевском смысле слова можно назвать музыкой» [1].

Одним из важнейших обстоятельств в построении жизни героя биографии является личное знакомство с ним автора. Мережковский был лично знаком и с Толстым, и с Достоевским. В тринадцатилетнем возрасте, написав свои первые стихи, юноша увлекся творчеством Мольера и организовал кружок. Отец начинающего писателя, увидев талант сына, познакомил его с княгиней Воронцовой, а позже, в 1880 году, — с Федором Достоевским. В этом же году состоялся литературный дебют Мережковского: в журнале «Живописное обозрение» появились его стихи.

Знакомство с Толстым произошло много позже. К этому моменту Мережковский уже получил известность благодаря своему поэтическому творчеству, роману «Смерть богов. Юлиан Отступник», первой части трилогии «Христос и Антихрист», историческим эссе, новеллам.

Летом 1904 года Мережковский вместе с женой З. Гиппиус посетил Ясную Поляну, где Л. Н. Толстой принял их «очень ласково». В «Автобиографической заметке» Мережковский описывает эту встречу и цитирует графа: «А мне говорили, что вы меня не любите. Очень рад, что это не так...» После встречи автор книги «Л. Толстой и Достоевский» отмечает, что «тогда уже смутно чувствовал», что «был не совсем справедлив к нему и что, несмотря на глубочайшие умственные расхождения, Толстой мне все-таки ближе, роднее Достоевского» [2].

Книга Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» — монография, часто называемая литературно-критическим эссе. В нем сопоставляется творчество и мировоззрение Льва Николаевича Толстого и Фёдора Михайловича Достоевского. Мережковский работал над своим трудом с 1898 по 1902 год. Публиковалась монография с 1900 по 1902 год в журнале С. П. Дягилева «Мир искусства», а после неоднократно выходила отдельными изданиями и публиковалась в собраниях сочинений Д. С. Мережковского. Вышедшее произведение, оригинальное по форме изложения материала и концепции творчества писателей, привлекло внимание современников.

В книге «Л. Толстой и Достоевский» Д. С. Мережковский по-особенному подходит к раскрытию двух ярких личностей: Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. «...Лейтмотивы книги Мережковского, — как пишет Н. Г. Коптелова, — связаны с утверждением пушкинского истока творчества Толстого и Достоевского и идеей всемирного значения тех духовных открытий, которые совершила русская литература в девятнадцатом столетии» [3, 38].

Автор делит свою работу на вступление, три части, примечания и сокращения. Во вступлении читателю объясняется мотив объединения в книге представленных писателей. Первая часть, «Жизнь Л. Толстого и Достоевского», включает восемь глав и описывает жизненные события, раскрывает ге-

роев через призму их произведений. Во второй части, которая называется «Творчество Л. Толстого и Достоевского», состоящей из 7 глав, дается анализ произведений писателей. Третья часть, «Религия», в свою очередь делится на два раздела. Однако, как отмечает Н. Г. Коптелова, «организация материала в книге Мережковского не вполне соответствует тому строгому распределению, которое обозначено в заглавиях частей: «Жизнь Л. Толстого и Достоевского», «Творчество Л. Толстого и Достоевского», «Религия». На самом деле в каждой части критик то и дело нарушает строгую композиционную логику, им самим намеченную. В этих композиционных сдвигах подспудно «кристаллизуется» идея жизнотворчества, ставшая стержнем не только символизма, но и культуры Серебряного века в целом. В процессе исследования Мережковский часто не просто соотносит, но соединяет “жизнь”, “творчество”, “религию” в одно нерасторжимое целое, что само по себе принципиально и концептуально значимо» [3, 37].

Мережковский обращается к разным источникам, раскрывающим биографические данные Л. Н. Толстого: это как документальные материалы (дневники писателя, воспоминания современников, переписки, «Исповедь»), так и художественные произведения автора (например, трилогия «Детство, Отрочество, Юность», рассказы «Утро помещика», «Смерть Ивана Ильича», повесть «Казачи», роман «Война и мир»). Описывая жизнь Толстого, Мережковский, «по сути, создает миф личности писателя» [4, 157]. Прежде всего предметом исследования является не внешняя жизнь писателя, а ее духовная составляющая, которая оказалась наполнена противоречиями: несоответствие между «сознательной и бессознательной стороной его духовного развития» [5, 45]. Так, сознательная сторона «апеллирует к христианским ценностям», а в бессознательной, «природной» стороне автор видит «тайное язычество»: «языческую привязанность к земле, поклонение плоти» [4, 158].

Автор исследования достаточно большое внимание уделяет семейной жизни писателя, описывает эволюцию взаимоотношений супругов. «Жизнь-счастье» Толстого, таким образом, противопоставляется «жизни-страданию» Достоевского. Однако нельзя не отметить, что, «восхищаясь «главным счастьем» Толстого — Софьей Берс», автор «не замечает супружеского счастья Достоевского, сосредоточив все свое внимание на сложной материальной стороне жизни писателя в эти годы» и, одновременно с этим, описывая кризисный период жизни Толстого и Софьи Андреевны, нарушает идею о «жизни-счастье» графа [6, 45]. Мотив «жизни-счастья» прослеживается постоянно, автор исследования акцентирует на этом внимание читателя: «...в самом деле, если не внутри, то извне, это — самая счастливая человеческая жизнь в наше время» [5, 37].

В первой главе Мережковский отмечает, что поворотным моментом жизни Толстого были конец 70-х — начало 80-х годов, когда «с Л. Толстым произошел глубокий нравственный и религиозный переворот, который в корне изменил не только всю его личную жизнь, но и умственную, и писательскую деятельность, как бы переломил его существование на две половины: в первой он — только великий писатель, может быть, и великий человек, но все-таки человек от мира сего, с человеческими и даже русскими страстями, скорбями, сомнениями, слабостями; во второй — он выходит из всех условий исторического быта и культуры; одни говорят, что это христианский подвижник, другие — безбожник, третьи — фанатик, четвертые — мудрец, достигший высшего нравственного просветления, как Сократ, Будда, Конфуций, — основатель новой религии». Этому периоду отведено особое место. Описывая переломный этап жизни, исследователь цитирует слова самого Толстого, приводит воспоминания близких ему людей.

При чтении Мережковского обращает на себя внимание одно удивительное обстоятельство: жизнеописание Толстого представляется вполне законченным, не возникает ощущения незавершенности его пути. Такое ощущение возникает по одной причине: автор книги чудесным образом предсказал ту драму, которая разыгралась в доме великого писателя, а также и сам ее исход. И это получилось у Мережковского достаточно органично, благодаря тому способу изображения личности и жизни Толстого, который он избрал — включения фигуры своего героя во всемирно-исторический контекст. Как известно, большинство современников автора книги и ее исследователей склонны считать, что Мережковский отдает предпочтение Достоевскому в ущерб Толстому. Однако именно Толстой настоятельно и даже педантично встраивается в ряд сравнений цивилизационного порядка: «древние эллины и новый эллин, Гете», «царь Соломон», «отчаяние Эдипа... Сакья-Муни и царя Соломона» [5, 40], упоминается Будда [5, 41], Толстой воспринимается как «подобие в современной жизни древнебиблейских патриархов, Авраама, Исаака и Иакова» [5, 55]. И вот сравнение русского писателя с «христианскими подвижниками прошлых веков» выводит Мережковского на предсказание финала его жизни. Он пересказывает легенду о Франциске Ассизском, тот ее эпизод, когда отец святого подал на него жалобу, обвинив сына в том, что тот расточает имение. И тогда Франциск снял с себя одежду и объявил своим отцом Христа и «совершенно голым, каким вышел из утробы матери, <...> бросился» в его «объятия» [5, 57]. Аналогичным образом поступает «любимый русским народом угодник, Алексей, Божий человек, бежавший из родительского дома». Далее следует вывод: «Так и донныне поступают все русские под-

вижники, пожелавшие исполнить заповедь Христа: кто не покинет и дома, и полей, и детей во имя мое, тот не достоин Меня» [5, 57].

Не так ли поступает Толстой, сделавшийся «подвижником русского народа»? — вопрошает Мережковский. И ответ на этот вопрос читается современным писателем как уже свершившийся уход Толстого из Ясной Поляны, хотя этого ухода еще не было: «Он исполнил заповедь Христа: покинул и дом, и поля, и детей <...> Он сделался нищим, бездомным, роздал свое имение...» [5, 58]. Так что сам Мережковский вполне ответил на вопросы, заданные в финале жизнеописания Толстого: «Кому предсказывать будущность такого человека? <...> Как он будет умирать?» [5, 91].

Это включение Толстого во всемирно-исторический контекст и есть отличительная черта книги Мережковского, приносящая свои плоды и выделяющая ее среди других биографических построений.

На фоне сопоставления Толстого и Достоевского, постоянно проводимого Мережковским, обращает на себя внимание еще один факт. Как принято считать, автор эссе «устанавливает, в первую же голову, тесную органическую связь между личной жизнью писателя и его творчеством, проводя, таким образом, те соединяющие линии, те крепкие, хоть и невидимые, нити, что всегда существуют между конечной вершиной и конечным основанием: миропониманием и мироощущением». Но этот устоявшийся взгляд на книгу Мережковского все же нуждается в корректировке. Когда речь идет о Толстом, Мережковский без стеснения и оговорок приписывает мысли и чувства героев Толстого самому автору. С точки зрения Мережковского, «в литературе всех веков и народов едва ли найдется другой писатель, который обнажил бы самую частную, личную, иногда щекошливую сторону жизни своей с такою великодушною или беззащитною откровенностью, как Толстой», который «сказал нам о себе все, что только имел сказать, и мы о нем знаем все, что он сам знает о себе» [5, 19]. В первой же главе Мережковский отождествляет Николеньку Иртыньева с Львом Толстым, а далее продолжает в том же духе.

Когда речь идет об «Исповеди» автора-героя, это еще допустимо, но абсолютный перенос автора на его героя попросту некорректен. Это обстоятельство не останавливает Мережковского. Когда же речь заходит о Достоевском, ситуация кардинально меняется. Мережковский становится осторожным, говоря о подпольном человеке, о героях-сластолюбцах: «Но, повторяю, исследователь жизни Достоевского бродит здесь в потемках, ощупью. Нет ясных и точных свидетельств, на которые можно бы опереться. Только намеки» [5, 140]. Так что метод отождествления героя с автором работает лишь в отношении Толстого, и это тоже является отличительной чертой жизнеописания Толстого, составленного Мережковским.

Но одно очень важное обстоятельство объединяет фигуры обоих писателей — в концепции Мережковского они являются «предтечами... последнего пришествия <...> Почему они? Первый постиг до конца тайну плоти, второй — тайну духа; но в царстве Иоанна — оно и наступит после Второго Пришествия — “дух и плоть должны слиться воедино, из Двух делается Один: плоть станет святой, духовной”. Таково положение» [7]. Не случайно последнюю главу из раздела жизнеописания писателей автор заканчивает на том, что является для них общим. И это общее выражается в странной схожести их портретов: «Несмотря на всю противоположность этих лиц, они иногда кажутся странно схожими — не потому ли, что и у Достоевского такое же крестьянское, простонародное лицо, как у Л. Толстого?» [5, 150]. В портретах двух гениев Мережковский пытается разглядеть лицо русского народа: «Этого будущего... окончательно “благообразного”, окончательно русского и всемирного лица не должно ли искать именно здесь, между двумя величайшими современными русскими лицами — Л. Толстым и Достоевским?» [5, 152].

Оценивая с современных позиций труд Мережковского, можно согласиться с Г. Адамовичем, слова которого, сказанные в первой половине прошлого века, остаются по-прежнему актуальными: «Книга эта имела огромное значение, не исчерпанное еще и до сих пор. Она кое в чем схематична, — особенно в части, касающейся Толстого, — но в ней дан новый углубленный взгляд на «Войну и мир» и «Братьев Карамазовых», взгляд, который позднее был распространен и разработан повсюду. Многие наши критики, да и вообще писатели, не вполне отдают себе отчет, в какой мере они обязаны Мережковскому тем, что кажется им их собственностью: перечитать старые книги бывает полезно» [1].

Воронежский государственный университет

Нагина К. А., доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: k-nagina@yandex.ru

Коратаева Н. В., преподаватель кафедры русского языка как иностранного ИМО

E-mail: nvkniازهva@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович Г. В. Одиночество и свобода / Г. В. Адамович. — Режим доступа: https://mir-knig.com/read_192768-10 (дата обращения: 12.05.2021).
2. Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка. — Режим доступа: http://www.azlib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_0040.shtml (дата обращения: 5.04.2021).
3. Коптелова Н. Г. Творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в интерпретации Д. С. Мережковского / Н. Г. Коптелова // Вестник ВГУ. — 2010. — № 1. — Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phyllolog/2010/01/2010-01-08.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).
4. Коптелова Н. Г. Апокалиптические мотивы в книге Д. С. Мережковского / Н. Г. Коптелова // Вестник УГУ. — 2014. — № 6. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/apokalipticheskie-motivy-v-kniged-s-merezhkovskogo-l-tolstoy-i-dostoevskiy> (дата обращения: 10.05.2021).
5. Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского: В 24 т. / Д. С. Мережковский. — М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. — (Библиотека Русского слова). Т. 9–10: Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество. — 1914. — 152, 176 с.
6. Журавлева А. А. Антигега «Жизнь-счастье Толстого жизнь-страдание Достоевского» в работе Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» / А. А. Журавлева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiteza-zhizn-schastie-tolstogo-zhizn-stradanie-dostoevskogo-v-rabote-d-s-merezhkovskogo-l-tolstoy-i-dostoevskiy> (дата обращения: 20.05.21).
7. Долинин А. Дмитрий Мережковский / А. Долинин. — Режим доступа: <http://merezkhovskiy.lit-info.ru/merezkhovskiy/kritika/dolinin-merezhkovskij/glava-iv.htm> (дата обращения: 15.04.21).

Voronezh State University

Nagina K. A., Doctor of Philology, Professor, Department of history and typology of Russian and foreign Literature

E-mail: k-nagina@yandex.ru

Korataeva N. V., Teacher of the Department of Russian as a foreign language, IMO

E-mail: nvkniازهva@yandex.ru

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Л. В. Рыбачева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 ноября.2021 г.

Аннотация: в современной публицистике отмечается разнообразие структурно-синтаксических типов вставных структур, обладающих экспрессивно-стилистическим потенциалом, который находит выражение в лексической экспрессии (сочетание лексики разных стилей), а также в использовании конструкций экспрессивного синтаксиса. В публицистике Д. Быкова вставные конструкции участвуют в создании контакта с читателем, в выражении авторского отношения к описываемым событиям (чаще всего иронического).

Ключевые слова: вставная конструкция, экспрессивность, публицистический стиль.

Abstract: in modern journalism, there is a multitude of structural and syntactic types of plug-in structures with the expressive and stylistic potential, which finds expression in a lexical expression (a combination of vocabulary from different styles), as well as in the use of the constructions of expressive syntax. In terms of the author's relationship to the events described (often ironic).

Keywords: Plug-in design, expressiveness, journalistic style.

В современной публицистике отмечается рост экспрессивных синтаксических конструкций, что обусловлено, с одной стороны, лингвистическими факторами (развитие системы функциональных стилей), а также экстралингвистическими факторами (развитие массовой, адресованной речи, связанной с применением средств массовой коммуникации). А. М. Пешковский, описывая вводные слова и словосочетания, именительный темы, обращения, междометия, назвал данные явления «внутренне о чуждыми приютившему их предложению, подобно пуле, попавшей в организм» [1, 404]. Такого же мнения придерживается Г. Н. Акимов, полагая, что «включенные в состав (базового) предложения слова, словосочетания, предложения... прерывают ход выражения мысли ассоциативно возникающими уточнениями, пояснениями, дополнениями и замечаниями» [2]. Говоря об использовании вставных конструкций в разных стилях речи, Г. Н. Акимов отмечает частотность их использования в полемической публицистике и отмечает их особую экспрессию [3, 59]. Она предлагает, прежде всего, разграничивать эмоциональность и экспрессивность. По мнению автора, эмоции отличаются произвольностью, непреднамеренностью, так как они связаны с чувствами, в то время как экспрессия является «средством воздействия, когда говорящий (пишущий) осознает преднамеренность использования определенных языковых средств». В итоге Г. Н. Акимов приходит к выводу, что вставные конструкции, являясь добавочным сообщением, помещенным в скобки, облада-

ют оценочностью и содержат семантику удивления и несогласия» [3, 55].

Отмечая, что экспрессия как синтаксический прием, повышающий образительность речи, принципиально зависит от формы речи (устной или письменной) и от функциональной принадлежности», В. В. Виноградов считает, что «экспрессивная образительность в синтаксисе была понята как определенный художественный прием, свойственный «новой прозе» (Карамзин, Пушкин) и выраженный на формально-синтаксическом уровне» [4]. Этот аспект экспрессии в синтаксисе был развит в 60-х годах XX века, когда возник термин «экспрессивный синтаксис». Показателем экспрессивного синтаксиса являлась синтаксическая расчлененность, т.е. цепочки словоформ.

Вслед за Г. Н. Акимовой мы понимаем синтаксическое расчленение широко — как «...некое отступление от принципов синтагматической прозы, связанной с разрывом синтаксических связей как в словосочетании, так и в предложении» [3, 87]. Формальными средствами выражения экспрессии в синтаксисе являются парцелляция, лексический повтор, вопросно-ответные конструкции, а также вставные конструкции.

Что же касается вставных структур, то в современной публицистике наблюдается тенденция расширения структурно-семантического состава вставных конструкций. Так, в публицистике Д. Быкова кроме слов, словосочетаний, придаточных предложений, простых, сложных предложений в качестве вставной конструкции могут использоваться только пунктуационные знаки (один или три восклицательных

знака, вопросительный знак, а также многоточие), например: *Три (!) издания опубликовали несмешной анекдот про то, что сдается кабинет вице-премьера с широким валютным коридором; Сначала против Доренко было возбуждено московскими властями уголовное (!!!) дело по клевете; Хотя так уж разделять эти две сферы я не стал бы: просто, как писал Блок, «проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства; в море человеческой жизни есть и такая небольшая заводь, вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой; и в этом стакане воды тоже происходила тогда буря (...)*».

Кроме того, расширяется возможность использования вставного предложения, заключенного в скобки, не входящего в состав предложения, то есть вставная конструкция осложняет не только предложение, но и текст, например: *Потом распустили слух, будто Керенский в Зимнем спит на царицыной кровати. И наконец придумали, будто он 25 октября бежал из дворца, переодевшись в женское платье. И ведь знали, шельмецы, что он еще утром поехал в Гатчину — поднимать войска на защиту города! (Никого не поднял): Что вам дался Пушкин, единственный абсолютно свободный и самодостаточный русский поэт, олицетворение радостной независимости, беззлобного цинизма и бескорыстного, безыдейного сладкозвучия! Оставьте вы нации хоть что-нибудь неопошленное, несводимое к легенде о добром поэте, любившем свой добрый народ! (Поэт так любил народ, что в Михайловском и поныне можно встретить курчавых брюнетов с бакенбардами — и в шестом колене дает себя знать буйная арапская кровь!) Молчите, проклятые книги, он вас не писал никогда!*

Экспрессивность создается за счет использования во вставной конструкции лексики разговорного или просторечной, жаргонной. Например: *Я почти убежден (всегда сохраняется шанс на чью-либо безбашенность либо нервный срыв), что Россия удержится от военных действий на территории Крыма и пресечет любые провокации неумеренных патриотов; И тут выясняется, что все выдохлось: что все приемы пропагандистской истерики в исполнении Соловьева-Киселева-Жириновского (его по праву надо вписать в их ряд, ибо из ток-шоу он уже не вылезает) перестали вдохновлять аудиторию и начали ее забавлять; А тем, кто сегодня меня порицает за беспринципность, за мягкость в лучшем случае и аморальность в худшем, — нельзя же защищать того, кого специально скормили большинству! — я могу ответить только одно: ребята, когда посадят вас, я тоже буду просить, чтобы вас отпустили; В отсутствии врагов — или при нарастающей усталости от одних и тех же вражеских лиц, щельмуемых где возможно аж с 2011 года, — что вы будете предлагать в качестве позитива, то есть светлого будущего? Какая его модель сегодня привлекательна?*

Д. Быков прибегает к помощи вставок, чтобы уточнить, расширить информацию, выразить авторскую позицию: *Иными словами, самодержавие, опирающееся на армию и спецслужбы, представляется российским респондентам не столько идеальной структурой, — об этом можно спорить, — сколько единственно возможным вариантом; В общем, это было хорошо сыгранное безумие, имевшее единственной целью внушить единственному (уверен в этом) Телезрителю, что с ним можно и так! Не исключено, что они обратятся с просьбой о немедленной защите со стороны России. Так что я бы — по-нашему, по-креативному — уже присматривал подходящих русскоговорящих. И подходящую иву; В Сеть мы выкладываем подлинные или инсценированные (лучше бы, конечно, подлинные) сцены избиений всех этих национал-предателей.*

Вставки в текстах публициста передают не только убедительность, категоричность, но и концентрируют внимание читателя на самом важном, существенном, например: *Про всякую несогласную элиту я вообще молчу — их сбережения попросту изымаются, потому что не может иметь наши российские рубли тот, кто в тяжелый миг отрекается от вскормившей его Родины, тот, кто коваными натовско-бандеровскими сапогами топчет ее беззащитную грудь. (Риторика должна быть сильной, нынешние писатели из числа доверенных лиц так не умеют); Россия не может окультурировать собственные бескрайние земли, но без присвоения чужого пространства ей не удержать нынешнего статуса (споры о том, насколько данное пространство является чужим, оставим так называемым геополитикам; спор с человеком надо прекращать после того, как он употребит слова «геополитика», «соборность» или «русофобия»).*

В публицистике Д. Быкова вставные конструкции чаще всего создают иронический подтекст, который формируется за счет смешения лексики разных стилей — письменного, включающего общественно-политическую лексику, и устного, включающего лексику бытовую, которая используется во вставных конструкциях, например: *Самая массивная телепропаганда не заставит россиян поверить, что в подорожании мяса и овощей (а также водки!) виноваты обвиняемые по «болотному делу», подзуживаемые братьями Навальными; Слова «Олимпиада», «геополитика», «англосаксы», «рост», «авторитет» (без определения «криминальный»), «восторг», «умиление», «рейтинг» (с определением «растущий»), «хомячки» (в социологическом, а не зоологическом значении), «агенты» (влиятельные), «Госдеп» — приз 1000 рублей и включение употребившего в кадровый резерв посетителей спецбуфета; возможна система призов; Это очень хорошо — готовность противопоставлять себя всему миру во имя высшей духовности, и в советское время это ноу-хау даже работало — смотрите, мол, у нас нет джинсов, плохо с колбасой (без колбасы хо-*

рошо, ничто не отвлекает), но зато у нас Тарковский, Плисецкая и Трифонов; мы им, конечно, жизни не даем, но без этого давления они задохнутся, Тарковский сам говорит — я рыба глубоководная! На поверхности такая рыба что? — лопнет; Одичание, увы, шло с обеих сторон. И сколь бы сильно я ни желал украинским братьям как можно скорее очутиться под сенью Евросоюза (хотя бы для того, чтобы во всех своих бедах обвинять уже его, а не нас, грешных) — никак у меня не получается ощутить себя в сегодняшней Украине как в Европе: нетерпимость, опасность, беспросветность будущего — чистая Москва-1993; И умиляться народному волеизъявлению — как же, демократия в действии! — тоже можно не бесконечно: толпа неспособна решать судьбу страны.

Кроме того, вставные конструкции могут быть конструкциями экспрессивного синтаксиса, например: *Наш герой Доренко буквально на глазах сдулся. То есть он уже до такой степени привык, что все его облизывают — успевай поворачиваться, — что эскапады ведущего ОРТ были для него совершенным шоком.*

Вставные конструкции могут использовать прием языковой игры, в них частотны аллюзии: *Когда тебя слишком долго любили за деньги или блага, а все способные любить бескорыстно давно разогнаны или переметнулись в оппозицию, — как-то странно заявлять, что вот мы затянем (пояса, агонию, «Дубинушку») — зато с утроенной силой сплотимся; Европейцы болеют фашизмом в тяжелой форме: иногда перерождаются, как итальянцы, а иногда вообще не выживают, как немцы (согласимся, нынешняя Германия к «сумрачному германскому гению», к стране Нибелунгов, Фауста и Ницше отношения не имеет вообще); Возможны остроумные интеллектуальные спекуляции на тему самосохранения деградирующей империи, которая должна самоутверждаться одновременно и как ведущий игрок в мировой геополитике, и как образец мирного, радостного центра спортивной и культурной жизни («мы делаем ракеты» — «а также в области балета»).*

Наконец, экспрессивность вставных конструкций создается за счет диалогизации повествования. Это выражается, во-первых, с помощью всякого рода авторских извинений типа *прошу прощения, простите, извините* и т.п., например: *Это напоминает (прошу прощения за грубое сравнение) гуманного хозяина, который снимает со старого пса ошейник, сует ему в зубы справку о реабилитации и отправляет на все четыре стороны; Я предлагаю решить проблему раз*

и навсегда, причем мягкими экономическими методами. У меня в романе «ЖД» — простите за саморекламу, но всегда приятно, когда твои прогнозы сбываются, — описана ситуация где-то примерно десятилетиями, и главной ее приметой в России становится государственная монополия на язык.

Во-вторых, с помощью использования разного рода обращений (господа, товарищи), например: *На самом ностальгическом телеканале сменяют друг друга чудовищные заставки: на фоне стилизованных черно-белых силуэтов куц и оград стоит конторка, за нею Пушкин с во-от таким пером (товарищи, вы в самом деле полагаете, что гусиное перо выглядело именно так?).*

В-третьих, с помощью определенно-личных предложений, например: *И сплотимся вокруг любого руководителя — слышите, любого! — потому что наши разногласия с ним совершенно ничтожны на фоне бездны, отделяющей нас от прочего человечества. Когда-то Юлий Гусман, придумавший «Нику» и бессменно ее воплощавший в жизнь, говорил автору этих строк: когда на церемонии «Оскара» Де Ниро обнимает и поздравляет Аль Пачино, а Коппола целуется со Скорсезе (ну допустим, представим, хоть я и не помню таких поцелуев, — подставьте любые другие звездные имена) это нормально, этому веришь. Когда чествуют кого-то из наших — большинство смотрит с плохо скрываемой ненавистью.*

Таким образом, вставные конструкции в публицистике Д. Быкова отличаются яркой экспрессией, которая находит выражение в подборе лексических средств, в сочетании лексики разных стилей, в использовании экспрессивных синтаксических конструкций, а также в использовании различных средств создания диалога с читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — Изд. 7-е. — М.: Учпедгиз, 1956. — 511 с.
2. Синтаксис современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. — СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2009. — 346 с.
3. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. — М.: Высшая школа, 1990. — 166 с.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — М.: Гослитиздат, 1959. — 654 с.

Воронежский государственный университет
Рыбачева Л. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: rybacheval@mail.ru

Voronezh State University
Rybacheva L. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Theory of Literature and Humanities
E-mail: rybacheval@mail.ru

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «ОБРАЗОВАНИЕ» (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НАПРАВЛЕННОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

К. О. Селезнева

*Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков им. А. К. Серова
Борисоглебский филиал «Воронежский государственный университет»*

Поступила в редакцию 12 сентября 2021 г.

Аннотация: целью данного исследования является рассмотрение психолингвистического значения лексемы «Образование» в сознании носителей русского языка. Материалом исследования послужили результаты направленного ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: психолингвистическое значение, лексема, направленный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, смысловая зона.

Abstract: the aim of this study is to represent psycholinguistic meaning of the lexeme "Education" in the Russian language consciousness. Directional associative experiment results constituted the subject for this study.

Keywords: psycholinguistic meaning, lexeme, directional associative experiment, associative field, semantic zone.

Проблема расхождения между лексикографическим и психолингвистическим значениями слова особенно актуальна в нашем стремительно меняющемся мире. Психолингвистическое значение слова, как правило, существенно отличается по объёму и структуре от его лексикографических описаний.

Безусловно, наиболее остро вопрос расхождения компонентов лексикографического и обыденного понимания встает для экспертов-лингвистов, которым приходится доказывать правомерность опоры на «обыденное метаязыковое сознание» [1, 4; 2, 45].

Отметим, что работники сферы образования также сталкиваются с подобными проблемами. На наш взгляд, зачастую это связано с «разницей поколений». Так, поколения молодых людей сменяются через каждые пять-семь лет, поэтому так важно определить психолингвистические значения слов в языковом сознании молодых людей, выяснить, что именно они подразумевают под тем или иным словом [3, 221]. Такие исследования помогут облегчить общение представителей разных поколений, что особенно актуально при взаимодействии «учитель-ученик», «преподаватель-студент» и т.д.

В нашем исследовании мы обратились к направленному ассоциативному эксперименту [4, 38].

Эксперимент проводился в 2021 году. В эксперименте приняли участие курсанты Краснодарского высшего военного авиационного училища лётчиков (г. Борисоглебск) и студенты Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета (г. Борисоглебск) в возрасте 20–27 лет. Участниками эксперимента были 130 человек.

Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Здравствуйте! Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Пожалуйста, укажите свой пол и возраст. Пожалуйста, закончите фразу «Образование — это...». Отказов не было. Результаты направленного ассоциативного эксперимента были обработаны по частотности и представлены в виде ассоциативного поля.

ОБРАЗОВАНИЕ

Ассоциативное поле

Образование 130 — процесс получения базовых знаний, умений и навыков 58; знания 38; саморазвитие 32; расширение кругозора; система воспитания и обучения личности 20; будущее; навыки 16; умения 14; становление личности; труд 12; интерес к изучению нового материала 10; воспитание, которое дали родители; интеллект 9; книги; наука; необходимость; познание; работа 8; важно; грамотность; учебные заведения 6; получение профессии; просвещение; процесс передачи знаний, умений и навыков 4; благо; воплощение мечты; время; деньги; образованность; путёвка в жизнь; речь; сила; способность принимать взвешенное решение; стабильность; терпение; успех 2; бег; бумажка; важная часть человеческой жизни; взросление; выдержка; дисциплина; дорога в жизнь; достаток; достижения; естественный отбор; жизнь; карьера; много дел; мозговой штурм; начитанность; обеспечение старости; память; процесс формирования ума, характера и способностей человека; статус; стильно; то, чем человек будет пользоваться каждый день; то, что пригодится человеку в дальнейшем; уверенность; умение оценивать происходящее; универсальное

средство для завоевания власти; упорство; целенаправленность 1.

Всего было зафиксировано 387 реакций, из них различных — 63.

Вслед за М. В. Шамановой, для анализа представленности образования в русском языковом сознании, полученные реакции были распределены нами по смысловым зонам (процент указывает соотношение ассоциаций, составляющих данную смысловую зону, к общему количеству ассоциаций) [5, Т. 1, 332]. Наполненность той или иной смысловой зоны позволяет выявить ядерные и периферийные смысловые зоны ассоциативного поля в языковом сознании и представить полевою организацию лексемы **Образование** в языковом сознании следующим образом.

Ядро

«**Процесс усвоения знаний; обучение как система**» (46%): процесс получения базовых знаний, умений и навыков 58; знания 38; система воспитания и обучения личности 20; навыки 16; умения 14; воспитание, которое дали родители 9; наука; познание 8; просвещение 4; взросление; процесс формирования ума, характера и способностей человека 1.

«**Назначение образования**» (18%): саморазвитие 32; расширение кругозора 20; становление личности 12; получение профессии 4; важная часть человеческой жизни; универсальное средство для завоевания власти 1.

Ближняя периферия

«**Возможности и преимущества, предоставляемые образованием**» (11%): интеллект 9; грамотность 6; благо; образованность; путёвка в жизнь; речь; сила; способность принимать взвешенное решение; стабильность; успех 2; бумажка; дорога в жизнь; достаток; достижения; карьера; начитанность; обеспечение старости; память; статус; стильно; уверенность; умение оценивать происходящее 1.

Дальняя периферия

«**Необходимость для будущего**» (9%): будущее 16; необходимость 8; важно 6; воплощение мечты 2; жизнь; то, чем человек будет пользоваться каждый день; то, что пригодится человеку в дальнейшем 1.

«**Требуется усилий**» (8,8%): труд 12; работа 8; время; деньги; терпение 2; бег; выдержка; дисциплина; естественный отбор; много дел; мозговой штурм; упорство; целенаправленность 1.

Крайняя периферия

«**Интерес**» (2,6%): интерес к изучению нового материала 10.

«**Источник образования**» (2%): книги 8.

«**Место получения образования**» (1,6%): учебные заведения 6.

«**Процесс передачи знаний, умений и навыков**» (1%): процесс передачи знаний, умений и навыков 4.

На основе ассоциативного поля и выделенных смысловых зон сформулируем психолингвистические значения лексемы **Образование** в современном русском языковом сознании.

ОБРАЗОВАНИЕ

Психолингвистические значения

1. **Процесс получения базовых знаний, умений и навыков** 79 (процесс получения базовых знаний, умений и навыков 58; познание; наука 8; просвещение 4; процесс формирования ума, характера и способностей человека 1), **требующий усилий** 34 (труд 12; работа 8; время; деньги; терпение 2; бег; выдержка; дисциплина; естественный отбор; много дел; мозговой штурм; упорство; целенаправленность 1), **предназначенный для саморазвития** 32, **расширения кругозора** 20, **становления личности** 13 (становления личности 12; взросление 1), **вызывающий интерес** 10 (интерес к изучению нового материала 10), **который осуществляется с помощью книг** 8, **в учебных заведениях** 6 **для получения профессии** 4 **в качестве важной части человеческой жизни и универсального средства для завоевания власти** 1

2. **Знания** 38, **необходимые для будущего** 35 (будущее 16; необходимость 8; важно 6; воплощение мечты 2; жизнь; то, чем человек будет пользоваться каждый день; то, что пригодится человеку в дальнейшем 1); **навыки** 16, **умения** 14, **предоставляющие возможности и преимущества** 14 (образованность; путёвка в жизнь; речь; сила; способность принимать взвешенное решение; стабильность; успех 2) **в приобретении жизненных благ** 14 (благо 2; бумажка; дорога в жизнь; достаток; достижения; карьера; начитанность; обеспечение старости; память; статус; стильно; уверенность; умение оценивать происходящее 1), **в развитии интеллекта** 9, **грамотности** 6.

3. **Система воспитания и обучения личности** 20, **созданная родителями** 9 (воспитание, которое дали родители 9).

4. **Процесс передачи знаний, умений и навыков** 4.

Результаты проведенного эксперимента позволяют сделать вывод о том, что в языковом сознании носителей языка лексема **Образование** имеет 4 психолингвистических значения. На основе полученных данных можно утверждать, что для носителей языка образование — это, прежде всего, *процесс получения базовых знаний, умений и навыков*, в то время как значение *процесс передачи знаний, умений и навыков* выражено не столь ярко. Объяснение данного факта, на наш взгляд, лежит в снижении социального статуса и престижа учителей, преподавателей, педагогов как непосредственных «проводников знаний». Усиливающиеся процессы

глобализации и информатизации, изменение социально-экономических условий, длительное дистанционное обучение как попытка заменить живое общение между учителем/преподавателем и учеником/обучающимся, обусловленное эпидемиологической обстановкой, напрямую сказываются на положении педагогов. Результатом всего этого является непопулярность профессии педагога. Интересно, что подавляющее число респондентов осознают необходимость **получения** образования как источника знаний, но при этом мало кто из них представляет, что знания, умения и навыки **передаются**.

Необходимо отметить тот факт, что образование в языковом сознании носителей языка связано, прежде всего, с родителями, что говорит об осознании значимой роли семьи в воспитании.

Как видим, в сознании молодых людей в возрасте 20–27 лет сложилось достаточно чёткое представление об образовании как о процессе получения базовых знаний, умений и навыков.

В дальнейшем интересно будет сравнить психолингвистические и лексикографические значения лексемы **Образование**, определить, все ли лексикографические значения представлены в сознании носителей языка.

Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков им. А. К. Серова;

Борисоглебский филиал «Воронежский государственный университет»

Селезнева К. О., старший преподаватель (руководитель отдельной дисциплины (иностранного языка)); доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин

E-mail: kireeva_kristina@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьева И. И. Понятие Ущерб в обыденном языковом сознании / И. И. Ананьева // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: Продолжающееся научное издание / Научный ред. А. В. Рудакова. — Воронеж: РИТМ, 2020. — Вып. 6. — С. 4–9.
2. Нагайцева Е. В. Расширение семантики слов в конкретно-референтном и предикативном употреблении / Е. В. Нагайцева // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: Продолжающееся научное издание / Научный ред. А. В. Рудакова. — Воронеж: РИТМ, 2020. — Вып. 6. — С. 45–47.
3. Селезнева К. О. Тематическая группа «Образование» в русском языке (на примере анализа Большого словаря русского жаргона) / К. О. Селезнева // Социальные и гуманитарные знания — Т. 7, № 2 (26), 2021. — Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. — Ярославль, 2021. — С. 212–222.
4. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. — 192 с.
5. Шаманова М. В. Коммуникативная лексика русского языка: состав, семантика, функционирование: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2015. Т. 1. — 463 с., Т. 2. — 194 с.

Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov;

*Borisoglebsk Branch of the Voronezh State University
Selezneva K. O., Senior Lecturer of Aviation English discipline;
Associate professor Department of Social and Humanitarian subjects*

E-mail: kireeva_kristina@mail.ru

ГЕРОИНИ А. П. ЧЕХОВА 1900-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОИСКОВ «РУБЕЖА ВЕКОВ»

Соу Умар

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 сентября 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются женские характеры в повестях А. П. Чехова «Дом с мезонином» и «Невеста» в контексте поисков «нового героя» русской литературы рубежа XIX и XX веков. В анализируемых произведениях речь идет о переменах в сознании женщины, традиционно не вовлекавшейся в решение общественных проблем. Героини А. П. Чехова ломают эту традицию.

Ключевые слова: Чехов, повесть, «переходные» эпохи, «новый герой».

Abstract: the article examines the female characters in the novels of A. P. Chekhov «House with a mezzanine» and «The Bride» in the context of the search for a «new hero» by Russian literature at the turn of the XIX and XX centuries. In the analyzed works, we are talking about changes in the consciousness of a woman who has traditionally not been involved in solving social problems. The heroines of A. P. Chekhov break this tradition.

Keywords: Chekhov, novel, «transitional» epochs, «new hero»

Связь творчества любого художника со своей эпохой — истина, не подлежащая сомнению. Однако в каждом конкретном случае приходится убеждаться в справедливости такого утверждения. Особенно много материала для этого дают так называемые «переходные» эпохи. По мнению современных исследователей, они характеризуются «катастрофичностью сознания и активизацией апокалиптических настроений. Но на искусство этих временных отрезков переходность, наряду с негативными ее моментами, оказывает и очевидное положительное влияние» [1, 5]. К числу таких «положительных влияний» следует отнести динамичность всех процессов, способствующих рождению новых художественных форм, новых идей, литературных типов.

Период «рубежа веков» — XIX и XX — был, по всеобщему признанию [2], таким временем для русского искусства и литературы. Его проблематика, потенциальная энергия, реализовавшаяся в 900-е годы, накапливались долго, и в этом процессе принимали участие самые разные художники.

Творчество Чехова полностью вписывается в контекст этого процесса накопления культурных перемен, переживаемый Россией конца XIX века. На первый взгляд А. П. Чехова трудно отнести к писателям, мировосприятие которых характеризуется «катастрофичностью сознания». Кажется, что камерный, провинциальный мир чеховских героев далек от бурных событий грядущего XX столетия. Однако творчество этого чуткого к своему времени художника, зафиксировавшего глубинные перемены в общественном сознании, опровергает это представление.

Мир героев Чехова тревожен, неспокоен, но лишен внешней экспрессии, социального драматизма. Неслучайно писатель одному из своих сборников дал выразительное название — «В сумерках» (1887), что закрепило за ним репутацию писателя «сумеречных настроений». Но не только это характеризует творчество А. Чехова эпохи рубежа веков. Наше обращение к творчеству Чехова убедило нас в том, что в его произведениях, в их проблематике и сюжетах в той или иной форме отразились новые тенденции и герои, во многом далекие от «сумеречных настроений». В статье мы рассматриваем рождающийся женский тип, который увидел А. П. Чехов в жизни и который, с его точки зрения, претерпевал некоторую эволюцию в общественном сознании. Остановимся на женских образах повестей «Дом с мезонином» (1896) и «Невеста» (1903).

В «Доме с мезонином» героиней, ярко воплощающей формирующиеся общественные перемены, является Лида Волчанинова. Ее несколько педантичный и авторитарный характер вызывает критику, неприятие рассказчика — художника, не принимающего требовательной общественной позиции Лидии. Однако А. Чехов так выстраивает сюжет, что граждански активная позиция героини не воспринимается как ее личностный недостаток, а становится отражением идейного раскола интеллигенции конца XIX века, по-разному видевшей свое участие в жизни народа. Лида Волчанинова в упомянутой повести А. Чехова принадлежит к той ее части, которая, не ставя перед собой глобальных задач, стремится принимать посильное участие в жизни народа: «Правда, мы не спасаем человечества и, быть может, во многом ошибаемся, но мы делаем то, что можем, и мы правы» [3, 97].

Рассказчик занимает другую позицию и не менее авторитарен в своих утверждениях: «Нужно освободить людей от тяжелого физического труда <...> Сделайте же для них ненужным грубый, животный труд, дайте им почувствовать себя на свободе, и тогда увидите, какая, в сущности, насмешка эти книжки и аптечки» [3, 98]. Как видим, эти позиции исходно непримиримы. Отметим лишь, что в анализируемой повести активно действует лишь героиня.

Многочисленные свидетельства исследователей жизни и творчества А. П. Чехова указывают на то, что тему рассказа писателю дали летние каникулы, которые он провел несколькими годами ранее в поместьях, подобных имению скучающего Белокурова, а также сестер Волчаниновых. Повествователь рассказывает о той неприязни, которую у него вызывает общественная активность Лиды, которую он объясняет ее личностными качествами.

Как известно, советское литературоведение тоже неодобрительно оценивало общественную позицию Лидии [4] из-за ее приверженности к так называемой теории «малых дел», которая оценивалась как уход от истинной революционной деятельности. Однако сегодня героиня Чехова может быть увидана иначе, для этого надо лишь подойти к ней с иных позиций.

В доказательство приведем точку зрения современного французского слависта Франсуазы Дарнал-Лесне (Francoise Darnal-Lesne), увидевшей в поведении героини то, чего не отмечали в нем русские исследователи: « Dans les textes où la femme sort de la captivité imposée, on est ainsi frappé par l'esprit d'entreprise dont elle témoigne, l'audace lucide qui la conduit, l'obstination et la qualité de son intelligence, on est émerveillé de la voir se conduire librement » («В текстах, где женщина выходит из плена привычных ситуаций, мы бываем поражены решительностью ее поступков, которые свидетельствуют о ее смелости, упорстве и интеллекте, мы поражены тем, как она свободно ведет себя») [5, 568]

Меняющийся характер героинь, на наш взгляд, рождает и новую модификацию сюжета в текстах писателя, заставляет по-новому посмотреть на героев вокруг нее. Еще раз сошлемся на работу Ф. Дарнал-Лесне: « Pour ne pas étouffer parce qu'autour d'elles, tout étouffé d'étouffer, ces jeunes femmes s'inventent un avenir. Un besoin de transgression devenu priorité de vie est tout d'abord épaulé par la complicité d'un homme qui permet leur départ » («Чтобы не задохнуться, когда вокруг них все задыхается от удушья, эти молодые женщины придумывают себе будущее. Потребность в его достижении становится для них приоритетом жизни, осуществляется с участием человека, делающего возможным их отъезд») [5, 567].

Проиллюстрируем данное положение повестью «Невеста», где такой героиней становится молодая девушка Надя, которая бежит от провинциального «счастья», от замужества, к которому вначале она

стремилась. Она уезжает из провинциального городка в Петербург, уезжает учиться. Она стремится к новой жизни, о которой красочно рассказывал «Александр Тимофеевич, или попросту Саша, гость, приехавший из Москвы дней десять назад» [3, 483].

Как и рассказчик в доме Волчаниновых («Дом с мезонином»), Саша случайно появляется в сюжете жизни Нади. Почти каждое лето он приезжал «обыкновенно очень больной» к Надиной бабушке, которая принимала его, помня о его матери, обедневшей дворянке-вдове. Фигура Саши в повести едва прописана. О нем «говорили, что он прекрасный художник», однако он долго учился в Москве, «кончил по архитектурному отделению, с грехом пополам, но архитектурой все-таки не занимался, а служил в одной из московских литографий» [3, 483].

Так же незначительна и содержательная роль Саши в решении героини начать новую жизнь. В повести читаем: «Но ведь Саша уже несколько лет подряд говорит все одно и то же, как по писаному, и когда говорит, то кажется наивным и странным. Но отчетливо же все-таки Саша не выходит из головы? отчетливо?» [3, 487].

Саша из числа тех героев, которых было достаточно в русской литературе конца XIX века, считавших своей цивилизационной миссией вовлечь Россию в современность, как они ее понимали. Повторяющийся характер речей Саши ясно показывает, что они вряд ли оригинальны. И тем не менее они повлияли на Надю, как своего рода кислота. После них Надя отчетливо увидела, что бабушка непоколебимо верит в свое право жить так, как она живет, что жених глуп. И глупость будущего мужа теперь кажется невыносимой. Свою жизнь она увидела глазами Саши.

Надя уезжает из родительского дома навстречу неизвестности, ей казалось, что «перед нею открывается нечто новое и широкое, чего она раньше не знала» [3, 495]. Но ей ничего не может подсказать и Саша, который уверен лишь в одном: «Когда перевернете вашу жизнь, то все изменится» [3, 495].

Следует обратить внимание, что Надя уезжает к «новой жизни» не для того, чтобы соединиться с Сашей. В последней повести А. Чехова даже намек нет на любовную историю, как это было в «Доме с мезонином». Но и в «Доме с мезонином» это лишь намек. Получив трогательную записку Мисюсю, рассказчик реагирует совсем не романтически: «Трезвое, будничное настроение овладело мной, и мне стало стыдно всего, что я говорил у Волчаниновых, и по-прежнему стало скучно жить. Придя домой, я уложился и вечером уехал в Петербург» [3, 103–104]

Итак, рассмотрев две повести А. П. Чехова 1880-х годов, мы увидели в них рождение новой героини, которую писатель показывает нам не в столкновении с семейными традициями, не в привычных любовных коллизиях. Мы заметили в этих повестях крайнюю образную краткость в изображении геро-

инь. В повести «Невеста» мы не увидели портрета героини, в «Доме с мезонином» в портрете Лидии Волчаниновой Чехов отметит маленький упрямый рот и общее строгое выражение лица. Причины, которые заставили писателя столь мало внимания уделять внешности своих «новых» героинь, обнаруживают внутренний смысл их появления в его произведениях. Этими героинями А. Чехов отметил тот поворот в общественном сознании, который вывел их за пределы семейного бытия. Пока его героини заявляют лишь о своем праве получить образование, выбирать поле деятельности по своему желанию. А. Чехов констатирует общественную потребность перемен, в самом общем виде намечая дальнейшую судьбу героинь. Так, Лида Волчанинова вполне успешна в своем проекте «прокатить» председателя управы на земских выборах [3, 104], «живая, веселая» Надя покидает провинциальный город, новая «жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекательная и манила ее» [3, 501].

Нельзя сказать, что писатель во всем согласен со своими героинями. Текст его повестей содержит авторские сомнения. Чехов отмечает, что Надя, посетившая родной дом, ощутит, что «все ей тут ненужно, все прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело, и пепел разнесся по ветру» [3, 501]. Метафизиче-

скую глубину разрыва Наде ещё предстоит осознать, однако автор его предчувствует, оставляя за героиней право собственного решения. Вернувшись к начальному утверждению нашей статьи, мы можем констатировать включенность поздних произведений А. П. Чехова в художественные поиски русской литературы «переходной» эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переходные процессы в русской художественной культуре: новое и новейшее время. — М.: Наука, 2003. — 495 с.
2. См, напр.: Богданова П. Б. Общие закономерности смены культурных циклов // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2 (113); Сорокин П. А. Циклические концепции социально-исторического процесса // Россия и современный мир. Вып. 4 (21). 1998. С. 61–804. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
3. Чехов А. П. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 8. — М.: Художественная литература, 1962. — 576 с.
4. См. напр.: Ермилов В. В. Чехов. 1860–1904. — М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ). — 430 с.
5. Review of Slavic studies. No. 4; volume 76, 2010, p. 565–570.

*Воронежский государственный университет
Sou Oumar, аспирант кафедры русской литературы XX–
XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: oumarsow94@yahoo.fr*

*Voronezh State University
Sou Oumar, Postgraduate student of the Department of
Russian Literature XX–XXI centuries, theories of literature and
Humanities
E-mail: oumarsow94@yahoo.fr*

ТЕКСТ КАК ДИАЛОГ

Т. Е. Старостенко

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Поступила в редакцию 5 сентября 2021 г.

Аннотация: статья посвящена выявлению особенностей коммуникативного подхода к поэтическому и прозаическому тексту монологической формы. Прослежены приемы создания внутренней и внешней диалогизации, способные актуализировать диалог между адресантом и адресатом, а также между субъектами аукториального и диегетического повествования. Сделаны выводы о важности учёта и анализа диалога не только как эксплицированных реплик.

Ключевые слова: диалогизация, поэтический дискурс, прозаический дискурс, аукториальный нарратив, диегетический нарратив, коммуникативная модель.

Abstract: the article concentrates on identifying the features of the communicative approach to the poetic and prosaic text of the monologue form. The methods of creating internal and external dialogization are traced, which can actualize the dialogue between the addressant and the addressee, as well as between the subjects of the auctorial and diegetic narration. Conclusions are drawn about the importance of considering and analyzing the dialogue not only as explicate utterance.

Keywords: dialogization, poetic discourse, prosaic discourse, auctorial narrative, diegetic narrative, communicative model.

На современном этапе наиболее актуальным среди различных подходов к изучению текста (как знаковой системы, динамического развития языковой структуры, предмета теории интерпретации, психо- и социолингвистики) является коммуникативный, рассматривающий текст как результат первичной коммуникативной деятельности адресанта и объект вторичной коммуникативной деятельности адресата. При разработке коммуникативной стратегии автор ориентируется на реципиента, который, в свою очередь, не ограничивается пониманием авторской интенции, а включен в активный процесс восприятия, подразумевающий сотворчество. Диалог с текстом осуществляется через интерпретацию, в основе которой лежит понимание. Интерпретативная деятельность представляет углубление в комбинаторное приращение смысла, потому что слово в контексте значительно меняет свою узусальную семантику.

Анализ коммуникативности текста обуславливает обращение к диалогичности не только на уровне адресанта и адресата, которую мы позиционируем как внешнюю, но и в монологической речи как смену смысловых позиций разных точек зрения или взаимодействие противоположных позиций одного субъекта (внутренняя). На основе такого подхода становится очевидной широта и разнообразие диалогических отношений, выходящих за рамки реплик реального диалога.

Для публицистического стиля характерна внешняя диалогизация монолога, связанная с функцией воз-

действия и выражающаяся в адресуемости через информационную насыщенность заголовков, модальные и авторизованные конструкции синтаксиса, инверсию, простые неосложненные предложения, риторические фигуры, синтаксический параллелизм, лексические повторы, парцелляцию, вводные слова, дейктические средства и другие маркеры. Диалогический эффект научного текста также ориентирован на внешний диалог с помощью различных грамматических и стилистических средств — речевых сигналов активизации внимания реципиента (слова-дейктики, образные единицы, косвенный вопрос адресату, императивные конструкции, вопросительно-ответный комплекс и др.).

Наибольшую парадигму экспликантов как внешнего, так и внутреннего диалога реализует художественный текст, коммуникативность которого формируется на основе внешней диалогизации *продукт — реципиент* и рассматривается как в стилистике декодирования, так и на основе внутреннего диалога, способного актуализироваться в монологической художественной речи через разные точки зрения нарратора и персонажей. Целью данной статьи является анализ особенностей экспликации диалогических отношений во внешне монологической речи поэтического и прозаического текста.

Текст как форму коммуникации и явление индивидуально-авторского стиля комплексно исследует одно из направлений функциональной стилистики — коммуникативная стилистика художественного текста, которая развивается представителями томской лингвистической школы и находит свой предмет изучения в исследованиях Н. С. Болотновой [1], А. А. Васильевой [2], А. В. Болотнова [3], С. Г. Ильенко

[4], С. А. Верескун [5], В. В. Степановой [6], К. В. Скорик [7], Т. П. Карпилович [8] и др. Это направление фокусируется на целенаправленности текстовой деятельности, связанной с диалогом, или сотворчеством, автора и читателя, а современное понятие дискурсивности отождествляет с коммуникативностью. В этом направлении внимание сосредоточено на трех основных направлениях — теории регулятивности, текстовых ассоциатов и смыслового развертывания, которые рассматривают коммуникативно ориентированную и концептуально обусловленную ассоциативно-семантическую сеть как компонент различных отношений, но прежде всего лексических элементов. Именно лексические структуры становятся наиболее актуальными смысловыми моментами интерпретационной деятельности читателя.

Характерные для поэзии подходы «от текста к читателю» и «от читателя к тексту» реализуются во внешнем диалоге через три разновидности ассоциатов — эксплицитные текстовые, имплицитные текстовые и имплицитные внетекстовые. Термин текстовый ассоциат как смысловой коррелят к стимулу используют в своих исследованиях представители томской лингвистической школы А. В. Болотнов [3] и А. А. Васильева [2], а в отношениях к неэксплицитному ассоциату — имплицитный ассоциат (А. А. Васильева [2]). Особая роль в формировании текстовых ассоциатов отводится концептам, в которых выделяются лексические экспликативы, ассоциативно связанные слова, а также вербализаторы образной перспективы номината концепта. Исходя из понятия концепта, представители томской лингвистической школы (А. А. Васильева, А. В. Болотнов) предлагают два подхода к изучению ассоциативной структуры текста: первый основан на движении «от текста к читателю» («от стимула к реакции»), при котором последовательно выявляются эксплицитные и имплицитные текстовые ассоциаты; второй подход связан с внетекстовыми ассоциатами и актуализирует движение «от читателя к тексту» («от реакции к стимулу») и указывает на интерпретационную активность реципиента. Причем в подходе «от текста к читателю» происходит постепенный отход от вербальной структуры текста, поскольку имплицитные ассоциаты переходят в субъективную читательскую сферу. Подход «от читателя к тексту» связан с внетекстовыми ассоциатами и направлен на интерпретационную деятельность адресата.

Следует обязательно учитывать такое направление коммуникативной стилистики текста, как теория регулятивности, которое изучает различные стилистические приемы и типы выдвижения стилистики декодирования. Для динамики коммуникативного пространства поэтического дискурса наиболее актуальны повтор, контраст, обманутое ожидание и конвергенция. На наш взгляд, указанные выше два подхода к изучению ассоциатов целесообразны

для рассмотрения внешней диалогизации (между автором и читателем и наоборот). Однако вносим коррективы, которые способствуют углубленному пониманию динамики коммуникативного пространства поэтического дискурса. Во-первых, в понятие текстовых ассоциатов необходимо включать, помимо лексических, и грамматические репрезентанты (подход «от стимула к реакции»); во-вторых, вместо ментальных феноменов-концептов, которые опять-таки требуют обращения в основном к лексическим вербализаторам, предлагаем использовать понятие смысловых оппозиций (подход «от реакции к стимулу»). Считаем, что актуализация смысловых оппозиций в поэтической структуре наиболее полно отражает ее особенность, способствует возможности выразительной читательской интерпретации и вместе с тем — динамике коммуникативного пространства, поскольку интерпретация является активным творческим процессом.

Основными универсальными категориями, вербализованными в поэтическом дискурсе, являются смысловые оппозиции «жизнь — смерть», «свет — тьма», «тепло — холод», «прошлое — будущее», «много — мало». Они отражают особенность контрастного мира, являясь внетекстовыми ассоциациями. Важность их выбора связана с таким подходом коммуникативной стилистики, как «от реакции к стимулу», или «от читателя к тексту», где реакцией выступает смысловая оппозиция, стимулом — текст как результат ассоциативной деятельности реципиента в осмыслении определенной универсальной философской категории. «Человеку свойственно мыслить в терминах диадных отношений: мы обычно разбиваем любые реальные отношения на пару диад» [9, 9]. По сути, такое мышление характерно для поэта при моделировании мира, в результате чего художественное произведение воплощает индивидуально-авторский способ организации мира, декодирование которого зависит от ментально-эмоциональной сферы читателя. Подход «от реакции к стимулу» отражает динамику коммуникативного пространства художественного дискурса, поскольку через различные языковые средства и структуры текста читатель моделирует идиостиль писателя на основе его понимания мира. Бинарные оппозиции «жизнь — смерть», «свет — тьма», «тепло — холод», «прошлое — будущее», «много — мало» являются доминантами экспрессивного выражения контрастов посредством определенных приемов выдвижения в художественном дискурсе.

Согласно стилистике декодирования, писатель сначала квантует информацию, а затем кодирует. Декодируя сообщение, читатель не может быть пассивным. Стилистика декодирования исследует, как читатель восстанавливает сообщение, используя свои знания кодов и кодовых комбинаций языка. При декодировании часть информации может быть

потеряна. Ее восстановлению способствуют приемы выдвигания значимых для автора смысловых моментов произведения. Эти приемы направлены на правильное понимание текста при его декодировании. Они «устанавливают семантически релевантные отношения и иерархию между элементами одного или разных уровней, создающие эстетическую и эмоциональную информацию» [10, 378]. Один и тот же прием может усиливаться в узком контексте другими приемами. Понимание приемов выдвигания на уровне подхода «от реакции к стимулу» основывается на создании особой экспрессивности, привлекающей внимание читателя. Среди таких приемов, прежде всего, следует назвать эффект обманутого ожидания, реализуемый стилистическими фигурами контраста альтернатезой, оксюмороном, диатезой, антитезой. Эти приемы позволяют «распознавать» универсальные философские категории через писательское мировосприятие и тем самым создавать диалог читателя и автора.

Художественный текст (особенно поэтический) является своеобразным коммуникативным пространством, связанным с понятием вторичной структуры и ее основными принципами — сопоставлением и противопоставлением, которые подробно рассматриваются и анализируются на конкретных примерах художественных текстов в трудах Р. О. Якобсона [11; 12; 13] и Ю. М. Лотмана [14; 15]. Эффект обманутого ожидания, на наш взгляд, можно сравнить с «эффектом напряжения» (Ю. М. Лотман [14, с. 245]), при котором в произведении элементы естественного языка могут быть противопоставлены контекстуальным. Ю. М. Лотман показал, что поэтическая конструкция создает особые семантические сопоставления и противопоставления, отличающиеся от семантики естественного языка, что содействует художественному эффекту «борьбы».

При рассмотрении внешней диалогизации (продукт и реципиент) целесообразно обращаться к стилистике декодирования, основанной на человеческом факторе, или личности читателя, способного декодировать художественное сообщение, используя свои знания кодов и кодовых комбинаций языка. Восстановлению текстовой информации способствуют приемы выдвигания смысловых моментов — конвергенция, эффект обманутого ожидания и сцепления. Они задерживают внимание реципиента на значимых для автора моментах и позволяют декодировать художественное сообщение с максимальной приближенностью к авторской интенции. Являясь регулятивными структурами в смысловом развитии текста, эти приемы руководят познавательной деятельностью адресата и стимулируют его ассоциации. Диалог между автором и читателем создается на основе эксплицитных и имплицитных текстовых ассоциаций, которые определяют движение «от текста к читателю» и «от читателя к тексту». С переходом

имплицитных ассоциатов в систему субъективных читательских ассоциаций реализуется перлокутивный эффект, когда художественная коммуникация возникает в результате эстетического воздействия.

Коммуникативный подход к тексту отождествляется с понятиями его дискурсивности и диалогичности, поскольку дискурс — это текст, помещенный в ситуацию диалога. Рассматривая дискурс как совокупность взаимосвязанных текстов, необходимо учитывать фактор как внешней, так и внутренней диалогизации. Первая включает декодирование как читательскую интерпретацию и ориентируется в первую очередь на поэтический текст, вторая углубляется в динамику внутритекстовой имплицитной полифонии монологической прозаической речи с множеством субъектных перспектив — рассказчика и персонажа, персонажа и персонажа, автора и персонажа, автора и рассказчика, между которыми складываются коммуникативные отношения, эксплицитированные разноуровневыми языковыми единицами.

Внутренняя диалогизация как облигаторный признак прозаического дискурса, особенно если иметь в виду монологическую форму речи с экзегетическим повествователем (или аукториальный тип повествования, связанный с нарратологической структурой), создает «парадоксальную возможность для коммуникации между недиегетическим нарратором и персонажем» [16, с. 23], которая реализует «новые формы присутствия автора в тексте» [17, 8]. Такие формы Т. Г. Винокур объединяет понятием «синкретическое повествующее лицо» [18, 52], при этом выделяя план выражения от 3-го лица, в котором объединяются первые лица плана содержания.

Динамика аукториального нарратива возникает в результате взаимодействия разных субъектных перспектив, приближенных или, наоборот, отдаленных от повествователя. Возникает, на наш взгляд, особый эффект сопоставления и противопоставления, характерный в другом плане для поэтического дискурса. Благодаря этому эффекту читатель становится ближе к художественным событиям, что в определенной степени способствует и внешней диалогизации. Взаимодействие разных субъектов аукториального нарратива создает текстовую интерференцию, в которой, как считает В. Шмид, «совмещаются две функции — передача текста персонажа и собственно повествование (которое осуществляется в тексте нарратора)» [19, 191]. Возникает имплицитная диалогизация, где реальная диалогическая конструкция играет минимальную роль, а доминирующую позицию занимают коммуникативные модели (КМ) «нарратор — персонаж», «персонаж — персонаж», «автор — персонаж», «автор — нарратор». Они содействуют динамике развертывания композиционной структуры художественного дискурса и имеют своеобразную экспликацию. В аукториальном повествовании реализуется инвариант модели

«персонаж — персонаж», включающий динамическое развитие точки зрения одного героя с векторным направлением от прошлого к настоящему. Реализация модели «автор — персонаж» происходит через субъективацию аукториального повествования в сторону точки зрения героя. Для модели «автор — нарратор» характерна включенность в нарраторское повествование авторского отступления.

Диегетическое, или субъективное, повествование представляет тип текста, в котором экспликация событий, фактов, поведения персонажей происходит на основе личного плана нарратора, введенного с помощью местоимения 1-го лица единственного числа. При рассмотрении особенностей лингвистической организации такого повествования Е. А. Гончарова отмечает абсолютное или независимое употребление местоимения при отсутствии собственного имени или иного обозначения лица-коррелята. В таком случае семантика местоимения имеет обобщенный характер, а само местоимение *я* приобретает специфику композиционно-стилистического приема. Сильная позиция рассказчика в структуре текста определяет ориентацию на его «личный» временной план. Соответственно ему выделяется три типа повествовательной ситуации для повествования от 1-го лица (письменное сообщение, сказ, внутренний монолог) и характеризуется морфологический актуализатор каждого из этих типов. Так, для письменного сообщения актуализатором становится эпический претерит, обозначающий дистанцию между временем событий и временем их описания. Соглашаемся с мнением Е. А. Гончаровой, что претерит как ядерная глагольная форма не исключает использования других глагольных форм, но релевантным языковым элементом остается претерит. Сказовой манере, по мнению Е. А. Гончаровой, присущ переход к фабульному презенту, так как необходимо установить контакт с воображаемым читателем и показать события в их непосредственном развитии. Однако в этом типе возможна контаминация глагольных форм — презентных, претеритальных и футуральных, благодаря которым читатель присоединяется не только к настоящему «сценического» момента, но и к континууму взаимосвязанных и взаимообусловленных событий. Значение перцептуального времени актуализируется в повествовательной ситуации внутреннего монолога. Поскольку такое время связано с эмоциями и поэтому также называется эмотивным, возможны различные временные модификации в зависимости от содержания нарраторской рефлексии [20, 33–39].

Наблюдения Е. А. Гончаровой научно обоснованы, их можно применить к прозаическому дискурсу, особенно при рассмотрении типов повествовательных ситуаций от 1-го лица с их коммуникативной направленностью. Следует остановиться и на подходе Н. А. Петровой, которая справедливо отмеча-

ет, что художественное произведение всегда коммуникативно ориентированное, отношения между автором и героем, а также между персонажами диалогичные. При определении системы местоимений в коммуникативном плане первостепенная роль отводится личному местоимению «я» и его динамическим модификациям — персональной аппликации, ретро- и проспективной аппликации и точечному расщеплению [21, 7–11].

Наиболее актуальными являются две последние модификации. Ретро- и проспективная с отражением психологии личности позволяет представить постоянное линейное развитие персонажа с его проникновением в прошлое и будущее, поэтому «я» приобретает коннекторный ряд субстанций «я» в разных временных измерениях и с определенным внутренним состоянием в каждом из них. Возникает, на наш взгляд, внутренняя диалогизация КМ «я — я» с вербализацией вариативности ментального и эмоционального состояния героя. Он контактирует с собой прошлым и настоящим, предвидит события будущего, в результате чего возникает динамика, эксплицируемая соответствующими языковыми средствами. Парадигма точечного расщепления представляет ипостаси «я» в контрасте эмоционального и логического, актуализируемого в диалогическом по своей сути внутреннем монологе. Такое экспрессивное смысловое смещение приобретает своеобразную коммуникативную направленность, когда персонаж создает диалог между собственными мыслями и чувствами. Характеризуя диегетического нарратора, необходимо также определять референциальную направленность моделей «я — ты», «я — вы», особенно вторых компонентов как дейктиков-адресатов.

Поскольку прозаические тексты более коммуникативные по сравнению с поэтическими, они раскрывают внутреннюю диалогизацию разных точек зрения объективного повествования через языковые и композиционные приемы субъективации — несобственно-прямую речь, представление, изображение, монтаж. Несобственно-прямая речь используется в художественной литературе как специфическая форма передачи чужой речи. Отраженная с точки зрения автора, она сохраняет особенности речи персонажа, его внутреннее состояние. Прием представления характеризуется перемещением точки зрения в сознание определенного персонажа, и поэтому предметы и явления окружающего мира отражаются именно через субъективное восприятие. Смысловое движение от неизвестного к известному, присущее приему представления, также выражается неопределенными местоимениями *кто-то*, *что-то* и др. Для приема представления характерно также использование вводных слов, которые актуализируют точку зрения персонажа. К приему представления очень близок прием изображения, который характеризуется использованием различных средств художе-

ственной выразительности. Приемы изображения и представления тесно взаимосвязаны и, применяемые вместе, не только создают соответствующие образы, но и усиливают эстетическую функцию художественного стиля. Монтажный прием как один из композиционных приемов субъективации авторского повествования основан на движении как определенного объекта действительности, так и самого персонажа, точка зрения которого перемещается в пространстве. Монтажный прием может отражать общий, средний, крупный планы описания. Словесные и композиционные приемы субъективации авторского повествования позволяют услышать «голос» персонажа и понять его точку зрения.

Процесс внутренней диалогизации может быть реализован в изменении жизненной позиции и взгляда на мир и на самого себя одного субъекта, что вербализируется в дистантно расположенных текстовых сегментах. Именно художественный текст в полной мере становится актуализатором динамического развития внешних и внутренних коммуникативных процессов. Коммуникативный эффект художественного текста достигается как на синтагматическом, так и на парадигматическом уровне как результат тематического и ассоциативного взаимодействия разных текстовых элементов. Экспликантами динамики смысла выступают регулятивные структуры, компоненты которых с контактным или дистантным размещением выделяются на разных текстовых уровнях — высказывании, сверхфразовом единстве, фрагменте. В создании внешней диалогизации значительную роль играют приемы выдвижения важных для автора моментов — эффект обманутого ожидания, конвергенция, сцепление, способные не только остановить внимание реципиента, но и активизировать его в направлении сотворчества с автором. Благодаря вертикальному контексту с дистантными регулятивными структурами, расположенными на уровне блока высказываний (сверхфразового единства, фрагмента) и всего текста, создается не только целостность произведения, но и акцентируется внимание реципиента на ключевых аспектах произведения. В результате читатель присоединяется к вербальным ассоциациям с прагматическим эффектом. Парадигматический аспект ориентируется преимущественно на внутритекстовые связи, которые выражают свою специфику в конкретном художественном произведении, определяя направление и разнообразие диалогизации монологической речи, которая может происходить как между разными субъектами, так и между контрастными точками зрения одного субъекта. Этот подход является наиболее перспективным, поскольку он недостаточно исследован по сравнению с изучением вертикального контекста на уровне ассоциативной связи между текстом и его внетекстовой сферой. Парадигматическая связь включает подтекст и ос-

нованные на нем интерпретационные приемы, поэтому он также является регулятором отношений между адресантом и адресатом.

Предлагаем рассматривать в КМ «персонаж — персонаж» динамическое развитие точки зрения одного героя, приводящее к изменению его духовного мира, отношения к жизни и людям. Такая динамика имеет векторное направление от прошлого к настоящему. Ретроспекция персонажа контрастирует с его современным состоянием, что эксплицируется в дистантно размещенных фрагментах различных тематических линий, связанных с изменением точки зрения. Предлагаемый подход характерен для дискурса большинства белорусских прозаиков XX века. С помощью парадигматической когезии выявляется оппозиционная диалогизация контрастных с позиции динамики точки зрения персонажа текстовых сегментов, отражающих изменение мыслей и чувств героя, постепенное возрождение гармонии внутреннего и внешнего мира. Возникает своеобразный диалог *персонаж (прошлый) — персонаж (настоящий)*, в котором коммуникативный аспект реализуется между противоположными сущностями одного человека, что находит соответствующую языковую экспликацию.

Современное коммуникативное изучение художественного текста имеет два направления исследования, ориентированных на внешнетекстовую коммуникацию (внешняя диалогизация, включающая контакт адресанта и адресата) и внутритекстовую коммуникацию (внутренняя диалогизация на уровнях коммуникантов аукториального и диегетического нарратива). Внешняя диалогизация заключается во взаимодействии автора и читателя, что выражается в интерпретационной деятельности последнего по декодированию поэтического произведения в зависимости от таких приемов выдвижения значимых для автора моментов, как эффект обманутого ожидания и конвергенция. На основе поэтических средств репрезентации контраста адресат формирует смысловые оппозиции писателей с учетом их идиостиля. В языке поэзии основным структурным принципом является параллелизм с отношениями сопоставления или противопоставления, которые способствуют ясности творческого диалога между писателем и читателем при интерпретации поэтического текста как вторичной системы языка. Внутренняя диалогизация нарративного монолога проявляется как контакт между субъектами произведения и репрезентируется лексико-грамматическими и тропеическими средствами с выражением субъективной модальности, что позволяет выделить и проанализировать различные смысловые позиции художественной коммуникации. Динамика коммуникативного пространства прозаического дискурса разворачивается не столько в сторону внешнего диалога *адресант — адресат*, сколько в большей степени через имплицитные внутритекстовые КМ монологического аукториального повество-

вания «нарратор — персонаж»; «персонаж — персонаж» с инвариантом автокоммуникации «персонаж (прошлый) — персонаж (настоящий)», в которой эксплицируется изменение духовного состояния одного субъекта. В диегетическом нарративе внутренняя диалогизация модели «я — я» позволяет представить линейное развитие персонажа с его проникновением в прошлое и будущее, при этом «я» приобретает коннотаторный ряд субстанций «я» в разных временных измерениях и с определенным внутренним состоянием в каждом из них.

Таким образом, динамика коммуникативного пространства художественного дискурса развивается на основе внешней и внутренней диалогизации монологической речи, что значительно расширяет возможности диалога не только как эксплицированных реплик, но и как важную текстовую категорию, пронизывающую разные уровни произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова; под ред. С. В. Сыпченко. — Томск: ТГПУ, 1992. — 310 с.
2. Васильева А. А. Лексический аспект ассоциативного развёртывания поэтических текстов О. Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. А. Васильева; Томский гос. педагог. ун-т. — Томск, 2004. — 30 с.
3. Болотнов А. В. Вербализация концепта хаос в поэтическом дискурсе серебряного века (на материале творчества М. И. Цветаевой, М. А. Волошина, О. Э. Мандельштама): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Болотнов; Томский гос. педагог. ун-т. — Томск, 2009. — 25 с.
4. Ильенко С. Г. Стилистические и синтаксические аспекты диалогичности / С. Г. Ильенко // Исследования по художественному тексту: материалы 3-х Саратовских чтений по художественному тексту, Саратов, июнь 1994 г. / Саратов. гос. педагог. ин-т; под ред. Б. Л. Борухова и К. Ф. Седова. Часть 1. — Саратов, 1994. — С. 19–21.
5. Верескун С. А. Ассоциативно-смысловое поле цвета в прозе М. И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. А. Верескун; Южный федер. ун-т. — Ростов н/Д, 2012. — 29 с.
6. Степанова В. В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии / В. В. Степанова. — СПб.: Наука, 2006. — 272 с.
7. Скорик К. В. Диалогизация художественного текста: типы и способы ее актуализации в англоязычной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / К. В. Скорик; Санкт-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2010. — 19 с.
8. Карпилович Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. — Минск: МГЛУ, 2003. — 226 с.
9. Сухомлинова Ю. А. Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю. А. Сухомлинова; Самарский гос. педагог. ун-т. — Самара, 2005. — 18 с.
10. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд; науч. ред. П. Е. Бухарин. — Изд. стереотип. — М.: Либроком, 2014. — 443 с.
11. Якобсон Р. О. Работы по поэтике: Переводы / Р. О. Якобсон; сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. — М.: Прогресс, 1987. — 464 с.
12. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон; пер. с англ. // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст.; под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. — М.: Прогресс, 1975. — С. 193–230.
13. Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р. О. Якобсон // Семиотика. — М.: Радуга, 1983. — С. 462–481.
14. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 704 с.
15. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПб, 2001. — 846 с.
16. Попова З. А. Поэтика прозы Л. Добычина. Нарратологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / З. А. Попова; Санкт-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2005. — 34 с.
17. Волохова Е. С. Поэтика акториального повествования (роман М. Каннингема «Часы»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Е. С. Волохова; Нижегородский гос. педагог. ун-т. — Н. Новгород, 2005. — 21 с.
18. Винокур Т. Г. Первое лицо в драме и прозе М. Булгакова / Т. Г. Винокур // Очерки по стилистике художественной речи: сб. ст. / Ин-т русского языка АН СССР; отв. ред. А. Н. Кожин. — М.: Наука, 1979. — 50–65.
19. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 304 с.
20. Гончарова Е. А. Пути лингвистического выражения категорий автор — персонаж в художественном тексте / Е. А. Гончарова. — Томск: Томский гос. ун-т, 1984. — 145 с.
21. Петрова Н. А. Личные местоимения в коммуникативном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. А. Петрова; Поморский гос. междунар. педаг. ун-т. — Череповец, 1995. — 21 с.

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Старостенко Т. Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и лингводидактики

E-mail: tstarascienka@gmail.com

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Starostenko T. Y., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics

E-mail: tstarascienka@gmail.com

ВЫЯВЛЕНИЕ СТЕПЕНИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ СЕМАНТИКИ В РАМКАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО МЕТОДА АНАЛИЗА ЯЗЫКА (ОБЗОР ОСНОВНЫХ МЕТОДИК)

М. А. Стернина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 августа 2021 г.

Аннотация: в статье предлагается обзор методик определения степени проявления национальной специфики семантики лексических единиц сравниваемых языков, разработанных на данный момент в рамках сопоставительно-параметрического метода в Воронежском университете.

Ключевые слова: семантика, национальная специфика, степень проявления национальной специфики.

Abstract: the paper offers an overview of the techniques for determining the degree of the national peculiarity of the semantics of the lexical units of the compared languages, developed within the framework of the comparative-parametric method at Voronezh University.

Keywords: semantics, national peculiarity, degree of national peculiarity manifestation.

Проблема выявления национальной специфики семантики не перестает быть актуальной уже на протяжении нескольких десятилетий. При этом основной трудностью, как правило, является определение степени проявления национальной специфики лексем, их семем, а также лексических группировок. При выявлении отдельных различий в семантике, пусть даже и незначительных, исследователями уверенно констатируется факт наличия национальной специфики, и дальше этой констатации дело, как правило, не идет. Между тем наличие национально-специфических различий в семантике лексических единиц и группировок в разных языках по существу и не требует никаких доказательств, они прогнозируются априори, поскольку речь идет о разных языках. В связи с этим сам факт констатации наличия национальной специфики в том или ином случае, строго говоря, никакой лингвистической ценности не представляет и остается лишь простой констатацией факта.

Представляется, что при изучении национальной специфики семантики в задачу лингвиста входит не просто констатировать ее наличие, а определить степень ее проявления. Вплоть до недавнего времени подобное не представлялось возможным, однако с началом разработки в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований положение изменилось в лучшую сторону.

Указанный метод с помощью используемых в нем двух исследовательских процедур: индексализации и шкалирования, позволяет, основываясь на объективных количественных показателях, не просто кон-

статировать наличие или отсутствие национально-специфических различий, но и определить степень их выраженности.

Используемые в рамках сопоставительно-параметрического метода индексы (на данный момент их введено порядка 180) призваны дать количественную характеристику степени выраженности того или иного параметра, применение же соответствующих шкал, которых на данный момент семь, позволяет дать представленным в количественном виде данным качественные характеристики и сделать объективный вывод о характере выявленных различий. В данной статье мы ставим целью обобщить методику выявления степени национально-специфических различий лексико-семантических группировок и семантем на примере выполненных под нашим руководством в рамках сопоставительно-параметрического метода диссертационных исследований.

Так, С. В. Колтаковой [1] была определена национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках. Для характеристики выраженности национальной специфики автором были использованы такие параметры, как введенный В. И. Карасиком [2, 111] термин *номинативная плотность* — количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности, а также 9 введенных в рамках сопоставительно-параметрического метода индексов: *индекс полисемантической группы, индекс принадлежности к исследуемой тематической группе, индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы, индекс лексико-семантической замкнутости структурной единицы группы, индекс яркости подгруппы внутри тематической группы, индекс однозначности лексем группы, индекс первичной денотативной отнесенно-*

сти лексем к группе, индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе, индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе, индекс пересечения разноименных групп [3].

Из 10 использованных диссертанткой параметров 8 вычисляются в процентах, а два: номинативная плотность и индекс полисемантической — в абсолютных числах.

Для придания полученным количественным данным качественных характеристик С. В. Колтаковой были предложены 2 шкалы: *шкала определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам* и *шкала определения выраженности национальной специфики лексической группировки в целом* [1].

Согласно первой шкале, национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления характеризуются как **существенные, заметные, видимые** и **несущественные**.

Для параметров, чьи индексы представлены процентами, степень проявления национальной специфики равняется численной разнице между показателями индексов сопоставляемых групп в разных языках. Если расхождения между показателями индексов составляют более 10%, то данные национально-специфические различия квалифицируются как **существенные**. При расхождениях в диапазоне от 5 до 10% различия характеризуются как **заметные**. Если разница между показателями индексов составляет от 1 до 5%, то национально-специфические различия признаются **видимыми**, при разнице менее 1% — **несущественными**.

Для параметров, представленных абсолютными цифрами степень проявления национальной специфики вычисляется через отношение соответствующих абсолютных показателей сравниваемых групп. Если полученные цифры находятся в диапазоне от 1,0 до 1,1, то данные различия признаются **несущественными**, если эти цифры находятся в промежутке от 1,1 до 1,2 — **видимыми**. Если показатели варьируются от 1,2 до 1,3, то различия характеризуются как **заметные**. Если цифры оказываются больше 1,3, степень проявления национальной специфики квалифицируется как **существенная**.

В результате проведенного исследования было установлено, что для тематических групп «Труд» в русском и английском языках национально-специфические различия могут квалифицироваться как **существенные** по четырем параметрам (индекс полисемантической, индекс однозначности лексем группы, индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе, индекс лексико-семантической замкнутости группы), **заметные** — по трем (индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе, индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе, индекс принадлежности к группе), **видимые** — по одному параметру

(индекс пересечения групп), **несущественные** — по двум параметрам (номинативная плотность, индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы).

Для тематических групп «Отдых» в русском и английском языках **существенные** национально-специфические различия выявлены по шести параметрам (номинативная плотность, индекс полисемантической, индекс однозначности лексем группы, индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе, индекс лексико-семантической замкнутости группы, индекс принадлежности к группе), **заметные** расхождения — по одному параметру (индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе), **видимые** — по двум параметрам (индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе, индекс пересечения групп), **несущественные** — по одному параметру (индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы).

Для определения степени выраженности национальной специфики исследуемых лексических группировок в целом диссертанткой была предложена и апробирована *шкала определения выраженности национальной специфики лексической группировки в целом*.

Согласно данной шкале, если при сравнении двух лексических группировок преобладают **существенные** и **заметные** расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальная специфика данных групп характеризуется как **ярко выраженная**. Если наблюдается преобладание **видимых** и **несущественных** расхождений, то национальная специфика характеризуется как **неярко выраженная**.

Поскольку в тематических группах «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках превалируют **существенные** и **заметные** национально-специфические расхождения, диссертантом был сделан вывод, что обе данные группы демонстрируют **ярко выраженную** национальную специфику.

Выявление степени проявления национальной специфики семантем покажем на примере проведенного под нашим руководством диссертационного исследования Л. А. Кривенко [4], посвященного выявлению национальной специфики семантем наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков.

Для выявления национальной специфики семантем лексем исследовательницей был предпринят аспектный анализ. Семантемы были охарактеризованы исходя из трех аспектов: аспекта развития лексической полисемии, аспекта развития лексико-грамматической полисемии, под которой понимается полисемия на уровне частей речи, и аспекта коммуникативной релевантности семем. Для сопоставимых лексем (лексем с эквивалентными семемами Д1) оказалось необходимым выделить еще один аспект: аспект семемной представленности семантемы.

Для характеристики каждого аспекта был определен соответствующий набор индексов. Так, для аспекта развития лексической полисемии релевантными оказались следующие четыре индекса: *индекс лексической полисемантичности семантемы, индекс лексической полисемантичности в группе, индексы денотативной и коннотативной лексической полисемантичности семантемы, индексы денотативной и коннотативной лексической полисемантичности в группе.*

Для характеристики аспекта лексико-грамматической полисемии были использованы следующие восемь формализованных параметров: *индекс лексико-грамматической полисемии, индекс лексико-грамматической полисемии в группе, индекс лексико-грамматической вариантности, индекс лексико-грамматической вариантности в группе, индекс денотативной / коннотативной лексико-грамматической полисемантичности семантемы, индекс денотативной / коннотативной лексико-грамматической полисемантичности в группе, индекс частеречной (глагольной / субстантивной / адъективной / адвербиальной / с семой вводного слова) представленности семантемы, индекс частеречной (глагольной / субстантивной / адъективной / адвербиальной / с семой вводного слова) представленности в группе.*

Для характеристики аспекта **коммуникативной релевантности** были использованы три параметра: *индекс коммуникативной релевантности семемы, индексы коммуникативной релевантности денотативных и коннотативных семем в семантеме, индексы коммуникативной релевантности денотативных и коннотативных семем в группе.*

Для выявления национальной специфики семемной представленности семантемы использовались два параметра: *индекс эндемичности семантемы и индекс семемной плотности семантемы* [3].

По каждому аспекту исследование проводилось по четырем группам, выделенным на основе объема семантемы: малосемемные (от двух до пяти семем), многосемемные (от шести до десяти семем), гиперсемемные (от 11 до 20 семем) и сверхгиперсемемные (свыше 20 семем) [5].

Национальная специфика определялась в каждой из групп по каждому аспекту. Для определения ее степени был использован *интегральный индекс национально-специфических различий* по выделенным

аспектам, вычисляемый как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех индексов, используемых для характеристики группы, и шкала степени проявления национально-специфических различий по выделенным аспектам, согласно которой степень выраженности параметра определяется в зависимости от значений показателя интегрального индекса национально-специфических различий. Так, если интегральный индекс равен 0, фиксируется отсутствие национально-специфических различий; при значениях индекса от 0,1% до 10% различия признаются **заметными**, если значения интегрального индекса оказываются в диапазоне от 10,1% до 30%, речь идет о **ярких** различиях. При значениях интегрального индекса от 30,1% до 50% национально-специфические различия квалифицируются как **значительные**, при значениях интегрального индекса более 50% — как **существенные**.

На основании значений полученного интегрального индекса и применения указанной шкалы было установлено, что по аспекту развития лексической полисемии национальная специфика сверхгиперсемемных лексем является *существенной*, многосемемных и гиперсемемных — *яркой*, малосемемных — *заметной*.

По аспекту развития лексико-грамматической полисемии показатели интегрального индекса указывают на *яркую* национальную специфику малосемемных, многосемемных и гиперсемемных субстантивных лексем и значительную национальную специфику сверхгиперсемемных лексем.

По аспекту коммуникативной релевантности национальная специфика малосемемных лексем является *заметной*, многосемемных и гиперсемемных — *яркой*, сверхгиперсемемных лексем — *существенной* [4].

Чтобы сделать окончательный вывод о степени выраженности национальной специфики наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков, был введен *средний интегральный индекс национально-специфических различий*, вычисляемый как среднее арифметическое показателей всех интегральных индексов, используемых для характеристики семантем [4]. Базируясь на значениях данного индекса, была предложена шкала выраженности национальной специфики семантем:

Шкала выраженности национальной специфики семантем

Численные значения среднего интегрального индекса национально-специфических различий	Степень выраженности национальной специфики
<10%	неярко выраженная
10,1%-20%	умеренно выраженная
20,1%-30%	ярко выраженная
30,1%-50%	гипервыраженная
>50%	сверхгипервыраженная

В результате применения указанного индекса и шкалы стало возможным сделать окончательный вывод о степени выраженности национальной специфики наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков. Показатель среднего интегрального индекса национально-специфических различий по группам и аспектам составил 24,5%, что согласно используемой шкале свидетельствует, что национальная специфика данных групп является **ярко выраженной**.

Таким образом, в рамках сопоставительно-параметрического метода на настоящий момент разработаны достаточно объективные критерии оценки степени национальных различий семантики лексических единиц в форме системы индексов и шкал, которые позволяют не просто констатировать наличие или отсутствие национальной специфики, но и достаточно объективно, основываясь на конкретных числах, показать степень ее выраженности.

Предложенные методики могут быть использо-

ваны при описании любых разрядов лексико-семантических систем сопоставляемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колтакова С. В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / С. В. Колтакова. — Воронеж, 2008. — 20 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М.: ГНОЗИС, 2004. — 390 с.
3. Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: Монография / М. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 2014. — 115 с.
4. Кривенко Л. А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Кривенко. — Воронеж, 2013. — 22 с.
5. Стернина М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка: Монография / М. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 1999. — 160 с.

*Воронежский государственный университет
Стернина М. А., профессор, зав. кафедрой английского
языка естественно-научных факультетов
E-mail: sternina@vmail.ru*

*Voronezh State University
Sternina M. A., Professor, Head of the English Chair for
Science Departments
E-mail: sternina@vmail.ru*

«ЛИЛИЧКА! ВМЕСТО ПИСЬМА» В. МАЯКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ АВТОРСКОЙ МИФОЛОГИИ¹

Е. С. Стрельникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 июня 2021 г.

Аннотация: в статье определяется место стихотворения «Лиличка! Вместо письма» в индивидуальной авторской мифологии ранних произведений Владимира Маяковского. Автор отмечает важность хромотопных характеристик, анализирует дионисийскую двойственность лирического героя, рассматривает текст как отдельный этап мифотворческой эволюции раннего Маяковского.

Ключевые слова: Маяковский, мифотворчество, дионисийство, хромотоп.

Abstract: this article determines the place of the poem “Lilichka! Instead of a letter” in the individual author’s mythology of Vladimir Mayakovsky. The author notes the importance of the chronotope, analysis the Dionysian duality of the persona, describes the poem as the separate step of the early Mayakovsky’s myth-making evolution.

Keywords: Mayakovsky, myth-making, Dionysus, chronotope

Актуализация творчества Владимира Маяковского в сознании современного читателя различна. Для одних Маяковский — пережиток советской эпохи, о котором скучно рассказывали школьные учителя и пренебрежительно отзывались родители, возвращенные исключительно на «Стихах о советском паспорте» и поэме «Владимир Ильич Ленин». Для других Маяковский — «первый рэпер советской эпохи» (перефразируя знаменитые слова Сталина), продемонстрировавший на практике преимущество тонического стиха над силлабо-тоническим и положивший начало эпатажу как средству обретения быстрой популярности.

Следует отметить, что в последние годы Маяковский возвращается в новом качестве. В 2000-е и особенно 2010-е гг. он ожидаемо справляется с предвзятостью предшествующих оценок и, как в 1920-е годы, снова становится кумиром — только в ином качестве. Теперь Маяковский в глазах публики — особенно юных читателей его таланта — гений любовной лирики, основной жизненной трагедией которого (и темой произведений заодно) стала неразделенная любовь к Лиле Брик.

Если сегодня попросить молодых людей до 30 лет назвать первый пришедший на ум текст Владимира Маяковского, то одним из самых часто упоминаемых станет стихотворение 1916 года «Лиличка! Вместо письма». Причина любви именно к этому произведению проста и заключается не только в несомненной пронзительности текста, но и существовании песни рок-группы «Сплин», написанной в 2006 г. на слова Маяковского, обеспечившей популярность самому стихотворению и подарившей новых читателей его автору. Однако

восприятие произведения, ставшего вдруг элементом массовой культуры, ожидаемо опошлилось (в чеховском смысле слова), а смысл его обычно истолковывается не искусственным в литературоведении читателем исключительно с точки зрения биографического подхода. Наша задача в рамках данной статьи — восстановить место стихотворения в общем ряду текстов Маяковского, «вернуть» его в целостный поэтический контекст и проследить, как в нем реализуются основные элементы ранней авторской мифологии.

Говоря об индивидуальной авторской мифологии, мы имеем в виду совокупность тем, мотивов, идей, сюжетов, образов и проч., которые частотны для ряда текстов (в нашем случае — произведений 1912–1916 гг.), эволюционируют одновременно с эволюцией лирического героя и представляют целостный многоуровневый мир, существующий по собственным законам. Поэтическая мифология, таким образом, — набор «постоянных символов», выраженных ситуативно и лексически, накладывающих «на... произведения печать поэтической личности» [1, 146]. Поэтологии ранних текстов Маяковского свойствен антропоцентризм [2], имманентная связь (вопреки футуристическим тезисам) с российским и мировым культурным кодом, философскими умопостроениями Ф. Ницше с его вниманием к категории дионисийского [3] и христианским мифом [4].

Индивидуальная мифотворческая структура ранних текстов Владимира Маяковского довольно многоаспектна, потому в рамках данной работы мы отметим те элементы ее поэтики, которые важны для понимания конкретного текста. Для ранних произведений Маяковского важны хромотопные характеристики, связанные с категорией пограничности; от них мы и оттолкнемся в своих рассуждениях о стихотворении «Лиличка! Вместо письма».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90016.

В то время как лирический герой и его возлюбленная находятся в замкнутом пространстве комнаты, взгляд лирического героя направлен извне — внутрь («Вспомни — за этим окном...») (курсив мой. — *Е. С.*) [5, 107]). Подобный взгляд из открытого пространства в закрытое, где когда-то герой был счастлив с возлюбленной, встретится нам и в другом тексте 1916 года — поэме «Человек»: лирический герой заглядывает в окно квартиры, в которой когда-то жила возлюбленная («Смотрю за шелк — / все то же, / спальня та ж» [5, 270]). Замкнутое пространство у раннего Маяковского всегда связано с женским началом, фигурой возлюбленной или матери — в противоположность пространству открытому, угрожающему, населенному безобразными обывателями. В стихотворении «Несколько слов о моей маме» лирический герой из спокойствия комнаты («У меня есть мама на васильковых обоях») смотрит в окно и готовится выйти навстречу надвигающейся буре [5, 47]. В инвективе «Надоело» он возвращается от трактирных «загадочнейших существ» из двух аршинов «безлицого розоватого теста» [5, 112–113] к тем же обоям — а значит, и к матери тоже, в спасительное спокойное пространство. В поэме «Облако в штанах» лирический герой убегает от жаждущей разорвать его толпы и просит Марию впустить его, спасти тем самым от неминуемой гибели: «Пусти, Мария! / Я не могу на улицах!» [5, 191].

Выход на улицу в «Лиличке!» также будет означать страдания лирического героя («обезумлюсь, / отчаяньем иссецась» [5, 107]). Но и сама комната названа адом — причем «крученыховским» [5, 107]. Эпитет этот отправляет нас к зауми как элементу поэтики Алексея Крученых — и потому обозначает пространство запутанное, неясное, удушливое. Вспомним здесь и про табачный дым, который «воздух выел» [5, 107]; сравним его, к примеру, с серной дымкой во «Флейте-позвоночнике» [5, 200] и — там же — с навязчивым запахом ладана, пронизанным состоянием тревоги [5, 205]. Замкнутость пространства уже не подарит спокойствия и не спасет от толпы, которая все равно суетными днями «растреплет страницы... книжек» лирического героя [5, 108].

«Суетность» открытого пространства важна для понимания поэтического начала лирического героя. Обратим внимание на кажущийся парадокс: поэт, над стихами которого, по его собственному уверению, заплачет сам бог и «побежит по небу... читать их своим знакомым» («А все-таки» [5, 62]), вдруг утверждает: «Если б так поэта измучила, / он / любимую на деньги б и славу выменял, / а мне / ни один не радостен звон, / кроме звона твоего любимого имени» (курсив мой. — *Е. С.*) [5, 108]. Удивление здесь вызывает противительный союз «а», расподобляющий поэта и лирического героя — хотя в конце стихотворения последний с горечью предрекает забвение своих про-

изведений (как возлюбленной, так и обществом), превращение их в «сухие листья» [5, 108].

Кажущееся противоречие разрешается отмеченным соотношением категорий закрытого и открытого пространств. И здесь, и в поэмах «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник», и в других текстах лирический герой, находясь в комнате с возлюбленной или матерью, словно раздваивается, наблюдает себя по-этом лишь со стороны: «Поэт сонеты поет Тиане, / *а я* — / весь из мяса, / человек весь» (курсив мой. — *Е. С.*) [5, 193]. Его поэтическое «Я» остается там, за дверью этой комнаты, где ждет одновременно разъяренная и жаждущая его самого толпа («Не бойся, / что у меня на шее воловьей / потноживотые женщины мокрой горою сидят» («Облако в штанах» [5, 192])) — целая «династия / на сердце сумасшедшего восшедших цариц» («Облако в штанах» [5, 193]).

Для Нее (здесь, в замкнутом и не опасном пространстве комнаты) он — Человек, ждущий понимания и ничего больше, стремящийся отыскать «одно только слово / ласковое, / человечье» («Дешевая распродажа» [5, 116]). Для них он — Поэт, Пророк, Трибун, Наполеон, шагающий по провалившимся, «как нос сифилитика» («А все-таки» [5, 62]), улицам, страдающий за них, борющийся за мир и гармонию, разговаривающий на равных с богом и Вселенной. И там, в открытом пространстве «взметенного карнавала» [5, 108], уязвимый в поисках счастья Человек пока существовать не может. Именно Поэт, готовый вытащить душу, растоптать ее («чтоб большая!») и отдать «окровавленную... как знамя» («Облако в штанах» [5, 185]), должен ему предшествовать.

Еще одна важная для понимания мифотворческой модели раннего творчества Маяковского характеристика — телесная разъятость его лирического героя: «...долго не влезет / сломанная дрожью рука в рукав»; «*тело* в улицу брошу я» (курсив мой. — *Е. С.*) [5, 107]. И в «Лиличке!», и в других текстах она сопутствует мотивам сумасшествия («дикий, / обезумлюсь» [5, 107]), погони («нас — двое, / ораненных, загнанных ланями» («От усталости» [5, 51])), принесения жертвы («надо мною, / кроме твоего взгляда, / не властно лезвие ни одного ножа» [5, 108]), отверженности («день еще — / выгонишь» [5, 107]) и последующего «одичания»: в «Облаке в штанах» герой несет отвергнутое сердце, «как собака, / которая в конуру / несет / перееханную поездом лапу» [5, 194]; в стихотворении «Вот так я сделался собакой» окруженный толпой («навалилась, / огромная, / злая» [5, 89]) герой чувствует: «не могу по-человечьи» [5, 88].

Телесная разъятость также связана с двойственной природой лирического героя, скрепленной творческим началом. Земная мать, Богоматерь, принадлежит закрытому пространству комнаты, хотя утверждать земную природу возлюбленной, которую «бог... из пекловых глубин... вывел» («Флейта-позвоночник» [5, 200]), мы не можем. Небесный отец,

Бог — отвергающий сына несправедливый деспот, своим бездействием потворствующий мировой несправедливости и жестокости: «Бог доволен. / Под небом в круче / измученный человек одичал и вымер» («Флейта-позвоночник» [5, 200]). А лирический герой — Поэт и Орфей, Христос и Наполеон одновременно, который и «гвоздями слов / прибит к бумаге» («Флейта-позвоночник» [5, 208]), и «тоже ангел», который идет «к дому... отца» («Облако в штанах» [5, 194–195]), и «полководец и больше» («Я и Наполеон» [5, 73]), уводящий толпу под солнце Аустерлица. В совокупности этих характеристик — дионисийское начало лирического героя раннего творчества Маяковского, поиск им аполлонической гармонии и попытка восстановить «свою божественную полноту и цельность» [3, 166], ранее приносимые в жертву.

Стихотворение «Лиличка!», текст которого насыщен отмеченными выше смыслами, подтверждает и продолжает диалектическое противоборство дионисийского и аполлонического. В связи с этим нам важен образ солнца, появляющийся в произведении, — тем более что противопоставление ночного и дневного пространств является одной из важнейших пограничных характеристик мифотворчества Маяковского и демонстрирует эволюцию его лирического героя: «Кроме любви твоей, / мне / нету солнца» [5, 108]. Солнце здесь — что-то желанное и вместе с тем губительное. Это одновременно и аполлонический источник счастья, которого так жаждет лирический герой в любви, и дионисийская разрушительность, подкрепленная мотивами горения, пожара, обугливания («опожаренный» песок; «выжженная» любовью душа). Мотив «единой огненной субстанции» [6, 168] также связан с дионисийством. У раннего Маяковского он частотен и всегда разрушитель: вспомним здесь и «пожар сердца» из «Облака в штанах», и солнечный «костер», сжигающий город, в стихотворении «Я и Наполеон».

Диалектичность образа солнца в «Лиличке!» принципиально важна в общем контексте эволюции лирического героя. Солнечное, жаркое, утреннее в текстах 1912–1915 гг. всегда предстает началом жестоким и разрушительным, уничтожающим гармонию ночи — спасительного для лирического героя пространства, — вырезающим «ночь из окровавленных карнизов» («Я и Наполеон» [5, 73]). Среди таких произведений — «Утро», «Я», «Порт», «Военно-морская любовь», «За женщиной» и др. С ходом времени мировосприятие лирического героя меняется. Ночь превратилась в изменницу («небо опять иудит / пригоршню обрызганных

предательством звезд» («Облако в штанах» [5, 189])), ее пространство приобретает характеристику косности и уходит для лирического героя в прошлое. Потому меняется и восприятие солнца. В последних ранних текстах, поэмах «Война и мир» (1915–1916) и «Человек» (1916–1917), солнечное пространство означает уже желаемое, справедливое, идиллическое («День раскрылся такой, / что сказки Андерсена / щенками ползали у него в ногах» («Война и мир» [5, 237])). За этим изменением последуют и обретение лирическим героем пути к всеобщей гармонии, и осознание собственного места в миропорядке, и выстраивание иерархии социальной справедливости, и обретение Человека, достойного занять место убежавшего со своего трона Бога. Амбивалентность образа солнца в «Лиличке!» — начало этой существенной трансформации, зафиксированное в поэтическом слове изменение одной из важнейших характеристик поэтики раннего Маяковского.

Таким образом, стихотворение «Лиличка! Вместо письма» — это не только жемчужина любовной лирики автора. Отметив лишь некоторые моменты, представляющиеся нам наиболее убедительными для характеристики особенностей индивидуальной авторской мифологии, мы утверждаем несомненную ценность этого текста в толковании важнейших мифотворческих категорий раннего Маяковского и понимании трагедии его лирического героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р. О. Якобсон // Р. О. Якобсон. Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. — М.: Прогресс, 1987. — С. 145–180.
2. Чун Чжиин. Поэтический антропоцентризм в лиро-эпосе В. Маяковского 1910-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Чун Чжиин. — М., 2019. — 23 с.
3. Матвейчев О. А. Русский Серебряный век: дионисийство против *principium individuationis* / О. А. Матвейчев // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — Ростов-на-Дону, 2020. — № 4. — С. 21–28.
4. Науменко К. С. Богослужбные мотивы в поэме В. В. Маяковского «Человек» / К. С. Науменко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2020. — Т. 13. — Вып. 6. — С. 47–51.
5. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / В. В. Маяковский. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955–1961. — Т. 1. — 463 с.
6. Иванов Вяч. И. Дионис и прадионисийство / Вяч. И. Иванов. — СПб., 1994. — 343 с.

Воронежский государственный университет

Стрельникова Е. С., аспирант и младший научный сотрудник кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук филологического факультета

E-mail: svstrelnikov@inbox.ru

Voronezh State University

Strelnikova E. S., Post-graduate Student and Junior Research Worker of the Department of Russian literature of the XX and XXI centuries, theory of literature and Humanities, Philological Faculty
E-mail: svstrelnikov@inbox.ru

ОБРАЗ МАТЕРИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

Поступила в редакцию 21 октября 2021 г.

Аннотация: статья посвящена анализу семантики образа матери и его роли в сюжете прозаических текстов В. А. Никифорова-Волгина. В двух циклах о детстве писателя («Детство», «Из воспоминаний детства») мать предстает как хранительница домашнего очага и рукодельница. Мать воспитывает сына в православной христианской традиции, выступая по отношению к нему в роли духовного наставника. Благодаря ей в семье сохраняется вера и соблюдается благочестие. В цикле «Детство» есть литургический пасхальный сюжет, в котором на первый план повествования выходят Господь и Его Пречистая Мать. Их взаимные любовь, утешение, забота друг о друге свидетельствуют о норме отношений в семье. Таким образом, мать и сын здесь — персонажи духовного и земного планов повествования, причем духовный план дан как ориентир и образец отношений для «малой церкви» — семьи. Кроме того, наиболее ярко образ матери вне циклов о детстве представлен в рассказе «Мати-пустыня», где он наделен также семантикой приобщения к духовной жизни, к вечности. В прозе В. А. Никифорова-Волгина образ матери не лишен мифопоэтической природы. Образ матери — это еще и утраченная для писателя русского зарубежья Россия, обозначенная, в частности, через псевдоним, отсылающий к устойчивому выражению «матушка Волга».

Ключевые слова: Никифоров-Волгин, образ матери, цикл рассказов «Детство», цикл рассказов «Из воспоминаний детства», рассказ «Мати-пустыня», семантика, функция в сюжете, православие.

Abstract: the article is dedicated to the study of the mother image semantics and role in the plot in prosaic works by V. A. Nikiforov-Volgin. In two works about the author's childhood ("Childhood" and "Memories of Childhood"), his mother is represented as a keeper of the home and a craftswoman. She is bringing up her son in the Orthodox Christian tradition acting as a spiritual adviser in respect of him. Owing to her efforts, the faith is kept and godliness observed in their family. The Childhood cycle includes a liturgical paschal scene where the story is focused on the Lord and his Most Holy Mother. Their mutual love, consolation and care about each other set the standard for family relations. Thus, the mother and son here are characters of both spiritual and earthly aspects of the story, the spiritual aspect being taken as a guideline and an example for the family, a small church. Besides the books dedicated to childhood, the mother image is most vividly represented in the Mother Desert story where it is given the semantics of introduction to spiritual life, eternity. In the works of V. A. Nikiforov-Volgin, the mother image has some mythopoetic traits. Moreover, the mother image for him, a Russian Emigre author, also signifies the lost motherland designated, in particular, by a pseudonym referring to a common expression "Mother Volga".

Keywords: Nikiforov-Volgin, the image of the mother, cycle of short stories «The Childhood», cycle of short stories «Memories of Childhood», story «The Mother-desert», semantics, function in the plot, Orthodoxy.

В двух книгах В. А. Никифорова-Волгина («Земля именинница» (1937) и «Дорожный посох» (1938)) есть циклы о детстве, в которых немаловажную роль играет образ матери. Заметим, что если в романе И. С. Шмелева «Лето Господне», где автор, как и В. А. Никифоров-Волгин в своих «детских» циклах¹,

¹ Оба автора создают свои произведения, по словам Е. Ю. Шестаковой о романе И. С. Шмелева «Лето Господне», «в трагической ситуации разрушенного Дома — детства и родины, утраченных в исторических потрясениях» [1, 75]. То, что исследователь говорит далее об И. С. Шмелеве, в равной мере может быть отнесено и к В. А. Никифорову-Волгину: «В писателе назрела внутренняя необходимость

«воссоздал уклад жизни через призму церковного богослужебного года» [2, 82], особенно значим образ отца героя, то у В. А. Никифорова-Волгина на первый план повествования выступает именно образ матери.

Н. В. Летаева, исследуя образ матери в прозе В. А. Никифорова-Волгина, обращает внимание на такие ипостаси и характеристики данного образа в произведениях писателя, как олицетворение любви [3, 101], эмоциональность [3, 102], аккумуляция традиций предшествующих поколений [3, 102], доверительные отношения с сыном [3, 105], народно-поэтические об-

противопоставить гармоничные и незыблемые основы бытия в «своем, безопасном Доме» пространству «чужого, дьявольского Антидома» <...>, утвердившему себя в после-революционной России» [1, 75].

разы «матушек» (Масленица, земля, Волга, обращение к пожилым женщинам) [3, 107]. В нашем же исследовании более подробно изучается последовательная репрезентация и функция в сюжете образа матери в циклах «Детство» (книга «Земля именинница») и «Из воспоминаний детства» (книга «Дорожный посох»), сопоставляются образы матери и отца героя-ребенка, более подробно исследуется образ матери-земли, а образ матушки Волги рассматривается в связи с псевдонимом, избранным писателем.

Ни разу не названная по имени, мать мальчика Васи, приобщающегося к церковной жизни, является для него, по сути, духовным наставником. Именно мать героя отправляет его в церковь в начале первого рассказа цикла «Детство»: «Мать послала меня в церковь “к часам” и сказала с тихой строгостью: “Пост да молитва небо отворяют!”» [4, 3]. В «Исповеди», третьем рассказе этого же цикла, наставления перед тем, как Вася отправится в храм, дают уже и отец, и мать, но материнское напутствие вновь открывает текст: «Ну, Господь тебя простит, сынок... Иди с молитвой. Да смотри, поуставнее держи себя в церкви. На колокольню не лазай, а то пальто измыгаешь. Помни, что за шитье-то три целковых плочено,— напутствовала меня мать к исповеди» [4, 14]. Мать вновь говорит о необходимости молитвы, а также о благоговейном поведении в церкви. Кроме того, в данном фрагменте появляется и такая грань образа матери, как рачительная хозяйка, хранительница домашнего очага. В целом роль матери согласуется в этом тексте с тем, чему должна была учить ребенка мать в традиционной крестьянской семье. Об этом подробно пишет, к примеру, О. В. Лабозина в своей статье: «Святой обязанностью матери считалось обучение ребенка основным нормам христианской жизни, воспитание в нем чувства веры. Приучение к молитве начиналось рано, обычно с 2–3 лет. Ребенок видел ежедневно отца и мать, молящихся перед иконами-образами. Как только он начинал понимать, мать приучала его складывать пальцы для крестного знамения и молиться. При этом слова детской молитвы произносила сама мать, пока ребенок не заучивал этих слов» [5, 33].

Рассказ «Причащение», повествующий о событиях в жизни Васи в Великий Четверг, снова открывается разговором матери с мальчиком. Это уже более пространственный диалог, чем в предшествующих текстах, в котором обнаруживается, что деревня с ее обычаями является ценностью для матери главного героя цикла: «Лавочных красок в нарядных коробках мать не признавала.

— Это не по-деревенски,— говорила она,— не по нашему обычаю!

— А как же у Григорьевых,— спросишь ее,— или у Лютовых? Красятся они [пасхальный яйца] у них в самый разный цвет, и такие приглядные, что не наглядисься!

— Григорьевы и Лютовы — люди городские, а мы из деревни! А в деревне, сам знаешь, обычаи от самого Христа идут...» [4, 21–22].

О матери Васи мы узнаем также из текста, что она рукодельница (рассказ «Причащение»): «На мою рубашку все смотрели, и какая-то барыня сказала другой:

— Чудесная русская вышивка!

Я был счастлив за свою мать, которая вышила мне такую ненаглядную рубашку» [4, 25].

В пятом, седьмом и девятом рассказах цикла мать вновь выступает в роли духовного наставника героя. Она обнаруживает понимание сути церковных праздников, торопит мальчика в храм на службу, хорошо ориентируется в церковном календаре. Так, говоря о празднике Святой Троицы, мать объясняет сыну, чья память празднуется в этот день: «Накануне праздника мать сказала:

— Завтра земля именинница!

— А почему именинница?

— А потому, сынок, что завтра Троицын день сойдется со святым Симоном Зилотом, а на Симона Зилота — земля именинница: по всей Руси мужики не пашут!» [4, 52]. Память апостола Симона Зилота приходится по старому стилю на 10 мая. Поскольку детство автора проходило до революции, мы рассматриваем именно старый стиль. Совпадение Святой Пятидесятницы и памяти этого святого случилось в 1915-м году [6, 357] — это и есть время действия, о котором идет речь в цикле. Самому писателю тогда исполнилось уже 14 лет, а Вася в цикле младше. Он еще только начинает постигать православное богослужение, а поскольку растет в верующей семье, к 14 годам ему многое было бы уже известно.

Центральный образ этого рассказа — земля, — давший название всей первой книге В. А. Никифорова-Волгина, в народной культуре, столь близкой автору, наделен значением материнства: «<...> она всеобщая Мать и кормилица: живых питает, а мертвых к себе принимает» [7, 316]. В этом рассказе читатель видит мать главного героя именно как кормилицу: она печет пироги по случаю праздника. Упоминание о запрете пахать землю на Троицу соотносимо также с фольклорным представлением о матери сырой земле и Матери Богородице². Так, «русские крестьяне Переславля-Залесского объясняли запрет разбивать на пашне комья земли тем, что это бы означало «бить саму Мать Пресвятую Богородицу» [7, 316]. Земля в Троицын день остается нетронутой человеком. В фольклоре земля «наделяется <...> признаками святости и ритуальной чистоты. Это проявляется в з.-слав. и укр.-бел. фразеологизмах

² Ср. фольклорное восприятие образа матери: «Для славян характерно представление о трех матерях человека — родной матери, Богородице и матери сырой-земле <...>» [8, 207].

и обрядовых приговорах: укр. «Будь богата, як земля святая!», «Земля — свята мати» [7, 317]. Для автора, родившегося в Российской империи, но в результате революционных событий ставшего «представителем русского меньшинства в Эстонской Республике» [9, 26], важно еще представление о русской земле как о матери, отчизне. Заглавие книги отражает это представление о прежней, дореволюционной православной России одновременно как о праздничном по сравнению с наступившей действительностью времени, но, кроме того, и как о матери (Вася в рассказах «детского» цикла во многом напоминает самого писателя).

Фигура Васиного отца не так рельефно очерчена в произведении, как образ матери. Из третьего рассказа цикла мы узнаем, что он сапожник: «Дома лежу в постели, покрытый бараньей шубой, и сквозь прозрачный тонкий сон слышу, как отец тачает сапог и тихо, с переливами, по-старинному, напевает: «Волною морскою, скрывшего древле» [4, 20]. В восьмом рассказе — «Светлая заутреня» — отец делится с сыном воспоминаниями о Пасхах, которые он встречал прежде в Москве и в монастыре, расположенном глубоко в лесу.

Расхождение взглядов матери и отца героя обнаруживается во втором цикле о детстве, в рассказе «Святое Святых». Мать дает такое наставление Васе: «Будь к людям приглядчив. Душу его береги. Сострадай человеку и умей находить в нем пшеницу среди сорной травы» [10, 106]. В этих словах, содержащих аллюзию на евангельскую притчу о пшенице и плевелах, чувствуется любовь к человеку. Что же отвечает на это отец героя? А вот что: «Держи карман шире! — проворчал отец, засучивая щетину в драгву. — Как я там к людям ни приглядывался, ни сострадал им, ни уступал, а они все же ко мне по-волчьи относились. Ты, смиренница, оглянулась бы хоть раз на людей. Кто больше всего страдает? Простые сердцем, тихие, уступчивые, заповеди Господни соблюдающие. Не портила бы ты лучше мальчика! Из него умного волчонка воспитать надо, а не Христова крестника!» [10, 106]. Здесь ясно, что духовно отец слабее в этой семье, чем мать. По сути, отец идет тут против православной веры. Последнее слово остается в этом разговоре за матерью. Она вначале объясняет ему духовную подоплеку таких суждений, а затем наставляет и сына, чтобы уберечь его от соблазна: «Мать так и вскинулась на отца.

— Ты бы лучше оглянулся и узнал: кто стоит за твоей спиной? Отец вздрогнул.

— Кто?

— Да тот, кто искушал Христа в пустыне! Не говори непутевые слова. Они не твои. Не огорчай ангела своего. Сам же, когда выпьешь, горькими слезами перед иконами заливаешься. Не вводи ты нас в искушение. А ты, — обратилась она ко мне, — не всякому

слуху верь. У отца это бывает. Жизнь у него тяжелая была, ну и возропщет порою. А сам-то он по-другому думает! Последнее с себя сымет и неимущему отдаст. В словах человека разбираться надо; что от души идет, и что от крови!» [10, 106].

Мать и отца приводит в должное духовное состояние (мы видим, что он живо реагирует на ее слова), при этом не осуждая его, и сына учит духовному рассуждению, указывая на расхождение слов отца с его делами. Из других рассказов нам известно, что родители Васи вместе посещают богослужения и дорожат своей верой. В данном же эпизоде ситуация искушения оказывается преодоленной именно благодаря матери³.

В целом же образ семьи, показанный прозаиком в циклах о детстве, продолжает традицию изображения в русской литературе «благочестивого семейства», «в том его виде, в котором оно мыслилось Достоевским», с такими доминирующими признаками, как «благочестие, основой которого является «сердечная вера» во Христа, добротолубие, красотолубие, теплые, любовные отношения родных и близких, соборность как принцип взаимоотношений с людьми, ощущение причастности своей жизни к мировому всеединству» [11, 539]. Однако заметим, что, поскольку семья Васи в произведениях В. А. Никифорова-Волгина — явление уже «ушедшей» России, то изображение этой семьи семантически передает «мысль о разрушении былых устоев, былого величия и благочестия» [11, 539].

В цикле рассказов «Детство» семейная тема в новом ключе появляется в двух рассказах, действие которых протекает во время Страстной седмицы: «Двенадцать Евангелий» и «Плещаница». Эти два рассказа помещены в самом центре цикла, состоящем из десяти текстов, по счету это пятый и шестой рассказы. Здесь есть образы страдающего Господа и Его Пречистой Матери. Возникают они прежде всего в размышлениях Васи. В сознании ребенка проясняется литургический смысл событий последних дней Страстной седмицы, и помогают ему в этом и плещаница с иконой, и гимнографический текст, в котором Вася выделяет самое главное. В то же время на первый план в представленной здесь картине выступают образы Сына и Матери. Их взаимная любовь, утешение, забота друг о друге свидетельствуют о норме отношений в семье. В сюжете о матери Васи и ее сыне — рассказчике — больше заботы проявляет пока именно мать, но в перспективе сын должен «дорости» до нормы, обозначенной в рассмотренных нами частях цикла.

³ Заметим, что такая значимость роли матери согласуется с фольклорным о ней представлением: «Роль матери в духовном мире человека оценивается даже выше роли отца: рус. «Отцов много, а мать одна», с.-х. <...> «Мать человеку после Бога первая святыня на свете» [8, 203].

Наиболее ярко образ матери вне циклов о детстве дан у В. А. Никифорова-Волгина в рассказе «Мати-пустыня», который помещен в книге «Земля именинница». Образ матери-пустыни, взятый из духовного стиха о царевице Иоасафе, сразу задает духовную глубину сюжета, повествуящему прежде всего о спасении человека для вечной жизни, возвращении его не только на родную землю (в том числе и в родную землю буквально) и к родной матери, но и об уходе человека к Богу. В контексте данного рассказа образ земли, соотносимый с заглавием книги, тоже сопряжен с материнской семантикой: «Амбивалентно ассоциируясь с могилой (местом упокоения) и материнской утробой (локусом зарождения жизни), земля является символом бесконечности жизненного цикла» [12, 632]. Однако на фольклорную символику накладывается здесь более важный для автора христианский пласт культуры, благодаря чему вместо народного представления о «бесконечности жизненного цикла» здесь актуализируется понятие о жизни вечной, связанной для покаявшегося героя с обретением Царствия Небесного. Все это наиболее близко к семантике образа земли у Ф. М. Достоевского, охарактеризованной М. А. Шалиной так: «животворящая связь с родной землей, народно-почвенные идеалы, в центре которых — православная вера и святой образ Христа, материнское начало, сосуществующие на разных ступенях восприятия языческие представления о матери сырой земле и христианская традиция поклонения Приснодеве Марии как «богоносной земле» <...>» [12, 638].

Именно в рассказе «Мати-пустыня» у В. А. Никифорова-Волгина мы находим разнообразие номинаций, относящихся к матери: от церковнославянизма в заглавии до лексем «маменька», «мать», «мамаша» (в устах вернувшегося домой сына это слово звучит ласково: «Вы не беспокойтесь, мамаша, — утешал её сын, стараясь улыбаться, — всё пройдет. Я поправлюсь. Помогать тебе буду...» [4, 148]), а в начале текста мы видим соседство названия Волги, в фольклоре традиционно именуемой «Волгой-матушкой», и словосочетания «родимая матушка»: «Иду помирать на своей земле, — медленно и тяжело думал он. — Косточки сложить поближе к Волге, к родимой матушке, которую не видал лет восемь <...>» [4, 143]. В этом рассказе мать героя предстает как молитвенница («Когда засыпал Завитухин в родной своей избе, то долго сквозь лёгкий сон слышал, как молилась мать перед старенькими образами и как дрожали за окном яблони в белом цвету» [4, 148]), ее первое появление в тексте сопровождается сравнением с монахиней («маленькая старушка, вся в чёрном, как монашенка» [4, 146]). Она же здесь — исполнительница духовных стихов: «<...> как молитву, как причит, тихо пропела ему про прекрасную мати-пустыню и про дубравы Господни, цветами райскими украшенные» [4, 153–154]. Мать сопровождает Се-

мена Завитухина, своего сына, в Николину пустынь для покаяния, где после причастия он и переходит к вечной жизни, затем мать возвращается с сыном обратно, и последнее, что звучит в тексте, — это пение матерью героя духовного стиха. Есть и неявное указание на Божию Матерь в этом рассказе⁴ — в текст повествования вводится название одной из Богородичных икон — «Нечаянная радость»: «Мать тепло и крепко обвила его худую шею и радостно, тихо заплакала, и не могла найти слов, чтобы выразить свою нечаянную радость» [4, 147]. В сюжете рассказа о покаянии умирающего красноармейца Семена есть отголоски истории, связанной с этой иконой: если на иконе изображен «грешник, вымоливший прощение прегрешений у Господа через заступничество Его Матери» [14, 165], то персонаж рассказа В. А. Никифорова-Волгина получает духовное исцеление благодаря усилиям своей матери, так и не названной по имени, что сближает ее с матерью из «детских» циклов прозаика.

Напрямую не названной матерью, кроме того, и в этом рассказе, и в циклах, посвященных детству, является для героев Православная Церковь. Она наставляет в вере и через молитвы и Таинства спасает человека для вечной жизни.

Отметим также и то, что вторая часть фамилии писателя — Волгин (взятый им псевдоним⁵) — отсылает к представлению о большой русской реке, которая, в свою очередь, является «емким ментально-географическим образом, символизирующим мощь и красоту России» [16, 1189]. М. В. Строганов, рассматривая устойчивое выражение «Волга-матушка», которое встречается и в тексте В. А. Никифорова-Волгина (рассказ «Весенний хлеб» [17, 137]), пишет о том, что оно появляется в исторических песнях и преданиях, связанных с казаками, откуда и входит позднее в более широкий народный обиход. Добавим, что, по словам М. В. Строганова, «сыном матушки Волги осознавал себя не любой русский

⁴ Еще одна возможная параллель сопряжена в тексте рассказа с образом цветущей яблони («<...> он стал думать <...> о родных яблонях, одетых в белый снежный цвет» [4, 145], «<...> подошёл к своей старой избе с опрокинутым забором и яблонями в белом цвету» [4, 146], «<...> дрожали за окном яблони в белом цвету» [4, 148], «На цветах яблонь роса» [4, 148]). «Радости источник, красавица пречистая, яблоня во цвету!» [13, 74] — так обращается к Пресвятой Богородице бабушка из «Детства» М. Горького. Поскольку тема детства важна и для В. А. Никифорова-Волгина, то с осторожностью можно сказать о некотором сближении отдельных образов в прозе этих авторов.

⁵ Ю. М. Лотман говорит об «искусственности» этого псевдонима: «<...> большие реки в России никогда не составляли собственности отдельных лиц или семей, и естественное возникновение фамилий от гидронимов было невозможно» [15, 114].

человек, а только тот, кто профессионально был связан с нею, причем всегда — это маргинал <... >» [17, 313]. Само положение В. А. Никифорова-Волгина, оказавшегося за пределами новой, уже советской России, но тоскующего по прежней, православной Руси, может быть осмыслено как маргинальное. Дальнейшая его судьба подтверждает такую оценку. М. В. Строганов говорит о том, что «выражение Волга-матушка следует рассматривать как одну из моделей национальной идентификации» [17, 323], что, несомненно, было актуально для писателя русского зарубежья.

Итак, образ матери в произведениях В. А. Никифорова-Волгина, с одной стороны, представлен как персонаж в сюжетах рассказов писателя, с другой же стороны, он дан как культурный образ, сопряженный с православием (Богородица, Церковь), с фольклором (земля, мати-пустыня), с Россией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестакова Е. Ю. Образ дома как ценностное измерение в художественной картине мира (на материале романа И. С. Шмелева «Лето Господне») / Е. Ю. Шестакова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — Саратов, 2021. — Т. 21. № 1. — С. 75–79.
2. Вальчак Д. Светлое воспоминание детства и потерянной родины: мотив иконы в прозе русских эмигрантов первой волны (на материале романов «Лето Господне» И. С. Шмелева и «Ротонда» И. Д. Сургучева) / Д. Вальчак // Libri magistri. Варшава, 2019. — № 3 (9). — С. 80–92.
3. Летаева Н. В. Парадигма образа матери в прозе В. А. Никифорова-Волгина / Н. В. Летаева // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»). Сборник статей по итогам III Международной научной конференции. — М., 2019. — С. 100–108.
4. Никифоров-Волгин В. А. Земля именинница / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Ставрос, 2004. — 224 с.
5. Лабозина О. В. Роль матери и отца в воспитании в русских крестьянских семьях: гендерный подход / О. В. Лабозина // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.).

Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией В. Н. Скворцова. — СПб., 2013. — С. 31–35.

6. Молитвы и песнопения православного молитвослова. — М.: Донской Монастырь при участии Русского Духовного Центра, 1994. — 368 с.
7. Белова О. В. Земля / О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, А. Л. Топорков // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. (Под ред. Н. И. Толстого). Т. 2. — М., 1999. — С. 315–321.
8. Кабакова Г. И. Мать / Г. И. Кабакова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. (Под ред. Н. И. Толстого). — Т. 3. — М., 2004. — С. 203–208.
9. Осьминина Е. А. Церковнославянизмы в автобиографических циклах В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Русская речь. — М., 2016. — № 2. — С. 26–31.
10. Никифоров-Волгин В. А. Дорожный посох и другие рассказы / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Новое Небо, 2018. — 174 с.
11. Юрьева О. Образ «русского семейства» в творчестве Ф. М. Достоевского и в русской литературе начала XX века / О. Юрьева // Достоевский и XX век. Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — М., 2007. — С. 536–559.
12. Шалина М. А. Земля в идейно-художественной системе Ф. М. Достоевского / М. А. Шалина // Культура и цивилизация. — Ногинск, 2017. — Т. 7. № 2В. — С. 629–641.
13. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. — М.: Московский рабочий, 1968. — 584 с.
14. Климкова А. А. «Нечаянная радость», икона Божией Матери / А. А. Климкова // Православная энциклопедия. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. XLIX. Непеин-Никодим. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2018. — С. 165–169.
15. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя / Ю. М. Лотман. — Л., 1983. — 416 с.
16. Кривошапова Ю. Образ Волги в русской языковой традиции / Ю. Кривошапова // *Questio rossica*. — Екатеринбург, 2018. — Т. 6. № 4. — С. 1188–1201.
17. Строганов М. В. Большая Волга в русском фольклоре / Фольклор Большой Волги: сборник научных статей. Сост. В. Е. Добровольская и др. — М.: Роскультпроект, 2017. — С. 310–329.

Новосибирская православная духовная семинария
Сузрюкова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: sellns@mail.ru

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary
Suzryukova E. L., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Humanitarian Disciplines Department
E-mail: sellns@mail.ru

ИНТЕРНАЦИОнализированный вооруженный конфликт в Йемене как объект информационных войн в арабоязычном медиапространстве

Ба Харон Абдулрахман Хассан, В. В. Хорольский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 октября 2021 г.

Аннотация: *статья призвана дополнить отечественные исследования массовой коммуникации анализом основных механизмов информационных войн в арабоязычном медиапространстве. Рассматривается участие и противостояние арабских и западных СМИ на фоне военно-политических событий в стране. Сделаны выводы а) о том, что йеменский конфликт является одной из ключевых тем в информационной полемике о путях развития арабских СМИ; б) о роли ТВ в информационных войнах на арабоязычной медийной площадке; в) о важности сетевых коммуникаций для развития йеменского медиапространства.*

Ключевые слова: *информационная война, пропаганда, Йемен, хуситы, арабское медиапространство.*

Abstract: *the article aims at supplementing domestic studies of mass communication with the study of the main subjects and mechanisms of information wars in the Arabic-speaking media space. The article deals with the opposition of Arab and Western media in information war with the background of the main military-political events in the country. It is concluded that a) the Yemeni conflict is one of the key topics in the information polemics about the ways of Arabic media evolution; b) that TV plays a decisive role in the Arabic-speaking media sphere, making information wars main agenda issue; c) that Internet is a crucial point in Yemeni mass media progress.*

Keywords: *information war, propaganda, Yemen, Saudi Arabia, Marib, Houthis, Sanaa, Aden, Arab media space.*

Интернационализированный вооруженный конфликт в Йемене является одним из главных объектов информационных войн в современном арабоязычном медиапространстве. Как показали работы Я. Засурского, А. Короченского, В. Хорольского, а также Хассана Абу Талеба, Авада Ахмеда Мохамеда, Саддама Алмашакбега, Кайса Абу Айяша, Аль-Имада Факира Мухамеда и других исследователей [1; 2; 3], арабоязычные СМИ и журналисты всего мира уделяют освещению гражданской войны в Йемене и международной информационной войны (далее — ИВ) вокруг йеменских событий, влияющих на стабильность ближневосточного региона, большое внимание, понимая, что речь идет о важных гранях глобального конфликта Севера и Юга планеты, а не только о противоречиях северного и южного регионов в стране. Фактически конфликт в Йемене стал территорией информационно-пропагандистской схватки медиа заинтересованных противоборствующих сторон, а именно: возглавляемой Саудовской Аравией и поддержанной США коалиции, с одной стороны, и сил, стоящих за хуситами, прежде всего Ирана, с другой.

В данной статье авторы ставят целью определение ядра коммуникативных стратегий основных субъектов информационных войн в регионе. Метод анализа медийных дискурсов — информационно-политологический, с элементами социокультурного рассмотрения ИВ, предполагающий учет близких и дальних политических контекстов. Медийная практика, методы деятельности основных акторов информационного противодействия (а это, кроме йеменского ТВ, некоторые передачи арабских каналов «Аль-Манар», «Аль-Маядин», «Аль-Адуния», «Аль-Арабия» и репортажи западных международных каналов на арабском языке). Деятельность хуситского канала «Аль-Масира» пока только упоминается в контексте ИВ, но влияние идеологии хуситов очевидно. Новизна исследования связана с отражением в науке медийного ракурса новейших политических событий, а также с систематизацией приемов полемики и ИВ в регионе Ближнего Востока с позиций информационно-политологического и социокультурного подходов к медийному тексту (МТ).

Арабоязычные СМИ являются важным сегментом мирового медиапространства, и их роль в нем постоянно повышается, по политическим, экономическим, социокультурным и собственно медийным причинам.

В свою очередь, события арабской весны первой половины 2010-х гг. продемонстрировали возрастающую роль массмедиа в жизни арабского общества. Особенно это касается Интернета и спутниковых каналов. Повышение значимости медиа в арабском мире имеет как положительные, так и негативные аспекты. К первым стоит отнести демократизацию медиапространства и развитие плюрализма мнений. Плюрализм в СМИ Йемена налицо: множество точек зрения обсуждается в газетах, по ТВ Адена, Саны, по телеканалам хуситов, движения антиправительственных племен и сил, поддерживаемых Ираном. Ко второму аспекту драматической ситуации в национальных СМИ надо отнести дестабилизацию обстановки с помощью зарубежных субъектов, хаотизацию политической, социально-экономической и медийной сферы. В конечном итоге на фоне внутренних конфликтов, имеющих политический и религиозный характер, СМИ констатируют возникновение международных вооруженных конфликтов и локально-региональных гибридных (как правило, гражданских, межэтнических) войн. Конфликт племен бакиль и хашед, думается, показателен: давние споры подорвали достигнутое в 1990-е гг. единство, речь снова идет о «разводе», о прекращении существования единого Йемена. Информационное влияние внешних субъектов является доминирующим, поскольку, как неоднократно отмечали исследователи [3, 84–86], медиасистема Йемена не является достаточно развитой, чтобы вести пропаганду на должном уровне. Аль-Имада Факир Мухамед справедливо отмечает, что в современном Йемене «обнадеживающее появление немалого количества новых источников информации соседствует с технической отсталостью в условиях политической неопределенности» [3, 85].

Сегодня арабоязычные спутниковые каналы можно разделить на четыре группы:

- умеренно прозападные (например, «Аль-Джазира»);
- прозападные («Аль-Арабия» в Саудовской Аравии, «Абу-Даби» в ОАЭ);
- патриотически-независимые («Аль-Манар» в Ливане, «Аль-Акса» в Палестине), «Адуния» в Сирии);
- зарубежные иновещательные каналы на арабском языке — BBC Arabic, Sky Arabic, RT Arabic, Deutsche Welle, France 24, CNN на арабском, американский Al-Hurra.

Эти каналы ведут друг с другом информационные войны с помощью внешних агентов. При этом позиции в войнах могут и варьироваться. Например, телеканал «Аль-Джазира» в первые годы своего функционирования был лояльным Вашингтону. Но после того как стал передавать выступления Усамы бен-Ладена и еще продавать видеозаписи его речей другим телестанциям, отношения с США у «Аль-Джазиры» испортились, кульминацией чего стала бомбардировка

штаб-квартиры телеканала в Багдаде американской авиацией в апреле 2003 г. во время Второй иракской войны. А после начала западного вторжения в Ливию, поддержанного «Аль-Джазирой», и проамериканской его позицией в вооруженном конфликте в Сирии, отношения между катарским каналом и Вашингтоном снова стали хорошими.

Это, как ни парадоксально, стало немаловажным фактором провала проекта «Al Jazeera America». Катарский кабельный канал прекратил существование в январе 2016 г., не проработав и трех лет. Причиной стало отсутствие интереса у американской аудитории. Канал был доступен в кабельных сетях 60 миллионов американских домохозяйств, тогда как смотрели его лишь около 30 тысяч человек. И тут, разумеется, примером более успешной модели является американский альтернативный канал RT America, который имеет независимую точку зрения на международные события и предлагает американцам истории об их внутренних проблемах, а иногда дает и адекватные сообщения о международных событиях, что уже положительно оценено обозревателями. Поэтому RT успешно конкурирует с BBC за звание самого популярного канала в Соединенных Штатах.

Показ акций возглавляемой КСА коалиции, которые начались в марте 2015 г. при военно-технической и материальной поддержке США и других западных стран, стал новым витком ИВ. Цель операции состояла в том, чтобы вернуть к власти режим президента Абдараббуха Мансура Хади, поддерживаемый Эр-Риядом и Вашингтоном, и подавить хуситское движение «Ансар Аллах», фактически взявшее власть в стране после захвата Саны в сентябре 2014 г. и создания Революционного совета во главе с Мухаммедом Али аль-Хуси, а также силы, верные бывшему президенту Али Абдалле Салеху.

Военные операции саудитов и их союзников были официально осуждены мировой общественностью. В феврале 2021 г. президент США Байден заявил, что США прекращают поддерживать антихуситскую коалицию во главе с КСА, однако Великобритания, Франция и Канада этого не сделали. Йеменские журналисты сообщали, что саудовская военная операция привела к усилению в Йемене местных отделений «Аль-Каеды» и Исламского государства. Террористические организации, согласно СМИ Йемена, получают оружие от Эр-Рияда, нередко их боевые отряды воюют бок о бок с солдатами саудовской коалиции против правительственных войск. Попытки Саудовской Аравии выйти из этой войны путем переговоров с хуситами при посредничестве Омана к успеху пока не приводят, поскольку «Ансар Аллах» и его сторонники требуют только для начала любого перемирия деблокировку аэропорта в Сане и порта в Ходейде. А для всеобъемлющего мирного соглашения и полного вывода войска КСА с территории страны важен вопрос о выплате компенсаций за ущерб от ин-

тервенции. Чтобы сделать свои требования более убедительными, за последний месяц 2020 г. правительственные войска провели ряд успешных военных операций, захватив ключевой район провинции Мариб, т.е. Хариб. Важно, что провинция Мариб является одной из самых богатых газом в Йемене. Успехи саудитов в ИВ оказались пирровой победой.

Саудовский канал «Аль-Арабия», разумеется, поддерживающий антихуситскую операцию, в последние месяцы 2021 г. на фоне серьезных военных успехов хуситов постоянно сообщает об их тяжелых военных потерях, а также о больших жертвах среди мирного населения. Например, это мы можем прочитать в сообщении Битва за йеменский Мариб — 160 хуситов убиты: коалиция от 27.09.2021 «[4]. Хуситов называют боевиками, экстремистами, террористами, что несколько отличается от терминов, применяемых западными СМИ в отношении войск Саны: «повстанцы», «военизированные формирования». При этом аденские силы Хади называются «законным правительством», а его силы — «армией Йемена», что лишь отчасти совпадает с реалиями гражданской войны.

Если говорить о последних трех-четырёх годах, то хуситы добились значительных успехов в районах провинций Шабва и Аль-Бейда, а в середине октября 2020 г. установили полный контроль над районом Аль-Абдия в Марибе. Район находился под осадой хуситов около месяца. Все это позволило им объявить о том, что начало крупной операции по освобождению Мариба уже близко. Но удержать свои позиции хуситы не смогли. Так, в апреле 2015 г. посол Саудовской Аравии в США Адель аль-Джубейр отрицал заявления хуситов, что коалиция бомбила мирные цели, включая лагерь беженцев и молочный завод. По его словам, молочный завод разбомбили сами хуситы, чтобы создать симпатию к себе и враждебность к силам коалиции.

Выделим *ядро коммуникативных стратегий* основных субъектов освещения йеменского вооруженного конфликта противоборствующими сторонами. Ливанский шиитский канал «Аль-Манар», связанный с «Хезболлой», действует в фарватере своих союзников из иранских СМИ и называет войска хуситов и поддерживающих их народных комитетов «правительственными», Абдараббуха Мансура Хади, которого они прогнали из Саны в Аден, — «бывшим президентом», его войска «хадистами», поддерживаемых саудитами. Часто войска хуситов называют «йеменскими», «армией Йемена», а противостоящие им силы — «саудовскими». В сообщениях «Аль-Манар», «Аль-Адуния», «Оман ТВ» постоянно упоминается о жертвах и ущербе, которые принесла операция саудитов и их сторонников. Регулярно фигурирует цифра в 250 тысяч погибших, сообщается об экономическом уроне, описываются страдания беженцев (см., например, [5]). В информационной войне в Йемене активно участвует телеканал хуситов «Аль-Масира», который регулярно сообщает об успехах

сторонников Аль-Хути, нередко с преувеличениями. Например, 13 мая 2021 г. канал констатировал: «Йеменские артиллерия и ВВС провели крупную совместную операцию с использованием семи баллистических ракет «Бадр» и «Саир» и пяти дронов Qasef-2k по объектам саудовской нефтяной компании Aramco и аэропорту Наджрана. Ракеты и беспилотники поразили обозначенные цели с высокой точностью и эффективностью» [6].

В сообщении от 15 апреля 2021 г. говорится, что был нанесен очередной удар по крупнейшему нефтяному объекту компании Aramco в Саудовской Аравии — нефтеперерабатывающему заводу в районе Джизана. Он был атакован одиннадцатью тактическими баллистическими ракетами типа «Бадр» и «Саир» и семнадцатью беспилотниками Qasef-2k. В те же дни 10 беспилотников Samad-3 атаковали нефтеперерабатывающие объекты в Джедде и Эль-Джубайле. Так, 10 июня 2021 г. ливанский телеканал «Аль-Маядин» сообщил о двух крупных взрывах на саудовской военной базе Умм-Риш к югу от Мариба. По словам ливанского канала, армия Йемена и народные комитеты успешно обстреляли базу баллистическими ракетами и атаковали ее беспилотниками: «Просаудовским войскам нанесен крупный ущерб» (<https://english.almanar.com.lb/13580187>). Это подтверждают и силовые действия союзников Саудовской Аравии в медиасфере. В апреле 2016 года египетский спутниковый оператор Nilesat вывел из своего пакета канал ливанский телеканал «Аль-Манар». В декабре прошлого года так же с «Аль-Манар» поступил и Arabsat — панарабский спутниковый оператор, базирующийся в Саудовской Аравии. А еще месяцем ранее Arabsat прекратил показывать и «Аль-Маядин» — за поддержку *Йемена* в противостоянии саудовской агрессии. Этот тренд в информационной войне на Ближнем Востоке тоже указывает на Запад, поскольку давно известно, что исключение каналов из спутниковых и кабельных пакетов — это средство борьбы с оппонентами в США и ЕС.

Таким образом, вооруженный конфликт в Йемене является одной из ключевых тем в информационном противоборстве в арабоязычном медиапространстве, которая сталкивает ведущие региональные и мировые державы на арене ИВ. Изучение йеменской медиавойны позволяет зафиксировать более широкие закономерности и определить тех, кто стоит за прохуситской и антихуситской пропагандой. Прежде всего, как показывает выборочный просмотр названных выше телеканалов, ИВ стала международным событием, журналисты, как и в событиях вокруг Ирака, Сирии, Афганистана, снова стали участниками конфликтов, стали ангажированными пропагандистами. Йеменские СМИ не играют ключевой роли в этой ИВ.

Среди активных участников медийного конфликта стоит выделить также китайское информационное агентство «Синьхуа», международный китайский

канал CGTN и вьетнамское агентство «Соха», которые в целом поддерживают сторону хуситов, но не идут так далеко, как иранские и ливанские шиитские каналы, например не называют войска «Ансар Аллах» «правительственными». Дальнейшие исследования должны быть направлены на концептуализацию полученных результатов в данной сфере и имеют серьезные научные перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу Талеб Хасан Хуссейн Али. Социокультурные особенности развития масс-медиа Йемена: проблема влияния глобализации на СМИ Ближнего Востока в 2000-х гг.: дис. ... канд. филол. наук / Абу Талеб Хасан Хуссейн Али. — Воронеж, 2010. — 162 с.

2. Алмашакбех Саддам Сулейман Салман. Освещение вооруженного конфликта в Сирии арабоязычными спутниковыми каналами (на примере «Аль-Джазира» и RT):

дис. ... канд. филол. наук / Алмашакбех Саддам Сулейман Салман. — Воронеж, 2020. — 185 с.

3. Аль-Имад Факир Мухамед. Особенности истории развития йеменских СМИ / Аль-Имад Факир Мухамед // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. — № 3. — 2021. — С. 84–86.

4. Battle for Yemen's Marib sees 160 Houthis killed: Coalition. — Режим доступа: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2021/10/16/Battle-for-Yemen-s-Marib-sees-160-Houthis-killed-Coalition> (дата обращения: 28.09.2021).

5. Omani Delegation Arrives in Sanaa to Discuss Ceasefire with Yemen's Supreme Political Council. — Режим доступа: <https://english.almanar.com.lb/1358018> (дата обращения: 06.05.2021).

6. Faker Mohammed Al-Emad Major Trends of Media Development in Yemen // GSJ: Volume 8, Issue 10, October 2020. — P. 1021. — Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/344751146> (дата обращения: 06.10.2021).

Воронежский государственный университет

Ба Харон Абдулрахман Хассан, аспирант кафедры журналистики и литературы

E-mail: romahssna@gmail.com

Хорольский В. В., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературы

E-mail khorolbox@mail.ru

Voronezh State University

Ba Haron Abdulrahman Hassan, Postgraduate Student of the Journalism and Literature Department

E-mail: romahssna@gmail.com

Khorolsky V. V., Doctor of Philology, Professor of the Journalism and Literature Department

E-mail khorolbox@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИАПРОЕКТОВ О КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ COLTA.RU)

С. А. Базикиян

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Поступила в редакцию 28 июня 2021 г.

Аннотация: в статье анализируется портал о культуре Colta.ru, рассматривается специфика выстраивания коммуникации медиапроекта с читателями, выявляется его культуртрежерская концепция (стратегии и тактики популяризации культурной проблематики, вовлечения аудитории в российское культурное пространство).

Ключевые слова: культуртрежерство, медиа о культуре, просвещение, идентичность.

Abstract: the article analyzes the portal about culture «Colta.ru», the article considers the specifics of building communication of a media project with readers, reveals its kulturtrager concept (strategies and tactics for popularizing cultural issues, involving the audience in the Russian cultural space).

Keywords: kulturtragerstvo, media about culture, education, identity.

Сегодня достаточно широк выбор медиаплощадок о культуре: в каждом крупном общественно-политическом издании есть рубрика, посвященная культурной тематике, кроме того, функционирует целый ряд специализированных СМИ о культуре (периодические издания «Москва», Диалог культуры», «Бинокль», Colta.ru, «Русская земля», телеканал «Культура», интернет-порталы «Культура России» (<http://www.russianculture.ru/>), «Интервью» (<https://interviewrussia.ru/>) и др.). Полагаем, что специализированные издания, а также рубрики в массовых СМИ, посвященные культуре, должны выполнять в первую очередь просветительскую функцию, а не ограничиваться банальным информированием аудитории о прошедших или намечающихся событиях. Поэт Виталий Кальпиди, который ввел в обиход понятие культуртрежерства, определяет его как «длительный процесс, вне длительности теряющий свой смысл. Журналы, студии, фестивали, разовые акции важны здесь не сами по себе, но как ступени к достижению поставленной цели, как составляющие длительного, протяженного во времени процесса формирования культурной среды, приращение ее культурного слоя» [1]. Культуртрежерство — это процесс, имеющий определенную стратегию и тактики его реализации, а не хаотичное, бессистемное информирование о происходящих в культуре процессах. В ряду достаточно однотипных изданий Colta.ru оказывается одной из немногих площадок, которая выполняет культуртрежерскую функцию в полной мере: помимо освещения и анализа событий, проблем, тенденций, перспектив, «Кольта» организует собственные мероприятия, направ-

ленные на популяризацию культуры среди широкой общественности (фестивали, мастер-классы, школы).

В данной статье предпринята попытка коммуникативного анализа издания, который представляется наиболее показательным при исследовании медиа как ведущего канала коммуникации. За основу взята классическая схема коммуникационного процесса Г. Лассуэла [2, 155]. Эмпирической базой исследования послужили материалы сайта Colta.ru за период с декабря 2020 г. по май 2021 г.

Подразумеваемая под **отправителем** сообщения в Colta.ru авторов материалов, нужно отметить, что большинство из них — профессионалы, являющиеся экспертами в той или иной сфере культуры: медиааналитики, архитектурные критики, научные сотрудники РАН, педагоги, историки искусства, женского и феминистского движения в России и т.д., которые ведут авторские колонки в издании — на этом основывается авторитетность издания, но есть рубрики, в которых авторами являются журналисты — они специализируются на рецензиях и интервью с экспертами.

При анализе второго элемента коммуникативного процесса — **сообщения** — необходимо рассмотреть жанрово-тематическую специфику издания. Если придерживаться традиционной классификации журналистских жанров, согласно которой все тексты печатной журналистики можно разделить на информационные, аналитические и художественно-публицистические [3], то в Colta.ru присутствуют жанры всех групп, но преобладают аналитические жанры — аналитические интервью (35%) и рецензии (30%). Художественно-публицистические жанры также достаточно популярны в издании: эссе, портретные и исторические очерки (25%). Исследовате-

ли журналистики и медиа выделяют в электронных СМИ новые жанры, например, А. Колесниченко вводит такой жанр, как фиче — «жанр эмоциональной публицистики, не претендующий на объективный рассказ о событии, но позволяющий читателю это событие пережить. Фиче отвечает на вопрос: “Какое было участникам события в тот момент, когда оно происходило?”» [4]. В анализируемом нами издании жанр фиче достаточно популярен (10%) — для подобных текстов здесь характерна ярко выраженная оценочность: эксперт не анализирует, а описывает трендовые, злободневные события посредством обращения к примерам из жизни, передачи своих ощущений, впечатлений.

В издании представлен широкий спектр тем: классическая и современная музыка, литература, театр, медиа, кино и отдельно от него видеоарт. В рубрике «Кино» преобладают рецензии, но можно увидеть интернет-премьеры видео- и кинофильмов советского и перестроечного времен с комментариями — с авторскими историями создания этих произведений. Наряду с привычными для подобных изданий рецензиями и интервью с режиссерами в рубрике «Кино» присутствуют мнения зрителей об анализируемых в рубрике кинопроизведениях, подобный подход является новаторским, но достаточно однобоким, так как мнения высказывают не рядовые зрители, а опять же эксперты (историк и редактор Shalamov.ru Сергей Соловьев рассказывает о впечатлениях от фильма «Сентенции», например).

В рубрике «Искусство» материалы посвящены прежде всего художественному творчеству, архитектуре, фотографии: представляют интерес материалы, где арт-сообщество так или иначе выражает активную позицию по острым вопросам: здесь опубликовано открытое письмо международного художественного сообщества с требованием освободить из под ареста художницу Надежду Саяпину, обращение в генпрокуратуру РФ директора музея Амстердама *Stedelijk* относительно обвинения Юлии Цветковой в порнографии, комментарии к законопроектам арт-активистов (например, в материале «Как экскурсии в России превратились в язык городских сообществ» Айрат Багаутдинов комментирует законопроект об обязательной аттестации экскурсоводов) [5]. Предусмотрена обратная связь: читатели также могут выразить свою активную гражданскую позицию, поставив подпись в открытом письме. Лейтмотивом рубрики оказывается тема нехватки уважения к художнику, застой российской арт-инфраструктуры — имитация художественных процессов.

Издание пронизывает тема поиска идентичности — проблемы самоопределения затрагиваются героями многих материалов: Много думала о своей идентичности — задавалась вопросами вроде «Что значит принадлежать к семье или общине, ассоциировать себя с каким-то конкретным местом?.. най-

ти и принять себя» [6]; Художников начинает интересовать поиск идентичности там, где она стерта, мифологизация пустоты и желание нового — несмотря на страх своего голоса [7].

В издании используется стратегия диалогизации — интимизации коммуникации с аудиторией. Стратегия реализуется с помощью таких тактик, как: использование местоимений *мы*, *вы*: *Вот силлогизм, который вы в той или иной форме наверняка уже где-то встречали; Вам нужна Кольта. Кольте нужна ваша помощь, побудительные предложения: «помоги сайту»; обращение как к единомышленникам: Друзья, Кольта почти восемь лет рассказывает о самом новом и главном в культуре и обществе...* [8].

Colta.ru — одно из немногочисленных изданий, где представлены рубрики, охватывающие практически все сферы культуры: кино, искусство, музыка (современная и академическая отдельно), литература, театр, медиа, наука. Более того, издание не ограничивается сугубо культурной тематикой, есть здесь и проблематика, связанная с политикой — подобные материалы крайне экспрессивны: используются слова с негативной оценочной семантикой — «отдает безумием», «одержимость», «для борьбы с реально смердящим драконом совка необходимо было тотальное обнуление программы...», «не помня ничего из вонючего и затхлого мира застоя...», «здесь затрепещет даже сердце-камень вроде того, что бьется в груди Путина...», «когда катастрофа расхерачит этот академичный порядок...», и даже жаргонизмы («у ментов в этот раз почему-то не было заготовленного джингла...»). Кроме того, подобный контент зачастую содержит скандальные информационные поводы, что вдвойне привлекает внимание публики, например в материале «Имперские яйца» анализируется конфликт, связанный с Фаберже и Эрмитажем [9].

Злободневной оказывается и проблематика, посвященная диалогу культур, межкультурной коммуникации — один из циклов «Кольты» посвящен теме взаимодействия двух народностей: цыган и шведов. Писательница, журналистка Лилит Мазикина популяризирует цыганскую культуру и историю посредством рецензирования одной из книг писательницы Катарини Тайкон, главной героиней которой стала цыганская девочка Катици, «самый знаковый персонаж шведской детской литературы», по мысли Мазикиной. Журналистка проблематизирует рецензию на книгу, вводя ее в канву общей социальной ситуации, которая сложилась вокруг этого национально-меньшинства в Швеции и сравнивая жизнь цыган в России и в целом в Европе, как в ретроспективе, так и в современности, развенчивая стереотипы и мифы о них. Мазикина приходит к нетривиальному выводу о том, что в цивилизованной Европе уровень жизни современных цыган «зачастую низок, возможности пользоваться достижениями цивилизации невелики», не в пример России, где они никогда не сталкивались

с дискриминацией — на уровне законодательства, общественных институтов; почти никогда — на уровне государственной политики» [10].

Жанры в «Кольте» также отличаются большим разнообразием: аналитика превалирует над информационными материалами, один жанр перетекает в другой, например репортажи перетекают в рецензии (материалы об экспозиционном дизайне в рубрике «Искусство»), а рецензия — в научно-популярный очерк (про цыган). Смещение форматов в одном тексте позволяет рассмотреть явление, событие, проблему с разных сторон. Но в целом в издании прослеживается в высокой степени оценочность, субъективность авторов, и соответственно — малая аргументированность доводов. Например, Анастасия Каркоцкая в материале «Чернобыль: кинематограф Гейгера» абсолютно голословно утверждает, что «именно авария на Чернобыльской АЭС стала поворотной точкой как во внутренней, так и во внешней политике М. С. Горбачева...», не приводя весомых аргументов [11]. А Анастасия Семенович заявляет, что Петербург стал «столицей второй свежести» [12], обвиняя его в снобизме и нищетолюбии лишь на основе собственных ощущений. В целом, для Colta.ru характерен акцент на авторские переживания, ощущения, поэтому даже в таких отстраненных жанрах, как новость, зачастую автор пишет от первого лица.

В культуре традиции соседствуют с инновациями, «Кольта» презентует подобную тенденцию в полной мере: ряд материалов здесь посвящены новым трендам к классике — онлайн-концерты, contemporary art, синтез творчества с цифровыми технологиями, синтез различных искусств: живопись и керамика, VR-художники, мультимедийные выставки — эти новые формы донесения традиционного содержания представлены в «Кольте» как продуктивные способы коммуникации с аудиторией — с молодежью прежде всего. Тема коммуникации, диалога очень популярна в издании: проблеме взаимопонимания посвящен «старейший» раздел Кольты (запущен с 2017 г.) под символическим названием «Мосты» — «медийное зеркало всего проекта, пространство диалога между Россией и Европой по самым острым вопросам современности»: здесь затрагиваются проблемы экологии, обсуждается гендерная политика.

Интересна форма подачи контента в «Кольте»: текст здесь превалирует над визуальной составляющей — большинство материалов подано в форме лонгридов, но в издании используются и новые форматы, например в рубрике «Искусство» есть подборка «экспериментальных» подкастов, где могут выступать не только опытные эксперты, но и начинающие журналисты и арт-активисты.

Каналом передачи месседжа, популяризации культуры среди общественности являются не только публикации в «Кольте». Издание коммуницирует с читателями и посредством организации образова-

тельно-просветительских ивентов, затрагивающих широкий круг направлений культуры. Это тренинги (бесплатные), школы (школа гражданской журналистики, образовательный интенсив: как читать медиа), фестивали, мастер-классы.

Получатель/эффект. В целом Colta.ru — издание не для всех: тематика и лексика достаточно сложны для восприятия широкой аудитории, например в рубрике «Искусство» используются специализированные термины, которые без расшифровки будут понятны лишь профессионалам (transarea studies, интермедийное биоинтервью, трансгрессивные танцевальные перформансы и т.д.). Но тем не менее, с целью привлечения к контенту СМИ обывателя, здесь встречаются публикации про звезд отечественного шоу-бизнеса, но даже подобная тематика подана здесь в «серьезном», просветительском, глобальном контексте, например в интервью арт-критика Валерия Леденева читатель узнает о малоизвестном широкой общественности увлечении телеведущего Андрея Малахова культурными проектами, многие из которых он сам инициирует и поддерживает (открытие центра современного искусства, в котором представлена в том числе и собственная художественная коллекция Малахова) [13].

О вкусовых пристрастиях читателей свидетельствует их отклик на тематическое разнообразие «Кольты»: самыми читаемыми (около 12000 просмотров) оказались материалы, посвященные трудам культурологов и философов («Наша цель — следствия: практический Маклюэн», «Стать знаком. Анна Ямпольская о Целане в зеркале философии Левинаса»), а также рассуждения современных рэперов, панк-групп о политике и культуре.

Диалог с аудиторией выстраивается за счет трендовой сегодня интерактивности — в игровом формате: в издании для читателей есть специальная подборка тестов на культурную тематику: аудитории предлагается проверить, например, разбирается ли она в искусстве XX в. или вспомнить факты из биографии известного музыканта. Выстроить диалог призваны и редакционные онлайн-подборки (в конце каждого года) комиксов, эссе, плейлистов, стихов, кинофильмов, но критерием подборки оказывается исключительно предпочтение ее авторов, а не читателей, поэтому возникает вопрос в ее актуальности для целевой аудитории.

Итак, издание Colta.ru выгодно отличается от изданий с похожей проблематикой: здесь представлен широкий спектр тем культурной повестки — от классической музыки до интерпретации открытий в нейробиологии и физике. «Кольта» не ограничивается популяризацией культуры в медиaprостранстве посредством публикации разножанровых материалов на своем портале, но организывает собственные арт-перформансы, образовательные мероприятия, доступные для широкой общественности (многие

из них абсолютно бесплатны). Но как и многие современные «независимые» СМИ, Colta.ru страдает излишней эмоциональностью, предвзятостью: нередко утверждения здесь неverified (особенно у авторов-неэкспертов) и однобоки (государственные СМИ, например, в общем культурном контексте демонизируются, а независимые утрированно идеализируются), что снижает авторитетность издания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркова М. В. Культуртрегерский проект В. Кальпиди в Челябинске. Портал Марины Волковой / М. В. Маркова. — Режим доступа: <https://mv74.ru/gul/kulturtregerskiy-proekt-v-kalpidi.html> (дата обращения: 01.05.2021).
2. Боров В. Ю. Культура и массовая коммуникация / В. Ю. Боров, А. В. Коваленко. — М.: Наука, 1986. — 301 с.
3. Тertychnyy A. A. Жанры периодической печати / А. А. Тertychnyy. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 310 с.
4. Колесниченко А. В. Прикладная журналистика / А. В. Колесниченко. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. — Режим доступа: <http://dedovkgu.narod.ru/bib/kolesnichenko.htm> (дата обращения: 05.06.2021).
5. Багаутдинов А. Как экскурсии в России превратились в язык городских сообществ / А. Багаутдинов // Colta.ru. — Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/art/24859-ayrat-bagautdinov-zakonoproekt-attestatsiya-ekskursovodov> (дата обращения: 10.05.2021).
6. Серебрякова Н. «Насилие начинается с воспитания» / Н. Серебрякова // Colta.ru. — Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/cinema/26524-natalya-serebryakova-intervyu-dea-kulumbegashvili-film-nachalo> (дата обращения: 10.06.2021).
7. Косякова В. Мильный колосс, гендерная клетка и ностальгия по большим нарративам / В. Косякова // Colta.ru. — Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/art/26988-valeriya-kosyakova-hudozhniki-millenyaly> (дата обращения: 15.06.2021).
8. Помоги Кольте // Colta.ru. — Режим доступа: <https://www.colta.ru/donate> (дата обращения: 25.06.2021).
9. Семенович А. Имперские яйца / А. Семенович // Colta.ru. — Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/art/26862-anastasiya-semenovich-faberzhe-ermitazh-konflikt> (дата обращения: 10.05.2021).
10. Мазикина Л. Цыган везде цыган, но закон для него одинаков не везде / Л. Мазикина // Colta.ru. — Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/specials/27261-vystavka-stranstviya-katitsi-po-shvetsii-lilit-mazikina-kniga-o-katitsi-russkiy-perevod-shvedskie-i-russkie-tsygane> (дата обращения: 25.06.2021).
11. Каркоцкая А. Чернобыль: кинематограф Гейгера / А. Каркоцкая // Colta.ru. — Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/cinema/27190-anastasiya-karakotskaya-chernobyl-kinematograf-raspad-sssr> (дата обращения: 10.05.2021).
12. Семенович А. «Нищобродство и снобизм» / А. Семенович // Colta.ru. — Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/art/26496-anastasiya-semenovich-peterburg-stolitsa-vtoroy-svezhesti> (дата обращения: 14.06.2021).
13. Леденев В. Ольга Широкоступ: «ЦСИ в Апатитах станет второй публичной коллекцией современного зарубежного искусства в стране» / В. Леденев // Colta.ru. — Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/art/26886-valeriy-ledenyov-intervyu-olga-shirokostup-tssisyanie-sobranie-andrey-malahov-apatity> (дата обращения: 12.05.2021).

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Базикян С. А., доцент кафедры журналистики
E-mail: Stanislava83@yandex.ru

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Bazikyan S. A., Associate Professor of the Journalism
Department
E-mail: Stanislava83@yandex.ru

ИНТЕРВЬЮ В СИСТЕМЕ ЖАНРОВ СМИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: ТВОРЧЕСКО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ

Р. П. Баканов, Л. Р. Сабирова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию 5 августа 2021 г.

Аннотация: авторы статьи изучили более 4100 выполненных в жанре интервью публикаций в двадцати печатных и online-изданиях Республики Татарстан на русском и татарском языках. Периоды выполнения исследования: 1999–2001 гг. и 2019 — середина 2021 гг. Применены методы сплошного мониторинга газет и журналов, а также сюжетно-композиционного, лексико-стилистического и сравнительно-сопоставительного анализа эмпирической базы исследования, авторы статьи, во-первых, выявили значительное увеличение численности интервью в «повестке дня» СМИ как в начале XXI в., так и в настоящее время.

Ключевые слова: Республика Татарстан, интервью, жанр, медиатекст, респондент, герой, мнение, диалог, вопрос.

Abstract: the authors of the article investigated more than 4100 articles made in the genre of interviews in twenty printed and online publications of the Republic of Tatarstan in Russian and Tatar languages. Study completion periods: 1999–2001 and 2019 — mid-2021. Using the methods of continuous monitoring of newspapers and magazines, as well as plot-compositional, lexical-stylistic and comparative analysis of the empirical base of the study, the authors of the article, firstly, revealed a significant increase in the number of interviews in the “agenda” of the media both at the beginning of the XXI century and at the present time.

Keywords: Republic of Tatarstan, interview, genre, media text, respondent, hero, opinion, dialogue, question.

Темп современной жизни настолько динамичен, что вряд ли многие из нас в настоящее время смогут обойтись без объяснений или комментариев тех или иных фактов, явлений, ситуаций, процессов. Без этого наверняка невозможен процесс дальнейшей социализации индивида. В условиях увеличения скорости информационного потока, трансформации межличностных отношений, девальвации печатного и произнесенного в эфире слова, трансформации интереса и усиления внимания аудитории к новым (возможно, более удачливым и известным), по сравнению с окончанием предыдущего десятилетия, персонам и другим характеристикам функционирования журналистики и медийных коммуникаций XXI в. авторам данной статьи представляется, что интервью как метод получения информации и форма ее представления аудитории за два десятилетия нового века могли претерпеть изменения. В чем они заключаются и насколько теперь заметна разница между классической формой и форматом организации и проведения интервью и его современным состоянием, и есть один из наших исследовательских вопросов.

Авторы статьи постарались комплексно изучить объект исследования, потому выявили творческо-профессиональные деформации в интервью как в методе сбора информации, так и в его жанровых ха-

рактеристиках по сравнению с окончанием 1990-х — началом 2000 гг.

Целью данной статьи является выявление и изучение фактов творческо-профессиональной деформации интервью в системе жанров СМИ Республики Татарстан (далее РТ).

Объектом исследования стали печатные издания, их интернет-сайты, а также online-медиа РТ, предметом исследования — творческо-профессиональная деформация интервью в системе жанров СМИ РТ.

Хронологический период исследования состоит из двух частей. Первая продолжается с 1 января 1999 г. по 1 января 2002 г. Это время преобладания печатных СМИ. Вторая часть — период с 1 января 2019 г. по 1 июля 2021 гг. — представляет собой время жесткой конкуренции между традиционными печатными и мультимедийными изданиями (так называемыми новыми медиа). Тиражи печатных СМИ продолжают сокращаться (по крайней мере, в РТ) [1], online-издания ранее приобрели себе устойчивую целевую аудиторию, но в период пандемии COVID-19 многим из них не удалось сохранить ее в полном объеме, вследствие чего коллективы редакций решились на различные административные и творческие эксперименты. Им непросто бороться за привлечение и удержание внимания аудитории, тем более что статистика показывает: многие татарстанские телеграм-каналы постепенно увеличивают

численность своих подписчиков [2], часто используя заимствованные у традиционных СМИ методы сбора сведений, а также приемы подачи информации и удержания внимания аудитории. Несмотря на то, что некоторые медийные эксперты (А. А. Амзин, А. А. Градюшко, М. Н. Корнев, А. А. Мирошниченко) прогнозируют дальнейшее сокращение тиражей периодической печати, в регионах со стороны власти предпринимается ряд мер по поддержке редакций газет и журналов.

В сложившихся условиях существенные изменения претерпевает и система журналистских жанров. Какие-то из них оказались полностью вытесненными с печатных страниц и из эфира, другие, наоборот, чаще используются в СМИ и так называемых авторских медиа. На наш взгляд, это можно сказать и о жанре интервью, которое широко представлено в том числе и в online-медиа. В данной статье мы постарались выявить, какие трансформации произошли с данным жанром в РТ — одном из самых медийно насыщенных регионов страны — в первые двадцать лет XXI в.

Мы разделили эмпирическую базу на две группы в соответствии с хронологическим периодом исследования. В выборку попали почти все наиболее цитируемые по данному критерию «Медиалогия» в 2020 г. СМИ. В первую группу (с 01.01.1999 по 01.01.2002) вошли следующие издания: государственные печатные СМИ: газеты «Республика Татарстан» (на русском языке) и «Ватаным Татарстан» (на татарском языке), журнал «Татарстан» (на русском и татарском языках); муниципальные издания г. Казани: «Казанские ведомости» (на русском языке) и «Шәһри Казан» (на татарском языке); негосударственная городская газета: «Вечерняя Казань» (на русском языке); тематические республиканские издания: газета «Молодежь Татарстана» (на русском языке), газета «Татарстан яшьләре» (на татарском языке), газета «Мәдәни җәмга» (на татарском языке), журнал «Казань» (на русском языке) и журнал «Ялкын» (на татарском языке); республиканское литературно-художественное издание: журнал «Сөембикә» (на татарском языке); районные издания: «Челнинские известия» (на русском языке) и «Нократ» (на татарском языке).

Во вторую группу (с 01.01.2019 по 01.07.2021) были включены следующие печатные СМИ и их сайты: государственное информационное агентство: «Татар-информ» (на русском и татарском языках); государственные печатные СМИ: газеты «Республика Татарстан» (на русском языке) и «Ватаным Татарстан» (на татарском языке), журнал «Татарстан» (на двух языках); муниципальные издания г. Казани: «Казанские ведомости» (на русском языке) и «Шәһри Казан» (на татарском языке); негосударственные online-издания: KazanFirst и InKazan (на русском языке); тематические республиканские

издания: газета «Мәдәни җәмга» (на татарском языке), газета «Татарстан яшьләре» (на татарском языке), журнал «Казань» (на русском языке) и журнал «Ялкын» (на татарском языке); негосударственное городское online-издание: «Вечерняя Казань» (на русском языке); деловая электронная республиканская газета: «БИЗНЕС Online» (на русском языке), «Интертат.ру» (на татарском языке); республиканское литературно-художественное издание: журнал «Сөембикә» (на татарском языке); районные издания: «Маяк» (г. Азнакаево) (на русском и татарском языках) и «Челнинские известия» (на русском языке). Выбор данных изданий обусловлен тем, что, во-первых, газета «Маяк», по данным УФПС «Татарстан почтасы», являлась лидером в регионе по показателям подписной кампании на первое полугодие 2019 г. [3]; во-вторых, газета «Челнинские известия», по данным компании «Медиалогия», на протяжении 2019–2021 гг. неизменно входит в ТОП-10 наиболее цитируемых СМИ [4].

Таким образом, всего за два этапа хронологического периода исследования авторы статьи изучили 4114 публикаций, выполненных в жанре интервью (разных его видов и подвидов).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые с 2011 г. [5] предпринята попытка системно-комплексного изучения интервью как жанра журналистики и метода сбора информации для подготовки различных журналистских публикаций, выявлены определенные трансформации как в характеристиках данного жанра, так и в форме подачи таких публикаций со стороны редакций СМИ аудитории в региональной журналистике.

Выполняя исследование, мы применяли следующие *методы*: *сплошной мониторинг* эмпирической базы исследования с целью выявления в каждом из СМИ медиатекстов, созданных в жанре интервью; *сюжетно-композиционный анализ* публикаций, выполненных в жанре интервью, с помощью которого мы выявили изменения в жанровых характеристиках интервью, в работе журналиста при подготовке к разговору и/или во время его проведения, а также при подаче медиатекстов аудитории; *лексико-стилистический анализ* публикаций, позволивший нам выявить изменения как в формировании и представлении аудитории так называемого лексико-стилистического и содержательного портрета героев интервью, так и его авторов; *сравнительно-сопоставительный анализ* публикаций в жанре интервью, с помощью которого установили: во-первых, в каких из изученных нами СМИ авторы делали интересные, «живые» интервью, а где подходили к своим обязанностям формально; во-вторых, в чем отличия (и есть ли они) в подаче интервью в зависимости от характеристик того или иного СМИ.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут помочь как на-

чинающим, так и профессиональным российским журналистам в корректировке и практическом использовании современных методик, творческо-коммуникативных стратегий и приемов подготовки публикаций в жанре интервью, которые позволяют таким медиатекстам оперативно стать востребованными среди аудитории и тем самым повысить индекс цитирования авторам и СМИ в региональном и общероссийском медийном пространстве и, возможно, в связи с этим обратить на себя внимание большего числа рекламодателей разного уровня и получить от них определенный бюджет для дальнейшего творческого саморазвития.

В выборку не были включены созданные в форме монолога медиатексты, содержащие авторские комментарии событий или явлений или краткие мнения разных персон по какому-либо информационному поводу.

Проведенный авторами статьи мониторинг эмпирической базы показал, что внимание к жанру интервью в СМИ РТ постепенно увеличивается. За двадцать лет нового века численность созданных в данном жанре публикаций увеличилась как минимум в два раза во всех печатных и online-изданиях, в некоторых — значительно (в журнале «Ялкын» — в 34,4 раза (!), в газете «Челнинские известия» — в 8,3, журнале «Казань» — в 7,5 раза). Героями медиатекстов стали политические лидеры и депутаты (многие из них по нескольку раз), руководители промышленных предприятий региона, деятели искусства и науки, работники сферы образования, государственные служащие верхнего и среднего звена. В государственных СМИ предпочтение отдавалось госслужащим и руководителям крупных бюджетобразующих предприятий, в негосударственных медиа слово предоставлялось скорее другим категориям граждан, чем политикам, директорам и экономистам. При этом нами не выявлено определенной персоны, чьим мнением журналисты интересовались гораздо чаще остальных.

В современных татароязычных СМИ «интервью портретов» оказалось намного больше. Например, в одном номере журнала «Ялкын» (2021 г., № 2) всего 11 интервью, из них 9 написаны в жанре интервью-портрета. Частым явлением в данном молодежном журнале является и интервью-мнение. Целевая аудитория данного журнала молодая, поэтому данная тенденция, на наш взгляд, понятна и предсказуема. Много современных элементов, заимствованных из интернета используются в печатных журналах на татарском языке. Например, блоковая подача материала в рубрике «Тәжрибә» («Опыт») в журнале «Ялкын», герой свои чувства описывает от первого лица и ведет личный дневник. В журнале «Сөембикә» рядом с некоторыми интервью помещены QR-коды, через которые при помощи мобильного телефона каждый желающий может посмотреть этот разго-

вор в видеоформате [см., например: 6]. Отметим, что каждое из изученных нами в этом журнале интервью сделано качественно в студии с профессиональным оборудованием.

Среди публикаций как за первый, так и за второй хронологический период доминировали (93,2%) не аналитические, а событийные, информационные интервью по разным информационным поводам. Мы выявили также много интервью-«визиток» [см., например: 7, 8], протокольных интервью-отчетов руководителей организаций и/или объединений, в которых они рассказывали о достижениях и успехах за определенный период (часто уходящий календарный год), указывали много статистической информации [см., например: 9, 10]. Портретных интервью в русскоязычных СМИ выявлено 309, но их авторы не стремились задать направленные на самоанализ героя вопросы, ограничиваясь, на наш взгляд, обычными (биографическими и фактологическими), направленными скорее на то, чтобы дать как можно больше фактов о персонах, но не на то, чтобы помочь им раскрыться с разных сторон [см., например: 11–13].

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Во-первых, значительное увеличение численности интервью в печати РТ говорит о дальнейшей персонализации медийного контента. Во-вторых, большое внимание к жанру интервью, на наш взгляд, свидетельствует о некотором увеличении роли журналиста как посредника в представлении информации между ньюсмейкерами и аудиторией. Исследование показало, что авторы публикаций как в русскоязычных, так и татароязычных изданиях во второй хронологический период редко во время разговора задавали собеседникам вопросы, направленные на критическое осмысление сказанного ими ранее, нечасто оппонировали им, повышая напряжение разговора. Как следствие, 84% выявленных нами в эмпирической базе интервью носили информационный характер, лишь в 16% диалогов авторы публикаций пытались вникнуть в суть обсуждаемых ситуаций, задавая вопросы «почему?» и «с какой целью так происходит?». В-третьих, авторы интервью большинства из изученных нами СМИ старались учесть особенности восприятия информации современной целевой аудиторией изданий. Даже в государственных (не говоря уж о частных) газетах и журналах по сравнению с 1999–2001 гг. объем интервью сократился, тексты стали лаконичными, разделенными на тематические части, снабженными значительным количеством фото- или видеоматериала. А вот драматургии в них стало гораздо меньше, лиды упростились (из них ушли конфликт и интересная подробность), реже освещались и социальные проблемы, на представление собеседника теперь отводится не более 300–350 знаков. В некоторых изданиях (журналы «Ялкын», «Сөембикә»,

частично в газете «Татарстан яшьләре» и издании «Бизнес Online») авторы отходили от традиционной, диалоговой, формы подачи информации (вопрос-ответ) к монологу героя от первого лица без публикации вопросов журналиста. Думается, что так сделано для придания интервью еще большей оперативности восприятия аудиторией. В-четвертых, кажущееся на первый взгляд разнообразие собеседников и их мнений по тем или иным информационным поводам в прессе РТ является мнимым, поскольку никто из героев не высказывал собственных позиций, противоречащих мнению первых лиц республики. Ни в первый, ни во второй хронологический периоды исследования в изданиях РТ не давали слова носителям оппозиционных взглядов.

Таким образом, наше исследование показало снижение уровня профессионализма авторов интервью, произошедшее за двадцать лет нового века. Корреспонденты все менее видят в собеседниках неповторимую личность (исключением являются относительно объемные интервью-портреты в официальных региональных газетах «Ватаным Татарстан» и «Республика Татарстан», но их общая доля всего 7,8% общей выявленной нами численности публикаций в жанре интервью), все более — функциональную единицу с должностью. Причем чем она выше, тем больше внимания уделяется ей в СМИ. Лексико-стилистический анализ ответов респондентов позволил сделать вывод о том, что многие из них перед публикацией не редактировались, о чем свидетельствуют некоторые речевые штампы и неточности.

Итак, дальнейшее увеличение внимания сотрудников редакций СМИ РТ к существующим в социальных сетях практикам подачи медиатекстов может привести традиционные СМИ к существенным видоизменениям их творческого стиля и почерка, потере оригинальности контента, что впоследствии может привести к утрате доверия к ним со стороны аудитории. Чтобы не довести до такого, авторам необходимо придать своим интервью больше эксклюзивного и полезного контента, постоянно изучать конкурентов и учиться у лучших.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Баканов Р. П., кандидат филологических наук, доцент
кафедры национальных и глобальных медиа
E-mail: rbakanov@yandex.ru*

*Сабирова Л. Р., кандидат филологических наук, доцент
кафедры национальных и глобальных медиа
E-mail: lysabirova@yandex.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Показатели подписных тиражей газет и журналов на второе полугодие 2021 г. (по данным УФПС «Татарстан почтасы») // Открытый Татарстан. — 2021. — 21 июля. — Режим доступа: <https://open.tatarstan.ru/reports/categories/10172195/reports/30066> (дата обращения: 01.08.2021).
2. Мониторинг telegram-каналов по объему аудитории // Telegram-канал «Тупой татарский пиарщик». — 2021. — 2 авг. — Режим доступа: URL: <https://t.me/prttatar/3591> (дата обращения: 01.08.2021).
3. Показатели подписной кампании филиалов АО «Татмедиа» на второе полугодие 2021 г. (по данным УФПС «Татарстан почтасы») // Открытый Татарстан. — 2021. — 21 июля. — Режим доступа: <https://open.tatarstan.ru/reports/categories/10172195/reports/29034> (дата обращения: 01.08.2021).
4. Татарстан: рейтинг СМИ за 2020 год // Медиалогия. — Режим доступа <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/8124/> (дата обращения: 01.08.2021).
5. Сабирова Л. Р. Речевые особенности жанра интервью на татарском языке: монография / Л. Р. Сабирова. — Казань: Казан. ун-т, 2011. — 164 с.
6. Закирова Г. Кулмәк — итәк белән 7 көн / Г. Закирова // Ялкын. — 2020. — № 1. — С. 36–37.
7. Калинина Ю. Кастинг: кофе, общепит, шампунь / Ю. Калинина // Казань. — 2021. — № 5. — С. 86–87.
8. Каримова А. Разные миры травматолога Галимова / А. Каримова // Казань. — 2021. — № 5. — С. 38–41.
9. Шабардин А. Новая жизнь ДОСААФ / А. Шабардин // Казань. — 2019. — № 12. — С. 5–7.
10. Попова Р. Военком Погодин: «Всегда помните, что вы из Татарстана!» / Р. Попова, Л. Хайрутдинов // Казань. — 2019. — № 12. — С. 46–50.
11. Хайретдинова Н. Рустем Хасанов: «Врачам надо верить» / Н. Хайретдинова // Казань. — 2019. — № 11. — С. 24–27.
12. Сабитов Р. Виртуальное путешествие с Рашидом Калимуллиным от Амстердама до Маркеша // Р. Сабитов // Казань. — 2019. — № 11. — С. 88–93.
13. Каримова А. «Я ставлю спектакли про себя» / А. Каримова // Казань. — 2021. — № 5. — С. 48–51.

*Kazan (Volga Region) Federal University
Bakanov R. P., Candidate of Philology, Associate Professor of
the National and Global Media Department
E-mail: rbakanov@yandex.ru*

*Sabirova L. R., Candidate of Philology, Associate Professor
of the National and Global Media Department
E-mail: lysabirova@yandex.ru*

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЫПУСКНИКОВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «БРАТЧИНА» (1859 Г.) И ОТЗЫВ НА НЕГО Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

А. Ш. Бик-Булатов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию: 10 октября 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается литературно-публицистический сборник «Братчина» (1859) в контексте процессов развития казанской журналистики середины XIX века, а также исследуется отклик на этот сборник ведущего публициста журнала «Современник» Н. А. Добролюбова.

Ключевые слова: «Братчина», Добролюбов, 1859, казанская журналистика.

Abstract: *The article examines the literary and journalistic miscellany «Bratchina» (1859) in the context of the development of Kazan journalism in the mid-19th century, and examines the leading publicist of the journal «Sovremennik» N. A. Dobrolyubov's response to this collection.*

Key words: «Bratchina», 1859, Kazan journalism, N. A. Dobrolyubov.

Публицистический сборник «Братчина», составленный выпускниками Казанского университета в 1859 году редко останавливает на себе внимание современных исследователей. Между тем, в свое время он прозвучал довольно заметно, рецензию на него опубликовал один из самых популярных публицистов того времени, кумир молодежи и один из лидеров журнала «Современник» Н. А. Добролюбов. Особый интерес представляет участие в сборнике двух больших русских писателей П. И. Мельникова-Печерского и С. Т. Аксакова, именно в этом контексте сборник упоминается в единственной обнаруженной нами современной статье, где «Братчине» уделено некоторое внимание. Среди других статей сборника выделяется еще статья-воспоминание академика Пекарского о бывшем казанском профессоре Мейере, ссылки на неё можно обнаружить в некоторых, в том числе современных трудах о В. Г. Белинском. Профессор Мейер был активным пропагандистом Белинского среди казанских студентов.

Ни разу сборник «Братчина» не включался в контекст истории казанской журналистики, между тем, и его авторы (бывшие студенты), и тематика, и назначение (в помощь беднейшего казанского студенчества) тесно связаны с Казанью, само издание и история появления «Братчины», выпущенной в Санкт-Петербурге, восходит к празднованию юбилея Казанского университета, бывшего среди прочего колыбелью казанской прессы.

Важно ещё, что авторы сборника объединяется здесь в качестве студентов (хоть и окончивших курс уже давно) Казанского университета. Этот студенческий модус во всей истории казанской журналистики имел важное значение. В первой казанской газете

«Казанские известия» (1811–1820 гг.) студенты мало участвовали или просто не допускались в неё. Решение об учреждении газеты утверждалось на самом высоком уровне на совещании министров с участием министра внутренних дел и министра народного просвещения, с личной визой императора Александра I; тон в газете задавали профессора. Зато первое поколение студентов составило первый костяк учреждённого Казанского общества любителей отечественной словесности (с 1806 г.), а также еще до появления «Казанских известий» выпускало свои рукописные журналы («Аркадские пастушки»; «Журнал наших занятий»). Это-то самое первое поколение казанских студентов и представлял в «Братчине» Аксаков.

Традиции рукописных студенческих журналов, зародившиеся в Казани с 1800-х годов не прерывались и в 1830-е годы (ср.: журнал «Северное созвездие» Евл. Огородникова) и в общем являли собой некий альтернативный взгляд по сравнению с молодой казанской официальной журналистикой, официозно-консервативной.

С 1860-х годов начинается радикализация студенческого движения, а вместе с тем — активный приход студентов в качестве авторов в легальную казанскую прессу. В основном это будут студенты-разночинцы, молодые демократы. Но и сама казанская печать с 1870-х годов вступает в новую эру после первого «университетского» периода (1811–1834), и второго «губернского» (центральная газета — «Казанские губернские ведомости» с 1838 года). Наступит, наконец, эпоха частной провинциальной прессы (рубеж 1860–1870-х гг.). Выход сборника «Братчина» (1859) пришёлся на переходное время в истории казанской прессы, а также в истории казанского студенчества. Студенты-выпускники ранних поколений, авторы сборника «Братчина», в отличие от тех, кто

уже очень скоро придет им на смену (разночинцев-демократов 1860-х годов), не ощущают себя оппозиционерами, а напротив, соратниками, сорботниками правительства в деле просвещения российского общества, многие из них на момент выхода «Братчины» сами стали преподавателями, профессорами, или профессиональными писателями, ответственными чиновниками.

Все же их вписанность в студенческую традицию, самоощущение и самоназывание себя студентами-выпускниками — позволяет отнести сборник «Братчина» и рассматривать его в общем контексте казанской студенческой журналистики (памятуя, конечно, о современном сборнику возрасте и статусе его авторов).

«Братчина» также — первый в таком роде публицистический сборник статей, составленный частными лицами, в истории казанской журналистики. С конца 1870-х, по закрытию «Камско-Волжской газеты» (в 1874 году), издание сборников этого рода станет в Казани долгоиграющим трендом: в 1876 г. издается «Первый шаг», в 1877 г. — «Литературные блины»; далее — «Казанский литературный сборник», «Сборник для голодающих», «Голодным на хлеб» и т.д.

Открывается сборник небольшим предисловием П. И. Мельникова, которое полностью перепечатывает в своей рецензии Н. А. Добролюбов: «Бывшие студенты императорского Казанского университета на обеде 5 ноября 1857 года положили издать в пользу недостаточных студентов этого заведения учено-литературный сборник на следующих основаниях:

1) Поместить в нем статьи, написанные лицами, получившими образование в Казанском университете.

2) Издержки по изданию покрыть сбором денег по подписке, к которой приглашены все бывшие студенты Казанского университета.

3) Вырученные от продажи деньги немедленно отправить по назначению.

4) Просить первого студента Казанского университета, Сергея Тимофеевича Аксакова, дать название сборнику.

5) Редакцию сборника поручить П. Мельникову.

Покойный Сергей Тимофеевич Аксаков предложил назвать сборник «Братчиной» и доставил для него статью «Собирание бабочек» — одно из последних произведений известного нашего писателя» [1, 228–229].

Упомянутый обед, на котором было принято решение печатать сборник, прошёл в Санкт-Петербурге и был приурочен к 53 годовщине университета. А. Е. Гаврилова отмечает, что событие это (обед от 5 нояб. 1857) — «стало знаковым для предреформенного времени, так как представляло собой не просто вечер воспоминаний бывших студентов. Выпускники университета, служащие России на самых разных поприщах, собрались поприветствовать те положительные изменения, которые наступали в обществен-

ной жизни России в новое царствование и выразить свою преданность императору (Александру II, будущему царю-освободителю — А.Б.)».

Отчёт об обеде был опубликован в «Русском вестнике». Одним из главных событий стала речь П. И. Мельникова, в ней была дана высокая оценка С. Т. Аксакову и его заслугам перед русской литературой и культурной жизнью: «Сергей Тимофеевич Аксаков бесспорно — первый студент Казанского университета! Так же бесспорно — он один из первых российских писателей!» [2, 64]. Эти слова были встречены рукоплесканиями. Ответное письмо зачитывал сын писателя, известный журналист Иван Сергеевич Аксаков, присовокупив от себя такие слова: «Единоедушное сочувствие ваше и всей русской публики к моему отцу служит лучшим доказательством, как высоко умеет ценить русское общество гражданскую честность писателя, чистоту его авторского служения, искренность, правду, независимость его печатного слова <...> Пусть же оправдается современное великое призвание русской литературы, пусть высоко горит ее светочь, озаряя путь русскому обществу, разливая своё сияние всюду, мимо всех преград» [2, 66].

Конечно, в этом смысле, то, что сборник «Братчина» открывался очерком С. Т. Аксакова — имело для составителей символическое значение. П. И. Мельников (редактор) получил от Сергея Тимофеевича очерк «Собирание бабочек» в сентябре 1858. В ответном письме он сообщал: «Не знаю, как и благодарить Вас, высокоуважаемый Сергей Тимофеевич, за Ваших бабочек, за Вашу статью, которая также прекрасна, как бабочки» [3, 19].

Исследователь А. Е. Гаврилова предпочитает рассматривать этот очерк в контексте других, и прекрасных (многими отмеченных) природных очерков С. Аксакова. Искусствовед Светлана Соболевская в своем блоге, упоминая очерк [4], акцент делает на том, что главным вдохновителем С. Аксакова делается известный казанский ботаник, врач, нумизмат и профессор Карл Фукс, о чём писатель, действительно, много пишет в своём очерке.

А вот критику-демократу Н. Добролюбову в очерке С. Аксакова важна не собственно природа, а тогдашняя страстность Сергея Тимофеевича, которая, к сожалению автора, употреблена А. Аксаковым всего лишь на бабочек, а не на более серьёзное дело.

«Открывается она (т.е. книжка сборника «Братчина» — А.Б.) статьей С. Т. Аксакова «Собирание бабочек», из которой видно, что почтенный автор «Семейной хроники» исполнен был страстною любовью не к одним птицам и рыбам, но и к бабочкам. Весьма живо и трогательно описывает он свою страсть к их собиранию, драматическую борьбу с другим товарищем, который тоже составлял собрание насекомых, восторги свои, когда ему удавалось поймать такую бабочку, какой не было у товарища, и пр.»

«В заключение своего рассказа автор восклицает: «Быстро, но горячо прошла по душе моей страсть — иначе я не могу назвать ее — ловить и собирать бабочек. Она доходила до излишеств, до крайностей, до смешного; может быть, на несколько месяцев она помешала мне внимательно слушать лекции... нужды нет! Я не жалею об этом. *Всякое бескорыстное стремление, напряжение сил душевных нравственно полезно человеку* (курсив Н. А. Добролюбова — А.Б.). На всю жизнь осталось у меня отрадное воспоминание этого времени, многих счастливых, блаженных часов». Прочитав это признание и припомнив, сколько душевных сил уходило у автора на собирание бабочек, как потом на ужение рыбы и на прекрасное чтение плохих стихов разных знаменитостей по их просьбе, — мы могли только воскликнуть от глубины души: *O, que de biens perdus! O, trop heureux enfant! O, сколько хорошего утрачено! O, счастливейшее дитя!* (франц.)» [1, 230].

Для исследователей же казанского текста очерк С. Т. Аксакова ценен не столько политическим подтекстом (который пытается ему приписать Н. Добролюбов), сколько своими краеведческими подробностями, описаниями знаменитых русско-татарских кулачных боёв на озере Кабан или стихийного рынка и гуляний на р. Булак, или сведениями о Запольском, преподававшем у С. Аксакова будущем основателе газеты «Казанские известия».

Описание кулачных боёв у Аксакова имеет все признаки репортажного жанра. Но обращает внимание: когда заканчивается свидетельство очевидца — что он видел сам, и начинаются слухи: «мне сказывали» — как меняется впечатление. Видел С. Аксаков бой равных, соблюдающих правила, а рассказы слышал, рисующие татар правонарушителями и всегда проигрывавшими:

«Бой, который видел я, происходил, однако, в должных границах и по правилам, которые нарушались только тогда, когда случалось одолевать татарам. Бойцы, выстроившись в две стены, одна против другой, на порядочном расстоянии, долго стояли в бездействии, и только одни мальчишки высказывали с обеих сторон на нейтральную середину и бились между собою, подстрекаемые насмешками или похвалами взрослых; наконец, вышел вперед известный боец Абдулка, и сейчас явился перед ним также известный боец Никита; татарин полетел с ног и вместо него вырос другой. Между тем в нескольких местах начали биться попарно разные бойцы. Удача была сначала равная: падали татары, падали и русские. Вставая, кто держался за бок, кто за скулу, а иных и уносили. Вдруг с страшным криком татары бросились стеной на стену — и завязалась ужасная, вполне рукопашная драка; но татары держались недолго, скоро попятити их назад, и они побежали. Русские преследовали их до берегов Кабана и с торжеством воротились. Мне сказывали, что

когда случалось одолевать татарам, то они преследовали русских даже в их избах и что тут-то вновь восстанавливался ожесточенный бой, в котором принимали участие и старики, и женщины, и дети: дрались уже чем ни попало. Такая схватка всегда оканчивалась бегством татар» [5, 6–7].

Но самые важные для Н. Добролюбова статьи в сборнике «Братчина» — это очерк П. Пекарского о Мейере и В. Панаева о Державине. Думается, из-за них прежде всего он и откликнулся на «Братчину» обширной рецензией. Критик нашёл общую для двух очерков тему, по которой их можно столкнуть лбами, один пункт, по которому эти очерки противоположны, а именно: по вопросу отношения «профессор — студент», читай, всё та же знаменитая дихотомия: «отцы и дети».

И если отношение молодого Панаева-отца к Державину (автор очерка В. Панаев вспоминает о дружбе своего батюшки и великого поэта) зиждется на подбострастии и чинопочитании, и будучи таковым, принимается как должное престарелым сановником-поэтом Гавриилой Романовичем, то, напротив, отношения профессора Мейера к своим студентам (судя по статье П. Пекарского) самые демократические, без чинов! И это-то как раз и сделало его авторитетом в глазах студентов. То есть не его чин и звание профессора, а его честность, открытость и демократизм. И Добролюбов за это профессора Мейера хвалит. А студентов — опытный нигилист Добролюбов, напротив, журит: потому что даже честность и демократизм Мейера — ещё не повод, считает Н. А. Добролюбов, превращать того в непререкаемый авторитет.

Но фигура Мейера важна критику «Современника» Николаю Александровичу Добролюбову не только в свете этой дихотомии, но и сама по себе. Мейер — прогрессивный профессор.

Во-первых, он яркий агитатор против крепостного права на своих лекциях. Вот что пишет академик П. П. Пекарский в «Братчине»: «Мейер был враг лжи, и в своих лекциях он гнушался доказывать своим слушателям, что черное при известных обстоятельствах бывает белым. Правдивость и откровенность Мейера были главнейшею причиною того обаятельного влияния, которое он имел на своих слушателей. ... В гражданском праве, доходя до отдела об объектах имущественных прав, Мейер всегда высказывал мысль о несостоятельности учреждений, в силу которых допускалось, что человек... мог быть, при известных обстоятельствах, объектом права собственности... [5, 126, 129].

Н. Добролюбов в подцензурном «Современнике» выбирает для цитирования из очерка Пекарского не столь явно относящийся к отмене крепостного права отрывок, однако цитату не менее знаковую: показывающую, что Пекарский — был пропагандистом Белинского (которого сам Н. Добролюбов почитает как одного из своих учителей, хотя Виссари-

он Григорьевич умер задолго до того, как Николай Добролюбов дебютировал в печати), причём пропагандировал его Мейер своим студентам в те годы, когда политически это было небезопасно. Вот эта цитата Пекарского, которую приводит в своей рецензии Н. Добролюбов.

«В те времена в Казани существовал на Воскресенской улице кафе-ресторан Берти, куда собирались после лекций некоторые бездомные студенты; туда же первое время, когда еще не успел обзавестись своим хозяйством, ходил обедать и Мейер. Заметив между студентами своих слушателей, он тотчас же постарался занести с ними разговор. Как теперь помню, речь зашла о современной литературе и, следовательно, о журналистике. Тогдашние «Отечественные записки» читались с большою охотою студентами, которые были в восторге от Гоголя и осыпали насмешками «Москвитянина», силившегося тогда в критическом отделе восставать против «Отечественных записок». Критика последнего журнала, напротив, находила такое одобрение, что целые страницы разборов многим известны были почти наизусть. Однако студенты не знали автора их и, в провинциальной наивности, уверены были, что нравившиеся им критические статьи писаны самим редактором «Отечественных записок». Мейер вывел из заблуждения студентов, рассказав с большим увлечением, что за человек был Белинский, автор неподписанных критик, и какое значение имеет он для нашей литературы. Заметить надобно, что в сороковых годах в провинции все люди зрелых лет и известные своею солидностью, все, кто был с весом по своей должности или по владеемым ими душам, находили статьи Белинского или головоломными, или еретическими, а потому студенты очень удивились, что их профессор, читающий в аудитории такую мудрость, какой они еще и не раскусили хорошенько, удостоивает разделять их мнение касательно Белинского. Под конец беседы разговор так оживился, что студенты совершенно забыли, что рассуждают с профессором, и не чувствовали того нравственного гнета, который, вместе с благоговейным поддакиванием всему, что изречет профессор, убивает всякую самостоятельность мысли и делает из юноши какую-то благовоспитанную машину, но не человека» [1, 231–232].

Оставшиеся статьи сборника — «Неаполь» М. Веселовского (Веселовский Михаил Павлович (1823–1893) — экономист, журналист, драматург и переводчик, сотрудничал в «Современнике», впоследствии

сенатор); «О сочинениях Поэнсо» Д. Перевощикова (Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880) — русский астроном, математик и механик, ректор Московского университета. Академик Петербургской академии наук), — рецензент-Добролюбов почти не достаивает своим вниманием, несколько больше останавливаясь на двух материалах последнего автора «Братчины» А. Ф. Мартынова — его рассказе «Швейка» и очерке «Некоторые заметки о быте вотякских крестьян». Из двух — Н. Добролюбов, конечно, отдаёт предпочтение очерку, ибо там показана народность истинная, когда как в рассказе Мартынов пытается изобразить народность через подделывание под народную речь в репликах главной героини.

Мы видим, что, как и в других подобных случаях, Н. А. Добролюбов использует рецензию на сборник «Братчина» для манифестации своих политических идей. Между тем как общее значение сборника гораздо шире. Современные исследователи чаще останавливаются на изучении лишь отдельных материалов «Братчины» (прежде всего, очерков С. Аксакова и П. Пекарского), но не рассматривают его целиком. Мы в свою очередь считаем: можно заявить о месте и роли сборника «Братчина» в общей истории казанской журналистики, о включенности «Братчины» в нее. В этом контексте делаются особенно важными как непосредственно казанская повестка «Братчины», так и то, что этот сборник получил отклики в столичной прессе, среди которых и отзыв знаменитого Н. Добролюбова.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Добролюбов Н. А. Братчина. Часть I. СПб. 1859. [рецензия]. — в.: Сочинения Н. А. Добролюбова. Издание О. Поповой. Т.III. СПб.: Типогр. И. Н. Скороходова, 1896. — С. 228–236.
2. Пятьдесят третья годовщина Казанского университета // Рус. вестн. 1857. Т. XII (нояб.), кн. 2, разд. Совр. летопись. С. 59–70.
3. Гаврилова А. Е. С. Т. Аксаков и П. И. Мельников-Печерский (к истории празднования пятьдесят третьей годовщины Казанского университета) / А. Е. Гаврилова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Вып. 2. — С. 15–21.
4. Соболевская С. Л. Карл Фукс. Гениальный учитель Сергея Аксакова / С. Л. Соболевская. — URL: <https://sobolevskaya-sv.livejournal.com/546052.html>. (дата обращения: свободный. 28.09.2021).
5. Братчина: Сб. студ. воспом. Имп. Казан. ун-та. СПб., 1859. Ч. 1.

Казанский (Приволжский) Федеральный университет
Бик-Булатов А.Ш., кандидат филол. наук, доцент кафедры национальных и глобальных медиа
E-mail: Aiaibikbik@mail.ru

Kazan (Volga Region) Federal University
Bik-Bulatov A. Sh., Associate Professor. Candidate of Philology.
Department of National and Global Media
E-mail: Aiaibikbik@mail.ru

Н. С. ГУМИЛЕВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 декабря 2021 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу публицистических произведений русских эмигрантов о творчестве и трагической судьбе Н. С. Гумилева. Особое внимание уделяется размышлениям публицистов о взаимоотношениях поэта и власти в России, о влиянии Гумилева на творчество молодых поэтов русского зарубежья.*

Ключевые слова: *Н. С. Гумилев, первая волна российской эмиграции, публицистика.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of Russian emigrants' journalistic works about N. S. Gumilev's work, tragic fate and creativity. Special attention is paid to the reflections of publicists on the relationship between the poet and the authorities in Russia, on the influence of Gumilev on the work of young poets from the Russian diaspora.*

Key words: *N. S. Gumilev, the first wave of Russian emigration, journalism.*

В юбилейную пору — 135-летие со дня рождения и 100-летие со дня смерти Н. С. Гумилева — обращение к публикациям эмигрантской прессы, посвященным его творческой судьбе, представляется чрезвычайно актуальным. Поэт, один из создателей литературной школы акмеизма, переводчик, литературный критик, путешественник, герой Первой мировой войны, Гумилев — одна из ярких и загадочных фигур Серебряного века. Арест в августе 1921 г. по подозрению в участии в антибольшевистском заговоре «Петроградской боевой организации Таганцева» и последовавший затем расстрел поэта сделали его имя запрещенным в Советской России на долгие шесть с половиной десятилетий. Поэтому изучением творчества Гумилева занималось русское зарубежье — уникальное сообщество без географических границ, стремящееся сохранить и развить богатое культурное наследие России.

В научной литературе эта тема пока не получила должного освещения. Существуют статья обзорного характера Е. Г. Домогацкой «Гумилев Н. С.», написанная для четвертого тома «Литературной энциклопедии русского зарубежья. 1918–1940» [1], выступление на вечере памяти поэта 20 апреля 2011 г. главного редактора «Нового журнала» М. Адамович «Николай Гумилев и Зарубежная Россия» [2], статья О. Верник о восприятии творчества Н. С. Гумилёва поэтом и литературоведом русского зарубежья Н. А. Оцупом [3], небольшой обзор публицистических выступлений эмигрантской прессы (1920–1940-х гг.) о Гумилеве автора данной статьи [4].

Имя и творчество Гумилева стали активно обсуждаться в прессе русского зарубежья сразу после смерти поэта. Эмигрантские периодические издания,

выходящие в различных центрах русского рассеяния, широко откликнулись на известие о расстреле поэта в 1921 г. Отметим, что в силу ожесточенной идеологической борьбы Гумилев рассматривался эмигрантами прежде всего как политический борец, политическая жертва большевистского режима. Показателен в этом отношении очерк А. Н. Толстого, опубликованный в газете «Последние новости» в октябре 1921 г.: «Я не знаю подробностей убийства, но, зная Гумилева, — знаю, что, стоя у стены, он не подарил палачам даже взгляда смятения и страха. Мечтатель, романтик, патриот, суровый учитель, поэт... Хмурая тень его, негодуя, отлетела от обезображенной, окровавленной, страстно любимой им Родины...» [5]. Публицист ежедневной газеты «Общее дело» В. И. Рындзюн, выступавший в печати под псевдонимом А. Ветлугин, в статье «Две смерти» отмечал, что поэт «пал жертвой очередного безумия <...>. Гумилев — жертва политики — останется символом величайшего недоразумения» [6].

Видный деятель эмиграции П. Б. Струве, откликнувшись на смерть Гумилева на страницах журнала «Русская мысль», также видел в насильственной смерти поэта прежде всего политическую составляющую. Публицист был убежден, что Гумилев «с душою воина <...> соединял крепкие политические убеждения и пламенную любовь к родине-матери» [7, 91]. По мнению Струве, «его трагическая гибель, в одном смысле случайная, как все, что происходит в бессмысленном мире низости и глупости, в другом смысле роковая, неотменимой кровавой связью соединит для истории литературы с его поэтической деятельностью — память о самых ужасных днях падения и мук России» [7, 91].

Политическая линия звучала и в более поздних публикациях П. Б. Струве о Гумилеве. В статье, по-

священной пятилетию со дня смерти поэта, публицист рассматривал поэта как «активного борца против большевизма и коммунизма» [8]. Автор статьи подчеркивал, что Гумилёв дорог эмиграции «и как крупное поэтическое дарование и как человек, который в эпоху, когда столько людей погнулось и согнулось, выпрямился во весь рост и бросил вызов торжествовавшему хамскому злу» [8].

Принципиально иной взгляд на Гумилева предложил С. В. Познер в самом раннем отклике эмиграции на смерть поэта, считая, что «политика и он, поэт Гумилёв, — две полярности» [9]. По мнению публициста, поэт «жил грезами за пределами окружающей современности и удивился бы, если бы его позвали на борьбу с нею» [9]. Известие о гибели Гумилева напомнило Познеру, как и многим эмигрантам, о смерти А. Блока 7 августа 1921 г. Познер пророчески замечает: «Их не забудут и смерти их не простят большевикам» [9].

В понимании трагедии Гумилева близок позиции Познера литературный критик Ю. А. Никольский, который опубликовал в «Общем деле» статью «Поэт-рыцарь». По мнению публициста, «Гумилев — чистая красота» [10], чуждая миру идей; большевизм губителен для красоты и доказал это, умертвив Блока, а затем Гумилева. Никольский рассматривает насильственную смерть лидера акмеистов как одно из самых страшных злодеяний новой власти на родине: «Если бы большевики сделали только это дело — умертвили Блока и Гумилёва, то и тогда примирения с ними, убийцами лучшего, что дала Россия за последние годы, — не может быть» [10].

Мысль об аполитичности Гумилева развивалась и в публикации А. В. Амфитеатрова в гельсингфорской газете «Новая русская жизнь». В цикле «Горестные заметы» публицист отмечал, что в литературных кругах России: «не было <...> писателя, более далекого от политики, чем этот цельный и самый выразительный жрец “искусства для искусства”» [11]. Амфитеатров уверен, что «Гумилев принадлежали к типу благородных, аристократических поэтов, неохотно спускавшихся с неба на землю, упорно стоявших за свою привилегию говорить глаголом богов» [11].

Представляется значимым посвященный смерти поэта очерк А. И. Куприна «Крылатая душа» в газете «Общее дело», выходящей в Париже. Отмечая у Гумилева «любовь к родине, сознание живого долга перед ней и чувства личной чести» [12], он тем не менее считал, что поэт «никогда, ни в каком заговоре он участвовать не мог. Заговор — это стая» [12]. Для Куприна отклик на смерть Гумилева — это еще одна возможность продемонстрировать неприятие большевизма на родине, показать антигуманную сущность нового строя.

Откликаясь на смерть Гумилева, Куприн продолжает принципиальный для русской публицистики разговор на тему взаимоотношений поэта и власти:

«Как мог Гумилев — один из самых независимых, изящных, вольных и гордых людей, каких только приходилось встречать и можно вообразить, — как мог он выносить всю нищенскую тоску, арестантскую узость, подлейшую, унижительную зависимость днем и ночью от любого вздорного случая и любого упившегося властью скота? Что перетерпела его крылатая душа в эти черные дни, обратившие великую страну в сплошной вонючий застенок?» [12].

Куприн сумел передать особенности поэзии Гумилева, который «писал стихи, насыщенные терпкой прелестью, обвеянные ароматами высоких гор, жарких пустынь, дальних морей и редкостных цветов, прекрасные, полнозвучные, упругие стихи, в которых краткая и емкая форма вмещает гораздо больше, чем сказано» [12]. Для автора Гумилев — «странствующий рыцарь, аристократический бродяга» [12], который «был влюблен во все эпохи, страны, профессии и положения, где человеческая душа расцветает в дерзкой героической красоте» [12].

«Крылатая душа» поэта прославляется Куприным не столько за романтическую любовь к героике путешествий («его радостью были далекие пути»), сколько за приверженность к свободе («жил он, как свобододобивая, большая птица, не признающая стаи») и за «холодный, скептический и пронизательный ум» [12]. Куприн-публицист создал образ поэта-рыцаря, «одного из самых независимых, изящных, вольных и гордых людей» [12].

Критик В. Ф. Ходасевич категорически не соглашался с рассуждениями в прессе русского зарубежья о «рыцарстве» Гумилева. Утверждая, что «рыцари умирают в борьбе, в ярости боя» [13], он видел в смерти Гумилева «другой, совсем иного порядка трагизм» [13]. Ходасевич был уверен, что Гумилева убили «ради наслаждения убийством вообще, еще — ради удовольствия убить поэта, еще — “для остротки”, в порядке чистого террора» [13]. При этом критик поддерживает версию об аполитичности поэта: «Политическим борцом он не был. От этого его героизм и жертва, им принесенная, — не меньше, а больше» [13].

Еще один вариант объяснения причин гибели Гумилева от рук большевиков дал критик Ю. И. Айхенвальд, обозначив страшную «логику» произошедшего злодеяния. В «Литературных заметках» на страницах берлинской газеты «Руль» он приходит в выводу, что Гумилев в своей поэзии «не был политиком; но такова эта поэзия в своем духе и сущности, что она неизбежно обрекала его на гибель от руки тех, кому Россия ненавистна или безразлична... <...> В этой казни была своя естественная логика, в этой казни был, надо сказать, политический смысл» [14]. Айхенвальд убежден: «Жизнь и смерть Гумилева с творчеством Гумилева связаны. И хотя от реальной политики он был далек, но самая поэзия его — уже политика» [14].

В публицистике русского зарубежья со временем стали преобладать собственно литературные оценки творчества Гумилева. Заметно стремление критиков сравнить Н. Гумилева с А. Блоком. Творчество почти одновременно ушедших поэтов, во многом определявших культурный потенциал эпохи, находилось в центре внимания публикаций Ю. И. Айхенвальда, П. Б. Струве, Н. А. Цурикова, Э. Ф. Голлербаха, Н. А. Оцупа, К. В. Мочульского, Г. В. Иванова. По общему ощущению, с гибелью Блока и Гумилева закончился «петербургский период» русской литературы.

В. Ф. Ходасевич считал, что Блок и Гумилев не просто были «людьми разных поэтических поколений», т.к. один принадлежал к числу «чистейших символистов», а другой «воображал себя глубоким, последовательным врагом символизма» [13]. По его мнению, они исповедовали полярные взгляды на суть творчества: «Для Блока его поэзия была первейшим, реальным духовным подвигом, неотделимым от жизни. Для Гумилева она была формой литературной деятельности. Блок был поэтом всегда, в каждую минуту своей жизни. Гумилев — лишь тогда, когда он писал стихи» [13].

Хорошо знавший Гумилева по Цеху поэтов Г. В. Адамович, отмечая в «Последних новостях», что «имена Блока и Гумилева соединены смертью, почти одновременной» [15], признавался при этом: «Их литературное сопоставление сначала казалось искусственным. Но прошло двенадцать лет со дня гибели обоих поэтов, а по-прежнему их вспоминают вместе и одного с другим сравнивают...» [15]. Критик пришел к выводу, что «подобная параллель внутренне оправдана, иначе она не могла бы удержаться, особенно в представлении людей, которые ни Блока, ни Гумилева лично не знали, а судят о них лишь по книгам» [15].

Творчество Гумилева активно присутствовало в культурном контексте русского зарубежья. Г. В. Адамович отмечал в 1929 г., что «ранняя насильственная смерть дала толчок к расширению поэтической славы Гумилева. <...> Имя Гумилева стало славным. Стихи его читаются не одними литературными специалистами или поэтами: их читает “рядовой читатель” и приучается любить эти стихи — мужественные, умные, стройные, благородные, человеческие — в лучшем смысле слова» [16]. Откликаясь на сборники поэтов группы «Перекресток» и Союза молодых поэтов, вышедших в 1930 г., Адамович обращал внимание на «культ Гумилева» в творениях литературной молодежи. «Сейчас его влияние — самое благотворное, наиболее организующее» [17], — утверждал он. При этом он отмечал разницу в восприятии Гумилева представителями разных поколений эмиграции: «Образ его, теперь, созданный, — не совсем тот, который знали мы. Но, может быть, теперешние его ученики и правы, ценя в нем свойства, к которым мы остались равнодушны: мудрое и просветленное

мужество, — и уже не различая всего того, что нам это в Гумилеве застилало» [17].

Публицисты русского зарубежья справедливо отмечали, что особое значение творчество Гумилева имело для младшего поколения эмигрантов первой волны, которое вошло в историю как «незамеченное поколение». Творческое становление его представителей, вывезенных из России детьми, происходило на чужой культурной почве и имело определенную специфику. Эмигрантская молодежь стремилась через слово выразить мироощущение человека без родины, боль человека катастрофы. Г. В. Адамович, фиксируя «все растущее влияние Гумилева на современную поэзию» [18], особо подчеркивал: «В особенности — на поэтов юных, послереволюционных» [18]. По мнению критика, «Гумилев дает мужество, бодрость, твердость. Очевидно, этого и ищут сейчас молодые русские сознания» [18].

Молодые поэты под влиянием Гумилева определяли свой путь в литературе, формировали свое слово, оттачивали свой стиль. По общему признанию, наиболее явно влияние Гумилева сказалось на поэтическом творчестве Ю. К. Терапиано. Г. В. Адамович замечал: «У Терапиано есть гумилевская бодрость, мужественность, даже характерная гумилевская простота — не литературная, а внутренняя, умственно-душевная» [19].

Ю. К. Терапиано, откликаясь на выпущенные издательством «Петрополис» к 15-летию со дня смерти поэта книгу стихов «Чужое небо» и драматическую поэму «Гондла», отметил в альманахе «Круг»: «Гумилёв был искреннее, чем казался. Жизнь свою он ломал и умереть сумел — мужественно, спокойно, не для поэмы, а во имя принятого на себя внутреннего подвига» [20, 148]. Терапиано предпринимает плодотворную попытку проследить эволюцию личности и творчества поэта. Он показывает, как «молодой Гумилёв велел себе стать героем и совершать подвиги во внешнем мире» [20, 149], а затем в результате творческой деятельности пришел к «состоянию внутреннего перегорания, когда человек добровольно отказывается от всего внешнего, добровольно становится нищим духом» [20, 149]. Терапиано отмечает у поэта «как бы нарастающее <...> ощущение неразрушимой жизни души, ощущение как бы “четвертого измерения”» [20, 149]. Поздние стихи, по мнению критика «открывают нам нового Гумилёва, того, каким он становился накануне своей преждевременной смерти» [20, 149–150].

Обсуждение творчества Гумилева продолжилось в публицистике русского зарубежья последующих десятилетий. «Новый журнал», созданный в 1942 г. в Нью-Йорке, регулярно обращался к творчеству поэта. В 1944 г. в журнале были напечатаны 10 неизданных стихотворений Гумилева 1916–1917 гг. На страницах журнала периодически появлялись публикации о творчестве Гумилева — Г. П. Струве,

В. И. Лурье, Ю. П. Иваска, Б. А. Филиппова, В. П. Крейда. Были опубликованы воспоминания А. А. Гумилевой (жены Дмитрия Гумилева, старшего брата поэта) «Николай Степанович Гумилев» (№ 46, 1956), И. В. Одо-евцевой «На берегах Невы» (№ 68, 1962), С. К. Маковского «Николай Гумилев по личным воспоминаниям» (№ 77, 1964), Н. Н. Берберовой «О дне ареста Н. С. Гумилева» (№ 85, 1968), а также множество рецензий на издания Гумилева в русском зарубежье.

Следует особо отметить биографический очерк ученика Гумилева, его соратника по «Цеху поэтов» Н. А. Оцуца «Николай Степанович Гумилев» в литературном журнале «Опыты» (1953. № 1). В 1952 г. в издательстве имени Чехова (Нью-Йорк) вышла книга «Неизданный Гумилев» под редакцией Г. П. Струве. В зарубежной России было подготовлено и вышло в свет в 1962–1968 гг. под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова первое «Собрание сочинений» Н. Гумилева в 4-х томах. На родине творчество Гумилева стало доступно читателю лишь весной 1986 г.

Многочисленные публикации эмигрантской прессы убеждают, что для культурной жизни русского зарубежья имя и творчество Н. С. Гумилева имели особый смысл. Образ Гумилева, созданный в эмигрантской прессе первой волны, стал символом мужества, чести, верности долгу. Отклики на смерть поэта и годовщины его гибели, опубликованные в газетах и журналах русского зарубежья, способствовали новому восприятию творчества поэта. Русская эмиграция бережно хранила творческое наследие поэта, память о нем, ввела его имя в контекст мировой литературы и способствовала возвращению его творчества на родину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домогацкая Е. Г. Гумилев Н. С. / Е. Г. Домогацкая // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. — Т. 4: Всемирная литература и русское зарубежье. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. — С. 137–141.
2. Адамович М. Николай Гумилев и Зарубежная Россия. Выступление на вечере памяти Н. С. Гумилева 20 апреля 2011 года / М. Адамович // Интерпоэзия. — 2011. — № 1. — URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2011/1/nikolaj-gumilev-i-zarubezhnaya-rossiya.html> (дата обращения: 14.09.2021).
3. Верник О. «Пленительная это фигура... в бога-

той замечательными людьми русской поэзии» (Н. А. Оцуц о Н. С. Гумилёве) / О. Верник // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка: Філологічні науки. — Луганськ: ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2010. — № 11. — Ч. 1. — С. 209–220.

4. Гладышева С. Н. С. Гумилев в публицистике русского зарубежья (1920–1940-х гг.) / С. Н. Гладышева // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (30 июня–2 июля 2021 г.) / отв. ред. А. А. Малышев. В 2 т. Т. 2. — СПб.: Медианапир, 2021. — С. 14–15.

5. Толстой А. Николай Гумилев / А. Толстой // Последние новости. — 1921. — 25 окт.

6. Ветлугин А. Две смерти / А. Ветлугин // Общее дело. — 1921. — 8 сент.

7. Струве П. Блок — Гумилёв / П. Струве // Русская мысль. — 1921. — Кн. X–XII. — С. 88–91.

8. Струве П. Память о Н. С. Гумилеве. К пятилетию его смерти / П. Струве // Возрождение. — 1926. — 26 авг.

9. Познер С. Памяти Н. С. Гумилева / С. Познер // Последние новости. — 1921. — 9 сент.

10. Никольский Ю. Поэт-рыцарь / Ю. Никольский // Общее дело. — 1921. — 26 сент.

11. Амфитеатров А. Н. С. Гумилев / А. Амфитеатров // Новая русская жизнь. — 1921. — 13 сент.

12. Куприн А. Крылатая душа / А. Куприн // Общее дело. — 1921. — 10 окт.

13. Ходасевич В. О Блоке и Гумилева / В. Ходасевич // Дни. — 1926. — 1 авг.

14. Айхенвальд Ю. Литературные заметки / Ю. Айхенвальд // Руль. — 1926. — 11 авг.

15. Адамович Г. На разные темы: Соперники. — «Стихотворения в прозе» Тургенева. — О мировых тайнах и загадках. — «Профессор Бодлер» / Г. Адамович // Последние новости. — 1933. — 28 сент.

16. Адамович Г. Литературная неделя: Памяти Гумилева / Г. Адамович // Иллюстрированная Россия. — 1929. — № 34 (223). — С. 12.

17. Адамович Г. «Перекресток» II. Сборник стихов. Париж, 1930 г. — Сборник Союза молодых поэтов. IV. Париж 1930 / Г. Адамович // Последние новости. — 1931. — 2 апр.

18. Адамович Г. Литературная неделя: О Гумилеве // Иллюстрированная Россия. — 1931. — № 41 (334). — С. 16.

19. Адамович Г. Литературные беседы / Г. Адамович // Звено. — 1926. — 27 июня.

20. Терапиано Ю. О Гумилеве / Ю. Терапиано // Круг. — 1937. — № 2. — С. 146–150.

*Воронежский государственный университет
Гладышева С. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и литературы
E-mail: svetglad@mail.ru*

*Voronezh State University
Gladyшева S. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism and Literature Department
E-mail: svetglad@mail.ru*

ОБРАЗ КИТАЯ В РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНО ОРИЕНТИРОВАННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ¹

Го Лицзюнь

Университет им. Сунь Ятсена

Поступила в редакцию 14 июля 2021 г.

Аннотация: рассматривается репрезентация образа Китая в российском современном медиадискурсе в аспекте особенностей культуры страны. Автор обращается к культурно ориентированному медиадискурсу, поскольку, по предварительным наблюдениям, средства массовой информации ориентируются прежде всего на освещение социально-политических вопросов отношений Китая и России и недостаточно затрагивают темы из сферы культуры.

Ключевые слова: Китай, Россия, культура, медиадискурс, образ страны.

Abstract: the paper is dedicated to the representation of the image of China in the Russian current media discourse in relation to the peculiarities of the country's culture. The author considers the culture-oriented media discourse since, according to preliminary observations, mass communication media primarily focus on the coverage of socio-political issues connected with the relations between China and Russia and do not describe cultural topics in sufficient scale.

Keywords: China, Russia, culture, media discourse, country image.

В современном российском медиaprостранстве широко освещаются экономические достижения Китая, что вполне закономерно, поскольку именно экономика — одна из наиболее волнующих тем, которым посвящены публикации в СМИ. Также журналисты обращаются к вопросам политического устройства КНР, что для России актуально с точки зрения оценки собственного исторического опыта, связанного с периодом существования и распада СССР. Соответственно, уже сформировался определенный образ Поднебесной, описанный исследователями в разных аспектах, в том числе и языковом, что представлено в работах российских и китайских исследователей [1–14 и др.].

В то же время людей объединяет интерес не только к социально-экономическим и политическим темам (хотя именно с ними связаны наиболее острые дискуссии в различных ток-шоу, обсуждениях на интернет-форумах, в социальных сетях, поэтому можно сказать, что они как объединяют, так и разъединяют участников коммуникации), но и к культурным особенностям различных сообществ, традициям повседневной жизни людей разных национальностей. Этот интерес обуславливает стремление людей путешествовать, о чем свидетельствуют не только большие

туристические потоки (в «допандемийное» время), в том числе в Китай, но и большое количество программ, в которых рассказывается о культуре других стран: в российском медийном пространстве это, например, «Жизнь других», «Орел и решка», «Мир наизнанку», «Рюкзак» и др. В 2016, 2017, 2019 гг. на одном из центральных каналов вышла серия документальных фильмов «Открытие Китая», посвященных культуре нашей страны. В интернет-дискурсе можно увидеть блоги не столько о политике и экономике Китая, сколько о его повседневной жизни, традициях, фактах культуры, например блоги в ЖЖ Александра Беленького «Другие путешествия», Varlamov.ru и др. Таким образом, о специфике жизни той или иной страны мы можем узнавать из разных источников, в том числе из средств массовой информации, следовательно, они могут быть инструментом создания образа того или иного государства в сознании адресата. «Термином “образ” можно обозначить множество представлений о другой стране: от мимолетных впечатлений до развернутых концепций, подкрепленных солидным научным обоснованием» [1, 111].

Одним из событий относительно недавнего прошлого, которое получило отражение в российских медиа, стал Фестиваль Китая на ВДНХ «Китай: Великое наследие и новая эпоха» в Москве в 2019 г. Ряд СМИ посвятил данному культурному мероприятию развернутые публикации. Обратим внимание на то, что уже само название фестиваля свидетельствует о масштабном представлении культуры страны: словосочетание *великое наследие*, если обобщить словарные определения составляющих его единиц,

¹ Статья подготовлена при поддержке Китайского национального фонда общественных наук «Дискурсивный анализ новостных текстов о Китае в российских СМИ (на основе корпусного подхода)» (грант №16СYY065).

содержит семантику 'выдающегося по своему значению, по своим достоинствам явления культуры, быта и т.п., полученного от предыдущих эпох, от прежних деятелей' [15, т. 1, 146–147, т. 2, 395]. Кроме того, в России регулярно проходят различные культурные мероприятия, которые в СМИ часто называют метафорически «мостом», объединяющим народы. Рассмотрим далее, как факты культуры КНР описываются в статьях.

Начнем с заголовка как средства привлечения внимания читателя. «Одна из основных тенденций в развитии языка современных качественных газет — тенденция к усилению информативности, что выражается наиболее ярко в эволюции системы газетных жанров и в заголовках» [16, 473]. При этом одной из функций заголовка является формирование у читателя первичного образа события [17, 22]. Так, в заголовки выносятся названия фактов, имеющих прочную связь с китайской культурой. Эти названия могут быть созданы по различным моделям:

— назывного предложения, например: *Фестиваль волшебных китайских фонарей* (Комсомольская правда. Афиша Москва, 2021); *Чайная церемония, панды и драконы* (Коммерсантъ Стиль, 13.09.2019); *Китайский Новый Год в ГУМЕ* (gum.ru, 2018); *Шоу китайских барабаников, танец китайского дракона и льва в Москве* (taxi-mytishchi.ru, 2019); *Шинуазри по-русски* (Культура.РФ // <https://www.culture.ru/news/68657/shinuazri-po-russki>);

— простого двусоставного предложения, где часть предложения называет артефакт китайской культуры, а вторая содержит дополнительную связующую информацию о том, почему это должно быть интересно российскому читателю: *«Лодки-драконы» удивят москвичей* (Российская газета, 02.09.2019); *«Великая стена» — самая дорогостоящая постройка, целиком произведенная в Китае* (Коммерсантъ Деньги, 21.01.2017);

— сложного предложения: *Жэньминь жибао (Китай): фестиваль Китая пройдет в Москве 13–15 сентября* (ИноСМИ Россия сегодня, 12.09.2019); *Яркие краски Поднебесной: на пресс-конференции, посвященной фестивалю Китая в Москве, рассказали о масштабной программе праздничных дней* (Большая Азия. Новости, 28.03.2019); *Расписные панды, маньтоу и цигун: чем удивил фестиваль Китая в Москве* (Мир 24, 14.09.2019); *X Российско-китайская ярмарка культуры и искусства: две недели чудес и летающий дракон* (AmurInfo, 22.06.2019);

— вопросительного предложения: *Почему китайский город Харбин называют «русским»?* (Культура.РФ // <https://www.culture.ru/s/vopros/harbin/>); *Что означает слово «шинуазри» и когда оно появилось?* (Культура.РФ // <https://www.culture.ru/s/slovo-dnya/shinuazri/>).

Отметим, что в основном заголовки выполняют информативную функцию (*Китай: традиции чаепи-*

тия. Культурный стриминг, 2021 // Культура.РФ; Средневековый Китай глазами Марко Поло. Культура.РФ), поскольку номинации фактов культуры, введенные в названия статей, имеют у носителей русского языка прочные ассоциации с китайской культурой, кроме того, в первой или второй части названия обычно содержится комментарий (*Кусочек китайских традиций в Сокольниках: фестиваль волшебных китайских фонарей* (CubaPubMoscow.ru); *Чайные церемонии и занятия по кунг-фу: что готовит фестиваль «Китайский квартал»* (mos.ru, 19.05.2019).

В то же время заголовки могут иметь ассоциативный характер. Например, *По пути тутового шелкопряда* (Культура.РФ // <https://www.culture.ru/materials/51608/po-puti-tutovogo-shelkopryada>) — заголовков, который не называет прямо Великий шелковый путь, о котором говорится в тексте с первых же слов (*Протяженность Великого шелкового пути — 12 тысяч километров, возраст — два тысячелетия, география культурных связей — от Китая до Ближнего Востока, Индии и Европы*), однако метонимически показывает, что речь пойдет об исторических, экономических или культурных связях Китая с другими странами. Тема пути, вообще, имеет прочную связь как с китайской историей (Великий шелковый путь, Шелковый путь, Новый шелковый путь), так и с современной жизнью Китая («Один пояс — один путь» — инициатива, часто упоминаемая в российских медиа и интернет-пространстве, например, по запросу в Яндексе мы получили 34 млн. результатов).

Анализ содержания основного контента культурно ориентированного медиадискурса показывает, что, применяя методику интерпретационного анализа, можно описать определенный образ «культурного» Китая.

Отметим, что в качестве эквивалентного названия государства КНР в российских СМИ активно используется лексема *Поднебесная*: «Само название связано с культом неба в китайской культуре, представлявшегося китайцам символом цивилизации, в центре которой стоял император как представитель неба» [4, 40]. Она является по количеству вхождений в тексты российских СМИ третьей лексемой, которая «не только заменяет топоним Китай как безоценочная номинация, но и приобретает дополнительные значения, например, характеризуя страну в историческом, философском и культурном аспектах», о чем мы уже писали ранее [4, 49].

Мы проанализировали материалы, посвященные тематике китайской культуры, в российских газетах и журналах («Литературная газета», «Коммерсантъ. Огонек», «Коммерсантъ Weekend», «Коммерсантъ Стиль», «Аргументы и факты», «Культура» и др.) и на сайтах (Культура.РФ, Argamas, «Искусство», «Театрал», «Сеанс» и др.), что позволило нам описать образ «культурного» Китая.

Так, КНР представляется в первую очередь **загадочной страной**: Мы полагаем, что знаем Китай, как знаем и то, что в чем-то это **страна-загадка**. И это на самом деле так (Почему у Китая получается? // Литературная газета, № 23 (6647), 13.06.2018), причем в разных аспектах, главным образом, конечно, как экономически успешное государство (об этом, например, свидетельствует большое количество вхождений, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка — более 20 тыс.): **Экономика Китая развивается не по дням, а по часам на глазах у всего мира** (К 2040 г. экономическая мощь КНР превысит американскую // РБК, 2004.09.11) (паремия «не по дням, а по часам» в основе данного устойчивого сочетания восходит к волшебной формуле из «Сказки о царе Салтане...» А. С. Пушкина, которая характеризует стремительно быстрый, «волшебный» рост героя сказки царевича Гвидона [18, 186]. В этом же смысле Китай называют также «мастерской мира»: **Ныне страна — «мастерская мира»**. Кризисы давно в прошлом, ВВП рос быстрее, чем где-либо, — в среднем на 9,5% ежегодно. Реальный производственный сектор теперь больше американского, экономика вторая в мире по номиналу и с 2014 года первая по паритету покупательной способности (Почему у Китая получается? // Литературная газета, № 23 (6647), 13.06.2018). Встречаются в российских текстах СМИ и другие перифрастические номинации Китая, например **родина пороха и Конфуция**: **Но промышленная революция и капитализм изменили картину: воспользовавшись плодами научных открытий, Запад осуществил взлет, а на родине пороха и Конфуция наступил упадок** (Почему у Китая получается? // Литературная газета, № 23 (6647), 13.06.2018); **Инновации на родине Конфуция**. **Став лучше жить, самый многочисленный в мире народ начал больше покупать** (В. Овчинников. Размышления странника, 2012).

Культурная загадочность связана, в свою очередь, с **экзотичностью страны**: **В эти выходные на ВДНХ пройдет Фестиваль Китая, на котором будет сконцентрирована экзотика восточного соседа** (Чайная церемония, панды и драконы // Коммерсантъ Стиль, 13.09.2019). Необычность культуры страны связана с особыми традициями, в частности с традициями **танцевальной культуры**: **...два самых известных и красочных китайских танца: льва и дракона. Дракон — обожествляемое в Поднебесной существо, главный герой всех преданий и сказок, а вот лев заслужил свое право быть в центре праздника благодаря победе над слонами; туристы специально едут, чтобы увидеть экзотические танцы: <...> Некоторые туристы специально едут в Китай, чтобы полюбоваться зрелищем** (Чайная церемония, панды и драконы // Коммерсантъ Стиль, 13.09.2019).

Особую роль в создании образа Китая в аспекте культурных традиций играют **экзотический фудкорт и традиция чаепития**: **В зоне китайского мар-**

кета развернется настоящее изобилие: тут будут готовить самые необычные и причудливые традиционные блюда китайской кухни. Для тех, кто не боится экспериментов, — это хороший шанс попробовать нечто новое и удивительное. Кухня Китая славится сочетаниями несочетаемых вкусов, поэтому гурманов ждет немало сюрпризов. А в Летнем кинотеатре — лектории пройдут чайные церемонии — визитная карточка Китая. Тут же можно будет приобрести сорта настоящего китайского чая, в том числе экзотические (Чайная церемония, панды и драконы // Коммерсантъ Стиль, 13.09.2019).

Популярность в России имеет и **китайская медицина**: **Здесь можно будет послушать лекции о традиционной китайской медицине, узнать о народных средствах и принять участие в мастер-классах по тайцзицюань — дыхательной оздоровительной гимнастике, которая одновременно является и боевым искусством** (Чайная церемония, панды и драконы // Коммерсантъ Стиль, 13.09.2019); **Традиционная китайская медицина — одна из древнейших систем лечения в мире, ее история насчитывает более трех тысяч лет. Но лишь в последние 60–70 лет западный мир стал интересоваться научным обоснованием эффективности ее методов. Многие принципы лечения, которые использует китайская медицина, признаны действенными и активно внедряются в практику западных врачей** (Секреты китайской медицины: от принципов до методов диагностики // Комсомольская правда, 30.12.2008).

Из символов китайской культуры, помимо дракона и тигра, о которых уже говорилось выше в связи с экзотикой китайского танца, в публикациях упоминается **панда как национальное достояние**: **Также на центральной аллее будет представлена выставка фигур китайских панд. Эти милые медведи — национальное достояние Китая. Они обитают в горных районах центральной части страны, питаются бамбуком и тщательно охраняются силами государственных инстанций** (Чайная церемония, панды и драконы // Коммерсантъ Стиль, 13.09.2019); **Лидеры России и Китая Владимир Путин и Си Цзиньпин примут участие в церемонии передачи двух больших панд Московскому зоопарку, заявил помощник президента России Юрий Ушаков, передает РИА «Новости»**. Он отметил, что также в российской столице состоится открытие **павильона для панд**. По словам Ушакова, **панда является символом Китая**. «Наши гости придают этому мероприятию большое значение», — заверил он. **Си Цзиньпин посетит Россию с государственным визитом 5–7 июня. В 2017 году Си Цзиньпин и канцлер ФРГ Ангела Меркель открыли сад для панд в Берлине** (Путин и Си Цзиньпин посетят церемонию передачи панд // gazeta.ru, 2019.06.04).

К традиционным китайским артефактам, популярным в России, относятся **фонари (китайские фонарики)**: **Ни один праздник в Китае не обходится без**

прославленных фонарей (Чайная церемония, панды и драконы // Коммерсантъ Стиль, 13.09.2019); По словам Алексеевой, в парке появится специальная книга, в которую все желающие запишут свое определение любви. Финалом мероприятия станет массовый запуск **китайских фонариков** в виде сердец (Ю. Козленкова. Столичные парки отметят День всех влюбленных // Известия, 2014.01.23). Фонарики стали настолько популярны в России, что, судя по публикациям, их запуск даже регламентировали из-за неправильного использования: **Китайские фонарики** приравняют к фейерверкам и петардам. Депутаты Мосгордумы намерены ограничить использование светящихся шариков, потребовав от местных властей определить конкретные площадки для их запуска и донести эту информацию до москвичей. Об этом «Известиям» рассказал член комиссии Мосгордумы по безопасности Сергей Гончаров. По его словам, если на Новый год **фонарики** все равно будут запускать вблизи жилых домов, парламентарии подготовят поправки, полностью запрещающие их использование в общественных местах (Ю. Козленкова. В Москве могут запретить запуск небесных фонариков // Известия, 2013.10.21).

В российских медиа, обращающихся к культурной сфере, Китай связывается с искусством **каллиграфии**: Искусством каллиграфии Китай славится с самой древности. Выводить тушью иероглифы — наука, которой обучаются всю жизнь (Чайная церемония, панды и драконы // Коммерсантъ Стиль, 13.09.2019); В Международной академии музыки Елены Образцовой на Невском проспекте открылась Школа китайской каллиграфии (Тонкости каллиграфии Шинуазри // «Территория комфорта». Приложение № 105 от 15.06.2017, с. 24); искусством **цзяньчжи**: Это искусство вырезания узоров из бумаги. Кстати, цзяньчжи входит в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО и берет свое начало в VI веке нашей эры. Вырезанное произведение может стать хорошим подарком и сувениром: в Китае именно так украшают интерьер домов (Чайная церемония, панды и драконы // Коммерсантъ Стиль, 13.09.2019).

В области истории культурных отношений Китая и России в российских СМИ упоминается тесная **связь** истории и культуры **русского приморья с Китаем** (наряду с другими странами Азии: *Главные особенности и тенденции, сложившиеся в приморской литературе с конца 1990-х годов, прошедшие через нулевые, в десятых годах и сохранились, и усилились. Это прежде всего ощущение принадлежности к Востоку — Китаю, Японии, Корее. Темы, жанры, мотивы Востока у нас изначально (одна Русская Атлантида в Китае — Русский Харбин 1898–1945 гг. чего стоят!) и регулярны, как морозы и жара из северного Китая, тайфуны из Японии, циклоны из Кореи («Едет Пушкин в Китай...» // Литературная газета, № 48 (6534),*

03.12.2015); *Любопытнее всего то, что в Приморье сегодня приходит русскоязычная проза из Китая и Японии. Главный дирижер Харбинского симфонического оркестра Лю Кэци в 2013 году передал редакции альманаха «Сихотэ-Алинь» рукопись очерка «Моя русская бабушка», написанную по-русски!*

Таким образом, анализ российского культурно ориентированного медиадискурса позволяет говорить о том, что в СМИ создается образ «культурного» Китая как загадочной, экзотической страны, которая славится древнейшей культурой, подарившей миру ряд артефактов и видов искусств. Отметим, что данный образ всегда позитивно оценивается, о чем свидетельствует и отбираемая для представления информация и лексика, которая репрезентирует образ культуры Китая. В то же время, несмотря на обилие информационных материалов о Китае, культура страны, на наш взгляд, представлена фрагментарно, в отличие от информации об экономике и политике страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благодар Ю. Г. Образ Китая в сознании российского образованного общества XVII — начала XX в. / Ю. Г. Благодар, С. С. Минц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — № 3. — 2011. — С. 110–126.
2. Бляхер Л. Е. Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в российском социум / Л. Е. Бляхер, К. В. Григоричев // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. — № 1 (76). — 2015. — С. 24–38.
3. Ван Сюй. Народ и культура Китая в российской прессе / Сюй Ван // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. — № 2. — 2012. — С. 222–227.
4. Го Лицзюнь. Лексическая репрезентация образа Китая в российском публицистическом дискурсе / Лицзюнь Го // Научный диалог. — № 3. — 2019. — С. 38–53.
5. Го Лицзюнь. Образ цифрового Китая в российских средствах массовой информации / Лицзюнь Го // Научный диалог. — № 10. — 2020. — С. 26–36.
6. Данилова А. В. Образы Китая в зеркале западноевропейского и русского музыкального искусства / А. В. Данилова // Южно-Российский музыкальный альманах. — № 3. — 2017. — С. 88–92.
7. Жуков А. В. Образы Китая в сознании русских Байкальского региона / А. В. Жуков, А. А. Жукова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — № 8. — 2014. — С. 47–56.
8. Кирсанова А. М. Образ Китая в российских специализированных интернет-СМИ / А. М. Кирсанова // Архонт. — № 3 (12). — 2019. — С. 55–61.
9. Коновалова О. С. Формирование термина «желтая экспансия» относительно образа Китая в средствах массовой информации / О. С. Коновалова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. — № 3. — 2011. — С. 74–81.

10. Романова Н. П. Образы культуры и религии Китая в сознании населения российско-китайского приграничья / Н. П. Романова, А. В. Жуков, А. А. Жукова // Вестник Забайкальского государственного университета. — № 11. — 2014. — С. 66–76.

11. Ши Сяолун. Образ Китая и китайцев в произведениях русских путешественников XIX — начала XX вв. / Сяолун Ши // Филология и культура. — № 4 (46). — 2016. — С. 280–287.

12. Цзинцзин Цзинь. Историко-символическое представление Китая в русской культуре на материале печатных СМИ / Цзинь Цзинцзин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — № 181. — 2016. — С. 45–49.

13. Цуй Ливэй. Безэквивалентная лексика в образе Китая в русской эмигрантской лингвокультуре / Ливэй

Цуй // Русистика. — № 2. — 2016. — С. 80–88.

14. Цуй Ливэй. Языковые средства создания лингвокультурного образа Китая в лингвокультуре дальневосточной эмиграции / Ливэй Цуй // Русистика. — № 4. — 2015. — С. 112–119.

15. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

16. Солганик Г. Я. О языке и стиле газеты / Г. Я. Солганик // Язык средств массовой информации. — М.: Академический проект; Альма Матер, 2008.

17. Воронцова Т. А. Новостной заголовок как репрезентант события / Т. А. Воронцова // Политическая лингвистика. — № 6. — 2017. — С. 21–25.

18. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. — М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007.

Институт международных исследований, Университет им. Сунь Ятсена (Чжухай, Китай)

Го Лицзюнь, доктор филологических наук, доцент факультета русского языка

E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

Department of Russian Language School of International Studies, Sun Yat-sen University (Zhuhai, China)

Guo Lijun, Doctor of Philology, Associate Professor

E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

ПОДГОТОВКА ВЬЕТНАМСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Данг Тхи Тхан

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2021 г.

Аннотация: *в эпоху цифровых медиа вьетнамским журналистам необходимо повышать свой уровень политической осведомленности, профессиональную квалификацию, эффективно использовать информационные технологии для создания качественных журналистских работ.*

Ключевые слова: *компетенции, журналист, информационные технологии, цифровые медиа, конвергентная студия новостей.*

Abstract: *in the era of digital media, with the development of social networks, Vietnamese journalists need to improve their level of political awareness, professional qualifications, skills, access and effectively use the achievements of science and technology, especially information technology, to create valuable journalistic works with attractive content and way of expression.*

Keywords: *competencies, journalist, information technology, digital media, newsroom convergence.*

В конце прошлого десятилетия во Вьетнаме действовало 844 печатных СМИ (из них 184 печатные газеты, 660 печатных журналов); 24 независимые онлайн-газеты, 67 центральных и местных радиостанций. При этом общее количество лицензированных радиостанций и телеканалов в республике составляет 278 каналов. По всей стране около 19000 человек получили карточки журналистов (из них более 12500 человек работают в редакциях печатных и онлайн-СМИ и более 6500 человек — в РВ- и ТВ-редакциях).

В нынешнюю цифровую эпоху большинство журналистов во всем мире используют Twitter, Facebook и LinkedIn, хотя в последнее время социальные сети теряют доверие из-за нарастающей массы фейковых новостей. Возможно, это поможет обществу более ясно осознать ценность классической прессы. Во Вьетнаме многие известные журналисты по-прежнему остаются авторитетными лидерами мнений, вписываясь в современные модели конвергентной мультимедийной журналистики.

Аудиторию в большей степени привлекают актуальные новости. Читатели бумажных изданий больше всего интересуются социально-культурными темами, темами права и политики; радиослушатели, помимо новостей о дорожном движении, предпочитают музыкальные передачи; большая часть телезрителей смотрит как отечественные, так и зарубежные киноканалы [1, 95]. В этом контексте роль СМИ в процессе отбора и синтеза информации с целью предоставления обществу качественного коммуникационного продукта, минимизации трудностей при доступе к нему очень важна.

Новые технологии привели к более оперативной передаче информации, но качество контента не всегда высокое, при этом недооценивается такой важнейший признак, как объективность журналистики. Новостям не хватает оригинальности и глубины. Однообразие («одноформатность») проявляется в совпадении редакционных стилей и в макете интерфейса. Но поскольку конкуренция между СМИ усиливается, крупные медиакомпании уже нацеливают корреспондентов на публикацию эксклюзивных новостей, и в ближайшее время это будет ориентиром. Хотя опять же требование оперативности и желание «подогреть» новость для привлечения читателей может приводить к ошибкам и поверхностному содержанию. И здесь важно регулярное повышение уровня профессионализма журналистов, их переподготовка с учетом новых тенденций в медиасфере, а для преподавателей вузов — периодическое обновление методов обучения. Ведь современные репортеры и редакторы должны не только быть узкими специалистами в каком-либо виде журналистики, но и владеть мультимедийными навыками [2, 2].

Мультимедийные навыки — это умение самостоятельно создавать публикации как минимум для трех основных жанров: новости, репортажа и интервью, а также умение редактировать медиатексты; это навыки работы в команде и умение коммуницировать, эффективно вести беседу и убеждать. В дополнение к этому выпускник должен уметь фотографировать, владеть программами для создания видео- и аудиоматериалов.

В настоящее время студенты факультета журналистики не могут окончить курс без базовых и систематических знаний («Характеристика и преимущества каждого вида журналистики», «Классические

информационные методы и социальные сети», «Традиционная журналистика и социальные сети» и др.). Особенно важна подготовка в гуманитарной области: ведь журналистика — это социальный вид деятельности.

В обществе, где информация становится все более открытой и многомерной, актуально и формирование у студентов таких качеств, как патриотизм и политическая смелость, этичность и критичность, ответственность и стремление учиться. Становление этих качеств — сложный процесс, поскольку многие из них формируются лишь благодаря жизненным испытаниям.

Таким образом, вузам необходимо подготовиться к тому, чтобы воспитывать не только профессионала, но и человека. Помимо мультимедийных навыков, будущий журналист должен освоить технологию публицистического творчества: опираясь на широкий запас знаний, уметь определять тему, находить героев публикаций, уметь задавать им соответствующие вопросы. При этом обучение журналистике должно быть связано с конкретной практической работой и тренингом в редакциях, чтобы выпускник мог успешно применять освоенные им жанры в различных форматах в соответствии с известными профстандартами.

Изменение методов обучения журналистике во Вьетнаме — объективная необходимость: ведь в мире ориентированная на практику подготовка медиаспециалистов, гибкие методы обучения применяются уже давно.

Нынешняя цифровая эпоха требует от журналистов слаженной командной работы с соблюдением профессиональных и этических стандартов. Именно это отличает профессиональных медиаспециалистов от блогеров-любителей. К сожалению, у большинства из тех, кто публикуется в социальной сети, отсутствует чувство ответственности, что негативно отражается на качестве передаваемой информации.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Данг Тхи Тхан, аспирант Высшей школы журналистики
и массовых коммуникаций
E-mail: Dangthithan247@gmail.com*

В эпоху цифровых технологий пресса должна использовать достижения научно-технического прогресса. Например, технологии искусственного интеллекта и больших данных уже помогают журналистам перерабатывать огромные объемы информации, делать прогнозы и др. Журналистам необходимо переучиваться, адаптироваться к новой ситуации, высвобождая время для творчества. Для успешной работы конвергентной редакции важно, чтобы каждый журналист умел использовать современное оборудование и компьютерные программы. Во Вьетнаме еще немногие журналисты могут профессионально использовать в работе мультимедийную технику, и им предстоит научиться создавать контент, подходящий для смартфонов и планшетов, записывать видео, обрабатывать его и загружать в интернет, работать с аудиофайлами и др.

Организация конвергентной редакции требует и новых подходов в управлении как коллективом, так и самим творческим процессом.

Можно сказать, что овладение техникой и средствами для выполнения своей работы в любое время и в любом месте является важным фактором, но самое главное — журналисты должны создавать новости, привлекающие аудиторию. К тому же в настоящее время крайне важно владеть хотя бы одним иностранным языком, что помогает ориентироваться в мировом информационном пространстве. Все это необходимо учитывать при подготовке журналистской смены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ле Тху Ха. Тенденция получения продукции прессы от вьетнамской общественности / Ле Тху Ха // Академия журналистики и коммуникации. — Ханой, 2015.
2. Нгуен Нга Хуен. Формирование стандартов выпускника для студентов факультетов журналистики: необходимо следовать тенденции времени / Нгуен Нга Хуен // Академия журналистики и коммуникации. — Ханой, 2017.

*St. Petersburg State University
Dang Thi Than, Postgraduate Student of the Higher School
of Journalism and Mass Communications
E-mail: Dangthithan247@gmail.com*

ИНФОДЕМИЯ: ГЕНЕЗИС И МОРФОЛОГИЯ ЯВЛЕНИЯ

А. В. Землянский

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 27 октября 2021 г.

Аннотация: Изучить специфику распространения инфодемии, инфодемические нарративы и основных участников инфодемического процесса есть цель данной статьи. На основе проведенного анализа автор делает вывод, что основным способом противодействия инфодемии можно считать повышение медиаграмотности в обществе, предоставление доступа к достоверной информации, проведение тщательного фактчекинга всей информации о пандемии, которую генерируют и распространяют медиа.

Ключевые слова: инфодемия, инфодемические нарративы, фейк-ньюс, пандемия коронавируса, СМИ, социальные сети.

Abstract: Analyzing the specifics of infodemic spread, infodemic narratives, as well as the key actors of the infodemic process is the purpose of this article. Based on this analysis, the author arrives at the conclusion that the main way to counteract infodemic is to increase media literacy in society, provide access to reliable information, as well as conduct a thorough fact-checking of all the information about the pandemic, which is generated and spread by the media.

Keywords: infodemic, infodemic narratives, fake news, coronavirus pandemic, media, social media.

С «инфодемией» как явлением человечество знакомо давно, хотя данный термин впервые был использован только в начале XXI века, в 2003 г., когда мир столкнулся с глобальной медицинской проблемой — атипичной пневмонией. Вновь в новой истории к нему вернулись в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса. Инфодемия — комбинация слов «информация» и «эпидемия» — обычно означает быстрое и далекоидущее распространение как точной, так и неточной информации о чем-либо, например, о болезни. Поскольку факты, слухи и страхи смешиваются друг с другом, становится трудно получить правдивую информацию о проблеме. Важным компонентом инфодемии являются так называемые фейк-ньюс — недостоверные новости, распространение которых вызывает недоверие к СМИ и даже панические настроения среди населения. К инфодемии в контексте пандемии также можно отнести некавалифицированные медицинские советы, теории заговора и различные слухи о коронавирусе, не подтвержденные научными данными.

Причины и принципы возникновения инфодемии. Вспышки чумы в разные эпохи, эпидемия испанского гриппа или вируса Эбола, теракты 11 сентября 2001 г. в США, мировые войны, глобальные природные катаклизмы — все эти события сопровождала инфодемия. Изучение вопроса подтверждает, что инфодемия — это естественная реакция общества на происходящие кризисы и катастрофы. Это подтверждается и постулатами когнитивной

и эволюционной психологии: теряя контроль над собственной жизнью, люди стремятся компенсировать свое нестабильное положение доводами и теориями, которые кажутся им максимально логичными и заполняют «информационные пробелы» в их знаниях о кризисной ситуации. Тенденцию к поведению такого рода подтверждает эксперимент когнитивистов Д. Салливана, З. Ротшильда и М. Ландау из Университета Канзаса [1]: в группах, где активно транслировались слухи, был зафиксирован более низкий уровень стресса. Аналогичным образом в свое время появился народный фольклор, ту же функцию стала выполнять и мифология, объясняющая то, что понять на тот момент было невозможно в силу низкого уровня научного знания.

Возникновение инфодемии обусловлено также и спецификой общественного поведения, когда обмен слухами является способом укрепления социальных связей. При этом, согласно тому же эксперименту когнитивистов, к распространению слухов больше предрасположены импульсивные и психологически неустойчивые люди с низким социальным статусом [2]. Содержание таких слухов может сводиться как к тому, чтобы найти некое объяснение и создать иллюзию контроля над ситуацией, так и к тому, чтобы возложить ответственность за происходящее на каких-либо лиц, группы или даже на определенные страны. Именно так и рождаются теории заговора, обвиняющие в происходящем государство, ученых и медиков, корпорации, производящие вакцины, и т.п.

В то же время Гэри Аллен из Гарвардского университета [3] считает, что склонность распространять

дезинформацию никак не зависит от демографических признаков, то есть пол, уровень образования или возраст здесь не играют никакой роли. Это противоречит исследованиям Келли Гринхилла и Бена Оппенгейма из Университета Тафтса [4], а также аналитической работе социологов С. Восуги, Д. Роя и С. Арала [5]. Их научные статьи указывают на то, что люди с более высоким уровнем образования меньше доверяют фейк-ньюс и легче выявляют их.

Стоит заметить, что между распространением слухов и верой людей в них действительно нет никакой связи. Эксперимент, проведенный в 2020 г., подтвердил, что человек может являться источником дезинформации даже в том случае, если сам не становится ее жертвой. Так, в ходе эксперимента целевой аудитории было предложено определить, какая новость из списка является фейковой, а какая достоверной. Группе также предоставили возможность поделиться любой из них в социальных сетях. В результате участники эксперимента делали репосты даже тех новостей, которые сами же маркировали как фейковые [6].

Чтобы объяснить, как выглядит распространение фейковых новостей на практике, британские исследователи Джули Брайнард и Пол Хантер построили модель на основе распространения обычных инфекций. Как и в случае с заболеваниями, дезинформация циркулирует между участниками одной группы, от человека к человеку, пока не заразит всех и не выйдет за пределы этой группы. Такие группы, а точнее набор контактов, между которыми стабильно происходит взаимообмен информацией, Брайнард и Хантер назвали «пузырями» [7]. Эти пузыри существуют везде — как в реальной жизни, так и в онлайн-пространстве. Например, в социальных медиа, где любое сообщество по интересам также является отдельным пузырем. Таким образом, участники одного пузыря — это единомышленники.

Онлайн-пузыри достаточно просто проанализировать и измерить при помощи таких количественных показателей, как число лайков, репостов и подписчиков. В среднем один пузырь насчитывает от 80 до 230 контактов, 39% из которых, по подсчетам Брайнарда и Хантера, имеют одинаковую predisposition верить фейковым новостям. Они же, согласно тем же подсчетам, распространяют около 2,5% дезинформации между другими пузырями, которые имеют свойство пересекаться друг с другом (то есть один человек может являться контактом сразу нескольких пузырей и таким образом «заражать» дезинформацией сразу несколько из них).

Обобщая приведенные исследования и эксперименты, можно прийти к выводу, что инфодемия является продуктом нестабильности в обществе и всегда возникает в условиях отсутствия гарантий и равновесия. Склонность каждого человека распространять или доверять новостям сугубо индивиду-

альна, но, вероятнее всего, этому подвержены личности, острее всего реагирующие на потерю контроля. Следовательно, можно сделать вывод, что чем психологически устойчивее человек, тем реже он участвует в распространении дезинформации или верит ей. Таким образом, первоначальный тезис о том, что инфодемия — естественное и закономерное явление для любого человеческого общества, столкнувшегося с кризисом, подтверждается.

Влияние инфодемии: общественная реакция и группы риска. Взрывной рост инфодемических нарративов в медиапространстве привел к тому, что ученые и эксперты все чаще обращают внимание на изучение этого процесса, пытаются проследить и понять, как именно фейки «заражают» носителя и влияют на его поведение. В своей статье в журнале «Математическая социология» в 2001 году профессор медицины Эндрю Ноймер пришел к выводу, что некоторые фейки обладают такой продолжительностью жизни, что передаются из поколения в поколение [8]. В этом они тоже похожи на вирусы: хотя фейки и видоизменяются со временем, но сохраняют свою суть и тем самым буквально создают «новые штаммы» дезинформации.

Ноймер также выделяет отдельную группу людей, которую называет «иммунным ответом общества». Это скептики, которые имеют высокий уровень критического мышления и тем самым подавляют распространение фейков, выражая сомнения в их подлинности. Однако не всегда количества таких людей хватает, чтобы подавить те или иные слухи. Как правило, слухи об удаленных событиях более устойчивы, чем о местных, что обусловлено отсутствием личных доказательств и аргументов, которые могли бы использовать скептики для развенчания фейковой информации.

Исследователи Д. Брайнард и П. Хантер выявили, что в группе риска находятся люди, чье окружение активно рассматривает фейковые новости и доверяет им. Так, даже скептик, окруженный «зараженными» инфодемией людьми, вероятнее всего, «подцепит» дезинформацию. Особенно сильное влияние на группы риска оказывают псевдомедицинские материалы, которые, в свою очередь, повышают риск заражения минимум на 40%, так как они нередко советуют неэффективные методы лечения и пропагандируют отказ от квалифицированной медицинской помощи [9].

Таким образом, чтобы противостоять инфодемии, многие исследователи советуют усилить «иммунный ответ», то есть прививать населению медиаграмотность и развивать навыки критического мышления, что увеличит число скептиков. Также для противодействия или замедления инфодемии необходимо ускорить распространение достоверной информации. В том случае, если она будет обгонять недостоверную, потребность в дезинформации по-

просто иссякнет. Для этого, однако, необходимы коллективные усилия различных сегментов общества: и отдельные журналисты, и медицинские работники, и представители власти, и СМИ должны поставить единую цель — своевременное и достоверное освещение происходящих событий.

Инфодемические нарративы: сущность, происхождение и виды. Инфодемическими нарративами принято называть дезинформирующие тексты, которые являются главной составляющей инфодемии и ее отправной точкой. Это может быть любой текст — как псевдонаучная статья, так и короткий рассказ от первого лица. Единственное, что объединяет все инфодемические нарративы, — это то, что все они выглядят убедительно и провоцируют в обществе ответную реакцию. Французский эволюционный психолог П. Буайе считает, что влияние инфодемических нарративов более долгосрочно, чем может показаться на первый взгляд [10]. Например, существуют якобы научные статьи о том, что маски не только не защищают от коронавируса, но и вредят здоровью из-за оседания микробов и «парникового» эффекта. В этом случае срабатывает манипулятивная техника «магия авторитета», и пользователи, доверяя эксперту, отказываются от ношения масок, что, в свою очередь, ведет к увеличению заболеваемости. Это и является долгосрочным эффектом нарратива, так как проявиться увеличение заболеваемости может не сразу, а спустя 2–3 месяца.

На основе классификации Института общественных наук РАНХиГС [11] и классификации платформы по выявлению фейковых новостей First Draft [12] можно выделить четыре основных вида инфодемических нарративов, проявившихся в России особенно активно:

1. Псевдомедицинские статьи и советы.
2. Предупреждения и предсказания. Такие тексты ссылаются на «анонимных лиц из органов власти».
3. Тексты-катастрофы. Это исключительный тип нарративов, которые представляют собой не отдельные фейковые новости, а гиперболизируют уже существующие.
4. Теории заговоров.

Список типов инфодемических нарративов регулярно пополняется. Вдобавок один нарратив может входить сразу в несколько групп — например, являться одновременно и теорией заговора, и предупреждением. Также виды нарративов различаются по силе влияния на общество. В период пандемии коронавируса наибольшее влияние продемонстрировали псевдомедицинские тексты, особенно на тему профилактики заболевания. Также наиболее «живучими» инфодемическими нарративами в российской информационной среде можно считать тексты, отрицающие существование коронавируса и обесценивающие значимость принятых государством мер.

Исследователь Уолтер Кваттточокки проанализировал более 8 млн. видеороликов, посвященных коронавирусу и опубликованных в *Twitter*, *YouTube*, *Instagram* и на *Reddit* в период с января по февраль 2020 года [13]. В большей части в них обсуждались именно профилактические меры и меры защиты от болезни, включая не подтвержденные научно (то есть фейковые).

По данным российского аналитического центра *Mediascope* [14], в России самыми популярными источниками дезинформации являются такие соцсети, как «ВКонтакте» и «Одноклассники»: на них приходится 72 и 45% фейковых новостей соответственно. Сразу после них в рейтинге по количеству фейков числятся мессенджер *WhatsApp* и *Instagram*.

Всплеск инфодемических нарративов был зафиксирован весной 2020 г., когда наблюдался дефицит достоверной и официальной информации о COVID-19, а число заболевших в странах Европы и в Китае росло в геометрической прогрессии.

Катастрофическое положение системы здравоохранения в Италии и бездействие властей РФ усугубили ситуацию, вызвав волну панических настроений в российском обществе, а вместе с тем и обострение инфодемии, так как эмоциональная нестабильность населения и возникновение фейк-ньюс взаимосвязаны.

Исследователям бывает непросто проанализировать реальную значимость нарративов в связи с тем, что их жизненный цикл делится на «видимую» часть и «невидимую». Допустим, человек или группа людей создали нарратив — это публикация в группе в социальных сетях, на форуме или в закрытом чате. Если там нарратив получает популярность, то он переходит дальше — в другую группу или чат. И так по цепочке. В дальнейшем нарратив (при условии, что он продолжает набирать популярность и возымел тот или иной эффект) дублируется одновременно на разных каналах и тем самым становится видимым для исследователей, которые могут оценить его по таким критериям, как лайки, число репостов, число комментариев, количество повторных публикаций и т.д. Однако исследователи не могут знать, что происходило с нарративом до его выхода «в свет» и какой путь он прошел в закрытых группах и чатах.

Таким образом, некоторые инфодемические нарративы могут оказаться куда «старше», чем полагают исследователи. Это, однако, не представляет большой проблемы для исследований, так как переход нарратива от локального существования к активному распространению все равно остается видимым. Когда распространять нарратив начинают уже СМИ, это выводит его на новый уровень, и его влияние на общество усиливается.

Выводы. Понятие инфодемии давно знакомо человечеству и является неотъемлемым спутником любого общественного кризиса, в котором на-

селение теряет ощущение безопасности и контроля над происходящим. Фейковые новости становятся способом найти виновного и объяснить необъяснимое. Так, нестабильное эмоциональное состояние и высокий уровень стресса, сохраняемый в обществе на протяжении длительного времени, повышают вероятность возникновения фейк-ньюс и скорость их распространения. Можно сказать, что инфодемия является механизмом адаптации человека к новым и непредсказуемым условиям, поэтому она закономерна и естественна.

Инфодемические нарративы являются главным компонентом инфодемии, без которой ее как явления не существовало бы вовсе. Все нарративы объединяет такая черта, как стремление людей сплотиться, заполнить информационные пробелы, вызванные дефицитом официальной информации, и тем самым снизить уровень эмоционального напряжения в обществе. Несмотря на это, распространение подобного рода информации может привести к фатальным результатам, поэтому как мировым, так и локальным СМИ предстоит выработать эффективный алгоритм действий в период глобальных кризисов, чтобы нивелировать опасное влияние инфодемии на общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sullivan D. An existential function of enemyship: Evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control / Sullivan, D., Landau, M. J., & Rothschild, Z. K. // *Journal of Personality and Social Psychology*.— 2010.— 98(3).— P. 434–449.
2. Parsons S. A test of the grapevine: an empirical examination of conspiracy theories among African Americans / Parsons S., Simmons W., Shinhoster F., Kilburn J. // *Sociological Spectrum*. 1999. Vol. 19.— No. 2.— P. 201–222.
3. Gary Alan Fine. Rumor, Trust and Civil Society: Collective Memory and Cultures of Judgment / Gary Alan Fine // *Volume: 54, issue: 1*.— P. 5–18.
4. Kelly M Greenhill. Rumor Has It: The Adoption of Unverified Information in Conflict Zones *International Studies Quarterly* / Kelly M Greenhill, Ben Oppenheim, Volume 61, Issue

Московский педагогический государственный университет

Землянский А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования

E-mail: av.zemlyanskii@mpgu.su

3, September 2017.— P. 660–676.

5. Vosoughi S. The Spread of True and False News Online / Vosoughi S., Roy D., Aral S. // *Science*. 2018. Vol. 359.— No. 6380.— P. 1146–1151.
6. Gordon Pennycook. Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy nudge intervention / Gordon Pennycook, Jonathon McPhetres, Yunhao Zhang, & David G. Rand.— URL: https://ide.mit.edu/sites/default/files/publications/Covid-19%20fake%20news%20ms_psyarxiv.pdf (дата обращения: 22.10.2021).
7. Brainard J., Hunter P. R. (2019) Misinformation Making a Disease Outbreak Worse: Outcomes Compared for Influenza, Monkeypox, and Norovirus. *Simulation*. Vol. 96.— No. 4.— P. 365–374.— URL: <https://doi.org/10.1177/0037549719885021>.
8. Andrew Noymer. The transmission and persistence of 'urban legends': Sociological application of age-structured epidemic models / Andrew Noymer // *Journal of Mathematical Sociology*, 2001, Volume 25, Issue 3.
9. Julii Brainard. Misinformation making a disease outbreak worse: outcomes compared for influenza, monkeypox, and norovirus / Julii Brainard, Paul R Hunter. // *Simulation*. Volume: 96 issue: 4.— P. 365–374.
10. Буайе П. *Анатомия человеческих сообществ: как сознание определяет наше бытие* / П. Буайе.— М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
11. Петров Н. Тенденции и вызовы социально-экономического развития / Н. Петров, А. Архипов, В. Спиридонов, Б. Пейгин // *Мониторинг экономической ситуации в России*.— 2020.— № 8 (110).
12. First Draft.— URL: <https://firstdraftnews.org/> (дата обращения: 22.10.2021).
13. Matteo Cinelli / *The COVID-19 Social Media Infodemic* / Matteo Cinelli, Walter Quattrociocchi, Alessandro Galeazzi, Carlo Michele Valensise, Emanuele Brugnoti, Ana Lucia Schmidt, Paola Zola, Fabiana Zollo, Antonio Scala — URL: <https://arxiv.org/abs/2003.05004> (дата обращения: 22.10.2021).
14. Курносова Е. Социальные сети в цифрах / Е. Курносова // *Mediascope.net*.— URL: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_Екатерина%20Курносова_РИФ+КИБ%202019.pdf (дата обращения: 22.10.2021).

*Moscow Pedagogical State University
Zemlyanskiy A. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Journalism and Media Communications Department, Institute of Journalism, Communications and Media Education
E-mail: av.zemlyanskii@mpgu.su*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА В ПРОСТРАНСТВЕ НОВЫХ МЕДИА

И. Б. Игнатова, Е. С. Зубаркина

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 10 ноября 2021 г.

Аннотация: В статье дан анализ процессов трансформации современной журналистики, катализатором которых стали цифровые технологии. Новые медиа рассматриваются не только с позиции технологического детерминизма, но как часть медиакультуры в самом широком ее понимании. Они изменили способы коммуникации, дали аудитории возможность сотворчества. Интерактивные практики, мультимедийный контент и другие формы представления медиатекстов стали следствием изменения модели трансляции информации на модель вовлечения аудитории процесс ее создания. Не меняя сути журналистики, цифровые технологии расширили возможность диалога с потребителем, что представляется крайне важным для развития журналистики в новых условиях.

Ключевые слова: Новые медиа, дата-журналистика, виртуальная реальность, пользовательский контент

Abstract: The article is dedicated to the study of the processes of transformation of modern journalism, which were catalyzed by digital technologies. We view new media not only from the standpoint of technological determinism, but as part of media culture in its broadest sense. New media changed the way of communication, gave the audience the opportunity to co-create. Interactive practices, multimedia content and other forms of media texts have become a consequence of the change in the model of broadcasting information to the model of involvement. Without changing the essence of journalism, digital technologies have expanded the possibility of dialogue with the audience, which seems to be extremely important for the development of journalism in the new conditions.

Keywords: New media, media art, data journalism, virtual reality, user-generated content

Рассуждая о трансформации коммуникативных практик в новый — цифровой формат, мы неизбежно задаемся вопросом: только ли в технологиях (способе передачи и обмена информацией) происходит изменение? Не меняется ли само содержание коммуникации?

Термин «цифровой» как обозначение новых выразительных и коммуникационных возможностей, а также форм контента появился еще в 1990-х гг. В 1995 г. вышла книга основателя *MIT Media Lab* Николаса Негропonte «Быть цифровым» (*Being Digital*), в которой он рассуждает о принципах «цифры» и ее значения для общества. Спустя два десятилетия нам сложно представить мир без дигитализации.

Новые (новейшие) медиа, о природе которых рассуждают признанные теоретики медиа Генри Дженкинс, Лев Манович, Мануэль Кастельс, сегодня стали нашей повседневной реальностью. Мы рассматриваем их шире, чем просто технологии, но как часть современной медиакультуры в самом широком ее понимании, когда в новом медийном поле формируются новые представления о культурной норме и способах ее интерпретации [1, 291]. Вслед за В. Славиной и Я. Солдаткиной мы определяем медиакультуру как «феномен современного информа-

ционного общества, совокупность информационно-коммуникативных средств, объединяющих разные стороны общественной жизни: образование, политику, культуру, искусство и многое другое, ориентированное на распространение этико-эстетических комплексов» [1, 292].

Сегодня в цифровом пространстве существуют и успешно развиваются абсолютно все сферы общественной жизни: искусство, литература, наука, образование, журналистика. Все то, что формирует культурный код человечества, приобретает новые формы выражения в «цифре». По утверждению Ю. Лотмана, «культура есть память, поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества» [2, 3].

Когда мы говорим о журналистике как о части новых медиа, то подразумеваем трансформации, которые она переживает, встраиваясь в цифровой дискурс. И очевидным становится, что меняется ее жанровая природа, которая больше не зависит от структурно-композиционных особенностей текста. Происходит диффузия и гибридизация жанров, появляются новые формы медиатекстов.

В частности, в 2012 г. появились форматы мультимедийного лонгрида и мультимедийной истории, аккумулирующие в себе различные жанры. Пер-

вым таким опытом был проект издания *The New York Times — Snow Fall. The Avalanche at Tunnel Creek* (<https://www.nytimes.com/projects/2012/snow-fall/index.html#/?part=tunnel-creek>). Так началась эра мультимедийных проектов. Среди подобных российских форматов мы можем отметить спецпроекты издания «Коммерсант», например, «Земля отчуждения» (<https://www.kommersant.ru/projects/chernobyl>). Спустя почти десятилетие лонгриды заменили новые визуальные формы контента: VR-AR и MR-реальность, *Data Journalism*, о которых — ниже.

В связи с этими изменениями мы можем наблюдать две противоположные тенденции. С одной стороны, меняется культура потребления информации, а также формат накопления, передачи и восприятия знаний. Нарратив, присущий классическим литературным текстам или публицистике (и художественной, и журналистской), являющийся приметой медленного чтения, становится все менее актуальным. Клиповое мышление, фрагментарное восприятие информации, напротив, является приметой времени.

С другой стороны, устав от бесконечного потока ленты новостей, аудитория почувствовала потребность в «медленном» чтении, примером которого является так называемая журналистика мнения, представленная в колумнистике (например, колонки А. Мирошниченко *The Medium and the Message* на *Colta.ru*, И. Петровской в «Новой газете» и др.)

В отношении журналистских текстов нам в целом близка позиция Ю. Лотмана, который полагает, что «...текст предстает перед нами как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [3, 71]. Таким образом, мы рассматриваем текст в контексте семиотики — науки о коммуникативных системах и знаках, которыми в процессе общения пользуются люди.

Новые технологии, которые приходят в журналистику, становятся катализатором экспериментов с контентом, основанных на цифровых возможностях. Они не меняют самой сути журналистики как зеркала современного общества, однако дают ей новую аудиторию и новые векторы развития.

Сильное визуальное начало, которое доминирует сегодня в коммуникативных практиках, требует новых форм представления контента и от журналистики.

Экранная культура новых медиа реализуется в технологиях виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности. Впервые термин «виртуальная реальность» (*virtual reality*) в 1989 г. употребил американский ученый Джарон Ланье, основатель компании *VPL Research*. К описанию понятия виртуальной реальности применяют термин «дигезис», который обозначает созданную реальность внутри экранного

действия и включает в себя места и события, которые не представлены напрямую, однако подразумевается, что они существуют или произойдут [4, 35].

Журналистика погружения (*Immersive Journalism*) является логичным выражением этих технологий. Такая журналистика выходит за рамки понятий обычного потребления информации, потому что перед человеком разворачивается мир, где он может испытать эмоции, выходящие за пределы привычного восприятия медиатекстов [5, 129].

Пионером иммерсивной журналистики считается Нонни де ла Пенья, проекты которой реализованы созданной ей компанией *Emblematic Group*. Среди них: «Голод в Лос-Анджелесе» (*Hunger in L.A.*), «Проект Сирия» (*Project Syria*), «Одна темная ночь» (*One Dark Night*), «После одиночества» (*After Solitary*).

В российском медиапространстве технологиями AR и VR в журналистике занимается платформа иммерсивной журналистики РИА.Лаб (МИА «Россия сегодня»). По словам создателей, их проекты «позволяют увидеть то, что невозможно увидеть, и побывать там, где никто никогда не был. Полностью погрузиться в историю, ощутить то, что чувствует главный герой, исследовать недостижимое: реальное или фантастическое. Перемещаться в пространстве и времени» [6].

Проекты РИА.Лаб созданы в форматах как AR- так и VR-историй. Среди них: «Нюрнберг: VRдикт народов. “VR-расследование: Преступления главных нацистов Рейха против человечества”», «Музей исчезнувших картин. VR-пространство, где возрождаются утраченные шедевры», «Спутник-мусорщик: как, зачем и от чего будут очищать орбиту. AR-игра», «Как это устроено: атомный ледокол “Арктика”».

Журналистские проекты в формате виртуальной и дополненной реальности позволяют аудитории увидеть/прочувствовать то, что в реальности может быть опасно или невозможно. Благодаря этим технологиям фоновое восприятие информации уходит на второй план, меняется структура потребления, пользователь из пассивного потребителя превращается в активного. И, конечно, в современной битве за привлечение и удержание аудитории подобные форматы выигрывают.

В рамках современного цифрового пространства развивается data-журналистика, основанная на технологиях *Big data*, когда контент создается на основе использования больших массивов данных. Согласно концепции К. Линча, *big data* предполагает одновременное использование данных не только большого объема, но и разного формата, происходящих из разных источников, которые могут находиться на удалении друг от друга. [7]

Среди проектов дата-журналистики мы можем назвать, например, материал *The Washington Post* *Homes for The Taking: Liens, Loss and Profiteers* (<https://www.washingtonpost.com/sf/investigative/collection/>

homes-for-the-taking/) или интерактивный проект *The Guardian NSA Files: Decoded* (<https://www.theguardian.com/world/interactive/2013/nov/01/snowden-nsa-files-surveillance-revelations-decoded#section/1>).

Новые медиа изменили способ взаимодействия журналистики с аудиторией: модель трансляции заменила модель вовлечения. Отсюда обилие интерактивного контента. Однако главным результатом подобной трансформации стало развитие так называемой *participatory culture*, или культуры участия — феномена, описанного Генри Дженкинсом еще в 2006 г. В ее основе лежит «активное соучастие пользователя в создании и распространении нового контента» [8, 29]. В связи с этим в наш обиход вошли два понятия: просьюмер — сумма двух слов: *produce* («производить») и *consume* («потреблять») и UGC-контент, сгенерированный пользователями. Примеров подобного контента в интернет-пространстве мы можем найти огромное количество, однако приведем один из самых на сегодня популярных.

Как мы сказали выше, благодаря развитию цифровых технологий привычные нам форматы журналистики приобретают иные воплощения, одной из которых, например, являются подкасты как новый тип вещания. «Процесс медиаконвергенции захватил радио и дал этому каналу коммуникации новые формы» [9, 194]. Для дистрибуции подобного контента сегодня есть несколько ресурсов: *Apple Podcast, Castbox, Stitcher*, «Google Подкасты», «Яндекс Музыка», «ВКонтакте Подкасты». Особенность подкастов, в отличие от радио, в том, что их может выпустить абсолютно любой пользователь: от студентов до политиков. И здесь мы сталкиваемся с главной проблемой непрофессионального пользовательского контента: добросовестность в подготовке материала, его верификация и т.д.

Площадкой для UGC становятся социальные медиа — от привычных нам *Facebook* и «ВКонтакте» до мессенджеров (*Telegram*). Пространство социальных медиа удобно не только профессионалам медийной индустрии и экспертам в различных областях общественной деятельности, но и рядовым пользователям. Разница в том, что первые знают контекст событий и умеют их верифицировать, о которых пишут, а вторые — нет.

Таким образом, современная журналистика, являясь частью новых медиа, приобретает иные фор-

мы, становится интерактивной и мультимедийной, ищет новые пути взаимодействия с аудиторией в условиях конкуренции в том числе с немедийными ресурсами (Яндекс и пр.).

Мы можем сделать вывод, что современные практики цифровой коммуникации становятся катализатором изменений в различных сферах общественной жизни. В статье мы рассмотрели трансформации, происходящие с журналистикой. Технологии меняют формы медиатекстов, однако предназначение журналистики не меняется. Новые медиа дают возможность искать пути взаимодействия с аудиторией, предполагающие интерактивные формы. И она становится не просто пассивным потребителем информации, а активным участником процесса творчества в различных сферах общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славина В. А. Медиакультура как феномен информационно-коммуникационной эпохи / В. А. Славина, Я. В. Солдаткина // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. Журналистика. — 2021. — Т. 26. — № 2. — С. 286–293. — URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-286-293>
2. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПБ, 1994.
3. Лотман Ю. М. Чему учатся люди? Статьи и заметки / Ю. М. Лотман. — М., 2010.
4. Sherman W.R. Understanding Virtual Reality: Interface, Application, and Design / W. R. Sherman, A. B. Craig. — San Francisco: Morgan Kaufmann Publishers, 2016.
5. Норман, Дональд А. Дизайн привычных вещей.: Пер. с англ. / Д. Норман. — М.: Издательский дом «Вильямс», 2006.
6. РИА.Lab — экспериментальное приложение МИА «Россия сегодня». — URL: <https://ria.ru/20200519/1551445551.html> (дата обращения: 4.11.2021).
7. Lynch C. — URL: <https://www.nature.com/articles/455028a> (Дата обращения: 4.11.2021)
8. Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа / Г. Дженкинс. — М.: Рипол-Классик. 2019.
9. Зубаркина Е. С. Радио книга: история первой радиостанции о литературе / Е. С. Зубаркина // Журналистика в контексте времени / под ред. Т. Н. Владимировой, В. А. Славинной, Н. В. Кодолой. — Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. — С. 194–213

Московский педагогический государственный университет

Игнатова И. Б., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций

E-mail: ib.ignatova@mpgu.su

Зубаркина Е. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций

E-mail: es.zubarkina@mpgu.su

Moscow Pedagogical State University
Ignatova I. B., PhD in Philology, Associate Professor, Journalism and media communications Department

E-mail: ib.ignatova@mpgu.su

Zubarkina E. S., PhD in Philology, Associate Professor, Journalism and media communications Department

E-mail: es.zubarkina@mpgu.su

ВОЖАТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНЕЦ» В 60-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Н. В. Кодола

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 26 июля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается вожатское движение на страницах газеты «Ленинец» МГПИ им. В. И. Ленина в 60-е гг. XX в. Особое внимание уделяется изучению материалов студента, позже ставшего выдающимся педагогом, Александра Александровича Католикова. 13 октября 2021 г. исполняется 80 лет со дня его рождения.

Ключевые слова: газета «Ленинец», история отечественных СМИ, вузовские СМИ, студенческие газеты, вожатское движение, А. С. Макаренко, А. А. Католиков, Л. В. Плаксина.

Abstract: the article deals with the leadership movement on the pages of the newspaper "Leninets" of the Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin in the 60s of the twentieth century. Special attention is paid to the study of the materials of the student, who later became an outstanding teacher, Alexander Katolikov. October 13, 2021 marks the 80th anniversary of his birth.

Keywords: newspaper «Leninets», history of domestic mass media, university mass media, student newspapers, leadership movement, A. Makarenko, A. Katolikov, L. Plaksina.

В 1960-е годы XX века Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина являлся главным педагогическим вузом страны. В методических разработках его преподавателей была большая заинтересованность [1], и газета института «Ленинец» на своих страницах освещала все актуальные вопросы образования. Особое внимание в это время уделялось воспитанию молодежи. Этот вопрос обсуждался на заседаниях отчетно-выборных партийных собраний [2], и в «Ленинце» периодически публиковались материалы о работе вожатых [3], которые носили воспитательную функцию.

История газеты МГПИ им. В. И. Ленина «Ленинец» пока мало изучена. Существуют следующие публикации: книга Н. Ю. Богатыревой «Свято дружеское пламя» [4], в которой помещены интервью из газеты «Ленинец» с известными выпускниками и сотрудниками вуза; издание «В зеркале времени: Московский педагогический государственный университет: статьи, интервью, очерки о людях МПГУ (по страницам газет «Ленинец» и «Педагогический университет»)» [5]; статья «Эволюция вузовской прессы: роль главного редактора» [6], где анализируется работа главного редактора газеты «Ленинец» В. А. Славиной.

О ВОЖАТСКОМ ДВИЖЕНИИ В «ЛЕНИНЦЕ»

Вожатскому движению в газете «Ленинец» посвящено много публикаций, так как вуз — педагогический и преподаватели вуза имели непосредственное отношение к работе с детьми. В 1963 г. в «Ленинце»

выходит очерк «Физтеховский инструктивный». В нем В. Бугаев пишет, что вожатые испытывают трудности из-за своей неподготовленности и неопытности, поэтому преподаватели кафедры педагогики совместно с педагогическим клубом физико-технического факультета разработали новую программу подготовки студентов 3 курса к работе в пионерском лагере. И часть этой программы — обучение в инструктивном лагере. Об этом подробно рассказывает автор материала. В тексте с благодарностью упоминаются преподаватели кафедры педагогики В. М. Кларин, Л. В. Плаксина, Е. Н. Кузьмина [7].

В 1966 г. выходит уникальный номер газеты, он полностью посвящен А. С. Макаренко. Здесь представлено обращение Семена Калабалина «Дорогим студентам — будущим учителям!» и публикуется письмо самого Макаренко к семье Калабалиных. «Хочется очень знать, как началось воспитание моего долгожданного тезки, как идет прибавление в весе и какие черты Калабалиных уже можно наблюдать в этом молодом гражданине СССР. Я думаю, что в общем ему можно позавидовать. К тому времени, когда он вырастет, в нашей стране будет на каждом квартале университет, а шелковые галстуки будут прямо сваливаться с неба» [8]. Под письмом есть примечание, что оно публикуется впервые. Однако данное письмо уже было напечатано в собрании сочинений А. С. Макаренко в 1956 г. [9]. Возможно, имелось в виду, что это его первая публикация в СМИ.

Главной научной темой Элеоноры Кузнецовой стало изучение наследия педагога А. С. Макаренко. В ее доме бывали воспитанники Антона Семеновича Семен Калабалин и его жена Галина Константи-

новна [10]. Э. Кузнецова публиковала проблемные материалы в институтской газете. Так, в этом номере она пишет в статье «Воспитывать так, чтобы не пришлось перевоспитывать» о том, что важно начать воспитывать человека еще до 5 лет, иначе, как говорил Макаренко, его придется перевоспитывать. Ведь при «воспитании мы формируем у человека с первых сознательных дней жизни нравственные представления о человеке, семье обществе, о таких моральных качествах, как добро, правда, красота, верность, коллективизм, товарищество, любовь, человеческое достоинство и др.» [11].

Разворот газеты под названием «Советуюсь с А. С. Макаренко» содержит материалы о современной вожатской жизни студентов института. В номере присутствуют разнообразные жанры журналистики: новость, интервью, репортаж, письмо, статья. Репортаж «Верны до конца» [12] рассказывает о поездке на педагогическую учебу в «Заветы Ильича» 170 членов Клуба вожатых МГПИ им. В. И. Ленина. Для вуза это было очень значимым событием, студенческий лагерь даже посетил ректор МГПИ В. А. Жамин. В. Самойлов берет интервью у доктора географических наук Л. Д. Долгушина, который приехал на встречу к вожатым [13]. В номере хорошо представлен иллюстративный материал. К каждому тексту прилагаются оригинальные репортажные фотографии с развернутыми подписями.

Последняя полоса газеты отдана теме работы с трудными детьми. Кандидат педагогических наук, ассистент кафедры педагогики Л. П. Лаптева в проблемном очерке «Подросток» в начале материала предлагает вопросы, на которые отвечает в тексте: «Подросток. Почему ему нужно особое внимание? Чем он отличается от ребенка? А разве только подростки нуждаются в заботе взрослых?» Также она объясняет, почему именно эти вопросы волнуют многих: «Потому что повысился интерес к вопросам формирования личности вообще. А еще и потому, что следует больше учитывать своеобразие развития человека в этом возрасте при организации воспитательной работы». Автор предлагает конкретные пути решения проблем, рассказывает о сотрудничестве вуза и отделений милиции разных районов Москвы, где работают студенты: «Второй год большая дружба у химфака с Люсей Иванченко, выпускницей нашего института, инспектором детской комнаты 107-го отделения милиции. Физикам поручена забота о тех, кто живет в микрорайоне 7-го отделения милиции Ленинского района» [14]. Люся Иванченко, которая упоминается в материале, — это Людмила Ивановна Маленкова, организатор первого в стране макаренковского отряда. Она позже работала вместе с Лидией Павловной Лаптевой на кафедре педагогики МПГУ [1].

Проблеме работы с трудными подростками посвящены и студенческие очерки «На помощь пришли студенты» (автор Н. Дурнева, 3-й курс, физиче-

ский факультет) и «С Сашей было трудно...» (автор Н. Литвиненко, 2-й курс, педагогический факультет).

Очерк «У них настоящая дружба» написала преподаватель кафедры педагогики Л. Плаксина. «Студенты МГПИ в детском доме № 22 с лета 1965 года стали «нашими», — пишет автор. — Они пришли сюда, чтобы пройти практику в лагере, но сделали больше: оставили здесь много человеческого тепла» [15]. Лия Васильевна приводит примеры педагогических удач, например, как можно быстро перевоспитать трудного ребенка: «Перспектива начинает работать на нас. Только вчера звеньевой Саша Ломакин с нервным раздражением спрашивал: «Мы что в тюрьме? Даже встать нельзя!» А сегодня он одергивает соседа: «Не подводи звено!»». Л. Плаксина уместно цитирует А. Макаренко, и в доказательство правоты его слов предлагает ситуацию, произошедшие со студентами на практике. По Макаренко, воспитанник, который хорошо выучил урок, просыпается с хорошей перспективой, поэтому ему необходимо помочь подготовить домашнее задание. И в подтверждение дается пример: «Студентка Алла Карушина помогает Славе Карпову выучить урок английского языка. <...> Алла сидит с ним час, другой. <...> Зато на следующий день радость на весь детский дом: Слава показывает первую в жизни четверку по английскому языку» [15].

ПУБЛИКАЦИИ А. А. КАТОЛИКОВА В «ЛЕНИНЦЕ»

Отдельно стоит сказать о публикациях в «Ленинце» студента А. Католикова в 1964–1966 гг. Самых его материалов было не так много, но они являются существенными для изучения наследия педагога. Выпускник физического факультета МПГИ Александр Александрович Католиков — директор школы-интерната для детей-сирот в Сыктывкаре, последователь А. С. Макаренко, народный учитель СССР. Во время обучения в институте он был командиром клуба вожатых физического факультета.

Первая публикация А. Католикова в «Ленинце» датируется 13 января 1964 г. Это небольшая информационная заметка под названием «Нужна такая подготовка» в рубрике «Впереди пионерское лето». В ней рассказывается о подготовке вожатых к работе в летних пионерских лагерях в инструктивном лагере под Москвой [16]. Материал студента 4-го курса публикуется рядом с проблемной статьей преподавателя кафедры педагогики, члена городского совета пионерской организации Л. Чубарова «Прошедшее и будущее» [17]. Завершает тематическую полосу опрос студентов о летней педагогической практике «Преданность профессии» [18].

В следующий раз фамилия Католикова появляется в газете 29 марта 1965 г. Три полосы этого номера отведены итогам пленума комитета ВЛКСМ института, где обсуждался вопрос «Воспитание воспитателей — главная задача комсомольской организации МГПИ им. В. И. Ленина». Редколлегия «Ленин-

ца» предпослала лид к данному материалу, в котором призывает читателей к обсуждению поднимаемых проблем: «Разговор, начатый на пленуме, необходимо продолжить в организациях, материалы пленума должны быть обсуждены в группах, на курсовых собраниях. Но одного обсуждения мало. Нужны конкретные дела, нужна известная перестройка работы факультетских бюро» [19]. Такого рода проблемные материалы были характерны для средств массовой информации 60-х годов XX века. И в газете МГПИ в этот период часто встречаются подобные публикации. «Ленинец» в этом номере печатает краткое изложение всех речей выступавших на пленуме. В материале «Воспитывать воспитателя» [20] секретарь комитета комсомола Александр Гримм обращает внимание на основные проблемы в институте, связанные с воспитанием молодежи. Так как текст достаточно объемный, он разбит на подзаголовки («О формах работы», «Внимание общежитию» и другие), что облегчает чтение и делает более «живой» верстку. Содокладчиком А. Гримма был А. Католиков, который выступил с докладом на тему «Воспитание нового человека и задачи институтского комсомола». В газете его доклад выходит под заголовком «Задачи институтского комсомола» [21]. Начинается он словами: «Воспитание нового человека — главное в работе комсомола педагогического института. Учитель сегодня — это гармонически развитый человек, не только преподаватель, но и воспитатель». Автор считает, что большая роль принадлежит педагогической практике, критикует подготовку будущих учителей в институте, предлагает при кафедре педагогики создать секцию комсомольской работы. Для отечественного образования тема воспитания нового человека всегда была актуальна. И особенно в 60-е годы XX века, так как в 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята новая программа партии, где одной из главных задач являлось формирование «нового человека» [22].

А. Католиков упоминается и другими докладчиками, например член бюро комитета комсомола физического факультета А. Дайч вспоминает такой случай: «На физическом факультете из-за халатного отношения к работе члена бюро Лены Дергачевой ослабла работа шефского сектора. Встал вопрос на бюро. Саша Католиков настаивал на строгом разговоре с Леной», но «сердобольные члены бюро» сказали, что она «хорошая девочка» [23]. Здесь же критикуется и сам «Ленинец» вместе с комсомольским активом за то, что в начале года в газете была открыта рубрика «Тебе, товарищ комсорг», но в ней так и не появились материалы. К сожалению, это было характерно для издания вуза и в последующие годы, открывались новые интересные рубрики, но публикаций в них не было. В этом же номере газеты на критику в выступлении студента Католикова ответил заведующий кафедрой педагогики И. Т. Ого-

родников. Он ее посчитал справедливой и заверил, что кафедра учтет все замечания [24]. О Католикове упоминает и Г. Романенко с педагогического факультета: «В содокладе Саши Католикова верно отмечалось, что педагогическая подготовка студентов оставляет желать лучшего. <...> Уроки ведешь, а как вести воспитательную работу — не знаешь. Навыков работы с октябрятами и пионерами нам не дают» [25]. Весь материал, посвященный воспитательной работе в МГПИ, занимает три газетные полосы. В его заключении говорится, что А. Гримм признал критику справедливой.

Следующая публикация А. Католикова в газете вышла 19 апреля 1965 г. В этом номере последняя полоса была отдана рубрике «Пионерское лето». Александр в помощь вожатому в своем материале представляет план и календарь предстоящих летом знаменательных дат. И это не простое перечисление, автор дает полезные методические советы по подготовке и проведению мероприятий. Например, он пишет: «9 мая наша страна отметит 20-летие со дня победы над Германией. В лагере больше, чем в школе, условий для организации военно-патриотического воспитания пионеров. <...> Надо открыть мальчишкам секрет бесшумного следопытского шага, научить точно стрелять в цель из лука, преодолевать препятствия, знать семафорную морскую азбуку и азбуку Морзе...» [26]. Рядом с текстом Католикова — очерк председателя профкома О. А. Логиновой «От “Огонька” до “Ручейка”» под рубрикой «Вожатый». Это рассказ о работе студентов МГПИ в зимнем и весеннем оздоровительных лагерях. Подробно автор пишет о комсомольцах из лагеря «Ручеек», в том числе о Католикове: «Саша Католиков, студент физического факультета, будучи старшим вожатым, не жалел ни сил, ни времени на подготовку к лагерю и работу в нем» [27]. В заключение Логинова пишет, что профком института объявил благодарность вожатым. И здесь же публикуется заметка заместителя начальника ГУВУЗа Т. Жарова, в которой он информирует, что Главное управление высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР выражает благодарность МГПИ им. В. И. Ленина за хорошую организацию отдыха детей сотрудников министерства в пионерском лагере «Заветы Ильича» [28]. Отметим, что автор заметки выпускник МГПИ Тимофей Климович Жаров в последние годы жизни вернулся в вуз на должность директора Музея МПГУ [29].

В номере газеты от 10 мая 1965 г. выходят «Советы вожатому» А. Католикова. Студент предлагает очень хорошо продуманный методический материал, в котором рассказывает, как организовать работу вожатому [30]. 3 ноября 1965 г. «Ленинец» печатает две заметки в рубрике «Комсомольская жизнь», в которых упоминается А. Католиков» [31–32]. В этом же номере есть проблемный очерк «Они ждут вас». Один

из его авторов — преподаватель кафедры педагогики МГПИ Л. В. Плаксина, которая стала женой и соратницей А. А. Католикова. В очерке Лия Васильевна поднимает проблему воспитания и досуга трудных детей, и в качестве примера приводит детский дом № 22, где она работала с членами педагогического клуба физического факультета. Она образно описывает ребят — его жителей: «У нас 25 лохматых мальчишек и 8 девчонок, каждая из которых — живи она в другое время — с успехом могла бы заменить удалого атамана» [33]. Л. Плаксина обращает внимание на то, что детям неинтересно учиться и их досуг состоит только из игры в домино, поэтому в конце материала открыто призывает студентов МПГИ прийти в детский дом и позаниматься с ребятами.

Пятикурсник А. Католиков 6 декабря 1965 г. публикует в газете заметку «Скоро школьные каникулы» под рубрикой «Вниманию родителей». В ней он напоминает о лагерях — январском «Огоньке» и мартовском «Ручейке». Из заметки становится понятно, что это не официальные названия лагерей, а придуманные ребятами. Автор сообщает читателям о том, как прошла зимняя смена в лагере в этот раз и приглашает в «Заветы Ильича» на новую смену. Текст, как всегда, у него насыщен полезной информацией: «В отличие от летнего, срок пребывания в зимнем пионерлагере очень мал. Основная задача — оздоровительная». Поэтому вожатые проводят «лыжные вылазки, состязания на катке, веселые спуски с гор <...> КВНЫ, конкурсы, танцы, вечера поэзии музыки...» [34].

О том, как прошла смена в лагере, А. Католиков публикует репортаж 7 февраля 1966 г. «Как в “Снежинке” жили мы». И подписывает он материал уже как начальник пионерлагеря [35]. В репортаже рассказывается о посещении лагеря «африканской делегацией из Танзании»: «Теплая гусарская встреча, чай из самовара, блины, рассказ об отдыхе русских детей, совместный концерт, катание на лыжах, игра в снежки очень понравились гостям». К тексту прилагается фоторепортаж, иллюстрирующий это событие, но авторство фотографий не указывается. По приглашению в лагерь приезжают «артист театра Маяковского Сергей Лылов, массовики из Колонного зала Валентина и Владимир Морозовы и знаменитый туристский дуэт нашего института Тамара Комиссарова и Ляля Фрайтер». Ляля (Юленна) Фрайтор (в газете опечатка в ее фамилии) была известной исполнительницей авторской песни в 1960–1970-е гг. [36]. Тамара Комиссарова часто выступала с ней в дуэте, также она известна как популяризатор песен знаменитого барда, выпускника МГПИ Вадима Егорова [37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Московский педагогический государственный университет: 125 лет. — М.: ООО «Флинта», 1997.

2. Стенограмма заседания отчетно-перевыборного партийного собрания МГПИ им. В. И. Ленина 22–23 мая 1962 г. // ЦГА Москвы Ф. П-1402, 1, д. 57, л. 3–4.

3. Газета «Ленинец» МГПИ им. В. И. Ленина. 1963–1967 гг.

4. Богатырева Н. Ю. Свято дружеское пламя / Н. Богатырева. — М.: Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов, 2002.

5. В зеркале времени: Московский педагогический государственный университет. — М.: Буки Веди, 2017.

6. Кодола Н. В. Эволюция вузовской прессы: роль главного редактора / Н. В. Кодола // «Медиареальность XXI века: эпоха глобальных реформ»: материалы I международной научно-практической конференции (г. Москва, МПГУ, 5 марта 2021 г.). — М.: МПГУ, 2021. — С. 28–32.

7. Бугаев В. Физтеховский инструктивный / В. Бугаев // Ленинец. — 1963. № 22. — 17 июня.

8. Макаренко А. С. Милые, славные Калабалины! / А. С. Макаренко // Ленинец. 1966. — № 8. — 14 марта.

9. Макаренко А. С. Собрание сочинений в семи томах / А. С. Макаренко. — М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1956. — Т. VII. — С. 466–467.

10. Завьялова Н. «Макаренковские среды» Элеоноры Кузнецовой. / Н. Завьялова, Е. Соколова // Педагогический университет. 2012. — № 17–18. — 1 дек.

11. Кузнецова Э. Воспитывать так, чтобы не пришлось перевоспитывать / Э. Кузнецова // Ленинец. — 1966. — № 8. — 14 марта.

12. Красильникова Т. Верны до конца / Т. Красильникова // Ленинец. — 1966. — № 8. — 14 марта.

13. Самойлов В. Ученый в гостях у вожатых / В. Самойлов // Ленинец. — 1966. — № 8. — 14 марта.

14. Лаптева Л. Подросток / Л. Лаптева // Ленинец. — 1966. — № 8. — 14 марта.

15. Плаксина Л. У них настоящая дружба / Л. Плаксина // Ленинец. — 1966. — № 8. — 14 марта.

16. Католиков А. Нужна такая подготовка / А. Католиков // Ленинец. — 1964. — № 2. — 13 янв.

17. Чубаров Л. Прошедшее и будущее / Л. Чубаров // Ленинец. — 1964. — № 2. — 13 янв.

18. Преданность профессии // Ленинец. — 1964. — № 2. — 13 янв.

19. Ленинец. — № 10. — 1965. — 29 марта.

20. Гримм А. Воспитывать воспитателя / А. Гримм // Ленинец. — 1965. — № 10. — 29 марта.

21. Католиков А. Задачи институтского комсомола / А. Католиков // Ленинец. — 1965. — № 10. — 29 марта.

22. Полищук В. И. Традиция воспитания «нового человека» в истории российского образования / В. И. Полищук // Образование и наука. — 2013. — № 6 (105). — С. 113.

23. Дайч А. Ответственность комсомольского вожака / А. Дайч // Ленинец. — 1965. — № 10. — 29 марта.

24. Огородников И. Т. С критикой согласны / И. Т. Огородников // Ленинец. — 1965. — № 10. — 29 марта.

25. Романенко Г. Наши беды / Г. Романенко // Ленинец. — 1965. — № 10. — 29 марта.

26. Католиков А. Календарь и план / А. Католиков // Ленинец. — 1965. — № 13. — 19 апр.

27. Логинова О. А. От «Огонька» до «Ручейка» / О. А. Логинова // Ленинец.— 1965.— № 13.— 19 апр.
28. Жаров Т. Благодарим / Т. Жаров // Ленинец.— 1965.— № 13.— 19 апр.
29. Жаров Тимофей Климович. Официальный сайт МПГУ.— Режим доступа: <http://mpgu.su/immortal-regiment/zharov-timofej-klimovich/> (дата обращения: 21.07.2021).
30. Католиков А. Советы водителю / А. Католиков // Ленинец.— 1965.— № 16.— 10 мая.
31. Форум комсомолии института // Ленинец.— 1965.— № 30.— 3 ноября.
32. В центральном штабе // Ленинец.— 1965.— № 30.— 3 ноября.
33. Плаксина Л. Они ждут вас / Л. Плаксина, А. Соколов // Ленинец.— 1965.— № 30.— 3 ноября.
34. Католиков А. Скоро школьные каникулы / А. Католиков // Ленинец.— 1965.— № 35.— 6 дек.
35. Католиков А. Как в «Снежинке» жили мы / А. Католиков // Ленинец.— 1966.— № 3.— 7 февр.
36. Фрайтор Л.— Режим доступа: <http://www.bards.ru/person.php?id=3575> (дата обращения: 22.07.2021).
37. Комиссарова Т.— Режим доступа: <http://www.bards.ru/person.php?id=186> (дата обращения: 22.07.2021).

Московский педагогический государственный университет

*Кодола Н. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций
E-mail: nv.kodola@mpgu.su*

*Moscow Pedagogical State University
Kodola N. V., Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Journalism and Media Communications Department
E-mail: nv.kodola@mpgu.su*

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА РЕДАКЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ РОССИЙСКИХ СМИ

А. В. Колесниченко, Д. В. Люкайтис, У. Ю. Эшкинина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 18 ноября 2021 г.

Аннотация: уйдя на карантин в марте 2020 г., большинство редакций продолжали практиковать удаленную работу спустя год. Таковы результаты опроса топ-менеджеров 16 российских СМИ от общенациональных до районных. По словам респондентов, удаленка не повлияла ни на качество работы журналистов, ни на их заработок. Однако единого мнения по поводу того, продолжать ли работу на удаленке и после пандемии, среди медиаменеджеров нет. Сторонники возврата к офисной работе говорят о важности личного общения, сторонники удаленки утверждают, что журналист может практически все делать вне редакции.

Ключевые слова: редакционный менеджмент, пандемия коронавируса, удаленная работа, внутри-редакционная коммуникация, эффективность работы журналиста.

Abstract: having been quarantined in March 2020, most editorial offices continued to practice remote work a year later. These are the results of a survey of top managers of 16 Russian mass media from national to regional. According to the respondents, the removal did not affect either the quality of the work of journalists or their earnings. However, there is no consensus among media managers on whether to continue working remotely after the pandemic. Supporters of a return to office work talk about the importance of personal communication, supporters of remoteness claim that a journalist can do almost everything outside the editorial office.

Keywords: editorial management, coronavirus pandemic, remote work, intra-editorial communication, efficiency of a journalist's work.

Начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19 существенно повлияла на российские СМИ. Из доклада Союза журналистов России к годовщине пандемии следовало, что у почти 90% СМИ упали рекламные доходы, 40% редакций были вынуждены сократить штат, а 17,5% журналистов сообщили о более чем 20-процентном сокращении зарплаты. [1]. По данным Ассоциации коммуникационных агентств России, в 2020 г. рекламные доходы прессы снизились на 47%, радио – на 30% и телевидения – на 3% [2].

Пандемия ускорила цифровую трансформацию российских СМИ, когда в марте 2020 г. был объявлен локдаун и редакции перешли на удаленную работу. Особенности нового режима работы СМИ сразу же привлекли внимание исследователей. Выявлены сходства и различия в телетрансляциях из студии и из дома [3]. Отмечено доминирование коронавирусной тематики в новостной повестке информагентств [4]. Утверждается, что коммуникационные агентства пострадали от пандемии в гораздо меньшей мере, чем СМИ [5].

При исследовании освещения пандемии COVID-19 объектом стала инфодемия – «новая конфигурация мировой информационно-коммуникационной среды,

способствующая невероятной скорости распространения непроверенной или ложной информации, значительно усложняющей борьбу с самим кризисным событием и социальными феноменами, связанными с ним» [6]. Для противодействия инфодемии Всемирная организация здравоохранения разработала рекомендации для журналистов по освещению пандемии COVID-19 [7]. В работах российских исследователей утверждается, что репрезентация российскими медиа пандемии может травмировать аудиторию [8], вызывать тревогу [9], нервность [10] и панические настроения [11], оказывать разрушительное воздействие на личность [12]. В решении данной проблемы высокий потенциал обнаружила научно-популярная журналистика, способная убедительно доносить проверенную информацию на тему пандемии [13]. На формирование информационной картины мира влияет даже просто лексема «COVID-19», ставшая производной для множества неологизмов (постковидный, ковидиот и др.) [14].

В зарубежном научном дискурсе распространены исследования, посвященные влиянию пандемии на потребление новостей. Выявлено, что приоритетными темами являются мутации вируса, новые способы лечения и опыт людей, потерявших работу [15], а приоритетным каналом информации, несмотря на интерес к онлайн-новостям, является

ся телевидение [16], причем к соцсетям доверие значительно ниже, чем к СМИ [17], и соцсети воспринимаются как основной канал дезинформации [18, 19 и 20]. Также выявлено, что доверие к традиционным медиа как к источникам информации о COVID-19 значительно выше, чем доверие к онлайн-СМИ [21]. Зарубежные исследователи также отмечают снижение потребления печатных СМИ в начальный период пандемии, объясняя это сложностями изоляции и связанными с ней ограничениями [22]. Возвращение же телевидения к роли ведущего СМИ было вызвано характером ответных мер правительств (регулярные брифинги в прямом эфире) на пандемию COVID-19 [23].

Удаленная работа журналистов исследовалась как источник психологических проблем в связи с нарушением баланса между работой и личной жизнью [24]. Согласно исследованию Международного центра для журналистов (International Center for Journalists, ICFJ), более 80% сотрудников медиа испытали хотя бы одно негативное психологическое переживание, включая тревогу, выгорание, трудности со сном и чувство беспомощности. При этом более 70% респондентов отметили, что работодатели не предложили им помощи: ни работу по свободному графику, ни возможность взять дополнительные выходные, ни социальную поддержку, ни регулярные проверки на предмет того, все ли у сотрудников хорошо [25]. Работодатели, в свою очередь, утверждают, что удаленная работа снизила качество медиапродукции, а также вовлеченность журналистов [26].

Однако исследований влияния пандемии COVID-19 на редакционные процессы, такие как коммуникация между сотрудниками, контроль за деятельностью журналистов и производительность их работы, пока что нет ни в российском, ни в зарубежном научном дискурсе. Данное исследование призвано если не заполнить этот пробел, то хотя бы стать шагом к его заполнению.

Исследовательский вопрос был поставлен так: как повлияла пандемия коронавируса на редакционный менеджмент и в какой мере эти перемены являются новой нормой?

Гипотеза исследования: руководители редакций намерены продолжить удаленную работу независимо от улучшения эпидемиологической ситуации.

Метод исследования – анкетирование топ-менеджеров СМИ (главные редакторы, заместители главных редакторов, генеральные директора, заместители генеральных директоров и др.). Анкета состояла из десяти открытых вопросов, которые приведены ниже:

1. В чем проявился переход на удаленную работу весной, когда объявили карантин в связи с коронавирусом?
2. Как долго продолжалась работа в таком режиме?

3. В какой мере сейчас редакция вернулась к обычному режиму работы?

4. Как на удаленке изменилась коммуникация с сотрудниками редакции?

5. Как переход на удаленку повлиял на производительность журналистов?

6. Как переход на удаленку повлиял на качество материалов и соблюдение дедлайнов?

7. Как на удаленке контролировали, что журналисты занимаются работой, а не чем-то еще?

8. Как переход на удаленку повлиял на размер и порядок расчета заработка журналистов?

9. Как переход на удаленку повлиял на жанры и мультимедийность публикаций?

10. В какой мере целесообразно продолжать работу на удаленке после завершения эпидемии коронавируса?

Исследование планировалось как зондирующее, то есть с выборкой, не претендующей на репрезентативность, но охватывающей СМИ различных видов: пресса, онлайн, информагентства, радио. Телевидение было решено из выборки исключить в виду его специфики.

Кроме того, предполагалось охватить как общенациональные, так и региональные СМИ. Исследование проводилось с февраля по май 2021 г. Анкеты рассылались по электронной почте. Всего было получено 16 заполненных анкет от топ-менеджеров следующих СМИ: информагентство «Интерфакс», агентство городских новостей «Москва», ИД «Коммерсант», ИД «Свободная пресса» (Воронеж), газеты «Аргументы и факты», «Ведомости», «Вечерняя Москва», «Владимирские ведомости», «Областная газета» (Екатеринбург), «Курская правда», «Санкт-Петербургские ведомости», «Хакасия», «Орджоникидзевский рабочий» (Хакасия), объединенная редакция РБК, радиостанции «Коммерсантъ FM» и «Эхо Москвы».

Респонденты единогласно подтвердили, что в марте 2020 г. после объявления карантина их редакции в полном либо почти в полном составе перешли на удаленную работу. При этом главными были технические аспекты, обеспечивающие возможность дистанционного взаимодействия между сотрудниками и доступа к внутреннему сайту редакции.

«Переход сопровождался оперативной настройкой удаленных рабочих мест на дому у сотрудников. Сразу же были определены графики проведения zoom-совещаний, планерок, встреч, а также графики посещения офиса» (заместитель генерального директора общенациональной газеты).

«В компьютеры сотрудников было оперативно установлено ПО, обеспечивающее возможность доступа к полному объему редакционного функционала из дома. В офис в течение всего периода изоляции продолжали выходить главный редактор, его заместители и некоторые руководители направлений» (заместитель шеф-редактора общенациональной газеты).

«Вся наша редакция практически в полном составе стала работать из дома, включая технический персонал – верстку, дизайн и прочее. В редакции лишь изредка проводились совещания у руководства» (шеф-редактор региональной газеты).

Возврат же к обычному режиму работы происходил по-разному. Общее здесь лишь то, что полностью к тому, что было до пандемии, не вернулся никто. Но различия по степени возврата велики. Большинство редакций (13 из 16) на момент опроса продолжали работать преимущественно на удаленке. При этом в четырех редакциях летом 2020 г. возвращались к офисному режиму работы, но осенью 2020 г. снова ушли на удаленку. В двух редакциях на момент исследования практиковали гибридный режим работы, а в одной – в офис вернулись три четверти сотрудников. То есть у большинства редакций переход на удаленку затянулся более чем на год. И, по сути, можно говорить, что удаленка для многих редакций стала не временным явлением, а новой реальностью.

Коммуникация между сотрудниками редакции перешла в мессенджеры (в основном в WhatsApp и Telegram). Большинство респондентов (11) утверждали, что на эффективность работы это никак не повлияло. Однако четверо респондентов отметили, что отсутствие личного общения сказывается негативно:

«Выяснилось, что личный очный постоянный контакт автора с редактором и авторов между собой

не заменяется телефонными звонками, рабочими чатами и зоом-конференциями. Стали затруднены постановка задач, их обсуждение и контроль исполнения. С проблемой снижения мотивации журналистов, работающих на удаленке, редакция столкнулась как с основной» (заместитель шеф-редактора общенациональной газеты).

«Ушла невербальная, незаметная коммуникация из-за отдаления от рабочего процесса. В результате люди в отрыве от редакции стали чаще проявлять небрежность в мелочах и стал чувствоваться отрыв от общих фундаментальных принципов, принятых в нашем журналистском коллективе» (заместитель главного редактора радиостанции).

Но один из респондентов, напротив, утверждал, что дистанционная коммуникация оказалась предпочтительнее личной:

«Все рабочее общение перешло в мессенджеры, но это не только не отдалило сотрудников друг от друга, а наоборот, сыграло позитивную роль в преодолении стресса. Все были на связи со всеми 24 часа в сутки без выходных, это людей сблизило. Все рабочие вопросы стали решаться быстрее» (генеральный директор региональной газеты).

Различным оказалось и восприятие того, как повлияла удаленная работа на производительность журналистов. Здесь мнения распределились так:

Таблица 1

Влияние перехода на удаленку на производительность журналистов

Производительность журналистов	Количество респондентов
Не изменилась	9
Повысилась	3
Снизилась	2
Повысилась у одних сотрудников и снизилась у других	2

Тут различие в оценках может быть связано как с различной погруженностью топ-менеджеров в редакционную рутину, так и с нечеткими критериями оценки производительности журналистов. Но наибольший интерес представляет последний вариант ответа. «Сполна подтвердились предположения, что одни журналисты могут эффективно и ответственно работать сами без постоянного присмотра и контроля, а другие – нет». (заместитель главного редактора общенационального интернет-издания).

На качество материалов переход на удаленку, по утверждению всех респондентов, не повлиял. По крайней мере, в той части, которая зависит от журналистов. Лишь двое респондентов отмечали, что повлияло то, что ушли на карантин ньюсмейкеры и стало меньше возможностей для общения с ними, а также меньше мероприятий.

Не возникло проблем и с контролем за находящимися на удаленке журналистами, единогласно утверждали респонденты. По их словам, контроль происходил по результату: количество материалов, соблюдение дедлайнов, участие в планерке, активность в редакционном чате.

Не повлиял переход на удаленку и на заработок журналистов – ни на его величину, ни на порядок расчета. Лишь один из респондентов признал, что в его редакции снизились премии из-за снижения доходов от рекламы.

Жанровая палитра изданий изменилась в том плане, что «естественным образом» сократилось количество репортажей и материалов с мероприятий, а также интервью, в которых журналист лично встречается с собеседником. Почти все респонденты отметили, что их СМИ стали готовить много разъяс-

няющих материалов о медицине и о коронавирусе.

На мультимедийности переход на удаленную работу тоже не сказался, за исключением того, что стало меньше выездов журналистов на съемки и, соответ-

ственно, меньше отснятого самими видеоконтента.

А вот по поводу продолжения работы на удаленке и после отмены карантина мнения респондентов разделились на четыре примерно равные части.

Таблица 2

Респонденты о продолжении удаленной работы после карантина

Позиция	Количество поддержавших
Нужно продолжать работать на удаленке и после отмены карантина	4
Нужно вернуться к обычному режиму, как до карантина	5
Нужно оставить удаленку для отдельных сотрудников и ситуаций	4
Не имеет значения, как продолжать работу, на удаленке или в обычном режиме	3

Высказывавшиеся за сохранение удаленки настаивали на ее удобстве, возможности сэкономить на аренде офиса, а также говорили о техническом прогрессе, который позволяет работать из любого места. «Считаю, что на удаленке нужно делать все по максимуму. Кроме работы в поле, а также важных совещаний» (главный редактор информагентства).

Противники же говорили о необходимости живого общения и командного духа, что возможно только при личном контакте. «Продолжать работу на удаленке нецелесообразно ни в какой степени. СМИ – коллективный продукт и все самое лучшее в них, от заголовков до идей, рождается в личном обсуждении» (зам. главного редактора общенациональной газеты). «Мы рассматривали вариант оптимизации офисного режима с увеличением доли удаленной работы. Но выяснилось, что экономия на офисе не окупает издержек, связанных с коммуникационными нарушениями и снижением мотивации» (заместитель шеф-редактора общенациональной газеты). «Все сотрудники редакции отмечают, что работать из дома на постоянной основе они не хотят. Во-первых, далеко не все имеют условия для организации комфортного рабочего места дома. Во-вторых, мы столкнулись с тем фактом, что, работая из дома, мы работали нон-стоп, без выходных, перерывов на обед. Третий момент – это невероятный психологический дискомфорт из-за отсутствия четкого деления времени и места на «работу» и «дом» (генеральный директор региональной газеты).

Сторонники гибридного режима высказывались за то, чтобы сохранить удаленку только для опытных сотрудников. «Дистанционка не дала сбоя в нашем коллективе только потому что его работа была четко отлажена, каждый был на своем месте, понимая друг друга с полуслова. Но если бы в редакции была текучка, приходили бы новые люди, работать «совсем дистанционно» было бы невозможно» (главный редактор региональной газеты).

Таким образом, выявлено, что на удаленку переходили все редакции, что большинство редакций продолжают практиковать удаленную работу и что редакции в целом адаптировались к новым услови-

ям – это касается и взаимодействия между сотрудниками, и контроля за работой журналистов, и создания дома у журналистов полнофункциональных рабочих мест.

С ответом на вторую часть исследовательского вопроса сложнее. С одной стороны, значительная часть респондентов выступила против продолжения работать удаленно после завершения пандемии. В то же время плюсы удаленки также звучат заманчиво. Это и экономия денег на аренде офиса, и экономия времени на поездках на работу. В какой мере редакции будут этим пренебрегать? Тут покажет практика ближайших нескольких лет. Однако пока что гипотеза исследования подтвердилась лишь частично.

Но нужно отметить, что и до карантина были СМИ, отказавшиеся от редакционного офиса (интернет-издания «Холод», «Батенька, да вы трансформер» и др.), а также «диспетчерские» СМИ, где редакция состояла из нескольких штатных редакторов и десятков внештатников-фрилансеров, часто проживающих в других городах и даже странах. Однозначно можно утверждать лишь то, что идет поиск оптимальной модели (или моделей) редакционного устройства с учетом и технологий, и экономики, и психологии. И пандемия послужила катализатором для ускорения этого поиска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Союз журналистов России рассказал, как российские СМИ пережили пандемию. – Режим доступа: https://ruj.ru/news/soyuz-zhurnalistov-rossii-rasskazal-kak-rossiiskie-smi-perezihili-pandemiyu-14859?fbclid=IwAR3t5g5D0GxyeGUF679iugWPEtd9Gr9fXE3K00dwWfqe-wXC3Umz79P_Y08 (дата обращения: 29.07.2021).
2. Объем рекламы в средствах ее распространения в 2020 году. – Режим доступа: https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id9555 (дата обращения: 18.07.2021).
3. Гавра Д. П. Трансформация утренних телешоу в условиях пандемии коронавируса: структурные изменения в эфире программы Live with Kelly and Ryan на американском телеканале ABC / Д. П. Гавра, Д. М. Файзиева // Медиаскоп. – 2020. – Вып. 3. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2644> (дата обращения: 19.07.2021).

4. Мартыненко И. В. Коронавирус в повестке дня информационных агентств РИА «Новости» и Reuters / Е. В. Мартыненко, Е. С. Стогова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10. – № 2. – С. 338–350.
5. Муронец О. В. Деятельность российских коммуникационных агентств в условиях пандемии Covid-2019 / О. В. Муронец, И. В. Серов // Медиаскоп. – 2020. – Вып. 4. – Режим доступа: <http://www.mediascore.ru/2677> (дата обращения: 28.07.2021).
6. Серегина Т. Н. Информационные риски в условиях пандемии / Т. Н. Серегина, С. К. Сухова // Манускрипт. – 2021. – № 5. – С. 940–944.
7. COVID-19: Информационное руководство. Советы для журналистов // Всемирная организация здравоохранения. 2020. – Режим доступа: https://ru.unesco.org/sites/default/files/covid-19_adviceforjournalists_euro_ru.pdf (дата обращения: 17.07.2021).
8. Баринов Д. Н. Медиавирус страха: ообенности репрезентации российскими СМИ пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в период первой волны (январь – июнь 2020 г.) / Д. Н. Баринов // Социодинамика. – 2021. – № 2. – С. 73–84.
9. Семенова Е. А. Фейковые новости на городском медиополе в период пандемии коронавируса Covid-19 (на примере тамбовских СМИ) / Е. А. Семенова // Научно-практические исследования. – 2020. – № 5–3 (28). – С. 62–65.
10. Серова С. А. Коронавирусная пандемия и региональные медиа: случайные искажения информации и дезинформация / С. А. Серова // Проблемы массовой коммуникации: материалы междунар. науч.-практ. конф. исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью (14–16 мая 2020 г., Воронеж) / под ред. В. В. Тулупова. – Воронеж: типолaborатория факультета журналистики ВГУ. – 2020. – С. 50–52.
11. Дейнека О. С. Психологическое состояние общества в условиях инфодемии / О. С. Дейнека, Г. С. Мельник, Л. Н. Духанина, А. А. Максименко // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования: Сборник статей VI Международной науч.-практ. конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение». – 2020. – С. 194–198.
12. Пестова М. Е. Пандемия нового десятилетия: освещение темы коронавируса в СМИ / М. Е. Пестова, Е. А. Сафонов // Медиасреда. – 2020. – № 1. – С. 166–172.
13. Панюкова С. А. Освещение пандемии коронавируса в контексте научно-популярной журналистики / С. А. Панюкова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – № 4 (38). – С. 151–157.
14. Катермина В. В. COVID-19 как лингвистическое явление (на материале текстов англоязычных СМИ) / В. В. Катермина, Е. А. Яченко // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2020. – № 3 (108). – С. 51–58.
15. Muno M. (2020). Opinion: coronavirus, the media and credibility. Deutsche Welle (DW). – Режим доступа: <https://www.dw.com/en/opinion-coronavirus-the-media-and-credibility/a-53172087> (дата обращения: 19.07.2021).
16. Casero-Ripollés A. (2020). Impact of COVID-19 on the Media System. Communicative and Democratic Consequences of News Consumption During the Outbreak. El profesional de la información 29 (2): e290223. doi:10.3145/epi.2020.mar.23.
17. Ofcom. (2020). COVID-19 News and Information: Consumption and Attitudes. Results from Week One of Ofcom's Online Survey. – Режим доступа: <https://www.ofcom.org.uk/research-and-data/tv-radio-and-on-demand/news-media/coronavirus-news-consumption-attitudes-behaviour/previous-results> (дата обращения: 19.07.2021).
18. Kassam N. (2020). Disinformation and coronavirus. The Interpreter. Lowy Institute. – Режим доступа: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/disinformation-and-coronavirus> (дата обращения: 22.07.2021).
19. McDonald J. (2020). Social Media Posts Spread Bogus Coronavirus Conspiracy Theory. Factcheck.org. – Режим доступа: <https://www.factcheck.org/2020/01/social-media-posts-spread-bogus-coronavirus-conspiracy-theory/> (дата обращения: 24.07.2021).
20. The Financial Times (2020). Huge text message campaigns spread coronavirus fake news. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/34b6df5a-ea4a-471f-8ac9-606580480049> (дата обращения: 19.07.2021).
21. Nielsen R. K., R. Fletcher, N. Newman, J. S. Brennen, and P. N. Howard. (2020). Navigating the 'Infodemic': How People in Six Countries Access and Rate News and Information About Coronavirus. Oxford: Oxford University: Reuters Institute for the Study of Journalism.
22. Newman N., with R. Fletcher, A. Kalogeropoulos, and R. K. Nielsen. (2020). Reuters Institute Digital News Report 2020. Oxford: Oxford University: Reuters Institute for the Study of Journalism.
23. Sabina Mihelj, Katherine Kondor & Václav Štětka (2021) Audience Engagement with COVID-19 News: The Impact of Lockdown and Live Coverage, and the Role of Polarization, Journalism Studies.
24. Dwivedi Y. K., Hughes D. L., Coombs C., Constantiou I., Duan Y., Edwards J. S., Gupta B., Lal B., Misra S., Prashant P., Raman, R., Rana N. P., Sharmak S. K. & Upadhyay, N. (2020). Impact of COVID-19 Pandemic on Information Management Research and Practice: Transforming Education, Work and Life. International Journal of Information Management, 55-68.
25. Результаты нового исследования: как пандемия влияет на журналистику. – Режим доступа: <https://ijnet.org/ru/story/%D1%80%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8B-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F-%D0%B2%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D0%B5%D1%82-%D0%BD%D0%B0-%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D1%83> (дата обращения: 29.07.2021).
26. Медиарынок 2020: пандемия, e-commerce и трансформация контента. – Режим доступа: <https://sostav.ru/turbopages.org/sostav.ru/s/publication/mediarynok-2020-46499.html> (дата обращения: 19.07.2021).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*Колесниченко А. В., кандидат филологических наук,
доцент кафедры периодической печати
E-mail: april-7@yandex.ru*

Люкайтис Д. В., преподаватель кафедры периодической печати

E-mail: lyukaytis@gmail.com

*Эшкинина У.Ю., аспирант кафедры периодической печати
E-mail: marsipelamin@mail.ru*

Lomonosov Moscow State University

*Kolesnichenko A. V., Candidate of Philology, Associate
Professor of the Periodicals Department
E-mail: april-7@yandex.ru*

Lyukaitis D. V., Lecturer of the Periodicals Department

E-mail: lyukaytis@gmail.com

*Eshkinina U. Yu., Postgraduate Student of the Periodicals
Department*

E-mail: marsipelamin@mail.ru

БЕЛОРУССКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ: ОТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ 1990-Х — К ПОИСКУ НОВОЙ ФИНАНСОВОЙ МОДЕЛИ В 2020-Х

Е. В. Красовская

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 2 октября 2021 г.

Аннотация: в статье анализируется положение региональных газет в белорусском медиаландшафте в период постпандемии. Рассматривается финансово-экономическая ситуация в сфере государственной региональной прессы. Предлагается разработанная автором периодизация основных этапов развития белорусских региональных газет. Перечисляются главные тренды развития белорусской региональной медиасистемы. Даются рекомендации сотрудникам региональных газет по взаимодействию с аудиторией и разработке финансово-экономической модели конвергентной редакции.

Ключевые слова: региональные газеты, периодизация, Республика Беларусь, конвергентная редакция, финансово-экономическая модель редакции.

Abstract: the article analyses the position of regional newspapers in the Belarusian media landscape during the post-pandemic period. The financial and economic situation in the sphere of the state regional press is considered. The division into periods of the development of Belarusian regional newspapers is proposed by the author. The major trends of the development of the Belarusian regional media system are listed. The recommendations to employees of regional newspapers on interaction with the audience and the development of a financial and economic model of a convergence editorial office are given.

Keywords: regional newspapers, division into periods, Republic of Belarus, convergence editorial office, financial and economic model of the editorial office.

События 2020–2021 годов — эпидемия коронавируса, политические протесты, зарубежные экономические санкции — стремительно меняют медиаландшафт Республики Беларусь. В результате невостребованными становятся традиционные СМИ. В этой ситуации в наиболее уязвимом положении находятся белорусские региональные газеты государственной формы собственности (всего их — 134), финансовая модель которых предполагает получение доходов от реализации тиража.

Результаты анализа научных работ, опубликованных в статусных российских журналах по журналистике за последние пять лет и посвященных проблемам региональной прессы, демонстрируют, что научные статьи можно разделить на две основные группы. Это исследования, которые носят историографический характер [1–4], и эмпирические исследования, направленные на поиск наиболее оптимальной стратегии развития региональных печатных СМИ [5–9]. В науке о журналистике, которая развивается в Беларуси, наблюдается нехватка исследований как первой, так и второй группы. Данная статья направлена на то, чтобы компенсировать этот недостаток.

Согласно статистике, на 1 января 2021 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано 1626 печатных средств массовой информации, 261 электронное СМИ (163 радиопрограммы и 98 телепрограмм), 9 информационных агентств [10, 182] и 32 сетевых издания [10, 182; 11, 186] (в РБ действует добровольный принцип регистрации сетевых изданий для получения статуса СМИ). Абсолютное большинство — негосударственные средства массовой информации.

1626 печатных СМИ представлены 722 газетами, 863 журналами, 31 бюллетенем, 8 каталогами, 2 альманахами. Из них государственных — 438 (214 газет, 213 журналов, 11 бюллетеней), негосударственных — 1188 (508 газет, 650 журналов, 20 бюллетеней, 8 каталогов, 2 альманаха) [10, 4].

Рынок печатных СМИ в Республике Беларусь в последние годы не имеет положительной динамики: если в 2019 г. было зарегистрировано 39 новых печатных изданий (12 газет и 27 журналов), то в 2020 — только 19 (2 газеты и 17 журналов) [10, 182]. Данная тенденция обусловлена сразу несколькими факторами.

Первый фактор — изменение предпочтений аудитории при выборе каналов информации, связанное с развитием информационно-коммуникационных технологий. Согласно результатам исследований

Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, в 2020 г. наиболее востребованным каналом получения информации по общественно-политической тематике стал интернет (сайты, порталы) — 66,9%. Второе место — у телевидения (53,1%). Затем идут социальные сети и мессенджеры с показателями 33,9% и 23,9% соответственно. И только потом — печатные СМИ (22,8%). Хуже показатели лишь у радио — 7,5% [10, 5].

Второй фактор — естественные демографические изменения в социуме (смена поколений), в результате которых на авансцену выходят представители поколений Y и Z, для которых свойственно клиповое мышление, ориентированное на быструю смену картинки [12, 58–59], что в итоге способствует возрастанию спроса на сетевые ресурсы. Ранжирование ответов национальной аудитории по возрастным группам, проведенное Центром социологических и политических исследований Белгосуниверситета, также показало, что печатные издания пользуются спросом у населения в возрасте 60 лет и старше, в то время как молодежь в качестве главного канала информации использует социальные сети и мессенджеры [10, 17].

Третий фактор — экономический. Несмотря на то, что в Республике Беларусь не был введен режим обязательной самоизоляции, граждане ограничили свои социальные контакты, что впоследствии негативно сказалось на сферах бизнеса, предлагающих услуги по организации отдыха, развлечений, а также общественного питания. Кроме того, многие предприятия как государственной, так и частной формы собственности, предоставили сотрудникам возможность работать дистанционно, что, в свою очередь, сказалось на доходах частных перевозчиков, работавших в транспортной сфере. Таким образом, для экономики Республики Беларусь, которая не вводила локдаун и режим самоизоляции для граждан, последствия пандемии коронавируса COVID-19, как и в других странах, также оказались негативными. В результате многие из тех, кто работал в сфере услуг, потеряли работу или же их доходы снизились. Как итог — сформировалась тенденция экономии средств на подписку всеми группами населения.

При этом экономить начали не только рядовые читатели, но и крупные организации. По сведениям Министерства информации Республики Беларусь, «с каждой подписной кампанией качественно восстановиться тиражи становится все проблематичней. Если несколько лет назад снижение тиражей по ведомственной подписке происходило по причине объединения предприятий и организаций, в том числе бюджетных, то в настоящее время возрастает количество юридических лиц, не оформивших подписку вообще, а также существенно снизивших количество экземпляров» [10, 30]. Таким образом, экономические

последствия пандемии коронавируса COVID-19 уже не дают возможности задействовать так называемый административный ресурс, который негласно долгое время использовался в Беларуси в ходе подписных кампаний на печатные СМИ.

В итоге подписные тиражи упали у всех 19 региональных газет Брестской области, у 23 из 24 изданий Витебской области, у 17 из 24 — Гомельской области, у 16 из 18 — Гродненской, у 18 из 24 — Минской и 23 из 25 — Могилевской области [10, 30].

Тем не менее государственные региональные газеты находятся в лучшем положении, чем частные. Несмотря на то, что по состоянию на 1 января 2021 г. общий разовый тираж государственной региональной прессы составил 700 200 экземпляров, что ниже уровня начала 2020 г. на 6,4% (для сравнения: на 1 января 2020 г. — 748 200 экземпляров) [10, 30], ни одна государственная региональная газета не закрылась.

Министерство информации Республики Беларусь характеризует финансово-экономическое положение государственной региональной прессы как «относительно устойчивое». При этом показатели таковы: по итогам 2020 г. на самоокупаемость вышли только 73,5% от общего количества государственных региональных газет, что составляет 100 редакций (по итогам 2019 г. их было 113, по итогам 2018 и 2017 гг. — 107, по итогам 2016 г. — 105, по итогам 2015 г. — 94) [10, 31].

Средний процент окупаемости деятельности редакций региональной прессы (с учетом прибыльных предприятий) в разрезе шести белорусских административно-территориальных областей выглядит так: Брестская — 103,3% (за 2019 г. — 103,4%), Витебская — 101,4% (соответственно 102,6%), Гомельская — 103,5% (105,8%), Гродненская — 101,0% (103,8%), Минская — 102,2% (102,7%), Могилевская — 102,9% (104,2%) [10, 31–32].

Таким образом, редакции белорусских государственных региональных газет балансируют на тонкой грани между доходами и убытками. Это значит, что в настоящее время актуализируется проблема поиска наиболее оптимальной финансово-экономической модели редакции с учетом тех факторов, которые влияют на белорусский социум и вызывают изменения в медиапотреблении. Другими словами, можно говорить о новом этапе в развитии белорусской региональной прессы, который происходит в условиях значительных технологических, культурных и экономических трансформаций в социуме.

В целом в развитии белорусских региональных печатных СМИ можно выделить несколько периодов.

1991–1998 гг. — появление региональных газет разных форм собственности (государственных, частных, прессы общественных объединений и организаций), созданных различными учредителями (физическими и юридическими лицами).

1999–2008 гг. — рост типологического многообразия региональных газет, когда стандартную палитру областных, городских и районных (объединенных) газет пополнили межрегиональные периодические издания (распространялись во многих районах и порой охватывали территорию нескольких областей), «горрайонки» (газеты небольших провинциальных городов, которые одновременно обслуживали городскую и районную аудиторию), городские районные газеты (издания административных районов крупных городов — аналог российских «муниципальных вестников»), печатные СМИ деревень и небольших поселков, а также газеты отдельных многоэтажных домов.

2009–2012 гг. — период, когда последствия мирового экономического кризиса начали негативно сказываться на финансово-экономическом состоянии региональных редакций, что стало импульсом для использования их внутренних резервов (в государственных СМИ — сокращение штата сотрудников, активизация деятельности по оказанию издательских услуг; в частных — отказ от бумажной версии в пользу сайта и полный переход в онлайн).

2013–2017 гг. — оптимизация системы государственных региональных газет: создание укрупненных информационных структур разных видов на базе областных газет, в результате чего за ними закрепляется статус своеобразных драйверов развития региональной медиасистемы (например, газета «Мінская праўда» несколько лет подряд позиционировала себя на официальном сайте как «своеобразный учебно-методический центр для коллективов районных, городских и объединенных газет области», где «журналисты получают необходимые консультации» [13]).

2018–2019 гг. — ориентация государственных региональных СМИ конкретной административно-территориальной области страны на стратегию развития, разработанную государственной областной газетой (по примеру «Гомельскай праўды» районные газеты Гомельской области стремятся превратить свои сайты в популярные порталы; практический опыт «Мінскай праўды» по стимулированию журналистской оперативности распространяется в районных газетах Минской области благодаря образовательным семинарам).

2020 г. — настоящее время — начало преобразования стандартных редакций государственных региональных газет в конвергентные с параллельным поиском наиболее оптимальной финансовой модели, которая бы позволила работать с учетом изменившихся предпочтений аудитории в отношении используемых каналов информации и новых информационных запросов (например, редакция областной газеты «Витебские вести» пытается зарабатывать, предлагая читателям на своем сайте PDF-вариант свежего номера «бумажной» версии; в редакции областной газеты «Заря» разработан

специальный пакет услуг для рекламодателей «газета + сайт» с предоставлением скидок постоянным клиентам; коллектив «Гродзенскай праўды» предлагает доступ к контенту газеты и ее сайта на условиях платной подписки или цитирования районным и республиканским изданиям).

В целом белорусские региональные газеты в течение последних пяти лет следуют траектории развития медиасистем развитых стран мира, обозначенной М. Г. Шилиной еще десять лет назад [14, 18–20]. Двенадцать тенденций, сформулированных М. Г. Шилиной, были рассмотрены через призму социокультурных факторов и векторов развития белорусской региональной медиасистемы, в результате чего схожие тенденции были объединены в шесть групп и обозначены следующим образом [15, 128]:

- смена коммуникационной парадигмы в рамках региональной медиасистемы (переход от односторонней модели к двусторонней равноправной модели коммуникации — субъект-субъектной модели — не только в онлайн-новой, но и в офлайн-среде);
- веб в качестве основной платформы для коммуникации во всех видах СМИ, входящих в региональную медиасистему;
- появление новых типов коммуникации с аудиторией, которые возникли благодаря конвергенции;
- создание контентных продуктов «по запросу» аудитории и изменение параметров журналистского текста в целом, что связано с переходом от производства медийного продукта к производству медийного цифрового контента, когда задействованы возможности комплексного технологического и эмоционального воздействия на аудиторию и взаимодействия с ней;
- создание в рамках конвергентных редакций принципиально новых источников получения прибыли;
- восприятие медиасообществом оперативного и активного отражения в контенте СМИ интересов социума как необходимого условия доверия аудитории.

М. Г. Шилина полагает, что базовым трендом функционирования любой медиасистемы станет расширение участия аудитории в процессе коммуникации, другими словами, — возможностей субъект-субъектного взаимодействия [14, 20], что справедливо и для региональной медиасистемы Республики Беларусь.

Таким образом, если сотрудники редакций белорусских региональных газет обратят внимание на перечисленные тренды, это поможет им перестроить свою практику взаимодействия с аудиторией и выработать оптимальную финансово-экономическую модель функционирования конвергентной редакции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А. И. У истоков региональной печати. «Тамбовские известия» как первая провинциальная газета / А. И. Иванов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 3. — С. 125–127.
2. Кажикин А. А. Образ современника в областной газете «Коммуна» послевоенного периода / А. А. Кажикин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 3. — С. 93–97.
3. Страшнов С. Л. О судьбе ежедневных региональных газет (на примере изданий Ивановской области) / С. Л. Страшнов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 3. — С. 150–153.
4. Шмойлов И. С. Зарождение официальной прессы в российской провинции (на примере Симбирской губернии) / И. С. Шмойлов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 3. — С. 166–169.
5. Вартанов С. А. Работа журналиста в современной региональной газете: творческие аспекты / С. А. Вартанов, А. В. Колесниченко, О. В. Смирнова и др. // Вестник Московского государственного университета. Серия 10: Журналистика. — 2019. — № 6. — С. 3–24.
6. Калашников С. С. Проблема огосударствления финансирования частных региональных СМИ / С. С. Калашников // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 3. — С. 87–88.
7. Колесниченко А. Новые технологии в практике журналистов российских газет / А. Колесниченко, О. Смирнова, Л. Свитич, Д. Фомина // Меди@альманах. — 2019. — № 5. — С. 42–55.
8. Скрипникова Н. Н. Мультимедиазация региональной журналистики: формирование современного контента / Н. Н. Скрипникова // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 1 (35). — С. 135–139.
9. Черненко Ю. Челябинская пресса в условиях цифровизации медиасреды: тенденции и проблемы / Ю. Черненко, А. Светлова // Меди@альманах. — 2019. — № 5. — С. 87–94.
10. Справочно-аналитическая информация о деятельности отрасли СМИ и печати в 2020 году / Министерство информации Республики Беларусь. — Минск: Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2021. — 202 с.
11. Справочно-аналитическая информация о деятельности отрасли СМИ и печати в 2019 году / Министерство информации Республики Беларусь. — Минск: Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2020. — 202 с.
12. Медведская Е. И. Цифровизация образования: о рисках деинтеллектуализации поколения Z / Е. И. Медведская // Адукацыя і выхаванне. — 2020. — № 7 (343). — С. 55–63.
13. О газете // Мінская праўда. — Режим доступа: http://mpravda.by/o_gazete.html (дата обращения: 30.06.2017).
14. Шилина М. Г. Тенденции развития современных медиасистем и актуальные концепции теории СМК / М. Г. Шилина // Вестник Московского государственного университета. Серия 10: Журналистика. — 2010. — № 1. — С. 6–22.
15. Красовская Е. В. Трансформация печатных СМИ в эпоху интернета / Е. В. Красовская // Выдавецкая справа ў Рэспубліцы Беларусь: гісторыя, сучасны стан, праблемы і перспектывы: зборнік навуковых артыкулаў. — Мінск: БДУ, 2019. — С. 123–131.

Белорусский государственный университет
Красовская Е. В., старший преподаватель кафедры
медиаологии
E-mail: el.krasovskaya@yandex.ru

Belarusian State University
Krasovskaya E. V., Senior Lecturer of the Mediology
Department
E-mail: el.krasovskaya@yandex.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГЕМ И ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОЛОГЕМ В МАССМЕДИА

Ю. В. Маркина

Ростовский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 10 июля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются лингвистические идеологемы и политические мифологемы в зарубежных СМИ, которые формируют в общественном сознании целостный медийный образ определенного государства. Образ страны детерминруется во многом конструированием определенных информационных, социокультурных, политико-экономических архетипов и представлений о данном государстве, значительную часть которых активно поддерживают массмедиа. Сегодня, помимо введения экономических санкций против неугодного государства, вполне эффективны меры, когда возможно представить данную страну инвестиционно непривлекательной, дискредитировать ее на авторитетных международных площадках и во всевозможных рейтингах.

Ключевые слова: политические мифологемы, медийный образ, лингвистические идеологемы, мировые СМИ, медиапотребление, медианпространство.

Abstract: the article examines linguistic ideologemes and political mythologemes in foreign media, which form in the public consciousness a holistic media image of a particular state. The construction of certain information, socio-cultural, political and economic archetypes and ideas about the state determine the image of this country, and significant part of such archetypes is actively supported by the mass media. Today, in addition to the introduction of economic sanctions against an unwanted country, measures are quite effective when it is possible to present it as unattractive for investment, discredit it on reputable international platforms and in all kinds of ratings.

Keywords: political mythologemes, media image, linguistic ideologemes, world media, media consumption, media space.

Многообразные стороны российской действительности на протяжении последних тридцати лет активно освещаются в зарубежных СМИ. Значительно увеличилось количество серьезных и интересных публикаций в известных иностранных изданиях, посвященных внешней и внутренней российской политике, ее социокультурной жизни.

На информационном поле Запада вокруг России уже долгое время преобладают негативные точки зрения. Политические мифологемы и лингвистические идеологемы прочно вошли в медийный дискурс, и, чтобы адекватно воспринимать и реагировать на них, необходимо более осознанно изучать то, что пытаются внедрить в общественное сознание медийные структуры. Для этого необходимо более глубокое и детальное практическое изучение данной проблемы в контексте современных зарубежных СМИ, поскольку иностранные массмедиа для защиты собственных интересов располагают различными возможностями информационно-идеологического влияния на мировое общественное сознание и, следовательно, достижения своих геополитических целей. Составленные соответствующим образом визуальный ряд и тексты позволяют создать в умах

западной аудитории нужную картинку.

Вопросы изучения влияния СМИ на процесс формирования медийного образа определенного государства являются темой дискуссии и предметом работ многих российских и зарубежных исследователей. Значительный вклад в формирование медиаобраза, изучение сущности, методов и особенностей ведения информационных войн, а также основ информационной безопасности современного государства внесли такие исследователи, как С. Г. Кара-Мурза, И. М. Дзялошинский, И. Н. Панарин.

Известный исследователь МГУ Н. И. Клушина рассматривает идеологему сквозь призму коммуникативной стилистики, что является определяющим и решающим фактором в ее представлениях о данном феномене. Автор понимает под лингвистической идеологемой «центральное понятие публицистики, единицу коммуникативной стилистики, базовую интенциональную категорию публицистического текста и публицистического дискурса, которая задает определенный идеологический модус любому публицистическому тексту» [1, 34].

По мнению Н. А. Купиной, «мифологемой может стать идеологема, получившая приращение, объективно обладающее недостоверностью. Такое приращение мифологизирует идеологему» [2, 184].

Мифологема и идеологема являются эффективным инструментом воздействия на общественное сознание. Политические мифологемы активно поддерживаются любимыми коммуникативными потоками, поскольку представляют собой многократно проверенный путь к массовому сознанию. Именно этим они и интересны, поскольку опираются на уже имеющиеся в сознании связи, симпатии и антипатии, сломать которые пока никому не удалось. Перевод имеющегося сообщения на язык мифологем потребителя информации, несомненно, облегчает воздействие. «Мифологема может использоваться как особый язык, «культурный код», на котором можно объясниться с человеком. Такой «культурный код» может служить идентификацией природного национализма, который разделяет людей на *своих* и *чужих*» [3]. Однако во благо или во вред они будут использованы, будет зависеть от тех, в чьих руках сосредоточены рычаги управления массовым сознанием, и в первую очередь, от представителей СМИ, не случайно называющих себя «четвертой властью».

Политическая мифология, определяемая как разновидность современной мифологии, как утверждает исследователь А. В. Шульга, «может быть конструирована согласно основному принципу построения послед ней: при сохранении основных мыслительных процедур и когнитивных особенностей, характерных для мифологического мышления, в качестве материала используются но вые, современные реалии. Современная политическая мифология — это осмысление в логике мифомышления социальных реалий, связанных с отношениями власти» [4].

Активную информационную войну Запад ведет с Россией еще с момента образования СССР и продолжает вести ее и по сей день, когда на мировой геополитической арене Российская Федерация укрепляет свои позиции. Политологи и журналисты западных стран применяют разнообразные методики манипулирования и приемы воздействия. «Мы не можем победить Советский Союз в обычной войне, — заявлял Джон Кеннеди еще в 1961 г. при вступлении в должность президента США. — Это неприступная крепость. Мы можем победить Советский Союз только идеологическими и психологическими методами, пропагандой и экономикой» [5].

Сегодня, в рамках нарастающей глобализации и усиливающегося сопротивления глобальным процессам, лингвистическая идеологема «свой/чужой» приобретает глобальные формы: «свой» демократичный Запад противопоставляется обычно «чужой» недемократичной, авторитарной России. Мы постарались выявить национально-культурные составляющие концепта «свой/чужой» в западной культуре (на материале публикаций европейских и американских изданий), являющихся наиболее значимыми в процессе межкультурной коммуникации.

Большинство статей, проанализированных нами

в ходе исследования, строятся на противопоставлении западного и российского, соответственно, правильного и неправильного образа жизни. Основная часть российских исследователей обращается к идеологеме «свой/чужой» с позиции России. В данных работах уделяется внимание исследованию образа различных стран мира в представлениях россиян, мы же попробуем осуществить противоположную задачу. Для этого выделим критерии деления на «своих» и «чужих» и попробуем объяснить причины формирования данной дихотомии.

Лингвистическая идеологема «свой/чужой» строится на непрерывном сравнении, сопоставлении мировоззрения, образа жизни различных культур. Проанализируем с данной позиции образ России, формируемый в европейской прессе.

Наиболее ярко в журналистских текстах представлена зооморфная лингвистическая идеологема «Россия в образе медведя», прочно вошедшая еще в период Наполеоновских войн. «О “русском медведе” писал и Карл Маркс, медведя рисовал английский журнал «Панч», медведем пугали своих сограждан такие разные политические персонажи как Гитлер, Черчилль и Рейган. Причем после распада СССР это все не закончилось, медведь продолжил пугать Запад» [6]. Данная идеологема позволяет образно представить целый ряд характерных для зарубежных политических текстов понятий и противопоставлений. На конкурсе World Press Cartoon в 2007 г. первое место заняла карикатура шведского художника под псевдонимом Riber, представившая президента России в образе медведя, ухаживающего за своими когтями — ядерными ракетами.

В зарубежных СМИ характерно восприятие России в образе опасного, агрессивного, дикого и ленивого «русского медведя». Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно остановить внимание на следующих высказываниях и заголовках:

— *Бойтесь русского медведя! Коварный хищник обманывал США снова и снова* (The National Review, 3 марта 2014, США) [7];

— *Россия — это огромный «полярный медведь», с существованием которого Запад не может смириться* (The Global Times, 19 апреля 2021, Китай) [8];

— *Крымский кризис: Дэвид Кэмерон осмелился толкнуть русского медведя* (The Guardian, 3 марта, 2014, Великобритания) [9];

— *Медведь рычит на Европу: Неожиданные военные учения Путина раздражают соседей России* (The Washington Times, 29 марта 2013, США) [10];

— *Россия ведет себя как раненый медведь, который бросается на все подряд* (The Voice of America, 11 февраля 2019, США) [11];

— *... для Британии опасно самой отправиться в крепкие объятия русского медведя; Если отвернешься на секунду, русский медведь тут же набросится на тебя* (The Daily Mail, 9 февраля 2020, Великобри-

тания) [12];

— *Европа и страх перед русским медведем* (Wiener Zeitung, 7 мая 2019, Австрия) [13];

— *Россия — опасный, но больной медведь* (Le Point, 27 августа 2015, Франция) [14].

Сопоставление России с образом медведя усугубляет сложившиеся противоречия и воспринимается изданиями не как символ мощи страны, а, напротив, как символ агрессии, соответственно формируя в общественном сознании идеологему «чужой».

Следующая анализируемая нами мифологема, реализуемая в современной зарубежной прессе и являющаяся одной из базовых — это «герой/антигерой». Как утверждает российская исследовательница Н. В. Шульга: «Мифологема “героя” при дает смысл индивидуальному существованию «массового человека», создавая для него некие «идеальные» образцы поведения» [15].

Рассмотрим на конкретных примерах процесс формирования мифологем «герой» и «антигерой» в иностранной прессе.

Применительно к России в зарубежном медиапространстве складывается двоякая ситуация: с реализацией данной мифологемы один и тот же человек, Владимир Владимирович Путин, предстает в роли героя и антигероя одновременно, что само по себе не может не вызывать удивления. Отечественный политолог Андрей Савельев говорит по этому поводу следующее: «Представление о героизме в наших условиях оказывается настолько размытым и неясным, что большинству населения уже трудно отличить информационную обертку какой-нибудь пустышки от действительного героя, совершившего подвиг» [16, 251].

Журнал The Time назвал в 2007 году человеком года президента России Владимира Путина. Однако это нельзя трактовать как признание его героем, о чем отмечает сам журнал: «Звание “человек года”, присуждаемое журналом The Time, не является в данном случае почестью. Это — не знак одобрения, и не признание популярности...» [17]. Свой выбор журнал объясняет тем, что, поступившись в значительной мере принципами и идеями, которые так ценят свободные нации (имеется в виду противопоставляемый Запад), «Путин продемонстрировал выдающиеся лидерские качества, дав стабильность нации, которую та почти не знала, и, вернув России статус мировой державы» [17].

В зарубежной прессе в первой декаде 2000-х гг. существовал весьма распространенный миф о том, что Владимир Путин — живое воплощение советского КГБ. По мнению издания The Guardian, «Путин — не “человек в штатском”, а классический образец постсоветского бизнесмена» [18].

Пожалуй, самой популярной идеологемой «антигерой», представленной в англоязычных СМИ является образ Путина-диктатора.

— *Идеология России представляет собой смесь ксенофобии, национализма, авторитаризма, самодовольства и ностальгии по советскому прошлому, в том числе и по сталинской эпохе* (The Daily Mail, 17 января 2008, Великобритания) [19];

— *Хулиганство Путина может выйти ему боком. Западные страны все больше привыкают к ответственности России Владимира Путина* (The Financial Times, 18 января 2008, Великобритания) [20].

Очень популярен у англосаксонских СМИ и образ Путина-царя или князя:

— *Путин использует новые технологии, но он является классическим русским царем* (The Washington Post, 20 октября 2020, США) [21];

— *Путин — царь на глиняных ногах после 20 лет у власти?* (La Dépeche, 9 августа 2019, Франция) [22];

— *Он пытался позиционировать себя в общественном сознании как “хороший царь”, и у него это получилось* (The Christian Science Monitor, 11 августа 2009, США) [23];

— *Путин — царь всея Руси и миротворец* (Mediapart, 27 июля 2018, Франция) [24];

— *“Новый император”: Россия готовится еще к 16 годам Путин* (The New York Times, 11 марта 2020, США) [25].

Образ В. В. Путина на основании анализа рассмотренных статей наиболее соотносится с мифологемой «антигероя», хотя зачастую формально содержит в себе все компоненты, относящиеся к жизненному пути «героя» (чудесное рождение героя — жизнь — подвиги — борьба с врагом — смерть — жизнь после смерти). Издание The New York Times пишет, что Россия, в лице президента Владимира Путина активно, но незаконно вмешивается в политику других стран (например, присоединение территории другого государства — полуострова Крым). В. В. Путин, по мнению The New York Times, имеет также непосредственное отношение к выборам президента США в 2016 году [25]. Следовательно, у американского читателя формируется идеологема «антигероя» — В. В. Путина как политика агрессивного, жесткого и недемократичного.

Конечно же, иностранные СМИ активно освещают предвыборную кампанию президента В. В. Путина, например:

— *За 19 лет пребывания у власти он заглушил голоса оппозиции в большинстве общенациональных средств массовой информации, ликвидировал региональные выборы, укротил Думу, увеличил президентский срок с четырех до шести лет и потворствует подхалимским попыткам создать ему культ личности. В результате в России возникла так называемая управляемая демократия, являющаяся жестокой пародией на реальную демократию* (The Washington Post, 5 января 2018, США) [26].

Анализируя интернет-ресурсы американских изданий The Daily news и The Washington Post, мы

видим, как журналисты акцентируют свое внимание на наращивании военной мощи России, якобы Россия готовится к ядерной войне, а инициатором этого является Владимир Путин. Именно он, по мнению данных изданий, продолжает уже закончившуюся холодную войну и американцам следует ожидать реванша.

Таким образом, в англосаксонских СМИ представлена идеологема «антигероя» — образ В. В. Путина как врага демократических ценностей, жесткого политика с имперскими амбициями. Многие его действия, по мнению британских и американских СМИ, противоречат демократическим ценностям Запада; он поступает только в личных интересах, стремясь увеличить свое влияние в мире.

Образ же В. В. Путина в китайских СМИ несомненно, отражает идеологему «герой», поскольку российский президент представлен в роли культового непревзойденного лидера и политика.

Образ «героя» также представлен и во французской прессе, где Россию называют одной из самых развитых стран мира, которая первой в мире изобрела вакцину от COVID-19. Обсуждения начались после выхода 12 августа 2020 г. французской газеты *Liberation*, на обложке которой был представлен президент Владимир Путин в образе супергероя Джеймса Бонда, только вместо пистолета он держит в руке шприц. Заголовок также делает отсылку к названию фильма о Бонде «Завтра не умрет никогда» [27]. Журналисты, по-видимому, хотели подчеркнуть важность данного открытия. После выхода этого выпуска французские сети переполнились обсуждениями российской разработки. Некоторые читатели пытались иронизировать, но их быстро отрезвили тем, что вакцина — это возможность спасти людям жизни и подобный юмор не уместен. «Многие в комментариях высмеивают этот подвиг, который может спасти миллионы жизней во всем мире. Они не знают, что Россия — самая развитая страна с точки зрения бактериологической войны; вакцина не была создана из ничего, это была уже существующая вакцина, которую модифицировали против COVID-19. Но французы вместо того, чтобы радоваться, не хотят отступить от правила быть капризными пессимистами», — оставил свой комментарий после статьи пользователь Тарик Амири.

В заключение можно резюмировать, что политические мифологемы и идеологемы в зарубежных СМИ являются отражением информационной политики, диктуемой высшим руководством изданий, а также результатом умелой работы мифотехнологов и опытных журналистов. Так, политические мифологемы и лингвистические идеологемы в англосаксонских массмедиа в большинстве своем приводят не к интеграции, а к дезинтеграции общества, к противостоянию «своего/чужого». Образ России как «чужого» поддерживается в американских и британских СМИ

и получает свое дальнейшее воплощение в литературе, искусстве, спорте.

Как утверждает Н. Е. Булгакова, «идеологема всегда маркирована, то есть эмоционально окрашена. Целенаправленное использование идеологем является эффективным средством управления общественным сознанием. Идеологема легко запоминается и создает иллюзорный эффект понимания у объекта манипуляции» [28].

Разделение мира на «свой» и «чужой» является универсальной лингвистической идеологемой, при этом культурное разнообразие порождает непрерывное сравнение. Хотелось бы, чтобы «чужое» не всегда оценивалось бы однозначно негативно, и в итоге пришло понимание того, что есть что-то лучше, и в итоге более критичное отношение к своей культуре побудило бы развиваться и добиваться превосходства. Это видится нам очень важным, поскольку в рамках нарастающей глобализации и усиливающегося сопротивления глобальным процессам, оппозиция «свой/чужой» приобретает широкие масштабы и негативные последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. И. Клушина. — М., 2008.
2. Купина Я. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем / Я. А. Купина // Русский язык сегодня / отв. ред. Л. П. Крысин. — М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1. — С. 182–190.
3. Лебон Г. Психология масс / Г. Лебон; переводчики Э. К. Пименова, А. Фридман. — М.: Юрайт, 2020.
4. Шульга Н. В. Мифотворчество в средствах массовой информации / Н. В. Шульга // Концепт. — 2013. — № 3 (19). — С. 137–143.
5. Kennedy John F. Inaugural Address / John F. Kennedy // January 20, 1961. — Режим доступа: <https://www.bartleby.com/124/pres56.html> (дата обращения: 14.07.2020).
6. Сокирко В. Запад разбудил русского медведя: Россия выбирает символ силы / В. Сокирко // Свободная пресса. — 2019. — 29 ноября. — Режим доступа: <https://svpressa.ru/society/article/250375/> (дата обращения: 03.06.2021).
7. Fund John. Beware the Russian Bear. The wily predator has fooled the U.S. / John Fund // National Review. — March 3, 2014. — Режим доступа: <https://www.nationalreview.com/2014/03/beware-russian-bear-john-fund/> (дата обращения: 02.06.2021).
8. Hu Xijin. Russia a huge 'polar bear' the West can't digest / Xijin Hu // Global Times. — April 19, 2021. — Режим доступа: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1221409/> (дата обращения: 11.06.2021).
9. Crimea crisis: David Cameron dares to poke the Russian bear // The Guardian. — March 3, 2014. — Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/> (дата обращения: 13.06.2021).

10. Waterman Shaun. Bear roars at Europe: Putin's surprise military exercise irks Russia's neighbors / Shaun Waterman // The Washington Times.— March 29, 2013.— Режим доступа: <https://www.washingtontimes.com/news/2013/mar/29/putins-surprise/> (дата обращения: 05.06.2021).
11. US Navy calls Russia 'a wounded bear that just throws itself' // Voice of America.— February 11, 2019.— Режим доступа: <https://www.forumdaily.com/en/v-voorzuzhennyx-silax-ssha-nazvali-rossiyu-ranenym-oslablennym-medvedem-kotoryj-prosto-brosaetsy/> (дата обращения: 12.06.2021).
12. Almond Mark. The Kremlin is ruthlessly exploiting the Covid-19 and Brexit chaos... and Britain's cut-price defences / Mark Almond // Daily Mail.— February 9, 2020.— Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-9036583/> (дата обращения: 05.06.2021).
13. Geets Siobhán. Europa und die Angst vor dem russischen Bär / Siobhán Geets // Wiener Zeitung.— Mai 7, 2019.— Режим доступа: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/20081/> (дата обращения: 07.06.2021).
14. Colomès Michel. La Russie, un ours dangereux, mais malade / Michel Colomès // Le Point.— Août 27, 2015.— Режим доступа: <https://www.lepoint.fr/editos-du-point/michel-colomes/la-russie/> (дата обращения: 07.06.2021).
15. Шульга А. В. Мифологема в структуре массового сознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. В. Шульга.— Омск, 2006.— Режим доступа: <https://www.disserscat.com/content/mifologema> (дата обращения: 29.05.2021).
16. Савельев А. Политическая мифология / А. Савельев.— М.: Литрес, 2018.
17. Stengel Richard. Why We Chose Putin / Richard Stengel // The Time.— December 19, 2007.— Режим доступа: <http://www.inosmi.ru> (дата обращения: 16.06.2021).
18. Белковский С. Путин — не “человек в штатском” / С. Белковский // The Guardian.— January 31, 2008.— Режим доступа: <http://inosmi.ru/inrussia/20080131/239301.html> (дата обращения: 15.06.2021).
19. Lucas Edward. Putin: the brutal despot who is dragging the West into a new Cold War / Edward Lucas // The Daily Mail.— January 17, 2008.— Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-509177/Putin-brutal-despot/> (дата обращения: 13.06.2021).
20. Putin's bullying may backfire // The Financial Times.— January 18, 2008.— Режим доступа: <https://www.ft.com/content/750bc378-c52c/> (дата обращения: 13.06.2021).
21. Drehle David. Putin may be using new technology, but he is a classic Russian czar / David Von Drehle // The Washington Post.— October 20, 2020.— Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/putin-may-technology-but-he-is-a-classic-ruczar/2020/10/20/> (дата обращения: 18.06.2021).
22. Blanc Hélène. Après 20 ans de pouvoir: Poutine, un tsar aux pieds d'argile? / Hélène Blanc // La Dépeche.— Août 9, 2019.— Режим доступа: <https://www.ladepeche.fr/2019/08/09/apres-20-ans-de-pouvoir-poutine-un-tsar/> (дата обращения: 16.06.2021).
23. Weir Fred. Ten Years on, Russia's Putin Has Gone from 'Nobody' to Unshakably Powerful / Fred Weir // The Christian Science Monitor.— August 11, 2009.— Режим доступа: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2009/0811/p06s07-woeu.html> (дата обращения: 12.06.2021).
24. Chitou Chems Eddine. Poutine le tsar de toutes les Russie faiseur de paix tranquille / Chems Eddine Chitou. // Mediapart.— Jul 27, 2018.— Режим доступа: <https://blogs.mediapart.fr/semcheddine/blog/260718/poutine-le-tsar-de> (дата обращения: 14.06.2021).
25. Trojanovsky Anton. New 'Emperor': Russia Girds for 16 More Years of Putin / Anton Trojanovsky // The New York Times.— March 11, 2020.— Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/03/11/world/europe/russia-putin.html> (дата обращения: 18.06.2021).
26. Filipov David. This Russian Presidential Contender has Zero Chance Against Putin. But a Man Can Dream / David Filipov // The Washington Post.— January 5, 2018.— Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/europe/this-russian/2018/01/05/> (дата обращения: 18.06.2021).
27. Французская газета поместила на обложку Путина в костюме Бонда // РИА новости, 12.08.2020.— Режим доступа: <https://ria.ru/20200812/1575688023.html> (дата обращения: 20.06.2021).
28. Булгакова Н. Е. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие / Н. Е. Булгакова // Мир русского слова.— 2012.— № 2.— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovesnye/> (дата обращения: 30.06.2021).

Ростовский государственный экономический университет

Маркина Ю. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи

E-mail: yulia_markina@list.ru

Rostov State University of Economics
Markina Y. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Speech Culture Department
E-mail: yulia_markina@list.ru

ЖУРНАЛ «ВЕСЫ» (1904–1909) КАК ГЛАВНЫЙ ОПОТ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

Н. Д. Мельник

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Поступила в редакцию 8 ноября 2021 г.

Аннотация: статья посвящена истории журнала «Весы» (1904–1909), ставшего под фактическим руководством В. Брюсова идейным и организационным центром символизма в Российской империи. Анализируя деятельность коллектива данного научно-литературного и критико-библиографического ежемесячного журнала, автор приходит к выводу, что, публикуя произведения ряда писателей, поэтов, художников, получивших признание в начале XX века, он оставил глубокий след в истории русского символизма, а также искусства и публицистики.

Ключевые слова: журнал «Весы», центр символизма, В. Брюсов, «новое искусство», новаторское оформление журнала, структура издания, независимость художественного творчества, новый путь символизма.

Abstract: the article is devoted to the history of the magazine «Vesy» (1904–1909), which under the actual leadership of V. Bryusov became the ideological and organizational center of symbolism in the Russian Empire. Analyzing the activities of the collective of this scientific-literary and critical-bibliographic monthly magazine, the author comes to the conclusion that by publishing the works of a number of writers, poets, artists who received recognition at the beginning of the XXth century, he left a deep mark in the history of Russian symbolism, as well as art and journalism.

Keywords: magazine «Vesy», center of symbolism, V. Bryusov, «new art», innovative design of the magazine, publication structure, independence of artistic creativity, a new way of symbolism.

Среди ряда периодических изданий русского символизма, вышедших в начале XX в., московский журнал «Весы» занимает особое место. Недаром поэт, переводчик и литературный критик Н. Гумилев (1886–1921), подводя итоги деятельности этого издания на страницах родственного ему «Аполлона», утверждал: «История “Весов” может быть признана историей русского символизма в его главном русле» [1, 44].

В некотором смысле история появления «Весов» в информационном поле России напоминает возникновение «Мира искусства»: за несколько лет до выхода в свет первого номера журнала, в 1899 г., в Москве сформировался кружок, участниками которого стали молодые люди, интересовавшиеся новыми тенденциями в современном искусстве: К. Бальмонт (1867–1942), Ю. Балтрушайтис (1873–1944) и С. Поляков (1874–1943). К кружковцам был близок литератор М. Семенов (1873–1952), имевший опыт в издательском деле. В это же время произошло знакомство С. Полякова с В. Брюсовым (1873–1924).

В фокусе их интересов было «новое искусство» — символизм, получившее широкое распространение в Западной Европе, а затем и в России. Прежде всего, кружковцев интересовало творчество западноевропейских, особенно французских символистов, декларировавших индивидуализм, эстетизм. Их пристрастия вызыва-

ли протест у некоторых петербургских литераторов, представлявших другое крыло русских символистов: З. Гиппиус, Д. Мережковского, Н. Минского и близкого к ним по взглядам В. Розанова (хотя он и не причислял себя к символистам). Это идейное противостояние побуждало данных литераторов, опиравшихся на русскую религиозную философию и стремившихся к преодолению индивидуализма на почве религиозной мистики, отнести москвичей к разряду «декадентов».

Те же, в свою очередь, проявляли лояльность, не пытаясь обособиться от столичных символистов. Созданное в Москве издательство «Скорпион» (1899–1916, владелец — меценат С. Поляков) имело общесимволистский характер. Это же можно сказать и об альманахе «Северные цветы», издававшемся при «Скорпионе». Именно этот альманах и объединил в итоге старших символистов-петербуржцев и молодых литераторов-москвичей.

И все же у символистов старшего поколения было преимущество: они могли печатать свои произведения сначала в имевшем «новаторский характер как по содержанию, так и по направлению» [2, 447] «Северном вестнике», затем, после ухода из «Мира искусства» — в журнале «Новый путь». У москвичей такой возможности не было, поэтому они всерьез задумались об издании собственного журнала.

Решительнее всех оказался В. Брюсов, который надеялся с помощью нового печатного органа рас-

ширить круг приверженцев «нового искусства». Узнав о выходе в свет первого номера «Нового пути», он с укором писал 22 января 1903 г. владельцу издательства «Скорпион» С. Полякову: «У “Нового пути” подписчиков 1217. Каково!.. Сколько раз мы уговаривали вас издавать журнал. Эти 1217 были бы наши!» [3] Даже столь небольшой тираж казался ему в то время значительным достижением.

Наконец, к середине 1903 г. был определен состав редакции нового журнала, в который вошли Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, А. Белый, В. Брюсов, С. Поляков и М. Семенов [4, 242]. Журнал назвали «Весы»: по одному из знаков Зодиака, соседнему со знаком Скорпиона.

3 июля 1903 г. С. Поляков подал прошение на имя начальника Главного управления по делам печати с ходатайством о разрешении ему издавать в Москве «ежемесячный научно-литературный и критико-библиографический журнал “Весы”» [5, л. 1]. В нем подчеркивалось, что ориентация журнала в значительной степени предполагается «западнической», с упором на характеристику «нового» западного искусства. Соответственно, в его программу входили такие разделы, как «Перечень вновь выходящих русских и иностранных книг», «Письма из-за границы научного и литературно-художественного содержания», «Отзывы о книгах русских и иностранных» [5, л. 10].

Наконец, 4 ноября 1903 г. Московский цензурный комитет был уведомлен о разрешении «означенному Полякову» приступить к изданию журнала [5, л. 12]. Он стал бессменным (формальным) редактором-издателем, но фактически руководил журналом В. Брюсов, особенно в первые годы его издания. Именно благодаря его усилиям «Весы» превратились в идейный и организационный центр символизма.

В 1904 г. журнал имел подзаголовок: «Научно-литературный и критико-библиографический ежемесячник». С № 1 за 1905 г. и до последнего номера, вышедшего в 1909 г., подзаголовок изменен: «Ежемесячник искусств и литературы». Причина этого связана с изменениями издательской программы «Весов».

В первом номере журнала, в разделе «От редакции», читателям сообщалось, что каждый выпуск будет иметь два отдела: в первом публикуются «общие статьи по вопросам искусства, науки и литературы», а во втором — «хроника литературной и художественной жизни» [6, б/п.].

Оформление «Весов», ориентированных на западные «тонкие» издания, было поручено Л. Баксту, зарекомендовавшему себя к этому времени талантливой работой в «Мире искусства». Выполненный им черно-белый декоративный рисунок на обложке, словно намекающий на что-то таинственное и непостижимое, полностью соответствовал «символистскому» духу. Отлично гармонировали с ним и художественные иллюстрации в самом журнале. К тому же, он печатался на бумаге высокого качества — *верже*, небольшим объемом в 6–7 печатных листов. Такое

новаторское оформление выделяло журнал из общего ряда выходивших в России в начале XX века литературно-художественных изданий. Недаром один из инициаторов символистского движения в русской литературе, П. Перцов, получив первый номер «Весов», отметил в письме В. Брюсову от 19 февраля 1904 г., что их «внешность — событие в журналистике» [7, л. 2].

Журнал выходил ежемесячно с 1904 по 1909 г. (некоторые из номеров были сдвоенными). Каждый номер «Весов» открывался общим фронтисписом с воспроизведением миниатюры XIV в., а также разделом «Содержание», представленным на русском и французском языках. Оба варианта располагались друг за другом на одной или двух страницах. Французский вариант, *Sommaire*, публиковался в сокращенном виде.

Все номера за 1904 г. и № 1–8 за 1905 г. отмечены печатью цензора. Начиная с № 9–10 за 1905 г., после обнародования Манифеста императора Николая II от 17 октября 1905 г. и формальной ликвидации цензуры, журнал стал бесцензурным.

В первые два года издания для «Весов» характерно стремление объединить русских символистов. В 1904–1905 гг. часто в журнале публиковались теоретические статьи В. Брюсова, В. Иванова и А. Белого. Программой для Брюсова стала статья «Ключи тайн», напечатанная в первом номере журнала за 1904 г. В ней автор дает краткую характеристику различных определений искусства, в том числе, теории «чистого искусства», после чего отвергает каждое из них. Признает он лишь эстетику немецкого философа А. Шопенгауэра, декларировавшего постижение таинственной сущности мира с помощью интуиции и мгновенных прозрений. Логическим продолжением размышлений Брюсова стала другая его программная статья, «Священная жертва», напечатанная в первом номере журнала за 1905 г.

В этих статьях В. Брюсов стремился обосновать свободу искусства. Отстаивая независимость художественного творчества как характерный признак «нового искусства», автор соотносил его с принципом абсолютной свободы личности. Этот тезис наиболее ярко выражен в его статье «Торжество победителей» (1907): «Декадентов» единит не стиль, но сходство и сродство мировоззрений. То мировоззрение, которое было дорого всем “декадентам”, уже достаточно выяснено: это — крайний индивидуализм» [8, 55]. По мнению автора, сознание личности должно быть свободно от влияния каких-то бы ни было авторитетов.

Кроме выполнения обязанностей редактора, В. Брюсов в 1904–1905 гг. был одним из наиболее активных авторов «Весов». Согласно данным библиографии его работ, в 1904 г. он опубликовал в журнале 81 статью, а в 1905 г. — 58 [9]. Однако среди них было немного публикаций, посвященных теоретическому обоснованию искусства. Кроме названных выше, данной тематике он посвятил лишь статью

«Страсть» (1904, № 8). Помимо публицистических выступлений на общие темы почти в каждом номере «Весов» появлялись рецензии редактора журнала на различные отечественные и зарубежные издания. Тематика его обзоров, включавших также рецензии на театральные спектакли и художественные выставки, настолько широка, что позволяет свидетельствовать о его многообразных научных и литературно-художественных интересах.

Теоретиком же символизма в журнале выступал поэт и переводчик В. Иванов. Отправной точкой в его философско-эстетической концепции стала соборность. И хотя это шло вразрез с утверждаемым Брюсовым индивидуализмом, статья Иванова «Кризис индивидуализма», опубликованная в журнале «Вопросы жизни», стала заметной вехой в истории русского символизма. Соглашаясь с тем, что индивидуализм получил широкое распространение в современном ему обществе, автор утверждал, что все же «какой-то переворот совершился в нашей душе, какой-то еще темный поворот к полюсу соборности» [10, 54].

Идея соборности В. Иванова, развитая им и на страницах «Весов», содержала полемику с высказываниями Брюсова. Однако в 1904–1905 гг. до идейных столкновений между ними дело не дошло. Совмещение их идей, высказанных в различных статьях, вполне согласовалось с установкой руководителей журнала на объединение символизма.

Активно сотрудничал в журнале и один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма Андрей Белый, чье мировоззрение также было иным, чем у В. Брюсова. «Утверждая, подобно В. Иванову, определяющее значение сверхиндивидуального мистического начала, А. Белый признавал его реальность в аспекте субъективного сознания. Идея творческого преобразования превалировала в его эстетике над принципами отображения действительности» [11, 268].

Три пропагандиста русского символизма — В. Брюсов, В. Иванов и А. Белый, довольно мирно существовали на страницах «Весов» в 1904–1905 гг., лишь иногда вступая в полемику. Однако именно вопрос об индивидуализме, по признанию В. Брюсова в статье «Торжество победителей», «и был той точкой, с которой началось расхождение между членами прежде “единой” школы» [8, 56].

Выступали на страницах журнала также В. Розанов, К. Бальмонт, А. Блок, Ф. Сологуб, А. Ремизов, К. Чуковский. В конце 1905 г. активными авторами «Весов» стали Д. Мережковский и З. Гиппиус. Немаловажную роль играли в журнале и иностранные корреспонденты, особенно в 1904–1905 гг. Часто выступал в «Весах» французский поэт-символист Р. Гиль, а также французский критик и библиограф А. Ван-Беве, немецкий поэт и переводчик М. Шик. Благодаря этим и ряду других зарубежных деятелей культуры на страницах журнала регулярно находила отражение художественная жизнь не только Запад-

ной Европы, но и Северной, Центральной и Южной Америки, а также Азии.

В № 12 за 1905 г. редакция сообщила читателям, что, начиная с 1906 г., журнал «Весы» расширяет свою программу. Издание по-прежнему состояло из двух отделов, но в первом из них, наряду со статьями по вопросам искусства, науки и литературы стала публиковаться проза, поэзия и драматические произведения литераторов, группировавшихся вокруг издательства «Скорпион», а также переводы произведений зарубежных писателей и поэтов.

Раздел «Искусства» состоял из обзоров и аналитических статей, посвященных событиям русской и западноевропейской художественной жизни в целом. Стремясь получить сведения «из первых рук», редакция привлекала к сотрудничеству и западноевропейских художников, в частности, французского живописца, одного из основателей символизма и «Общества независимых художников» О. Редона. Именно его «Весы» представили читателям «основной фигурой современного изобразительного искусства Запада: в нескольких номерах его литография воспроизводится в качестве обложки журнала, причем в двух выпусках работам художника принадлежит и все графическое сопровождение текста, два месяца подряд публикуются статьи — русских и зарубежных авторов — о редоновском творчестве» [12, 118].

В этот период, в 1906 г., у сотрудников «Весов» созрела мысль об окончании «первого круга» развития «нового» искусства. Для движения же дальше, по их мнению, требовалось теоретическое осмысление эстетики и философии *символизма*, защита его пропагандистами от «реакционных» художественных сил. В связи с этим перед журналом были поставлены новые задачи: вписать посредством разнообразных публикаций достижения новейшего отечественного искусства в контекст широких западноевропейских и русских культурных традиций и наметить пути и перспективы его дальнейшего развития.

В редакционной статье № 1 за 1907 г. было заявлено, что кроме пропаганды «нового» искусства «Весы» ставят также перед собой задачу подведения итогов развития художественного творчества «культурной жизни всего мира» [13, 2–3]. Однако, по всей видимости, эту всеобъемлющую задачу коллективу редакции решить не удалось. Не прошло и года, как, объявляя об открытии подписки на 1908 г., в журнале было объявлено о приверженности прежней программе, с прежним составом сотрудников (1907, № 11). А в № 1 за 1908 г. уточнялось, что издание посвящено искусству в широком смысле слова (литературе, живописи, скульптуре, архитектуре, музыке, театру) и «Весы» стремятся соединить «искание нового с любовью и уважением к прошлому» [14, 4].

О следовании ранее заявленным целям сообщалось и в проспекте программы на 1909 г. Правда, в нем было уточнение, касающееся того, что символизм как метод

творчества, причем, единственно верный, не исчерпан, и для того, чтобы осуществить все выдвинутые им задачи, нужны усилия целого поколения его приверженцев. Основной же своей задачей коллектив журнала декларировал публикацию теоретических работ, освещающих и обосновывающих новый путь символизма. В программе подчеркивалось, что все, что было сделано символистами ранее, лишь набросок к будущему всего культурного развития человечества.

По сути дела, в ней содержалась идея «реставрации» символизма. В связи с этим, менялась структура издания. Заявленная программа информировала читателей, что в 1909 г. в нем будет реформирован отдел «Библиография», возобновлены отделы «Хроника» и «Обзор иностранных журналов», а «Театральный» и «Художественный» отделы — расширены.

Однако этим планам не суждено было сбыться в полной мере. Между сотрудниками начались разногласия, что приводило к неравномерному распределению материалов в номерах журнала, нарушению сроков их выпуска. В Брюсов, не разделявший религиозно-мистические искания большинства публицистов, все больше отдалялся от редакционной жизни «Весов». В феврале 1909 г. он сложил с себя редакторские полномочия.

Все это способствовало потере части подписчиков, соответственно, уменьшился и тираж издания: если на рубеже 1908–1909 гг. он составлял около 2000 экземпляров, то за несколько месяцев 1909 г. снизился более чем на полтысячи. А начиная с № 7 за 1909 г. и до последнего выпуска «Весов» тираж журнала установился в 1300 экземпляров [15, л. 3–23].

После ухода из «Весов» В. Брюсова читатели были поставлены в известность, что редактированием журнала займется Комитет в составе редактора-издателя Полякова и нескольких московских сотрудников журнала. Но эта задача оказалась невыполнимой. В № 10–11 за 1909 г. было объявлено о приостановке выхода журнала.

Последний номер «Весов» увидел свет в марте 1910 г. (№ 12 за 1909 г.). В прощальном обращении редакции «К читателям» говорилось: «...С чувством полного удовлетворения и с сознанием необходимости того, что мы делаем, мы приостанавливаем издание журнала, бывшего для нас в течение шести лет одновременно и тем островом, где мы укрывались от враждебных нашим идеям стихий, и питомником, где были заложены, согреты и дали свои всходы все дорогие нам идеи, переживания и образы» [16, 186].

Здесь же сообщалось, что в будущем журнал будет

выходить в виде библиографических известий с литературным и художественным отделами, меньшего объема и сокращенной периодичностью (2–6 раз в год) без приуроченности к определенным срокам. Но этот проект так и не был реализован.

Основная причина этого, по всей видимости, состояла в том, что пути большинства сотрудников журнала идеологически разошлись. Но опыт, приобретенный в «Весых», они, несомненно, ценили: многим из них это издание открыло путь в большую литературу. Само же оно, благодаря усилиям ряда сотрудников, оставило глубокий след в истории русского символизма, а также искусства и публицистики, дав импульс дальнейшему развитию литературно-художественных журналов в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Н. Поэзия в «Весых» / Н. Гумилев // Аполлон.— 1910.— № 9.— С. 44.
2. Жирков Г. В. Се человек... Публицистическое слово Л. Н. Толстого к человеку и человечеству / Г. В. Жирков.— М.: ФЛИНТА, 2019.— С. 447.
3. ИМЛИ. Ф. 13 (В. Я. Брюсов). Оп. 3. Ед. хр. 30.
4. Письмо В. Брюсова к М. Семенову от 15 / 28 декабря 1904 г. // Литературный критик.— 1939.— № 10–11.— С. 242.
5. Главное управление по делам печати МВД / РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1753. Л. 1, 10, 12.
6. Весы. Научно-литературный и критико-библиографический ежемесячник.— 1904.— № 1. Лист-вклейка б / п.
7. ОР РГБ. Ф. 386. 98.12. Л. 2.
8. Брюсов В. Торжество победителей / В. Брюсов // Весы. Ежемесячник искусств и литературы. 1907, № 9. С. 55, 56.
9. Библиография В. Я. Брюсова: 1884–1973 / Сост. Э. С. Даниелян. Ереван, 1976.
10. Иванов В. Кризис индивидуализма / В. Иванов // Вопросы жизни.— 1905.— № 9.— С. 54.
11. Азадовский К. М. Брюсов и «Весы» (К истории издания) / К. М. Азадовский, Д. Е. Максимов // Литературное наследство.— Т. 85: Валерий Брюсов.— М.: Наука, 1976.— С. 257–324.
12. Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России 1900–1910-х годов. / Г. Ю. Стернин.— М.: Искусство, 1988.— С. 118.
13. От редакции // Весы. Ежемесячник искусств и литературы.— 1907.— № 1.— С. 2–3.
14. От редакции // Весы. Ежемесячник искусств и литературы.— 1908.— № 1.— С. 4.
15. Журнал «Весы». Тетрадь учета рассылки журнала подписчикам 1909 г. / ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 219. Л. 3–23.
16. Б. / п. К читателям // Весы. Ежемесячник искусств и литературы.— 1909.— № 12.— С. 183–191.

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Мельник Н. Д., кандидат филологических наук, доцент кафедры искусствознания

E-mail: melnik.natalija2017@yandex.ru

St.-Petersburg State Institute of Cinema and Television
Melnik N. D., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Art History

E-mail: melnik.natalija2017@yandex.ru

ДИЗАЙН САЙТОВ ВЕДУЩИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ

М. А. Миронова

Смоленский государственный университет

Поступила в редакцию 29 июля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются основные тенденции веб-дизайна 2020 г., их влияние на интерфейс сайтов ведущих зарубежных информационных агентств. Как характеристика современного дизайна рассматривается адаптивность сайтов под формат мобильного устройства. В качестве новейшей тенденции веб-дизайна некоторых медиа отмечается использование негативного пространства в структуре макета на первом экране сайта. Этот прием вызван стремлением увеличить глубину просмотра главной страницы сайта. В статье также исследуются приемы «умной» навигации сайта, использование «якорей» внимания, которые направляют взгляд пользователя с тем, чтобы он не пропустил важную информацию. Дизайн интерфейсов медиа рассматривается в сравнении, с целью определить, какие приемы веб-дизайна сегодня делают сайт более функциональным и удобным для пользователя.

Ключевые слова: веб-дизайн, юзабилити, навигация, минимализм, информационное агентство, адаптивный дизайн, тенденции веб-дизайна 2020.

Abstract: the article discusses the main trends in web design in 2020, their impact on the interface of the sites of leading foreign news agencies. As a characteristic of modern design, the adaptability of sites to the format of a mobile device is considered. The use of negative space in the layout structure on the first screen of the site is noted as the latest trend in web design of some media. This technique is caused by the desire to increase the depth of viewing the main page of the site. The article also explores the techniques of “smart” site navigation, the use of “anchors” of attention, which direct the user’s eyes so that he does not miss important information. The design of media interfaces is considered in comparison, in order to determine which methods of web design today make the site more functional and user-friendly.

Keywords: web design, usability, navigation, minimalism, news agency, responsive design, web design trends 2020.

Сайты ведущих зарубежных изданий всегда стараются быть в авангарде трендов веб-дизайна. Одна из главных тенденций последних лет — создание интерфейса сайта в стиле минимализма. Это выражается в лаконичном использовании элементов навигации. Все чаще сайты ограничиваются горизонтальным меню со скрытым рубрикаторм. Иногда даже на десктопной версии сайта располагается «меню-гамбургер» — отличительный признак верстки макета, адаптированной под мобильные устройства. Под влиянием стиля минимализма большое значение приобретает негативное пространство в интерфейсе главной страницы. Оно разграничивает элементы контента и облегчает восприятие информации. Это особенно важно для информационных ресурсов с большим объемом контента. В борьбе за вовлеченность пользователя в интернете медиа стремятся учитывать клиповое мышление читателей, беглый принцип чтения новостей [1, 70]. На фоне негативного пространства легче расставить «якоря», цепляющие внимание пользователя. Это может быть

крупный шрифт заголовка, яркая фотография или видео. Благодаря таким «якорям» веб-дизайнеры стремятся направить внимание пользователя, делая акцент на самых важных новостях.

Одна из тенденций веб-дизайна 2020 г. — асимметричный макет. Этот тренд подхватили многие зарубежные медиа. Асимметричный макет позволяет не повторяться при создании прототипа сайта. В дизайне многих зарубежных изданий можно заметить, например, чередование трехколоночной верстки с двухколоночной. В асимметричном макете важную роль играют крупные элементы, привлекающие внимание пользователя. Это может быть слайд-шоу с фотографиями или крупное окно прямого эфира телевидения в интернете.

Отличительной особенностью сайтов некоторых зарубежных изданий является большой объем негативного пространства на первом экране, благодаря чему контент начинается только на середине экрана. Этот новый прием работает на вовлеченность пользователей, заставляя их прокручивать страницу дальше, чтобы получить полную картину повестки дня [2, 178].

Следует отметить также некоторые тенденции веб-дизайна 2020 г., которые еще не нашли применения в большинстве зарубежных медиа, но, вероятнее всего, скоро станут актуальными и для них. Например, использование чат-ботов для общения с читателями. Чат-боты уже стали привычным элементом коммерческих сайтов. Вероятно, скоро они появятся и на сайтах медиа. Вторая современная тенденция — использование голосового пользовательского интерфейса. Это позволит читателям получать информацию не только в привычных местах (дома или на работе), но и в дороге, за рулем автомобиля. Кроме того, голосовой пользовательский интерфейс в медиа поможет людям с ограниченными возможностями. Это существенно расширит аудиторию издания и будет важным шагом в выполнении социальной миссии. Согласно прогнозам, к 2020 г. 50% всех поисковых запросов будет осуществляться с помощью голоса. Некоторые эксперты даже предполагают, что необходимость в клавиатуре исчезнет через пять лет из-за невероятного развития пользовательских голосовых интерфейсов [3].

С учетом современных тенденций рассмотрим дизайн трех зарубежных информационных агентств.

При создании сайта делового информационного агентства Bloomberg необходимо было решить непростую задачу — разместить большое количество информации и в то же время не перегружать сайт, сделать его удобным для пользователя [4, 109]. Этого удалось достичь благодаря планированию макета в стиле минимализма. Тенденция минимализма в веб-дизайне появилась несколько лет назад, но она по-прежнему актуальна. Стиль минимализма повлиял на структуру макета сайта и его навигацию. Главная особенность — наличие большого объема белого пространства, разграничивающего элементы контента (текст и фото). Это делает сайт более легким для восприятия и удобным для пользователя, который стремится быстро найти нужную информацию. Сайт адаптирован под мобильные устройства. На это указывает иконка «меню-гамбургер» в левом верхнем углу. Скрытое меню — устоявшийся тренд веб-дизайна последних лет. На сайте агентства Bloomberg оно помогает скрыть подробную рубрику по нескольким тематическим категориям. Дизайн первого экрана сайта имеет традиционную структуру деловых интернет-изданий и тем самым отвечает ожиданиям пользователей: название издания, рубрикатор и бегущая строка с котировками валют.

На первом экране сайта используется принцип «умной» навигации, когда элементы контента интуитивно направляют внимание пользователя [5]. Там размещена крупная фотография и заголовок главной новости дня, набранный крупным шрифтом. Взгляд пользователя сначала фокусируется на фотографии справа, затем переходит на заголовок, а дальше — на следующее фото слева внизу, которое также со-

провождает крупный заголовок. На первом экране сайта использован принцип асимметричной структуры макета — это тренд веб-дизайна 2020 г. Однако при дальнейшей прокрутке можно увидеть традиционную структуру макета. Можно предположить, что создатели сайта опасались слишком резких преобразований, чтобы не отпугнуть пользователей. Как известно, радикальный редизайн любого сайта часто вызывает много критики, так как пользователи трудно принимают новшества в дизайне.

При прокрутке главной страницы сайта можно увидеть, что публикуются только заголовки, без фотографий, но они набраны крупным шрифтом. Следует отметить, что при сохранении традиционной структуры макета в дизайне главной страницы сайта соблюдается визуальный «ритм». Это выражается в том, что материалы с фотографиями чередуются с текстовыми заголовками. Внимание пользователя не перегружается, и есть вероятность, что он продолжит чтение новостей не только на первом экране, т.е. увеличится время, проведенное пользователем на первой странице и на сайте в целом [6, 118]. Этот показатель веб-аналитики учитывается редакцией и рекламодателями.

Легкость дизайна первой страницы сайта подчеркивается еще одним элементом: после каждой рубрики размещается гиперссылка мелким шрифтом на материалы с более подробным освещением событий. Они рассчитаны на внимательного читателя и позволяют не перегружать главную страницу сайта информацией. Можно также говорить о своеобразной перелинковке первой страницы сайта: некоторые новости повторяются в разных рубриках. Например, прямая трансляция телевидения Bloomberg размещена на втором экране, но при дальнейшей прокрутке страницы можно увидеть отдельную рубрику для видеосюжетов. Такой повтор элементов контента позволяет пользователю не пропустить важные новости. Следует отметить еще один прием «умной» навигации сайта: когда в отдельном окне открывается рубрика «Видео», внизу экрана появляется контент главной страницы сайта. Таким образом, пользователю не обязательно возвращаться на первую страницу. Весь контент доступен в одном окне.

Дизайн сайта Bloomberg не отстает от тенденций веб-дизайна 2020 г. Это выражается в использовании графических иллюстраций (помимо авторских фотографий). Иллюстрации вносят разнообразие в визуальный ряд главной страницы сайта и привлекают внимание пользователей. Интересное дизайнерское решение встречается на внутренних страницах сайта — заголовок новости накладывается на фоновую фотографию. Такое совмещение текста и фото также тенденция последнего времени [7, 56].

Интересное решение дизайна сайта у американского информационного агентства Associated Press. Сегодня все мультимедийные редакции преследуют

одну задачу — бороться за вовлеченность пользователей на сайте. От показателей метрик веб-аналитики зависит привлечение рекламодателей. Сайт информационного агентства Associated Press делает ставку прежде всего на глубину просмотра, то есть количество открытых страниц на сайте. Это выражается в том, что основную функцию навигации на сайте выполняет горизонтальный рубрикатор. Он имеет ограниченное количество рубрик, тем самым сайт не перегружается информацией. Все тематические рубрики включены в выпадающее горизонтальное меню. Оно закреплено и не исчезает при прокрутке страницы. Выше уже говорилось о том, что современные сайты стремятся придерживаться стиля минимализма в дизайне [8, 123]. Сайт агентства Associated Press предельно минималистичен. В нем много свободного пространства, разграничивающие элементы контента. Новости публикуются только в одной центральной колонке, как правило сопровождаются фотографией.

При публикации новостей используется интересный прием, работающий также на вовлечение пользователей: каждая новость сопровождается незавершенным лидом. Таким образом создается интрига. Для того чтобы понять суть события, нужно кликнуть на новость. Следует отметить, что дизайн сайта «Ассошиэйтед Пресс» напоминает интерфейс аккаунта в социальных сетях. Вверху крупная фотография, а затем длинная лента новостей в одну колонку. Таким образом, можно сказать, что даже десктопная версия сайта адаптирована под мобильных пользователей, а привычный дизайн для пользователей социальных сетей влияет на их лояльность к сайту информационного агентства [9, 178].

На первом экране сайта используется еще один актуальный прием веб-дизайна последнего времени: границы заголовка главной новости включаются в границы основной фотографии. Такой прием использован также на сайте агентства Bloomberg на внутренних страницах. Сочетание текста и фото — актуальный тренд 2020 г. Таким образом, дизайн исследуемых сайтов соответствует последним тенденциям времени.

Следует также отметить, как располагаются материалы на главной странице сайта. Они не помечаются конкретной рубрикой, а расположены по хронологии: сначала самые актуальные, а затем более поздние. Такой принцип подачи новостей соответствует формату информационного агентства, поскольку читатели интересуются прежде всего самыми актуальными новостями. Редакция Associated Press создает современный мультимедийный контент. На сайте есть рубрика «Видео» и отдельная ссылка на страницу с подкастами. Отдельно в рубрикаторе есть ссылка на радиозэфир информационного агентства.

Использование различных форматов подачи контента существенно расширяет аудиторию сай-

та. Подкасты и радио, с одной стороны, рассчитаны на аудиальных читателей, с другой — на различные способы потребления контента. Слушать подкасты и радио можно в тех случаях, когда человек не привязан к компьютеру.

Дизайн сайта информационного агентства Reuters частично повторяет дизайн главной страницы американского издания The Wall Street Journal: на первом экране главной страницы присутствует широкая белая полоса. Она выполняет несколько функций. С одной стороны, позволяет открывать скрытое меню вверху страницы, не перекрывая основной контент. С другой — работает на вовлечение пользователя, поскольку главные новости размещаются внизу первого экрана. Для того чтобы их прочитать полностью, следует пролистывать главную страницу дальше. Это позволяет обеспечить большую глубину просмотра главной страницы. Такой подход рассчитан не на беглый просмотр новостей, а на вдумчивое чтение. Можно предположить, что сегодня веб-дизайнеры ведущих информационных ресурсов стремятся приучить пользователей интернета к более внимательному чтению новостей с помощью построения особой структуры макета сайта.

В целом дизайн сайта Reuters выполнен в стиле минимализма. Это проявляется, в частности, в лаконичном оформлении шапки сайта на первом экране. Там представлены логотип и название информационного агентства, горизонтальное меню, набранное мелким шрифтом. В правом верхнем углу расположены иконки, указывающие на поиск по сайту и аккаунты основных социальных сетей. Как известно, правый верхний угол — наиболее просматриваемая часть первого экрана сайта, так что расположение здесь основных элементов навигации более чем оправдано.

Следует отметить, что дизайн главной страницы сайта Reuters имеет «ритмичную» структуру, то есть структура макета отличается на каждом экране. Такой принцип разнообразия также работает на вовлеченность пользователя, так как избавляет от инерции восприятия информации. Например, на первом и втором экранах используется трехколоночная верстка, на третьем экране всю ширину макета занимает крупное окно видеосюжетов, на четвертом экране представлена ассиметричная двухколоночная верстка материалов. Отличается не только структура макета на разных экранах, но и формы подачи контента. На первом и втором экранах представлены только заголовки материалов, на четвертом экране — крупные фотографии с заголовками, на пятом экране — небольшие фото, заголовки и подробные лиды.

Навигация сайта удобна для пользователя. Верхнее горизонтальное меню закреплено, поэтому на любом этапе просмотра главной страницы можно вернуться к началу или перейти на другую рубрику. Выполняется еще один важный принцип удобной

навигации — перелинковка. Редакция информационного агентства делает ставку прежде всего на видео- и фотоконтент. Ссылки на архив фотографий и видеосюжеты представлены в горизонтальном меню, но те же рубрики встречаются и на главной странице. Кроме того, прямая трансляция телевидения Reuters представлена в закрепленном небольшом окне справа вверху, так что при прокрутке главной страницы эфир телевидения остается в зоне видимости пользователя.

Отличительная особенность сайта Reuters — использование инфографики. Тенденция создавать инфографику была актуальна несколько лет назад. Сегодня приоритет получает видеоконтент, инфографика иллюстрирует меньшее количество материалов. В этом отношении особенно значимо, что такой мультимедийный элемент присутствует на сайте агентства Reuters.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что сайты ведущих зарубежных информационных агентств соответствуют актуальным тенденциям веб-дизайна. Они имеют существенные различия в оформлении интерфейса, но применение разных приемов веб-дизайна преследует одну задачу — максимальное вовлечение пользователей. Каждое медиа решает ее по-своему и, надо полагать, успешно.

*Смоленский государственный университет
Миронова М. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры литературы и журналистики
E-mail: ma_mironova@list.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Универсальная журналистика / Под ред. Л. П. Шестеркиной. — М.: Аспект Пресс, 2016. — 487 с.
2. Амзин А. А. Интернет-журналистика. Как писать хорошие тексты, привлекать аудиторию и зарабатывать на этом / А. А. Амзин. — М.: Издательство АСТ, 2020.
3. Станишевская И. 10 + трендов веб-дизайна 2020 / И. Станишевская. — Режим доступа: <https://www.templatemonster.com/blog/ru/trendy-veb-dizajna-2020/> (дата обращения: 10.05.2020).
4. Мультимедийная журналистика / Под ред. А. Г. Качаевой, С. А. Шомовой. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 412 с.
5. Беляев А. А. Навигация как ключевой компонент визуальной организации веб-сайта / А. А. Беляев // Медиаскоп. — 2009. — № 2. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/> (дата обращения: 15.05.2020).
6. Голомбински К. Добавь воздуха! Основы визуального дизайна для графики, веб и мультимедиа / К. Голомбински, Р. Хаген. — СПб.: Питер, 2013. — 272 с.
7. Уолтер А. Эмоциональный веб-дизайн / А. Уолтер. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. — 144 с.
8. Нильсен Я. Веб-дизайн / Я. Нильсен. — СПб.: Символ-Плюс, 2010.
9. Кедлек Т. Адаптивный дизайн. Делаем сайты для любых устройств / Т. Кедлек. — СПб.: Питер, 2013. — 288 с.

*Smolensk State University
Mironova M. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Literature and Journalism Department
E-mail: ma_mironova@list.ru*

СТРИМ КАК НОВЫЙ ЖАНР СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

О. С. Мухина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 9 июля 2021 г.

Аннотация: в статье анализируется жанр стрима с точки зрения его соответствия идеалу объективности в журналистике при освещении значимых общественно-политических событий на примере митингов в поддержку оппозиционного политика Алексея Навального.

Ключевые слова: стрим, объективность, Навальный, гражданская журналистика.

Abstract: the author analyzes the genre of the stream from the point of view of its compliance with the ideal of objectivity in journalism when covering significant socio-political events, using the example of protests in support of the opposition politician Alexei Navalny.

Keywords: stream, objectivity, Navalny, citizen journalism.

Объективность — одно из фундаментальных понятий журналистики, один из ее основных принципов. Принято считать, что стандарт объективности привнесен из англо-американской системы медиа. Он включает в себя такие понятия, как «беспристрастность, нейтральность, достоверность, прозрачность» [1, 28]. В российском кодексе профессиональной этики журналиста 1991 г. была статья 2, которая так и называлась — «Правдивость и объективность», и означала обязанность «давать правдивое изображение действительности путем точной и исчерпывающей информации». В кодексе 1994 г. категория объективности выражена такими принципами, как достоверность предоставляемой информации, недопустимость сокрытия общественно значимой информации или распространения заведомо ложных сведений, необходимость различать факты и мнения/версии/предположения.

Объективная журналистика — это «непредвзятая журналистика фактов, “фотографирующая” реальность» [2, 118]. Однако многие исследователи отмечают, что объективность — это идеальная, но не всегда достижимая цель [3]. Непредвзятость и беспристрастность должны вытекать из отстраненности журналиста от события, от идеологии его участников, от точки зрения редакции и т.д. Но быть полностью отстраненным невозможно: журналист — живой человек, и его субъективность, ценности и взгляд на ситуацию всегда отражаются на содержании материала. Какой бы жанр журналистики из традиционных мы ни взяли, материал всегда можно представить так, как этого хочет автор, редакция и собственник СМИ. В интервью можно задать вопросы в нужном ракурсе, в репортаже можно направить взгляд на выгодные моменты, можно подобрать аргументы в аналитических жанрах и т.д.

Вместе с тем в рамках настоящей статьи мы попробуем доказать, что есть жанр, который является действительно объективным сам по себе и в некотором роде воплощает тот самый идеал объективности в журналистике. Речь о стримах (от англ. stream — поток), т.е. онлайн-трансляциях, потоковом вещании, прямом эфире в Интернете. Употребляются также такие слова, как «стриминг» и «лайф». Это «потоковое вещание в режиме онлайн с помощью специальных программ, когда пользователь транслирует все свои действия на определенный канал или сетевой ресурс, где за ним могут наблюдать другие люди» [4, 214]. Часто стримом называют «любой онлайн-поток видео с комментариями». Одной из наиболее популярных сегодня площадок для стримов является YouTube [5, 117–118].

Но есть важный нюанс: стрим становится объективным жанром только при освещении действительно значимых общественно-политических событий, т.е. при большом скоплении профессиональных и гражданских журналистов. Часто говорят, что в наше время у каждого человека в руках камера. Однако в действительности, если посмотреть на массовые события, то (наскидку, поскольку мы не занимались точными подсчетами) лишь каждый сотый снимает и каждый тысячный показывает свое видео в прямом эфире. Бывают моменты, когда снимать начинают почти все, но так происходит только в ситуациях, привлекающих внимание масс (например, драка на митинге), а вот, к примеру, просто сам митинг (когда участники собираются, затем идут шеренгой, потом расходятся) снимают далеко не все. Поэтому мы можем говорить о стриме как об объективном жанре лишь во время наиболее значимых общественно-политических событий, когда собирается толпа.

Что происходит в такой ситуации? Любой человек может зайти на YouTube и посмотреть, что в данный

момент происходит, например на митинге, с десяти разных точек. Возникает не просто эффект присутствия, а эффект присутствия одновременно в нескольких точках данного события. Важно при этом постоянно переключаться с одного стрима на другой, чтобы видеть происходящее со всех ракурсов. Когда мы видим одно и то же, снятое разными людьми, это, конечно, повышает доверие к информации. И так, важные, на наш взгляд, характерные черты стрима, позволяющие выделить его как объективный жанр:

1) первое и главное: это видео с разных точек одновременно;

2) это видео необработанное: снимающий еще не проанализировал, что именно будет выгодно представить именно ему, исходя из его политических и иных воззрений, а просто транслирует происходящее;

3) это во многом гражданская журналистика, когда снимают непрофессионалы (но и профессионалы, представители разной редакционной политики, снимают тоже — показаны все вариации, и мы можем создать единую и полную картину происходящего).

Исследователи также отмечают, что при неспокойных ситуациях «стрим-журналистика зарекомендовала себя как объективный, мобильный и оперативный способ» информирования [6, 73].

Приведем пример из актуальной и российской повестки. «Российская газета», официальное издание власти, 01.02.2021 написала, что в некоторых городах митинг в поддержку А. Навального прекратился через 10 минут, в других — не вышел никто, в третьих — митингующих было меньше, чем журналистов и представителей правопорядка [7]. В свою очередь, штаб Навального (организация, признанная экстремистской) сообщил, что 23 января было 250–300 тысяч человек [8], а 31 января людей было еще больше [9]. Подсчитать точное количество человек невозможно, но если виртуально присутствовать при помощи стримов на событии, то невозможно будет ввести в заблуждение откровенно заниженными или завышенными данными.

В качестве недостатка данного жанра отметим затянутость процесса: например, во время вышеуказанных митингов для формирования объективной картины надо было часов 8 просматривать стримы, в то время как подборка из главного уложилась бы в 10–20 минут.

Тем не менее констатируем: в современной журналистике существует жанр, максимально приближенный к идеалу объективности. И преимущество данного инструмента именно в том, что на многие вопросы о том или ином событии каждый может ответить сам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смолярова А. С. Творческие и когнитивные ограничения в реализации принципа объективности в журналистике / А. С. Смолярова // Журналистский ежегодник. — 2014. — № 3. — С. 27–33.
2. Горячева О. Н. К вопросу об объективности в журналистике / О. Н. Горячева, М. Г. Яковлева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 3–1 (45). — С. 117–118.
3. Мамиева Б. Ю. Проблема объективности в современной журналистике / Б. Ю. Мамиева, З. Н. Качмазова // Национальное здоровье. — 2017. — № 1–2. — С. 273–286.
4. Волкова И. И. Феномен стриминга: журналистика будущего? / И. И. Волкова // Мультимедийная журналистика. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. — 2018. — С. 213–218.
5. Мирошник М. А. Стрим как современный формат прямого репортажа: аудиторный фактор и особенности развития / М. А. Мирошник // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 1. — С. 117–119.
6. Коротникова Н. В. Формат стрима как новый способ медиавещания в Украине / Н. В. Коротникова, В. Селезнева // Mass-media. Действительность. Литература. — Тверь. — 2018. — С. 72–77.
7. Полтавцева А. Они зажигают / А. Полтавцева // Российская газета. — 2021. — 1 февр. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/02/01/reg-cfo/chego-dejstvitelnodobivaiutsia-voskresnye-progulshchiki.html> (дата обращения: 28.06.2021).
8. Яковлев В. На митинги за Навального 23 января вышли больше 250 тысяч человек — глава сети штабов Леонид Волков / В. Яковлев, Р. Варум, В. Мишина // Открытые медиа. — 2021–24 янв. — Режим доступа: <https://openmedia.io/news/n2/na-mitingi-za-navalnogo-23-yanvarya-vyshli-bolshe-250-tysyach-chelovek-glava-seti-shtabov-leonid-volkov/> (дата обращения: 28.06.2021).
9. Навальный LIVE. Запись от 31.01.2021. — Режим доступа: https://t.me/navalny_live/3718 (дата обращения: 28.06.2021).

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Мухина О. С., аспирант кафедры периодической печати и сетевых изданий

E-mail: olia-mukhina@mail.ru

The Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Mukhina O. S., Postgraduate Student of the Periodical Press and Online Media Department

E-mail: olia-mukhina@mail.ru

РЕКЛАМА ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТЕ

А. Н. Назайкин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 1 октября 2021 г.

Аннотация: данная статья посвящена использованию таргетированной рекламы в продвижении электронных текстов в интернете. Автором проведен эксперимент в реальных рыночных условиях. Во время него для продвижения книг Александра Ермака была проведена рекламная кампания, в рамках которой были задействованы крупнейшее в России издательство электронных книг «ЛитрРес», рекламные сети медийной и контекстной рекламы «Яндекс» и Google, имеющие наибольший охват интернет-пользователей в России, а также наиболее популярные в нашей стране социальные сети: Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники».

Ключевые слова: электронные тексты, интернет, продвижение, эксперимент.

Abstract: this article is about the use of targeted advertising in promoting e-texts on the Internet. The author carried out an experiment in real market conditions. During it, an advertising campaign was carried out to promote Alexander Ermak's books, within the framework of which were involved «LitreRes», the largest e-book publishing house in Russia, Yandex and Google advertising networks for display and contextual advertising, which have the largest coverage of Internet users in Russia, and also social networks popular in our country: «Facebook», «VKontakte», «Odnoklassniki».

Keywords: e-books, internet, promotion, experiment.

Сегодня активно развивается зародившийся около десяти лет назад рынок электронных книг (электронных текстов). В России он достиг отметки в 6,51 млрд. руб. и составляет уже 8,4% от оборота печатной книги в России. Рост общего объема рынка электронных книг обеспечен «не только активной деятельностью издательств, выпускающих электронные книги, но и успешной правоприменительной практикой в области борьбы с книжным пиратством» [1]. В некоторых нишах доли цифровых и бумажных продаж уже сравнялись [2]. «Раньше, чтобы ввести свою книгу в перечень бестселлеров, автору надо было отправляться в длительное PR-турне и подписывать книжки, не говоря уже о том, что следовало добиваться лестных рецензий и тратить уйму денег на рекламу. С появлением интернета все изменилось, и теперь умные авторы идут совсем другим путем» [3].

Чрезвычайно актуальным и показательным является проведение исследования в виде реального эксперимента по влиянию интернет-рекламы на продвижение электронных книг.

В качестве продвигаемых книг для эксперимента были выбраны произведения Александра Ермака, активно публикующегося именно в электронном формате. Период проведения эксперимента: март 2019 — сентябрь 2020 гг.; целевая аудитория: мужчины и женщины, проживающие на территории России, 18–55 лет, всего — 58 290 000 человек (рас-

чет — на основании данных Федеральной службы государственной статистики» [4]).

В качестве основного рекламного инструмента выбрана таргетированная реклама, главное достоинство которой «заключается в том, что она может быть показана с точки зрения любых характеристик целевой аудитории (географических, демографических, социальных, поведенческих и т.д.), которые доказаны на уровне рекламного канала» [5, 9]. Также использовалась контекстная реклама, являющаяся одним из самых эффективных инструментов современного продвижения в сети. Исследования утверждают, что «79,9% еженедельной интернет-аудитории, проживающей в Москве, положительно относятся к контекстной рекламе. При этом 21% респондентов целенаправленно использует ее для поиска нужных сведений» [6, 7].

Место демонстрации: рекламные сети медийной и контекстной рекламы «Яндекс» и Google, имеющие наибольший охват интернет-пользователей в России, а также наиболее популярные социальные сети в России: Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники» («Инстаграм», как ориентированный в первую очередь на визуальное потребление, не используется). Социальные сети включены в план рекламной кампании в тестовом режиме, т.к., по мнению специалистов, «в социальных сетях хорошо продаются товары импульсного спроса и товары «простые» (те, которые стоят не дороже 20–30% среднемесячной зарплаты, технически понятные и нужные сейчас» [5, 59], но, с другой — «социальные сети вообще не площадка для продаж» [5, 241]:

многие рекламодатели с большой опаской относятся к рекламе в соцсетях.

Статистика посещаемости сайта Александра Ермака осуществлялась с помощью сервиса Google Analytics. Для анализа продаж выбрано интернет-издательство «ЛитРес». Это решение обусловлено тем, что группа компаний «ЛитРес» занимает 66% (или 2/3) электронного книжного рынка» [1]. Рекламные ссылки во время эксперимента вели с сайта писателя именно на сайт интернет-издательства «ЛитРес».

В период проведения эксперимента с марта 2019 г. по сентябрь 2020 г. была реализована рекламная кампания с активной фазой в марте, апреле, июне, июле, октябре, ноябре, декабре 2019 г., а также в январе и феврале 2020 г. Май, август 2019 г. и март, апрель, май, июль, август, сентябрь 2020 г. были периодом рекламного «молчания», во время которого анализировались действия активной фазы, а также отклик аудитории на рекламу в определенные промежутки рекламного «молчания».

Табл. 1

Результаты размещения рекламы (март 2019)¹

Рекламное средство	Показы	Клики	CTR ²	CPC ³	CPT ⁴	Охват ЦА	Бюджет
Google	1,01 млн	639	0,06%	13,05 руб.	15,05 руб.	0,5%	10 000 руб. (вкл. НДС)
ЯД	6 319	–	0,19%	–	–	0,01%	244 руб.
Aori 1	7 425	302	4,07%	–	–	0,13%	8 024 руб.
Aori2	5 622	90	1,6%	–	–	0,01%	2 767 руб.
Aori3	5 073	46	0,9%	–	–	0,009%	2 871 руб.
Facebook	116	8	–	–	–	0,0002%	28 руб.
Всего						0,51%	23 934 руб.

1. Данная таблица представлена, как образец оформления сбора данных во время эксперимента. Для большей лаконичности далее представлены только выводы по результатам определенных действий.
2. Процентное соотношение кликов на баннер к его показам.
3. Стоимость клика.
4. Стоимость тысячи показов.

Из таблицы 1 видно, что в марте 2019 г. при бюджете в 23 934 руб. достигнут общий охват (с учетом пересечения аудитории) в размере 0,51%. Отмечена дороговизна контекстной рекламы (так, средняя цена за тысячу показов в контекстно-медийной сети Google: 15,05 руб., а в «Яндекс.Директ» и Google Ads более 500 руб.). В связи с этим было решено не использовать в дальнейшем контекстную рекламу в охватной кампании и сделать основной упор на медийные сети. В пользу этого решения говорят также и следующие данные специалистов: «Более 80% посетителей РСЯ не входят в аудиторию поиска Яндекса» [7]. Также отмечено неудобство пользования рекламной системой Facebook и решено в дальнейшем не размещать рекламу в данной социальной сети. На это решение повлияло и то, что несколько рекламодателей, работающих с платформой Facebook, подали на компанию коллективную жалобу в суд за намеренное увеличение показателей потенциального охвата рекламных постов.

За время проведения эксперимента (март 2019 — сентябрь 2020 гг.) при бюджете в 237 500 руб. был получен охват целевой аудитории в размере 11,12% (достаточный тестовый охват). Стоимость одного процента охвата составила 21 357,9 руб. На фоне использования минимального рекламного бюджета накопление охвата шло медленно. Для достижения поставленных целей было признано эффективным

использование медийных сетей «Яндекса» и Google с оплатой за показы. Из-за дороговизны, низкого CTR и неудобства пользования было решено отказаться от контекстной рекламы, рекламы в социальных сетях Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники», а также от медийной рекламы с оплатой за клики.

Для оценки влияния рекламы на поведение целевой аудитории в период проведения эксперимента также велась статистика посещаемости страниц сайта Александра Ермака — www.ermak.su. Для полноты анализа рассматривались данные посещаемости страниц, которые были задействованы во время экспериментальной рекламной кампании, данные посещаемости страниц, которые не рекламировались, а также общие данные посещаемости всего сайта, на котором представлены не только книги автора, но и различная литературная информация.

Можно констатировать, что рекламная кампания не привела к увеличению посещаемости авторского сайта. Необходимо отметить, что на посещаемость всего сайта влияли: праздничные дни, а также и изменение индексов «Яндекса» и «Гугла», которые меняют рейтинги выдачи сайта в поиске. Также стоит сказать, что посещаемость сайта является весьма косвенным показателем интереса целевой аудитории к автору и его книгам, так как многие читатели находят информацию о них на других ресурсах. Например, если в поиске «Яндекса» набрать «Александр Ермак

писатель», то ссылка на сайт автора www.ermak.su выходит за пределы первых ста ссылок (сначала выходят ссылки на различные литературные ресурсы, связанные с Александром Ермаком: litres.ru, ozon.ru, kr.ru и т.д.). Также, если в поиске «Яндекса» набрать «Александр Ермак «Крейсер «Суворов», то ссылка на страницу книги на сайте автора www.ermak.su выходит за пределы первых ста ссылок (сначала выходят ссылки на различные литературные ресурсы, связанные с книгой «Крейсер «Суворов»»: litres.ru, ozon.ru, labirint.ru и т.д.).

В период проведения эксперимента велась ста-

тистика продаж книг Александра Ермака через интернет-издательство «ЛитРес». Рекламные ссылки во время эксперимента с авторского сайта вели именно на сайт этого крупнейшего на рынке продаж интернет-книг в России игрока. Продажи книг Александра Ермака на других сервисах (Smashwords, Amazon, Xinxii и т.д.), ориентированных прежде всего на зарубежную русскоязычную аудиторию, не учитывались. Также не учитывались продажи книг на английском языке. В статистику вошли только продажи (скачивания) без учета прочтений в электронных библиотеках.

Табл. 2

Продажи книг на «Литресе»

Книга	Экземпляры	Книга	Экземпляры
«Команда, которую создал я» (рекламируемая книга)	188	«Ночь рыжей луны» (рекламируемая книга)	6
«Четыре буквы»	35	«Жизнь по контракту»	3
«Крейсер «Суворов» (рекламируемая книга)	27	«Настя и шоколад»	3
«Все, что вы хотели знать о мужчинах» (рекламируемая книга)	22	«ГЗ»	2
«Генеральная уборка»	22	«Вагоновожатый»	2 (книга — лидер по библиотечным прочтениям: 100–500 прочтений ежемесячно).
«Непечатный фольклор» — 15	15	«Шавела» (рекламируемая книга)	1
«ЗО»	7	«Заговор рвачей», «Офелия и Брут», «Что такое жизнь...», «Револьвер», «Ты была, ты есть, ты будешь», «День рождения», «Блондинка на кухне»	Каждая по 1
«Моя китайская любовь» (рекламируемая книга)	8		

Реклама существенно повлияла на продажи книг Александра Ермака. В частности, достигнуты стабильные единичные продажи нескольких книг. Общий диапазон продаж составил 10–20 книг в месяц, в том числе и в пострекламный период (до рекламной кампании ежемесячно продавалось менее 10 книг). Вместе с тем очевидно, что реклама по-разному влияет на продажи разных книг одного и того же автора.

В ходе эксперимента также велась статистика пользовательских запросов об Александре Ермаке и его книгах в поисковой системе «Яндекс» (данные wordstat.yandex.ru). В целом рекламная кампания привела к повышению интереса к писателю Александру Ермаку и некоторым его книгам. Очень важно, что этот интерес не только поддерживается через семь месяцев после окончания рекламной кампании, но и продолжает расти.

Результаты эксперимента подтверждают целесообразность продвижения книг Александра Ермака

на рынке электронных книг с помощью интернет-ресурсов. В ходе эксперимента:

— при минимальном (тестовом) рекламном бюджете получен охват целевой аудитории в размере 11,12% (достаточный тестовый охват);

— выявлены эффективные инструменты для рекламы электронных книг на этапе их вывода на рынок (было признано эффективным использование медийных сетей «Яндекса» и Google с оплатой за показы. Было признано неэффективным на данном этапе продвижения использование контекстной рекламы, рекламы в социальных сетях Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники», а также медийной рекламы с оплатой за клики);

— выявлено отсутствие прямой связи между продажами книг и посещаемостью авторского сайта (посещаемость сайта является лишь косвенным показателем интереса целевой аудитории к автору и его книгам, так как многие читатели находят ин-

формацию о них на других ресурсах);

— выявлена прямая зависимость между рекламой и увеличением продаж книг (за время проведения эксперимента продажи книг Александра Ермака были удвоены);

— выявлено разное влияние рекламы на различные книги (на одни книги Александра Ермака влияние слабое, на другие ощутимое);

— были выявлены наиболее предпочитаемые для покупки книги,

— установлена отложенная во времени реакция на рекламу (шесть месяцев).

Следует отметить, что данные выводы и рекомендации могут быть применены к продвижению и других товаров или услуг, в первую очередь к электронным текстам (платным статьям, фото, видео-, аудиоматериалам). Очевидно, не стоит использовать медийную рекламу с оплатой за клики, а также контекстную рекламу при рекламе недорогих товаров, продаваемых поштучно (это экономически неэффективно). Следует иметь в виду, что при минимальном рекламном бюджете сложно рассчитывать на достижение приемлемого уровня охвата целевой аудитории и, соответственно, на эффективное продвижение как бренда, так и самого продукта, производимого под этим брендом. Без сомнения, тестовая реклама поможет любому товару или услуге найти наиболее эффективные подходы для продвижения в интернете в условиях наличия разнообразных продуктов одного бренда и большого количества разнообразного же рекламного инструментария. Стоит иметь

в виду, что анализ результатов рекламы необходимо проводить, учитывая отложенную во времени реакцию аудитории (результаты рекламы могут проявиться и через несколько месяцев).

ЛИТЕРАТУРА

1. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям.— Режим доступа: <http://www.unkniga.ru/images/docs/2020/Bookmarket-2020-s-1111.pdf> (дата обращения: 01.10.21).

2. Книги переключили канал.— Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4476136?query=%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B8%D0%BB%D0%B8%20%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB> (дата обращения: 01.10.21).

3. Шугерман Дж. Искусство создания рекламных посланий / Дж. Шугерман.— М.: Эксмо, 2010.— 436 с.

4. Федеральная служба государственной статистики.— Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781?print=1> (дата обращения: 01.10.21).

5. Щербаков С. Таргетированная реклама. Точно в яблочко.— СПб.: Питер, 2018.— 351 с.

6. Яковлев А. Контекстная реклама: основы, секреты, трюки / А. Яковлев.— СПб.: БВХ-Петербург, 2009.— 304 с.

7. Аудитория Рунета к концу года достигнет 96 млн. человек.— Режим доступа: <https://gipp.ru/news/tekhnologii-internet-it/auditoriya-runeta-k-kontsu-goda-dostignet-96-mln-chelovek/> (дата обращения: 01.10.21).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Назайкин А. Н., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и экономики СМИ

E-mail: info@nazaykin.ru

*Lomonosov Moscow State University
Nazaykin A. N., Doctor of Philology, Professor of the Theory and Economics of Mass Media Department
E-mail: info@nazaykin.ru*

КВАЗИЭТИКА НЕОГУМАНИЗМА: ТЕХНОЛОГИЯ СМУТЫ¹

Е. Е. Пронина, К. Б. Стока

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 2 августа 2021 г.

Аннотация: в статье поднимается вопрос о специфике современного этапа информационного противоборства как ментальной войны. Показано, как внедрение инструментов тотального контроля в сферу этического саморегулирования приводит к формированию тоталитарной этики неогуманизма. В ходе эмпирического исследования рассматривается способность современных журналистов распознавать вирусный характер идеологем неогуманизма.

Ключевые слова: толерантность, позитивная дискриминация, медиавирус, медиапсихология, коллективная психика, ментальная война.

Abstract: the article raises the question of the specifics of the current stage of information warfare as a mental war. It shows how the introduction of total control tools into the sphere of ethical self-regulation leads to the formation of a totalitarian ethics of neohumanism. The research empirically examines the ability of modern journalists to recognize the viral nature of the ideologems of neohumanism.

Keywords: tolerance, positive discrimination, media virus, media psychology, collective psyche, mental warfare.

ВВЕДЕНИЕ

Внимательное рассмотрение событий последних десятилетий показывает, что геополитические потрясения, которые начали менять лицо мира на рубеже XX–XXI вв. не могли бы произойти без длительной психологической подготовки, без скрытых, но неотступных попыток реформирования мышления, которые постепенно повлияли на общественное сознание. Почти незаметно произошла подмена базовых гуманистических ценностей, и явилась новая идеологическая доктрина, претендующая на роль усовершенствованной версии гуманизма и часто именуемая «новым гуманизмом», или «неогуманизмом» [1; 2; 3]. «Фасадом» новой идеологии стало понятие толерантности, поначалу с доверием воспринятое обществом. И неудивительно, ведь понятие толерантности имеет давнюю историю. Впервые в значении *веротерпимость, свобода совести* оно появилось в XVII в. в трудах философа Дж. Локка [4]. Благодаря работам выдающихся мыслителей эпохи Просвещения — Вольтера, Дидро, Руссо и др. — понятие толерантности вошло в общеполитический лексикон наряду с идеями равенства, прав граждан, демократии и свободы. Этот «культурный ореол» в значительной степени предопределил отношение широкой аудитории к новой идеологии.

Однако парадоксальным образом идеи равенства, духовной независимости и права на самоопределение, безоговорочно принимаемые всеми, в доктрине неогуманизма стали основой для оправдания противоположного: неравенства (позитивная дискриминация), цензуры (политкорректность), преследования инакомыслящих. Кампания по внедрению толерантности, мультикультурализма и политкорректности практически повсюду привела к «перегибам» [1], сыграв ключевую роль в возникновении миграционного кризиса (Меркель заявила о провале мультикультурализма // BBC News. Русская служба. 16.10.2010. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed), обострении межрасовых и межэтнических столкновений в Европе и США, в возрождении цензуры и дискриминации, разрушении образования и науки [5, 657–6584].

По мнению итальянского культуролога и философа Умберто Эко, политкорректность стала «новой формой фундаментализма, которая канонизирует до степени ритуала язык повседневного общения и предпочитает букву духу» [6, 141]. Дойдя до уровня реформирования языка, политкорректность фактически превратилась в инструмент реформирования мышления [7; 8], форму контроля сознания, детально описанную ранее специалистами по тоталитарным сектам [9; 10]. Инструменты тотального контроля и принуждения оказались встроенными непосредственно в систему этической регуляции, возникла тоталитарная квазиэтика. Пророчески звучат сегодня слова А. Зиновьева, назвавшего наступившую эпоху «постчеловеческой» [11, 250]

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

и предсказавшего, что новый «*демократический тоталитаризм* превзойдет все предшествующие тоталитарные режимы»².

Отрицая свободу совести и право выбора индивида, идеология вступает в противоречие с самой природой нравственности и разрушает ее изнутри, подвергая эрозии важнейший механизм личностной и социальной регуляции. Это приводит к общей дезориентации вплоть до нравственного помешательства³ и иных коллективных психических нарушений, способных вызвать реальные геополитические потрясения.

Процесс зашел так далеко, что сегодня политики и политики заговорили о ментальной войне. По мнению советника министра обороны РФ А. М. Ильницкого, ментальная война, в отличие от психологической, социальной и кибервойны, направлена на «изменение мировоззрения», «уничтожение самосознания, цивилизационной основы противника», «последствия ее будут сказываться через поколения» [12]. Чтобы противодействовать подобным угрозам журналистам и специалистам по медиакоммуникациям необходима способность к распознаванию идеологем квазиэтики, понимание закономерностей развития индивидуальной и национальной идентичности, «знание основных макроэволюционных тенденций» [13, 11].

Насколько опасность осознается журналистами, работающими в идеологическом поле? Как аудитория относится к ключевым понятиям нового гуманизма? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, мы провели исследование, касающееся отношения наших современников к понятиям *толерантности* и *позитивной дискриминации*.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Опрос проводился в 2020–2021 гг., в нем приняли участие 166 человек, в том числе профессиональные журналисты, работающие в различных СМИ (65 человек), студенты факультета журналистики (61 чел.) и люди, не имеющие отношения к журналистике (40 чел.). Возрастной и гендерный состав групп различался, что было учтено при статистической обработке данных. Так, в группе журналистов преобладали респонденты в возрасте 25–35 лет, большинство из них женщины — 85%. Возраст студентов находился в диапазоне 18–25 лет, среди них 90% девушек.

² Зиновьев А. А. Запад–Россия: управляемая катастрофа (интервью газете «Фигаро»). URL: <https://ss69100.livejournal.com/4484580.html> (дата обращения: 01.08.2021).

³ Нравственное помешательство — общее название психических болезней с глубоким нарушением морально-нравственной сферы при достаточно сохранном интеллекте (Большой медицинский словарь, 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/31017>).

Наиболее частотная возрастная категория в группе лиц, не связанных с журналистикой, — 30–35 лет, 67,5% — женщины.

Респонденты отвечали на вопросы с помощью онлайн-ресурса Google Form. Содержание вопросов давало возможность проследить отношение к толерантности на трех разных уровнях: понятийном (понимание значения слова), прагматическом (оценка реальной практики толерантности в отражении СМИ) и индивидуально-личностном (личная позиция в отношении толерантности).

Анкета. Анкета имела две формы — одна для журналистов (а также студентов факультета журналистики), другая для аудитории. Количество вопросов в обеих формах совпадало — пятнадцать. Большинство вопросов были идентичными, лишь небольшая часть вопросов варьировалась с учетом специфики выборки. Например, если четвертый вопрос для журналистов звучал так: «Приходилось ли Вам писать материал на тему дискриминации?», то аудитории предлагался другой вопрос: «Приходилось ли Вам читать материалы на тему дискриминации?»

Вопросы носили закрытый или полужакрытый характер, то есть в распоряжении респондентов были готовые варианты ответов, а также в некоторых случаях возможность сформулировать собственный ответ («другое»). Готовые варианты ответов использовались для частотного анализа. Кроме того, каждому варианту ответа присваивался балл в зависимости от степени выраженности (и знака) эмоциональной реакции, что давало возможность использовать также количественную шкалу измерения переменных.

Обработка данных. Результаты опроса подвергались математической обработке с помощью статистического пакета IBM SPSS. Для сравнения групп применялись критерии: хи-квадрат, U-Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента. Взаимозависимости переменных устанавливались с помощью корреляционного анализа (корреляции Спирмана, метода частной корреляции) и многофакторного дисперсионного анализа ANOVA.

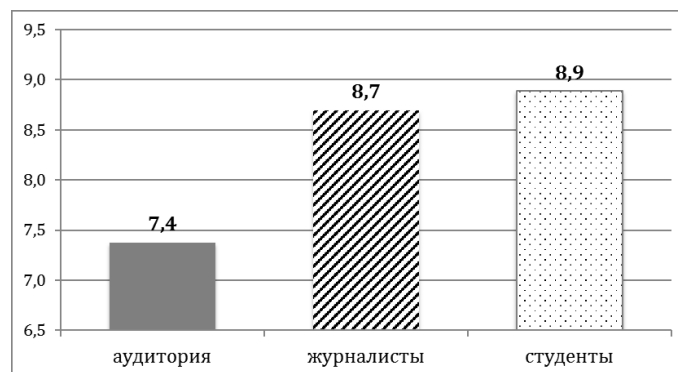
РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Далее мы рассмотрим наиболее интересные результаты.

Первая неожиданность состояла в том, что согласно суммарным показателям, журналисты более позитивно воспринимают понятия толерантности и позитивной дискриминации, нежели аудитория (см. диаграмму 1). Различие между профессиональными журналистами и группой, представляющей аудиторию, оказалось статистически значимо (вероятность ошибки менее 5% по U-Манна Уитни). Ответы журналистов и студентов практически не отличались.

Диаграмма 1

Позитивное отношение к толерантности (суммарные показатели по 4 вопросам)

Рассмотрим детальнее ответы на ключевые вопросы. Вопрос, касающийся определения понятия «толерантность», вызвал наименьшее число разногласий.

6. Что такое толерантность сегодня?

А. Терпимость к иному мировоззрению и образу жизни.

Б. Любовь к ближнему.

В. Запрет на критику в адрес отдельных категорий людей.

Г. Форма продвижения своих идей меньшинством.

Д. Затрудняюсь ответить.

Так, большинство отвечавших (74%) выбрали вариант А — «терпимость к иному мировоззрению и образу жизни», что соответствует общепринятому определению. Негативно оценили толерантность только 5% респондентов: «Толерантность — это исчерпавшее свои возможности слово, которое пора забыть»; «Толерантность вообще неправильный термин. ...Толерантность означает отсутствие иммунитета. ...Толерантность означает способность закрывать глаза на всякого рода извращения (гомосексуализм, педофилия и т.д.)», «Зачастую под предлогом “толерантности” происходит продвижение своих идей меньшинством» и т.д.

Различия между группами увеличились, когда респондентам предложили ответить на следующий вопрос.

7. Каково Ваше отношение к использованию понятия и идей толерантности в СМИ?

А. Положительное. Прививая ценности толерантности, СМИ морально просвещают свою аудиторию (3 балла).

Б. Нейтральное. Толерантность еще одна модная тема, которая приносит трафик, поэтому ничем не хуже и не лучше других (2 балла).

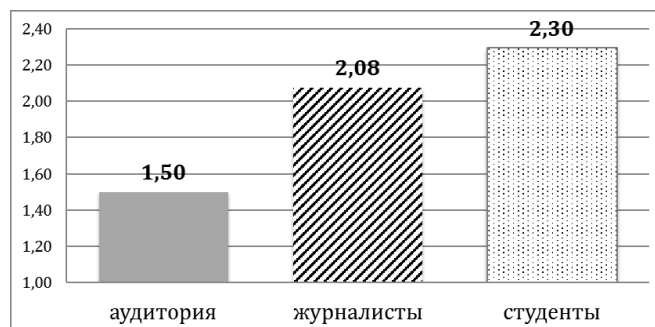
В. Негативное. Идеалы толерантности сегодня используются в СМИ в качестве инструмента для манипуляций и пропаганды (0 баллов).

Г. Затрудняюсь ответить (1 балл).

Выяснилось, что профессиональные журналисты, а также студенты, обучающиеся журналистике, значительно более высоко оценивают деятельность СМИ по продвижению идей толерантности, чем аудитория. Достоверность различий между аудиторией и журналистами, аудиторией и студентами по критерию U-Манна-Уитни составила $p=0,014$ и $p=0,001$ соответственно. Значимых различий между группами журналистов и студентов обнаружено не было.

Диаграмма 2

Одобрение работы СМИ по продвижению идей толерантности (вопрос 7)

Интересно, что подготовка журналистских текстов на тему дискриминации (утвердительный ответ на вопрос «Приходилось ли Вам писать материал на тему дискриминации?») коррелирует с позитив-

ным отношением к толерантности у журналистов и студентов ф-та журналистики (коэффициент корреляции Спирмана $r=0,34$, вероятность ошибки $p<0,05$). Этот результат обращает наше внимание на феномен

самоубеждения, установленный в исследованиях по когнитивному диссонансу: письменные выступления в поддержку определенного мнения убеждают самого пишущего.

А вот чтение журналистских материалов о дискриминации (утвердительный ответ аудитории на вопрос «Приходилось ли Вам читать материалы на тему дискриминации?»), напротив, коррелировало с более негативным отношением к толерантности ($r=0,214$, достоверность $p<0,05$). Эта взаимосвязь свидетельствует о том, что аудитория не является пассивной мишенью пропагандистского воздействия и может реагировать на информационно-идеологическое давление «бумеранг-эффектом».

Корреляционный анализ в свою очередь подтвердил, что существует взаимосвязь между специализацией в сфере журналистики, с одной стороны, и принятием толерантности, с другой (коэффициент корреляции Спирмана $r=0.252$, $p=0,001$). Но прежде чем делать окончательные выводы, необходимо было проверить влияние пола и возраста на данную взаимосвязь, поскольку группы отличались по своему составу. Чтобы исключить влияние данных факторов, мы провели расчет частной корреляции, которая позволяет определить, насколько связь между двумя переменными (в данном случае между специализацией в журналистике и позитивным отношением к толерантности) зависит от других параметров (таких как пол или возраст респондентов). Оказалось, что, хотя женщины и молодые люди более позитивно относятся к толерантности, чем мужчины и люди умудренные опытом, гендерные и возрастные различия все же не являлись главной причиной большей толерантности людей журналистской профессии, связь сохранилась и при фиксированных значениях пола и возраста (достоверность взаимосвязи после исключения вариаций по полу $p=0,003$ и вариаций по возрасту $p=0,014$). Таким образом, именно занятия журналистикой стали определяющим фактором более лояльного отношения к толерантности. Аналогичные результаты дало применение двухфакторного ANOVA, подтвердившего, что пол и возраст не влияют на данную взаимосвязь ни по отдельности, ни вместе.

До сих пор мы рассматривали отношение к толерантности на уровне понимания термина и оценки его идейного содержания. При всем различии в оценках между представителями аудитории и СМИ, это отношение в основном остается в рамках трактовки, задаваемой СМИ. Но какое решение примет индивид в условиях конфликта «старых» и «новых» ценностей, столкнувшись с откровенным противоречием, таким как «позитивная дискриминация»?

Согласно базовым ценностям гуманизма и демократии, дискриминация крайне негативное явление, грубое нарушение прав человека, и противозаконное и аморальное. Понятие «хорошей», «позитивной»

дискриминации является по существу оксюморонном, если не изменить отношение к самой дискриминации. Вследствие своей внутренней противоречивости, понятие «позитивная дискриминация», подобно медиавирусу, провоцирует собой мышления, позволяя внедрить в сознание идеи, которые иначе не были бы приняты [14]. Отношение аудитории к таким медиавирусам можно рассматривать как индикатор иммунной реакции общества на провоцируемые изменения.

Чтобы раскрыть характер реакции аудитории на данное понятие, мы предложили респондентам два вопроса: о справедливости позитивной дискриминации (вопрос 9) и о ее допустимости (вопрос 10). Вопрос о справедливости относился к сфере этики, принципов, а вопрос о допустимости — к сфере практики, реальной жизни. Согласно теории когнитивного диссонанса, человек стремится к внутренней согласованности, чтобы сохранить психическое равновесие. Сфера этики и сфера практики в условиях согласованности должны соответствовать друг другу: допустимо должно быть то, что справедливо, и недопустимо то, что несправедливо. Но так ли это в данном случае? Рассмотрим ответы респондентов на вопросы 9 и 10. Поскольку существенных различий между группами журналистов и нежурналистов в этом случае выявлено не было, в дальнейшем анализе фигурирует вся выборка в целом.

9. Если позитивная дискриминация — это (по определению) «предоставление преимущественных прав и привилегий меньшинствам, которые ранее были ущемлены в правах», то какова ее цель?

А. Это меры по восстановлению справедливости и достижению равенства.

Б. Это способ политически, морально и экономически ослабить большинство и продвинуть альтернативные идеи и группы.

В. Затрудняюсь ответить.

При ответе на этот вопрос мнения респондентов (166 чел.) разделились почти поровну между двумя альтернативами: 39,2% сочли позитивную дискриминацию несправедливой (ответ Б), а 39,8% — справедливой (ответ А). Остальные затруднились с ответом. Следующий вопрос касался допустимости позитивной дискриминации.

10. Считаете ли Вы допустимой позитивную дискриминацию?

А. Да, считаю это необходимым.

Б. Да, считаю это допустимым.

В. Считаю, что в редких случаях можно прибегнуть к такому неравенству.

Г. Нет, это недопустимо.

Д. Затрудняюсь ответить.

Отвечая на вопрос о допустимости позитивной дискриминации (ответы А, Б и В), в пользу дискриминации высказались уже почти 70% респондентов.

Категорически отказались признать легитимность дискриминации (ответ Г) 19,3%.

Но наиболее интересно соотношение ответов на вопросы 9 и 10 (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение ответов по вопросам 9 и 10 в процентах ко всей выборке (166 чел.)

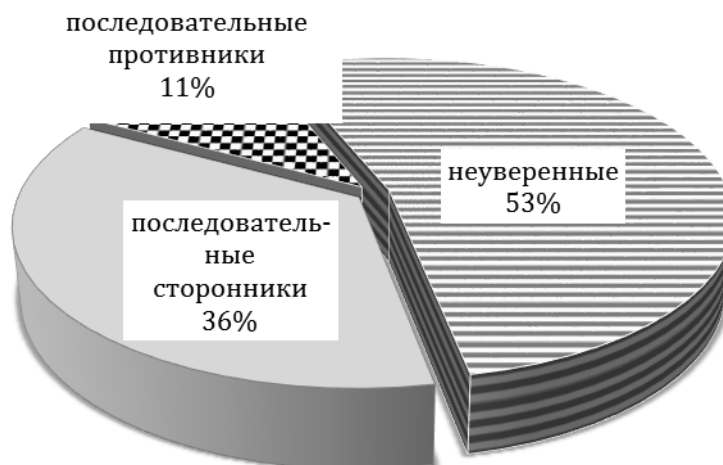
		Вопрос № 9 Справедливость позитивной дискриминации			
Вопрос № 10 Допустимость позитивной дискриминации	варианты ответов	несправедливо	не определено	справедливо	Итого
	недопустимо	11,4%	4,2%	3,6%	19,3%
	не определено	3,0%	7,8%	0,6%	11,4%
	допустимо	24,7%	9,0%	35,5%	69,3%
	итого	39,2%	21,1%	39,8%	100%

Как видно, более трети респондентов полностью приняли концепцию позитивной дискриминации («справедливо и допустимо» — 35,5%). 11,4% отвергли ее исходя из классических гуманистических установок («несправедливо и недопустимо»). Остальные, более половины (53,1%) не смогли сделать однозначного выбора. Причем четверть респондентов (24,7%) фактически согласилась с тем, что первоначально считали несправедливым. Этот результат может служить выразительным примером того, как

реагирует аудитория на запуск медиавирусов и как происходят изменения в общественном мнении. На диаграмме 3 видно, что большинство респондентов составляют «неуверенные»: в условиях ценностного конфликта они не могут ни окончательно принять, ни отвергнуть провокационный концепт, что делает их удобным объектом для дальнейшей идеологической обработки. Лишь десятая часть аудитории оказывается в состоянии противостоять переформатированию ценностей.

Диаграмма 3

Отношение респондентов к медиавирусу «позитивная дискриминация»

К сожалению, результаты опроса показали, что журналисты подвержены идеологическому воздействию даже больше, чем обычные люди, и в этих случаях не могут оказать должную и своевременную поддержку своей аудитории. Оказываясь на переднем крае информационной войны, журналисты зачастую становятся не только распространителями, но и первыми жертвами вирусных идеологем, подтверждая мнение К. Маркса о том, что продажа идей «обманывает не только покупателя, но часто и продавца» [15, 405].

Сегодня становится как никогда ясно, что внеш-

ней смуте сопутствует смута сознания, а геополитическим столкновениям предшествуют внутриспсихические конфликты. И если прав М. Булгаков, утверждая, что «разруха начинается в головах», то верно и то, что «нет исхода из смуты, пока не найдено адекватное состояние души» [16, 5]. А значит, для защиты аудитории и сохранения собственной адекватности журналисту необходимо поддерживать те ценности и смыслы, которые отвечают свободной природе человека, национальной идентичности и фундаментальным законам эволюции психики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков И. А. Политкорректность и толерантность как принципы современной политической коммуникации / И. А. Быков // Ценностное содержание журналистики: культура социальных отношений и межкультурное взаимодействие в обществе. Материалы научно-практической конференции. 22 октября 2008 г. СПбГУ, ф-т журналистики. — СПб, 2008. — С. 92–103. — Режим доступа: http://bykov.socionet.ru/public/Bykov_PolitCorrekt.html (дата обращения: 01.08.21).
 2. Водолазов Г. Г. Новый гуманизм (неогуманизм) как идеологическая парадигма XXI века / Г. Г. Водолазов // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2018. — № 2. — Режим доступа: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/689> (дата обращения 01.08.21).
 3. Красин Ю. А. Новый гуманизм: метаидеология инновационной модернизации социума / Ю. А. Красин // Мировой социально-политический процесс и идеология гуманизма XXI века. Российский гос. гуманитарный ун-т. — М.: Ru-science com, 2017. — С. 78–105. — Режим доступа: https://bstudy.net/674483/politika/novyy_gumanizm_metaideologiya_innovatsionnoy_modernizatsii_sotsiuma#150 (дата обращения: 01.08.21).
 4. Локк Д. Собрания: в 3 т. / Д. Локк. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988.
 5. Шляпентох В. Э. Проблема качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал / В. Э. Шляпентох. — М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
 6. Эко У. Миграции, терпимость и нестерпимое / У. Эко // Пять эссе на темы этики. — СПб.: Симпозиум, 2003.
 7. Andrews E. Cultural Sensitivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming / E. Andrews // American Speech. — 1996. — Vol. 71, № 4 (Winter). — P. 389–404.
 8. Chandler D. The Sapir-Whorf Hypothesis / D. Chandler. — Режим доступа: <http://www.aber.ac.uk/media/Documents/short/whorf.html> (дата обращения: 01.08.21).
 9. Хассен С. Освобождение от психологического насилия / С. Хассен. — СПб: Прайм-Евроник, 2001.
 10. Lifton R. J. (1989) Thought Reform and the Psychology of Totalism. University of North Carolina Press / R. J. Lifton.
 11. Зиновьев А. Глобальный человек / А. Зиновьев. — М., Центрполиграф, 1997. — Режим доступа: <https://politconservatism.ru/upload/iblock/2ba/2ba0523d98a2a1a579673a53a1ec519f.pdf> (дата обращения: 01.08.21).
 12. Ильницкий А. М. Против России идет ментальная война (интервью) / А. М. Ильницкий // «Прямая речь» с Анной Шафран. Телеканал «Спас». — 2021. — 30 марта.
 13. Смирнова О. В. Исследования медиа и журналистики в аспекте конфликтологии: системно-теоретические аспекты / О. В. Смирнова, М. В. Шкондин // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10. — № 1. — С. 5–21.
 14. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф. — М.: Ультра-культура, 2003.
 15. Маркс К. Капитал. Глава XIX / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. — Изд. 2-е. — Т. 24. — Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MARKS_Karl_ENGEL%27S_Fridrih/_Marks_K.,_Engel's_F._Sochineniya_Izd.2_.html (дата обращения: 01.08.21).
 16. Пронин Е. И. Experimentum crucis. Опыт креста / Е. И. Пронин, Е. Е. Пронина. — М.: Изд-во Икар, 2021.
- Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*
Пронина Е. Е., доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры периодической печати
E-mail: pronina.elena@gmail.com
- Стока К. Б., магистр журналистики*
E-mail: kamillaromashka3112@gmail.com
- Lomonosov Moscow State University*
Pronina E. E., Doctor of Philology, Candidate of Psychology,
Professor of the Periodical Press Department
E-mail: pronina.elena@gmail.com
- Stoka K. B., Master of Journalism*
E-mail: kamillaromashka3112@gmail.com

СПЕЦИФИКА ОВЕРЛЕЯ КАК ИНСТРУМЕНТА РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА СТРИМИНГОВОЙ ПЛАТФОРМЕ TWITCH

М. Г. Семенова, П. Э. Алексеев

Псковский государственный университет

Поступила в редакцию 27 июня 2021 г.

Аннотация: данная статья посвящена изучению типологического и функционального многообразия малоизученного инструмента рекламной коммуникации на стриминговой платформе Twitch. Авторы предлагают классификацию оверлейной рекламы и анализируют ее функции с учетом особенностей площадки и потребностей узко сегментированной аудитории, на которую ориентируется рекламодатель.

Ключевые слова: интернет-реклама, рекламный оверлей, стриминговая платформа, Twitch.

Abstract: this article is devoted to the study of the typological and functional diversity of the little-studied advertising communication tool on the Twitch streaming platform. The authors propose a classification of overlay advertising and analyze its functions, taking into account the characteristics of the site and the needs of a narrowly segmented audience that the advertiser is targeting.

Keywords: advertising overlay, online advertising, streaming platform, Twitch.

Интернет-реклама на платформе Twitch ранее не подвергалась изучению в отечественной науке, в то время как отдельные аспекты ее функционирования анализировались зарубежными исследователями [1; 2]. Оверлею как инструменту интернет-коммуникации посвящены немногочисленные публикации: учеными дано определение понятию «оверлей», проанализировано использование данного рекламного жанра для продвижения продуктов питания и напитков в Малайзии на сайте YouTube [3]. Данная форма охарактеризована как наиболее распространенная на видеоплатформах и размещаемая «на периферии видеоокна во время его (видео. — М. С., П. А.) воспроизведения» [4]. В качестве основного преимущества оверлея выделяют способность не прерывать просмотр видео [4], которая способствует распространению оверлейной рекламы на стриминговых платформах, несмотря на сниженный интерес молодежи к таким традиционным рекламным жанрам, как баннер, по форме близкий оверлею. Как видно, актуальность изучения специфики рекламного оверлея на стриминговой площадке Twitch обусловлена его функциональным потенциалом и неизученностью данного феномена зарубежными и отечественными исследователями.

Рассматривая виды оверлейной рекламы 2020–2021 гг. на Twitch в ходе анализа 90 популярных twitch-каналов, количество подписчиков которых составляет от 24,3 тыс. до 4,7 млн. человек, можно выделить статичные и динамичные, а также не предполагающие активности пользователя и интерактивные формы. Статичный рекламный оверлей чаще

всего имеет стандартную квадратную форму. Динамичные оверлеи представляют собой видеоролики и слайд-шоу различных рекламных баннеров или составляющих одного баннера. Перечисленные форматы зачастую не требуют активного участия пользователя, тогда как интерактивные оверлейные баннеры могут принимать вид викторины или игрового объекта, призывающего к определенному действию. Рассмотрим специфику рекламных функций оверлеев разных видов на примере наиболее показательных сообщений, продвигающих различные коммерческие бренды на платформе Twitch.

Трансляция рекламных оверлеев без попытки адаптировать их к особенностям площадки или к узким игровым интересам целевой аудитории довольно распространена на Twitch. Рекламодателями, которые избрали традиционный вид рекламного воздействия на молодежный сегмент своей аудитории, посещающий платформу Twitch, стали одновременно дома высокой моды, банки, крупные онлайн-кинотеатры, изготовители продуктов питания. Их послания адресованы в основном мужчинам (81,5% пользователей площадки), 55% которых находятся «в возрасте от 18 до 34 лет» [5, 335]. Ведущей игровой деятельностью пользователей платформы соответствует реклама женского парфюма Black Opium от Yves Saint Laurent в виде динамичного оверлея, повторяющая сообщение, созданное и для иных площадок. Описание аромата содержит формулировки «вызывает настоящую зависимость», «ароматы <...> провоцируют выработку адреналина...», «игра противоположностей» [6], которые органично связаны с тематикой Twitch. Рекламная кампания торговой марки чип-

сов Pringles основана на актуальной в июне-июле 2021 г., благодаря чемпионату Европы, футбольной тематике. Tinkoff, ориентированный прежде всего на интернет-аудиторию, в том числе на молодежь, запустил статичный баннерный оверлей с рекламной картой геймера ALL Games, которая позволяет получать скидки на приобретение игр, обменивать бонусы на игры и технику, размещать на карте вместо имени владельца никнейм. Упоминание об игре позволяет брендам, ориентированным на массового потребителя, лучше запоминаться специализированной аудитории благодаря креативному подходу с учетом ее интересов. В то же самое время участниками рекламной коммуникации на Twitch становятся и бренды, ориентированные на более широкую аудиторию, частью которой являются геймеры. Например, реклама премьеры сериала «Чикатило» в онлайн-кинотеатре Okko ориентирована на интерес молодежи и представляет собой статичный оверлей с изображением главного героя фильма, указанием на прокатчика и возрастное ограничение картины 18+. Статичные оверлеи доставок еды «БлинБери» со скидкой 20% на все меню по промокоду *olyashaa* и FARFOR.RU с указанием промокода *Nesus* — никнеймом стримера *JesusAVGN* — поддерживают интерес потребителя к рекламе. Как видно, статичные рекламные оверлеи ориентированы на массовую аудиторию интернет-среды, обращаются к игровому и потребительскому интересу потенциального потребителя и не требуют активности пользователя. Не препятствуя просмотру стримов, реклама в форме оверлея способствует росту узнаваемости брендов и продуктов у молодежи. Методом усиления рекламного воздействия оверлея выступает использование рекламных интеграций, в которых стример лично представляет продукцию брендов, и включение в рекламу промокодов, позволяющих получить скидку на продукцию. Кроме того, факт обращения компаний к специализированному каналу коммуникации свидетельствует об их открытости современным тенденциям, что является важной имиджевой характеристикой для аудитории Twitch.

Рекламные возможности стриминговой площадки наиболее ярко реализуются в оверлеях, адаптированных под особенности платформы. Реклама подобного рода стилистически — визуально, вербально — подстраивается под особенности игровой среды. Зачастую игровой интерес подается брендом как основная характеристика потребителя. Так, среди динамичных баннеров, состоящих из слайд-шоу изображений, показательным примером стало рекламное сообщение интернет-сервиса потокового аудио Spotify, направленное исключительно на геймеров. Оверлей содержит перечень доступных продуктов и призывает воспользоваться ими, опираясь на самоидентификацию представителей целевой ау-

дитории Twitch: «Открой игровой хаб Spotify. Русский рэп для гейминга. Электроника для гейминга. Инди для гейминга. Плейлисты от персонажей по играм и жанрам. Spotify: играй в своем ритме». Таким образом кампания подчеркивает, что с помощью сервиса игроки смогут насладиться музыкой, которая будет соответствовать их стилистическим предпочтениям и тематике игр. Динамичный оверлей в форме ролика жевательной резинки Dirol также адресован геймерам. Обращение «Гейминг в стиле Dirol. Играй больше! И выигрывай миллионы призов! Лови свежую тему рандома. Пиши Джек-Боту. Нырряй в промо» лексически подстраивается под сленг целевой аудитории, призывая принять участие в розыгрыше («лови свежую тему рандома») и промоакции («нырряй в промо»). Включая тему гейминга в оверлей, бренды выстраивают коммуникацию с аудиторией.

Широкие адаптивные и интерактивные возможности оверлея позволяют рекламодателям интегрировать его в контекст площадки. К примеру, оверлей киберспортивного турнира Adrenaline Cyber League размещался во время стримов у блогеров — лидеров мнений. Статичный оверлей с рекламой соревнования представлял собой стилизованную под общее оформление турнира плашку с пулевыми прострелами. Оформление соответствовало тематике игр: команды стримеров «сражались» в жанре шутер. Плашка была разделена на два блока: справа располагалось непосредственно название турнира, слева — слайд-шоу логотипов спонсоров Adrenaline Cyber League — производителей товаров и услуг для геймеров: «Яндекс. Плюс», GFN.RU, Zone 51, Skillbox, Adrenaline Game Fuel, AMD Ryzen/Radeon. Бренд Sprite стремился продвинуть продукцию в игровую среду вместе с премьерой игры Cyberpunk 2077. Стилистика оформления оверлея «нанотехнологична» и отражает футуристическую тематику игры. Баннер на экране призывал целевую аудиторию Twitch к участию в розыгрыше Cyberpunk 2077. Чтобы выиграть игровой мерч бренда, пользователям предлагалось поучаствовать в акции от компании «Магнит» и зарегистрировать код из-под крышек продукции Sprite и Mirinda на специальном промосайте. Слоган рекламной кампании — «Перезагрузись, освежись, играй» — демонстрировался на экранном баннере вместе с логотипами Sprite и компьютерной игры Cyberpunk 2077.

Игровой интерактив оверлея позволяет вовлечь пользователей в прямую онлайн-коммуникацию с брендом. Так, рекламное сообщение компании Bud Light приняло форму наполняющейся кружки безалкогольного пива, на изображение которой зрители Twitch-каналов должны были нажать определенное количество раз, чтобы выиграть платную подписку на стриминговые каналы. Кроме того, рекламная кампания позволяла пользователям получить раз-

личные «бонусы» при просмотре потокового вещания стримеров, размещавших оверлей. Интерактивный оверлей компании «Мегафон» «Прокачался до 14 lvl? Подключайся!» предлагал геймерам «кликать» на соответствующую иконку, чтобы совместными усилиями достичь 14-го уровня. Число символизировало возраст, по достижении которого можно стать абонентом компании «Мегафон». Призыв на интерактивном баннере поддерживался промокодами на просмотр фильмов на сервисе «Мегафон ТВ». Бренд жевательной резинки Five провел несколько игровых тематических викторин по игре-шутеру CS.GO. Они появлялись у каждого зрителя прямой трансляции на экране в режиме реального времени с помощью специального виджета — интерактивного оверлея. В течение получаса ведущий и стример проводили данную рекламную интеграцию и предлагали выигравшим пользователям поучаствовать в розыгрыше предметов виртуального инвентаря для игры CS.GO. Данный виджет награждал участников викторины «дополнительными жизнями», позволяющими после неправильного ответа продолжить игру. Для этого им необходимо было ввести код из упаковки жевательной резинки Five в специальное поле. Рассмотренные выше игровые оверлеи, рассчитанные на индивидуальную или командную активность геймеров, способствуют увеличению коммуникативной эффективности рекламных сообщений. Активное внедрение бренда в деятельность площадки посредством включения рекламных игр в стриминговое пространство и создания особых условий взаимодействия потребителя с товаром, при которых игрок превращается из наблюдателя в героя рекламной кампании, поддерживает интерактивную и коммуникативную функции рекламы. Кроме того, подобные оверлеи помогают пользователям отвлечься от прямой трансляции и развлечься во время нее, выполняя рекреативную функцию.

Как показал проведенный анализ, разнообразие видов оверлейной рекламы расширяет возможности брендов по воздействию на аудиторию посредством интерактивного мультимедийного рекламного контента, нативно интегрированного в площадку. Если статичный оверлей остается востребованным рекламным инструментом крупных брендов с универсальными товарами и услугами, желающих расширить молодежную целевую аудиторию, то инте-

рактивный динамичный оверлей, содержательно и формально соответствующий контексту площадки, способствует выстраиванию более качественной коммуникации бренда с геймерами. Этот вид рекламы способствует вовлечению потребителя в игровой процесс, созданный брендом, вызывая положительный отклик аудитории, подтверждением чему служит высокая частотность размещения динамичных оверлеев на Twitch-каналах, число подписчиков которых превышает 100 тыс. пользователей. Выполнение рекламными оверлеями коммуникативной, интерактивной и рекреационной функций способствует повышению таких показателей коммуникативной эффективности контакта компании с аудиторией, как узнаваемость и запоминаемость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Caitlyn G. Edwards. Prevalence and Comparisons of Alcohol, Candy, Energy Drink, Snack, Soda, and Restaurant Brand and Product Marketing on Twitch, Facebook Gaming, and YouTube Gaming / Caitlyn G. Edwards, Catherine C. Pollack, Sara J. Pritschet, Keally Haushalter, John W. Long, Travis D. Masterson // SocArXiv.— 2021, April 27.
2. Catherine C. Pollack. Prevalence and strategies of energy drink, soda, processed snack, candy and restaurant product marketing on the online streaming platform Twitch / Catherine C. Pollack, Jason Kim, Jennifer A Emond, John Brand, Diane Gilbert-Diamond, Travis D. Masterson // Public Health Nutrition.— 2020.— Volume 23. Issue 15.— P. 2793–2803.
3. Lee Ann Tan. What's on YouTube? A Case Study on Food and Beverage Advertising in Videos Targeted at Children on Social Media / Lee Ann Tan, See Hoe Ng, Azahadi Omar, and Tilakavati Karupaiah // Childhood Obesity.— 2018.— Vol. 14.— № 5.— P. 280–290.
4. Cheung, M.Y., S. Y. Ho. 2017. Characteristics of advertisements and interactivity of videos in online video websites // SIGHCI 2017 Proceedings. 2018. № 7.— Режим доступа: <https://aisel.aisnet.org/sighci2017/7> (дата обращения: 01.07.2021).
5. Чернявская А. Г. Особенности медиаплатформы Twitch / А. Г. Чернявская, И. И. Волкова // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей IV Международной научно-практической конференции: в 2 т.— Т. 2.— М.: РУДН, 2020.— С. 333–336.
6. Онлайн-магазин Yves Saint Laurent.— Режим доступа: <https://yslbeauty.com.ru/black-opium-promo> (дата обращения: 01.07.2021).

*Псковский государственный университет
Семенова М. Г., старший преподаватель кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного
E-mail: m.g.sem@rambler.ru*

*Алексеев П. Э., студент IV курса направления «Реклама и связи с общественностью»
E-mail: alexeev.pawel2013@yandex.ru*

*Pskov State University
Semenova M. G., Lecturer of the Philology, Communications and Russian as a Foreign Language Department
E-mail: m.g.sem@rambler.ru*

*Alexeev P. E., 4th year Student of the Direction «Advertising and Public Relations»
E-mail: alexeev.pawel2013@yandex.ru*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА СЕТЕВЫХ СМИ

О. А. Стрыгина

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 28 июня 2021 г.

Аннотация: в статье анализируются актуальные проблемы изменения языка сетевого медианпространства. Объектом исследования являются общие закономерности трансформации языковых средств в устной и письменной речи. Предметом изучения выступают особенности написания и использования терминов, связанных с интернет-коммуникациями. В работе анализируются случаи употребления новых понятий в сетевых СМИ. Делается вывод о влиянии глобальных процессов на развитие речевой культуры и о необходимости сохранения баланса между обогащением языка заимствованиями и сохранением нормативной классической русской речи.

Ключевые слова: сетевые СМИ, новые медиа, интернет-коммуникации, трансформация языка, неологизмы, глобализация.

Abstract: the current problems of changing the language of the network media space are analyzed in the article. The object of the research is the general regularities of the transformation of language means in oral and written speech. The subject of the study is the peculiarities of writing and using terms related to Internet communications. Cases of the use of new concepts in online media are analyzed in the scientific work. The author concludes that global processes influence the development of speech culture and that it is necessary to maintain a balance between the enrichment of the language by borrowing and the preservation of the normative classical Russian speech.

Keywords: online media, new media, Internet communications, language transformation, neologisms, globalization.

Одной из тенденций развития общества является изменение характера информации и механизмов ее распространения. Происходит модификация медиаконтента: популярность приобретают короткие видеоролики, текстовые сообщения в формате push-уведомлений, предполагающие прямое изложение фактов, иногда с использованием разговорного стиля речи или с применением неологизмов.

Невозможно представить развитие медиатехнологий без трансформации языка. С. Ю. Дрофа в работе «Трансформация языка в современном российском обществе» отмечает употребление заимствований (в основном англоязычных) как одну из наиболее распространенных проблем экологии современного русского языка [1]. Л. Коханова, С. Головкин, Н. Горбачева в статье «Трансформация языка современных СМИ под влиянием Интернета» рассказывают об исследовании факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, направленного на анализ студенческих журналистских работ с целью выявления трансформации языка под влиянием социальных сетей и блогосферы [2]. Вопросу медиалингвистики в контексте трансформирующихся медиа посвящена работа И. Дзялошинского «Медиалингвистика в контексте трансформирующихся медиа». Автор отмечает, что речевые дефекты перестают быть коммуникативными ошибками, а становятся ресурсом

формирования авторской индивидуальности [3]. Значительную роль в становлении медиалингвистики как самостоятельного научного направления, занимающегося системным комплексным подходом к изучению языка СМИ, сыграла работа Т. Добросклонской «Методология анализа медиатекстов в условиях конвергентных СМИ» [4].

Ежедневно пользователи сталкиваются с новыми, не всегда понятными им выражениями, нередко и сами становятся их авторами. Особенности словарного запаса отличают не только людей молодого поколения, прослеживается тенденция использования неологизмов и заимствованных слов представителями разных возрастных категорий.

Целью данной научной работы является анализ особенностей применения новых слов в текстах интернет-СМИ. Эмпирическую базу исследования составляют материалы СМИ, посвященные проблемам изменения языка интернет-медиа. Методологическую базу работы представляет сравнительный и аналитический методы, использованные для сопоставления написания заимствованных слов в разные периоды в зависимости от развития информационного общества. Проведена произвольная выборка на основе актуальности исследуемых материалов и актуальности темы.

Одной из тенденций современного информационного периода является изменение устной, а затем и письменной речи молодого поколения. В 2020 г. по-

пулярными словами среди молодежи можно назвать: «краш» — объект влюбленности, «кринж» — испытывать чувство стыда, «пранк» — розыгрыш, «вайб» — атмосфера, «шипперить» — приписывать кому-либо любовные отношения. Сетевые СМИ, ориентируясь на молодую аудиторию, повторяют новые слова, способствуют их вводу в лексику людей. В 2015 г. «Газета.ru» предлагала читателям узнать, «какие песни «шазамят» звезды» (Газета.ru, https://m.gazeta.ru/tech/news/2015/07/01/n_7338733.shtml). В «РБК Стиль» в июле 2020 г. вышла статья с заголовком «Какую музыку шазамили и слушали россияне в первой половине 2020 года» (РБК Стиль, <https://stylerbc.mirtesen.ru/blog/43402415237/Kakuyu-muzyku-shazamili-i-slushali-rossiyane-v-pervoy-pолоvine>).

Признаком развития языка новых медиа является изменение правил орфографии. Дискуссию на протяжении последних десятилетий вызывает написание слова «интернет». До 2012 г. правильным считалось написание только с прописной буквы при самостоятельном употреблении — «Интернет». Однако в материалах интернет-СМИ встречаются разные формы. Lenta.ru в статье пишет со строчной буквы: «Получив согласие, он выложил скриншот переписки в интернет» (ИА Lenta.ru, <https://lenta.ru/news/2011/12/08/vkontakt/>). В 2005 г. издание «РИА Новости» разместило материал о новых технологиях: слово «интернет» пишется с заглавной буквы: «Интернет-поисковик», «в сети Интернет» (РИА Новости, <https://ria.ru/20050120/2243223.html>). Появившись в конце 1990-х гг. в лексиконе россиян заимствованное Internet не склонялось, писалось латиницей с заглавной буквы. На сохраненной в архивах странице сайта клуба программистов Ocorpus 1997 г. обозначено: «OCTOPUS был создан для повышения компьютерной грамотности студентов, обучения программированию, работе с Internet и т.д.» (<http://web.archive.org/web/19970406155644/http://spy.isp.nsc.ru/ru/win/welcome.htm>). Как поясняет эксперт Есения Павлоцки в сюжете «Говорим и пишем по-русски грамотно» еженедельника «Аргументы и факты», в настоящее время предложено написание слова «интернет» как со строчной, так и с заглавной буквы, однако первое в текстах преобладает (Аргументы и Факты, https://aif.ru/society/education/internet_s_bolshoy_ili_malenkoy_bukvy_kak_pravilno).

С точки зрения медиаправа интерес представляет слово «фейк», то есть недостоверные сведения, выдаваемые за действительность. Несмотря на то, что в медиапространстве написание слова «фейк» встречается в основном правильное, в письменной речи некоторые пользователи пишут «фэйк». В статье «Коммерсанта» с заголовком «Fakenews вышли на первое место» говорится, что выражением года, по версии словаря английского языка Collins, в 2017 г. стало словосочетание fake news — фейковые новости. (Коммерсант, <https://www.kommersant.ru/doc/3459075>).

Издание Sports.ru в июне 2019 г. публикует статью с заголовком «Помните, Путин ездил на болиде «Формулы — 1»? Мы проверили — это фэйк» (Sports.ru, <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/autoflashbacks/2445270>).

В 2010 г. на сайте «Лента.ру» журналист Гассан Гуссейнов рассуждает на тему правильного написания слова «блогер». В статье «Блогеры против блогеров. Почему время терять второе «г» в этом слове пока не наступило» автор рассуждает о грамматических особенностях заимствованных слов (Лента.ру, <https://lenta.ru/columns/2010/03/31/blogger/>). Понятие «блогер» в нормативно-правовых актах не закреплено, однако именно в таком варианте написания оно встречалось в тексте документа № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты РФ по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [5]. Орфографический ресурс «Академос» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН определяет единственно верным написание с одной буквой «г»: блогер [6]. Однако профориентационный сайт «Профгид» предлагает пользователям статью «блоггерами», а сайт Swuper.ru имеет рубрику «Российские блоггеры». Ошибки в правописании не случайны: английское слово blogger пишется с двумя g. В русском языке удвоение корневого согласного перед суффиксами *-er* и *-ing* не происходит.

Актуальным является вопрос расстановки знаков препинания и использования смайлов. Для молодых людей написание точки в конце предложения при неформальном общении воспринимается как сигнал пассивной агрессии. Согласно исследованию Бингемтонского университета, студенты считают, что это знак неискренности. Подобного мнения придерживается лингвистка Гретхен Маккаллох, специализирующаяся на интернет-коммуникациях [7]. Знаки препинания при коммуникации в Сети могут выступать индикаторами эмоций. Скобки в конце предложения используются в качестве знака улыбки, например, «хорошо»). Неоднозначно пользователями трактуется многоточие, используемое в процессе интернет-коммуникации. Оно употребляется для имитации пауз или как знак недосказанности, задумчивости. Восклицательные и вопросительные знаки при общении могут заменять отдельные предложения, например, «???» — как комментарий в диалоге, требующий пояснения вышеизложенного.

Проявлением эмоциональной реакции на общение являются смайлы. Ежегодно некоммерческая организация «Консорциум Unicode», в чьем ведении находятся идеограммы и смайлы, представляет несколько десятков новых изображений. Так в конце 2020 г. были предложены изображения

смайлов с нейтральными гендерными признаками. Интернет-СМИ и сообщества используют смайлы для иллюстрации важных моментов текста. Изображение «календарь» — отсылка к дате, «восклицательный знак» — символ важной информации, «праздничная хлопушка» — поздравление.

Речевая культура современного человека является проекцией социально-политических процессов общества. В 2020 г. в речь вошли такие термины, как «коронавирус», «самоизоляция», «пандемия». В 2021 г. актуальными являются понятия о толерантности, правах человека, экологической безопасности. Устная и письменная речь формируется под влиянием социально значимых коммуникативных сфер — средств массовой информации, публичного культурного сообщества, профессиональных объединений. Если несколько десятилетий назад образцовой считалась классическая русская речь, то сейчас определяющими факторами являются простота изложения, актуальность и декодируемость. Наблюдается обогащение русского языка путем заимствования чаще, чем путем словообразования. Есть основание полагать, что тенденция появления неологизмов, в том числе англицизмов, сохранится в ближайшее десятилетие: английский является приоритетным иностранным языком для изучения в образовательных организациях, востребованной профессиональной компетенцией. Тем не менее классической русской речи уделяется внимание со стороны органов власти, лингвистов и филологов. Так, акция «Тотальный диктант» направлена на привлечение внимания СМИ и общественности к проблеме знания языка. Международная волонтерская программа «Послы русского языка в мире» призывает к популяризации русского языка, культуры и литературы. Нормативный русский язык — основа государственных документов и обращений, научных трудов. Представители публичных профессий, соз-

давая текст, готовя выступление, должны не только принимать и поддерживать тенденции языковой среды, но и умело использовать слова и выражения нормативной классической русской речи, сохраняя и приумножая богатство родного языка и транслируя отечественную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дрофа С. Ю. Трансформация языка в современном российском обществе / С. Ю. Дрофа // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2014. — № 2 (16). — С. 213–218.
2. Коханова Л. А. Трансформация языка современных СМИ под влиянием Интернета / Л. А. Коханова, С. Б. Головкин, Н. Д. Горбачева // Вестник Чувашского университета. — 2017. — № 2. — С. 236–244.
3. Дзялошинский И. М. Медиалингвистика в контексте трансформирующихся медиа / И. М. Дзялошинский // Гуманитарный вектор. — 2014. — № 4 (40). — С. 74–82.
4. Добросклонская Т. Г. Методология анализа медиатекстов в условиях конвергентных СМИ / Т. Г. Добросклонская // Развитие русскоязычного медиaprостранства: коммуникационные и этические проблемы: материалы Международной научно-практической конференции. — М., 2013. — С. 18–27.
5. Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты РФ по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/33472.html/> (дата обращения: 10.04.2021).
6. Орфографический академический ресурс «Академос». — Режим доступа: <http://orfo.ruslang.ru/search/word> (дата обращения: 09.04.2021).
7. Русская служба новостей BBCNews. — Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-49281869> (дата обращения: 16.04.2021).

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Стрыгина О. А., аспирант

E-mail: Olechka_strygina@mail.ru

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Strygina O. A., Postgraduate Student

E-mail: Olechka_strygina@mail.ru

ВОРОНЕЖСКОЕ РАДИО ДЛЯ ДЕТЕЙ: РАЗВИТИЕ ДЕТСКОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В СЕРЕДИНЕ ХХ СТОЛЕТИЯ

М. И. Цуканова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 июня 2021 г.

Аннотация: в данной статье рассказывается о «золотом периоде» в истории детского радиовещания Воронежа, развитии его образовательного и литературного направлений, поддержке юннатского движения; говорится о методах работы с юнкорами, взаимодействии редакции с аудиторией. Исследование охватывает период с 1946 г. по конец 1960-х гг.

Ключевые слова: радио для детей, детские радиопрограммы, воспитательная роль радио, образовательная роль радио, юнкоры, организаторская роль радио.

Abstract: this article tells about the “golden period” in the history of Voronezh children’s radio broadcasting, the development of its educational and literary directions, the support of the Young People’s movement; it talks about the methods of working with young people, the interaction of the editorial office with the audience. The study covers the period from 1946 to the late 1960s.

Keywords: radio for children, children’s radio programs, educational role of radio, educational role of radio, junkors, organizational role of radio.

Во второй половине 1940-х гг. установилась еженедельная (по четвергам с утра) периодичность выхода передач для пионеров и школьников. Основная направленность по-прежнему литературная: для детей делали подборки стихов, рассказы.

В 1946 г. некоторые детские передачи стал готовить заместитель председателя радиокomiteта, воронежский писатель Виктор Петров. Его программы можно назвать качественным прорывом в детском вещании воронежского радио. Это были циклы познавательных бесед на какую-то одну или несколько смежных тем. Так, в июле 1946 г. Петров рассказал об истории бумаги, в октябре — о карандаше и чернилах. В начале каждой следующей передачи цикла кратко напоминалось содержание предыдущей. Тексты некоторых своих радиопередач автор публиковал затем в газете «Пионерская правда».

Весной 1947 г. В. Петров провел с юными слушателями пять бесед «Путешествия по родному краю», в которых предлагал им в составе школьного пионерского отряда побывать «на прекрасном меловом берегу Дона в Давыдовском районе», в бобровом заповеднике на реке Усманка, в доме писателя Эртеля, находящемся в Малой Приваловке Верхне-Хавского района. Тексты этих передач написаны живым, легким для восприятия языком, в них много интересных подробностей и, в отличие от передач для детей других воронежских авторов, в ней есть прямые обращения к ребятам и вопросительные конструкции: «Почему дорога такая пестрая? — спросите вы?» (программа, посвященная Задонскому шоссе,

27 апреля 1947 г.). Виктор Петров словно ведет своих слушателей по дороге, попутно общаясь с ними: «Мы не пойдем с вами в Животинное. Мы пойдем дальше по шоссе. Но вот кто-то из наших спутников, случайно или неслучайно, но ставит такой вопрос: «А когда было построено это шоссе?» И вот тут-то вам придется побеседовать с руководителем путешествия об очень интересном периоде в истории развития нашей Родины.

Оказывается, Задонское шоссе начало строиться в эпоху Петра I, в годы, когда строился на реке Воронеж первый русский флот» [3, 28–30].

Столь же интересной и познавательной получилась у Виктора Петрова передача об осенних перелетах птиц. Кроме того, он выпустил серию образовательных передач «В помощь старшеклассникам», рассказав в них о творчестве А. Блока, М. Горького, Л. Толстого. Выход этих передач в эфир был соотнесен по времени со школьной программой по литературе.

Встречались среди программ В. Петрова познавательные концерты-беседы. Дети не только слушали песню, как, например, в музыкальных передачах Н. Кожевниковой, но и узнавали историю ее написания, с помощью ведущего старались глубже вникнуть в ее смысл.

Конечно, нельзя было обойтись без передачи о пионерах. Но и здесь В. Петров не забыл объяснить ребятам, что пионер — «это не просто маленький труженик и будущий коммунист. Слово “пионер” означает: первый, передовой, инициатор. Пионеры — это люди, открывающие новые пути, показывающие пример другим. В старину пионерами называли солдат саперных частей, которые шли впереди и прокла-

дывали войскам дорогу. Потом пионерами стали называть первых европейских поселенцев в Северной Америке. Наша страна имеет десятки и сотни людей, которые открыли новые методы организации труда. К ним относятся Алексей Стаханов, Мария Демченко и многие другие. Эти люди называются пионерами-новаторами труда» [2, 160].

Не всегда детские программы делал В. Петров, выходили передачи и других авторов — Н. Кожевниковой, И. Дановича. В этих случаях звучали рассказы и очерки из «Пионерской правды», беседы о комсомоле и отрывки из литературных произведений для среднего и старшего школьного возраста в актерском исполнении, составленные из грамзаписей концерты или выступления детской художественной самодеятельности.

Текст передачи «Как самому сделать детекторный радиоприемник» подготовил и прочел у микрофона начальник узлового радиовещания Давыдов. Он, насколько мог просто, объяснил пионерам и школьникам технологию изготовления некоторых деталей: «Основная часть в детекторном приемнике — это катушка настройки, или, как ее принято называть, самоиндукции. Для нее склеивается из картона цилиндр диаметром в 70 мм и длиной в 120 мм. На склеенный цилиндр наматывается катушка из проволоки в эмалевой, бумажной или шелковой изоляции толщиной в пять или шесть десятых миллиметра...» и т.д. Из уст профессионала-радиота такой язык в общении с юными техниками, в ту пору повально увлекавшимися изготовлением радиоприемников, можно, пожалуй, считать достижением. Передача была вызвана потоком коллективных и индивидуальных заявок на нее от школьников города и области, о чем автор не преминул сказать, прежде чем приступил к объяснениям.

Передачи для детей дошкольного возраста звучали не чаще одного раза в месяц и представляли собой, как и раньше, разучивание песен или трансляцию сказок. «По заявке ребят детского сада № 1 города Калача Воронежской области» (по крайней мере, именно так сказано в начале программы) передали сказку «У Сороки-белобоки нынче новоселье» в исполнении артистов Натана Эфроса и Петра Ярославцева. Но сказка оказалась чересчур короткой для 15-минутной программы, и к ней присоединили другую («О Пете — толстом ребенке» В. Маяковского) в том же исполнении и песенку П. И. Чайковского «Мой Лизочек так уж мал» (спел ее Сергей Лемешев), которая, по заверению ведущей Н. Кожевниковой, детям очень нравится [2, 179–182].

Когда Виктор Петров ушел из радиокомитета в Союз писателей, образовательные передачи для детей вновь почти исчезли из эфира. Появление их теперь вызывала зачастую лишь необходимость проконсультировать учеников перед экзаменами. Тогда к микрофону приглашали школьных учителей и ра-

ботников областного отдела народного образования, которые отвечали на вопросы ребят и их родителей.

В начале 1960-х гг. о жизни воронежских школьников рассказывали радиогазеты «Юный ленинец» и «Экран пионерских дел», знакомившие «с революционными делами партии и героикой коммунистического строительства» [1, 1], — как писал в одной из своих статей председатель областного комитета по радиовещанию и телевидению Б. Анохин. На самом деле, конечно, «революционные дела» и «героика строительства» не были главными темами детских передач. Редактор детских радиопрограмм Надежда Ивановна Коваленко старалась делать поистине разносторонние и интересные передачи, наладила стабильную обратную связь юных слушателей с редакцией, создала творческий и почти профессиональный коллектив юнкоров.

В то время в школах страны развернулась кампания по политехнизации обучения: вводились уроки труда, школы оснащались производственным оборудованием, и эта тема регулярно освещалась в детских программах.

Чуть позже в школах начался музейный бум. Создавались музеи боевой славы, истории школы, истории ближайшего предприятия. Обо всем этом регулярно рассказывалось в передачах. Например, рассказы о музее школы № 1 имени А. В. Кольцова «Красный Гангут» звучали и по местному радио, и в «Пионерской зорьке», и по Ленинградскому радио. На родине воронежских космонавтов К. Феоктистова и А. Филипченко открылись школьные музеи космонавтики, из них регулярно, из года в год 12 апреля шли репортажи и интервью.

Особая тема — юннатское движение. В каждой сельской школе был участок, на котором дети не только выращивали овощи для школьной столовой, но и производили опыты по заданию Областной станции юннатов и даже Академии сельскохозяйственных наук. Программы из цикла «Юные мичуринцы» периодически появлялись в эфире областного радио. С началом политехнизации появилась возможность летом работать на сельхозмашинах. О юных трактористах и комбайнерах Воронежской области рассказывалось в летних выпусках «Юного ленинца».

Во второй половине 1960-х гг. в школах, особенно в городских, начали создаваться клубы интернациональной дружбы. Завязалась оживленная переписка с зарубежными школьниками, в первую очередь — из стран социалистического лагеря. Повысился интерес к изучению иностранных языков. В эфире наложением на русский текст зазвучали стихи немецких классиков на их родном языке, записанные на вечерах и пионерских сборах, посвященных интернациональной дружбе.

Вообще, следует отметить, что по уровню использования специфических выразительных средств

радио детские программы лидировали. Звуки горна и барабана предваряли все репортажи с пионерских сборов города и области, репортажи из «Артека» и «Орленка», где отдыхали летом лучшие представители подрастающего поколения воронежцев, записывались на фоне шума волн, кадры отбивались друг от друга куплетами пионерских песен, подобранными в соответствии с содержанием материалов. Правда, иногда гром барабанов и тексты рапортов занимали, по нашему мнению, слишком много места в программе. Вместо них вполне можно было бы дать устную подборку сообщений из разных школ, но редактор детских передач Н. Коваленко считала эти шумы спецификой передач для пионеров и неохотно сокращала их время в эфире.

Однако, как нам представляется, в работе редактора детских программ Н. Коваленко все больше было достижений, чем недочетов. Полезным нововведением в организации работы редакции можно считать «Картотеку юных талантов», куда Надежда Ивановна в течение нескольких десятилетий своей работы на Воронежском радио заносила имена одаренных ребят со всей области. С помощью картотеки — нескольких фанерных ящичков с надписями «Юные музыканты», «Юные литераторы», «Юные художники» и т.п. — можно было проследить развитие и совершенствование воронежских дарований. Некоторые из них сейчас стали известными поэтами, музыкантами.

Редакция «Юного ленинца» организовала и провела множество литературных, исторических, шахматных, краеведческих конкурсов и викторин, в каждой из которых насчитывалось до сотни участников. Включались десятки школ и даже целые районы. Призы победителям зачастую делали сами школьники. Вместе с ними Надежда Ивановна провела не одну «специальную», среди которых — «Юные следопыты», «Малым рекам — большого друга» (1976), «Лесная аптека» (1978) и другие.

Н. Коваленко вела большую работу с письмами, много занималась с юнкорами. Удался ей и субботний педагогический цикл «Уроки Сухомлинского»,

где журналистка выступала как талантливый публицист и глубокий знаток детских душ. Надежда Ивановна обладала хорошими дипломатическими качествами и часто разбирала конфликты в школах, выезжая на место происшествия, при этом она тонко чувствовала ту грань, которая отделяет откровенность от бестактности, прямоту от прямолинейности. Благодаря этому радиогазета «Юный ленинец» была очень популярна и пользовалась заслуженным уважением школьников, учителей и родителей.

Радиогазета «Юный ленинец», в конце 60-х ставшая «монополистом» детского вещания в Воронеже, регулярно выходила в течение двадцати с лишним лет вначале один, а затем и два раза в неделю, время от времени «переезжая» то в утренний эфир, то в вечерний.

Редактор «Юного ленинца» курировала и школьные радиогазеты, выступала у них на заседаниях редколлегии, учила ребят владеть словом. Самых талантливых приглашала сотрудничать с областным радио. Ее воспитанник, ныне воронежский тележурналист Николай Колтаков с удовольствием вспоминал в личной беседе с автором данного исследования, как возглавляемая Надеждой Ивановной детская редакция допоздна засиживалась в телерадиокомитете. Вместе разбирали редакционную почту, на ошибках друга учились писать для радио, просто общались, пили чай. Почты было очень много, и с помощью ребят Надежда Ивановна делала обзоры писем, которые выходили в каждом выпуске областной радиогазеты. И юные журналисты, и юные слушатели доверяли Надежде Ивановне свои самые сокровенные тайны.

Теперь многие ученики Н. Коваленко — бывшие юнкоры — работают на Воронежском радио, телевидении и в газетах.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАВО, ф. Р-2348, оп. 1, д. 179.
2. ГАВО, ф. Р-2348, оп. 1, д. 134.
3. Анохин Б. Говорит и показывает Воронеж / Б. Анохин // Коммуна. — 1965. — 7 мая.

*Воронежский государственный университет
Цуканова М. И., кандидат филологических наук, доцент
кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации
E-mail: tsmi@yandex.ru*

*Voronezh State University
Tsukanova M. I., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Electronic Mass Media and Communication Department
E-mail: tsmi@yandex.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавливается словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.